

Ликвидация

The book cover features a central figure, a man in a Soviet military uniform, looking directly at the camera with a serious expression. He is wearing a dark uniform with red epaulettes and a peaked cap. In the background, several other men in similar uniforms are visible but faded, suggesting a historical or political context. The overall tone is dark and somber.

**ЮРИЙ
МУХИН**

**ЗА ЧТО И КАК
УБИЛИ
СТАЛИНА
И БЕРИЮ**

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)
М 92

Мухин Ю.И.

М 92 За что и как убили Сталина и Берию / Ю.И. Мухин.
– М.: Алгоритм, 2017. – 432 с. – (Ликвидация).

ISBN 978-5-906979-15-5

В своей книге Юрий Мухин продолжает расследование обстоятельств смерти Сталина и Берию в свете появившихся в последнее время дополнительных материалов.

В книге показаны не только мотив убийств и конкретные убийцы, но также все этапы заговора номенклатуры против советского народа: сплочение и поражение заговорщиков в 1930-х годах, новое сплочение после Великой Отечественной войны, прикрытие заговора «делом врачей», убийство вождей советского народа в 1953 году, и, наконец, полная победа заговорщиков над народом в 1991-м.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.4(2)

ISBN 978-5-906979-15-5

© Мухин Ю.И., 2017
© ООО «ТД Алгоритм», 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	6
Кратко о Сталине и СССР	17
1937: бой Людей и Животных	43
Убийство Сталина	61
Соккрытие партноменклатурой СССР факта убийства Сталина	155
Убийство Берии	289
Итоги расследования	367
Эпилог	402
Список имен и сокращений	424

«Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать».

В.И. Ленин. «Детская болезнь левизны в коммунизме»

ПРОЛОГ

Вы взяли в руки детектив, правда, с особенностями. В обычном детективе есть герой, который расследует преступление, а в этом детективе расследовать преступление будете вы, читатели. Автор, как милицейский опер, будет разыскивать факты для вашей следственной работы, а выводы вы делаете сами, невзирая на мои размышления.

Пара слов о фактах. Найти их не просто, поскольку у нас в России нет истории, а есть некие легенды, мифы, в которых история постоянно искажается в угоду то одному, то другому режиму. Поэтому, во-первых, чтобы дойти до улики самого преступления, нам потребуется разгрести кучи легендарного и мифического навоза, которые навалены на нашу историю, и только потом рассмотреть сами факты.

Во-вторых. Мотивы этого преступления для обычного человека чрезвычайно сложны, поскольку убийство было совершено высшими управленцами СССР, а в их действиях хотя и присутствуют корыстные мотивы, но в данном случае они отходят на второй план. Сталин был убит потому, что его убийцы хотели управлять Советским Союзом так, как они хотели, а не так, как хотел Сталин. Поэтому невозможно понять мотивы убийства Сталина, не поняв, как в те годы управлялся СССР, кем он управлялся и какие инте-

ресы были у его управленцев — как управлял страной Сталин и как хотели управлять его убийцы.

Из-за этой, по сути, подготовительной работы некоторым читателям первые главы могут показаться слишком общими и очень далекими от самого факта убийств, но мы обязаны рассмотреть, кем был персонаж этой книги, чего он хотел и в каких условиях действовал.

Когда историки спорят между собой, отстаивая легенду, за которую им платят, то они, даже невольно, факты искажают. Поэтому я, как опер, буду стараться доставить вам факты тех историков, кто в своих трудах опровергает ту версию, что будет выстраиваться у нас, иными словами, тех, кто клеветит на Сталина. Это не всегда возможно, но я буду стараться, так как в этом случае мы будем знать, что если данный факт и извращен, то он извращен не в пользу нашей версии, и если при этом данный факт нашу версию подтверждает, то значит, так оно и есть.

Я буду писать о Сталине, но работа, как я ее продумал, будет, вероятнее всего, не о нем, а о его попытке отстранить ВКП(б)-КПСС, этого гиганта с гниющей головой, от практического руководства государством. Это была попытка не только спасения государства, но и спасения партии коммунистов, попытка превращения ее в чисто элитарную, интеллектуальную силу страны.

В конце 80-х безмозглый Горбачев, марионетка в руках алчной партийно-государственной номенклатуры, провел в стране перестройку в ее пользу — дал этой номенклатуре разворовать СССР. В конце 1952 г. на XIX съезде ВКП(б) Сталин также начал перестройку, но это была перестройка в пользу народа — Сталин начал тогда отстранять партийную номенклатуру от государственной кормушки. То, что это было так, и явилось причиной, вызвавшей необходимость превратить Сталина и Берию в монстров на XX съезде КПСС. Перестройка Сталина и по сей день является тайной, в книге мы ее рассмотрим и подтвердим во всех возможных подробностях, которые сами по себе, в отдель-

ности, являются детективными сюжетами. А сейчас в подтверждение этой мысли я хочу обратить ваше внимание на ряд принципиальных моментов истории СССР и России, которые невозможно объяснить, если не знать о целях того, что сделал Сталин в 1952 году.

Для молодых напомним, что весной 1953 г. умер (по официальным версиям) глава правительства СССР и одновременно, долгое время, генеральный секретарь правящей (и единственной) коммунистической партии Советского Союза — И.В. Сталин. Через три месяца был убит и после смерти обвинен в заговоре один из заместителей Сталина как главы государства — Л.П. Берия.

В 1956 г. КПСС собралась на очередной XX съезд, и в конце съезда вдруг прозвучал доклад тогдашнего первого секретаря ЦК КПСС Н.С. Хрущева, смыслом которого было, что Сталин — негодяй, который вместе с Л.П. Берией держал в страхе весь советский народ и убивал его, и убивал. Это было настолько несуразно, что делегатам съезда не дали этот доклад обсудить — сразу после доклада съезд был закрыт. После этого вся пресса СССР, полностью находившаяся в руках номенклатуры КПСС — в руках Хрущева, стала навязывать и навязывать народу и миру миф о тиранине Сталине и его «культе личности».

Дикость и подлость этого мифа заключалась в том, что вся верхушка партии и государства была учениками и соратниками Сталина, при его жизни неимоверно хвалила и возвеличивала его и, главное, это они все делали в стране своими руками. Если что-то и совершалось в стране преступное или нехорошее, то делалось это не Сталиным, а руками этой верхушки, и она, видя, что делает, могла этого не делать. Но делала! А потом вдруг обвинила во всем этом Сталина?!!

Поразительно то, что к тому моменту не прошло и 10 лет после того, как Нюрнбергский трибунал осудил и приговорил к повешению номенклатуру фашистской Германии, хотя она на процессе доказывала, что только исполня-

ла приказы Гитлера. А советская номенклатура вдруг сама объявляет те приказы Сталина, которые она исполняла, преступными и, следовательно, она преступна. Но ведь номенклатура СССР не была сумасшедшей, и раз она на этот позор пошла, то значит, ей это было нужно. Очень нужно! Зачем?!!

Находясь во главе СССР чуть ли не 30 лет, Сталин принял сотни тысяч хозяйственных, военных, кадровых и иных государственных решений. Наверняка при таком количестве у него могли быть сотни ошибочных решений, которые при желании можно было бы выдать за преступления. Но партийные боссы пошли по невероятному пути — они вынуждены были оклеветать Сталина и его заслуги превратить в преступления. О чем говорит этот факт? Только о том, что партийные функционеры не сумели ничего найти в 30-летней деятельности Сталина, чтобы дискредитировать его. Для сравнения. Всего за 10 лет нахождения у власти Хрущева партийная верхушка без проблем нашла причины его снять, обвинив в нанесении СССР убытков: путем тупой распахки целины, путем тупого распространения на север посевов кукурузы, путем реорганизации общесоюзных министерств в совнархозы. А для Сталина за 30 лет его работы пришлось выдумывать такую гадость, которая несмыслаемым пятном позорила не только делегатов XX съезда, но и каждого коммуниста.

Вдумайтесь, кем предстали все соратники Сталина? Тупым и трусливым быдлом, которое Сталин запугал настолько, что это быдло из-за страха смерти начало творить преступления в угоду Сталину. Член Политбюро при Сталине и соратник Хрущева по дискредитации Сталина А.И. Микоян, уже свыкшийся с амплуа трусливого подонка, попытался объяснить китайским коммунистам свое поведение и написал маршалу Пэн Дэхуаю: *«Проговорись кто-нибудь из нас раньше времени, и мы бы отправились на тот свет»*, на что китайский маршал бросил ему презрительно: *«Какие же вы коммунисты, если так боитесь смерти?»*. Глу-

бина подлости партийной номенклатуры, на которую той пришлось пойти в клевете на Сталина, многократно усиливалась тем, что эта верхушка прекрасно знала, что не Сталин, а они, тогдашние секретари обкомов, являлись инициаторами той части репрессий, в которой и было допущено наибольшее количество несправедливости, что это не Сталин, а они выносили несправедливые приговоры, что это Сталин их сдерживал, а они хотели убивать все больше и больше. Вот, к примеру, такой документ.

*«ЦК ВКП(б) — товарищу Сталину И.В.
10 июля 1937 г.*

Сообщаю, что всего уголовных и кулацких элементов, отбывших наказание и осевших в гор. Москве и Московской области, учтено 41305 чел. Из них уголовных элементов учтено 33436 чел.

Имеющиеся материалы дают основание отнести к 1-й категории уголовников 6500 чел. и ко 2-й категории — 5272 чел.

Кулаков, отбывших наказание и осевших в г. Москве и районах области, учтено 7869 человек.

Имеющийся материал дает основание отнести из этой группы к 1-й категории 2000 чел. и ко 2-й категории — 5869 чел.

Комиссию просим утвердить в составе тт. Реденс — Нач. Управления НКВД по М.О., Маслов — Зам. прокурора Московской области, Хрущев Н.С. — Секретаря МГ и МГК с правом, в необходимых случаях, замены т. Волковым А.А. — вторым секретарем Московского Горкома.

Секретарь МК ВКП(б) Н. Хрущев».

Обратите внимание на два момента. Суды из начальника НКВД, прокурора и секретаря обкома назывались «особой тройкой», «чрезвычайной тройкой» или просто «тройкой». А Хрущев, предлагая персонально членов тройки, называет ее почему-то «комиссией». Почему?

Потому, что на момент просьбы Хрущева о репрессиях Политбюро и Сталин еще не приняли о них решения, еще не согласились с ними и, соответственно, не дали названия репрессивному органу, — Сталин все еще думал. И приказ НКВД о начале репрессий и о том, как и кому их проводить и как назвать этот суд, появился только через 20 дней после того, как Хрущев запросил себе право убить первых 8500 человек.

Второе, репрессиям подлежали не только уголовники и кулаки, но и члены повстанческих, антисоветских и националистических организаций, члены не прекративших антисоветскую деятельность партий и белогвардейских объединений, члены политических банд, каратели и т.д. А Хрущев просит только из первых двух отрядов «пятой колонны» — кулаков и уголовников — расстрелять 8,5 тысячи. А 30 июля 1937 года ему было разрешено расстрелять всего 5 тысяч членов «пятой колонны» всех категорий, а выслать 30 тысяч. Оцените кровожадность Хрущева и страх его перед свободными выборами, вводимыми Сталиным в «Сталинскую» Конституцию СССР. Хрущев ведь и потом просил и просил увеличить по Москве и Московской области лимиты на расстрелы и, в конце концов, расстрелял-таки 8500 человек.

А вот и сподвижник Хрущева А.И. Микоян, который уверял китайских коммунистов, что если бы он выступил против репрессий, то Сталин его тут же бы расстрелял, поэтому честный Микоян должен был молчать. Нет, не молчал Анастас Иванович, баллотировавшийся тогда в Верховный Совет СССР в Армении, наоборот — кричал:

*«ЦК ВКП(б) т. Сталину, Наркомвнудел т. Ежову.
...Для действительной очистки Армении просим разрешить дополнительно расстрелять 700 человек из дашнаков и прочих антисоветских элементов. Разрешение, данное на 500 человек первой категории, уже исчерпывается.*

Микоян, Маленков, Литвин».

Еще раз зададим себе вопрос. И Хрущев, и Микоян, и Маленков, и сотни их коллег по партии не могли не сознавать, что, клеветая на Сталина, они становятся подлецами в крайней степени, такими подлецами, что им не только честным людям, но и самим себе должно было бы быть стыдно в глаза смотреть. Но они на это пошли. Почему?

У хрущевцев и дегенератов на этот вопрос есть стандартный ответ: потому, что коммунистам очень надо было разоблачить культ личности Сталина, чтобы в дальнейшем партия всегда управлялась коллегиально, а не одним человеком, который заставлял всех себя восхвалять. Иными словами, хрущевцы, якобы, не хотели допустить, чтобы после XX съезда кто-то заставлял писателей возвеличивать себя в романах и повестях, режиссеров — в фильмах, историков — в их работах, журналистов — в их газетах и журналах.

Поэтому давайте немного о том, как Сталин заставлял себя восхвалять.

Передо мной подшивки журнала «Красноармеец», издававшегося Главным политическим управлением Красной Армии, т.е. подшивки главного солдатского журнала той войны. Подшивки за 1943 и 1944 годы. Шла война и, сами понимаете, я ожидал, что в главном солдатском журнале мне, по меньшей мере, в каждом номере должен был встречаться портрет Верховного Главнокомандующего — это ведь обязательно для воюющих армий любых стран.

Возвеличивание своего главнокомандующего и дискредитация командования противника — это один из главных приемов боевой военной пропаганды. Скажем, немецкая еженедельная кинохроника тех лет каждый выпуск начинала с показа Гитлера или лидеров союзных Германии стран.

В каждом из 24 номеров «Красноармейца» за данный год давалось до 50 фотографий самых различных лиц: от рядового солдата до маршала Жукова, от писателей до генерал-лейтенанта Н.С. Хрущева, от рабочего до бывшего врага народа инженера Рамзина. Казалось, можно было бы

найти в этом журнале место и для портретов Сталина, чтобы возвеличить его, чтобы раздувать его «культ личности».

Так вот, просмотрев за 1943 год почти 1200 фотографий, можно увидеть, что редакция журнала всего один раз нашла место для портрета И.В. Сталина — его рисованный карандашом портрет украсил стихи в честь 25-летия Красной Армии.

В 1944 году возвеличивание Сталина возросло: портретом Сталина украшена обложка первого номера; его портрет помещен в апрельском номере, посвященном 25-летию самого журнала (на страницах с поздравлениями журналу); портрет Сталина и в октябрьском номере, в котором Красной Армией поставлена боевая задача Верховного Главнокомандующего: «Добьем врага в его логове!» — и, наконец, есть его портрет в декабрьском номере, подгадавшем под 65-летие самого Сталина, о чем, впрочем, в самом номере не сообщается. И это что — культ личности и страх перед Сталиным творческой интеллигенции?

Но вот наступила хрущевская «свобода», культ личности и Сталина, и как таковой был разоблачен, в прессу хлынули «шестидесятники». Беру изданную в то время «Историю Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941 — 1945», открываю 3-й том (издан в 1964 году), описывающий примерно тот же период войны (ноябрь 1942 г. — 1943 г.). В нем 148 фотографий. Есть и одна фотография Верховного — не смогли Сталина отрезать от Рузвельта и Черчилля на совместном фото о результатах Крымской конференции союзников. А на 7 из этих 148 фотографий и рисунков изображен главный борец с культом личности, скромный член Военного совета фронта в те годы, генерал-лейтенант Н.С. Хрущев. Вот вам и оттепель, вот вам и борьба с культом личности!

Как сравнишь эти числа — одно фото из 1200 и семь из 148 — так и начинаешь понимать, почему всех свободолюбивых писателей, журналистов, историков и поэтов, которые при Хрущеве гордо называли себя «шестидесятника-

ми» и которые зарабатывали деньги на клевете о Сталине, сегодня нежно зовут «шестидесятами».

XX съезд вызвал за границей бурю. Резко ухудшились отношения не только с уже пришедшей к власти компартией соседнего Китая, сотни тысяч коммунистов во всех странах мира стали покидать свои компартии.

К примеру, в начале 50-х сенатор Франции, генеральный секретарь французской коммунистической партии Морис Торез мог на всю страну заявить, что если правительство Франции попробует начать войну против СССР, то французские коммунисты начнут партизанскую войну против такого правительства, и французы относились к таким заявлениям коммунистов с пониманием. Но после XX съезда КПСС тираж газеты французских коммунистов «Юманите» упал с миллиона в 1956 г. до 80 тыс. в 1957 г., а число коммунистов во французском парламенте — со 150 до 7. Спецслужбы Запада тут же спровоцировали антисоветское восстание в Венгрии, престиж СССР — победителя фашизма — резко упал. И организаторы борьбы с «культом личности» не могли не предвидеть этого и, тем не менее, на это пошли. Зачем?!

Официально было объявлено, что это сделано для того, чтобы исправить ошибки и преступления «культа». Какие?

Перестройка Сталина была ликвидирована, структурно управление страны и партии не изменилось ни на грамм, ни на миллиметр.

Стали выпускать из заключения людей, осужденных за измену Родине. Но если так уж приспичило их выпустить, то кто мешал это сделать без «разоблачения культа»?

Кто мешал исправить судебную систему так, чтобы исключить или затруднить вынесение ошибочных или заведомо неправосудных приговоров? Но ведь именно это и не было сделано — наоборот! Начиная с генерального прокурора Руденко (1953 г.), правосудие стало комплектоваться мерзавцами, исполняющими не волю закона, а волю ЦК КПСС, чего и близко не было при Сталине. Так зачем же к позору этого беззакония надо было добавлять и позор «разоблачения культа»?

Официально объявлено, что началась «хрущевская оттепель», под которой имеют в виду некую «свободу слова». Но эта свобода была дана только писакам, льющим грязь на Сталина, т.е., по сути, это была все та же пропагандистская кампания «разоблачения культа». Остальным нагло заткнули рот.

Свобода слова по сравнению со временами Сталина была пресечена самым жестоким образом. При Сталине свободно велись дискуссии по всем основополагающим вопросам бытия: по основам экономики, общественной жизни, науки. Критиковалась вейсмановская генетика, теория относительности Эйнштейна, кибернетика, устройство колхозов, жесточайшим образом критиковалось любое начальство страны. Достаточно сравнить, о чем писали сатирики тогда и о чем начали писать после XX съезда.

Если мнение человека предлагалось обществу не для подрыва Советской власти в СССР, то это мнение высказывалось абсолютно свободно, даже если оно было глупым. Такой пример. Кораблестроитель, дворянин, академик А.Н. Крылов, выступая в поддержку терпящего научный крах академика из дворян Н.И. Вавилова и против набиравшего авторитет ученого из крестьян Т.Д. Лысенко, на заседании одной из комиссий Академии наук СССР в 1938 г. откровенно врал: *«Так Н.И. Вавилов творит в этой области (вейсмановской генетике. — Ю.М.) изумительные вещи, разводя, например, пшеницу за Полярным кругом (какую? где? — Ю.М.). И эта брехня без изменений вошла в сборник его очерков, изданный в 1945 г., хотя на тот момент Т.Д. Лысенко был уже президентом академии сельхознаук, а Н.И. Вавилов умер в тюрьме, осужденный за измену Родине. Почему разрешалось такое писать? Потому что это был пусть и лживый, но довод научной дискуссии, а в научных дискуссиях никто и никому рот не затыкал.*

После смерти Сталина положение со свободой слова настолько резко ухудшилось, что никто не смел и строчки написать с сомнением в деятельности Хрущева, «на ура» проходил любой научный и экономический бред: ликвида-

ция МТС, безумие целины, посадки кукурузы, реорганизация министерств в совнархозы и обратно, ликвидация приусадебных участков и т.д. и т.п. В науке официально была запрещена критика теории Эйнштейна, обанкротившейся вейсмановской генетики* и бесславно сдохшей, никому не нужной кибернетики.

Положим, верхушке государства и партии было очень надо заткнуть людям рот. Ну, сделали бы это, раз очень захотелось, Сталина-то зачем для этого поносить?

Да не имел Хрущев такого авторитета, чтобы навязать свое мнение остальной верхушке управления СССР, кроме того, не в Хрущеве дело: попытки измазать Сталина и Берия грязью были почему-то нужны по меньшей мере всему руководству страны, и оно ради этого было готово на любые моральные и политические потери. Почему?

Ни одна из вышеуказанных, признанных сегодня в истории версий и гипотез на этот вопрос ответа не дает. Наиболее полный ответ таков: Сталин, а после него Берия, хотели сделать нечто, что в корне не нравилось остальным политикам СССР. И это «нечто» со временем, с разборкой архивов Сталина, с живым Берией могло постепенно всплыть и овладеть умами в народе, чему, безусловно, способствовали бы имевшийся авторитет и одного, и другого. Поэтому и возникла необходимость смешать с грязью обоих, чтобы даже ссылка на них вызывала у людей неверие и отвращение. Только такая гипотеза объясняет произошедшее. Ею мы и займемся.

Итак, представим себя следователями или, что еще проще, присяжными заседателями в суде и начнем анализировать накопленный по делу фактический материал.

* То, что называется генетикой сегодня — это совершенно не те представления о наследственности, которые назывались моргановской и вейсмановской генетикой до 1955 г.

КРАТКО О СТАЛИНЕ И СССР

ОРГАНЫ ВЛАСТИ СССР

Когда затихли бури Гражданской войны в России 1918—1920 годов, мятежи, восстания и неизбежные реорганизации, то система управления СССР оказалась двойной. По тогдашним конституциям, правда, это плохо видно, поскольку по ним управление СССР теоретически было наиболее народным (наиболее демократичным) и в мире, и, пожалуй, в истории. Описанная в этих конституциях власть везде была одинарна и называлась она «Советской», но в чистом виде этой власти не было.

Да, население страны избирало тайным голосованием депутатов высшего законодательного органа страны — Верховного Совета. Депутаты Верховного Совета («Советская власть») принимали законы страны и назначали Правительство СССР — Совет Народных Комиссаров (с 1946 г. — Совет Министров). Правительство руководило страной: организовывало всех на исполнение Законов и Указов Верховного Совета, т.е. «Советской власти».

Правительство состояло из народных комиссариатов (министерств), руководили ими народные комиссары (министры), их всех возглавлял председатель Совета Народных Комиссаров (председатель Совета Министров) — глава страны. Персонально главами СССР от Октябрьской революции по смерть Сталина были: В.И. Ленин — по 1924 г., А.И. Рыков — по 1930 г., В.М. Молотов — по 1941 г., И.В. Сталин — по 1953 г.

Верховный Совет СССР в полном составе (все депутаты) собирался на свои сессии не реже двух раз в год, в промежутках законодательную власть осуществлял (менял министров, издавал указы и т.д.) Центральный Исполнительный

Комитет Верховного Совета. В 1938 г. он был переименован в Президиум Верховного Совета СССР. Председателями ЦИК (Президиума) были: Я.М. Свердлов — по 1919 г., М.И. Калинин — по 1946 г., М.К. Шверник — по 1953 г., в 1953 г. — К.Е. Ворошилов.

Так большевики задумывали власть, так они и начали ее организовывать. Т.е. члены партии большевиков агитируют население, объясняют ему выгоды социализма и коммунизма; воодушевленное население избирает большевиков или сочувствующих им депутатами в Верховный Совет, а Верховный Совет принимает социалистические законы и планы, назначает социалистическое правительство.

Схема очень простая, очень ясная и безусловно работоспособная, но после реального взятия власти (силового захвата в 1917 г. министерских постов в России) у большевиков с этой схемой ничего не получилось. И вот по каким объективным (не зависящим от них) причинам.

Во-первых. Хотя в связи с общинной формой землепользования Россия действительно была одной из наиболее готовых для социалистических преобразований стран, но все же социалистический отказ от стяжательства, от алчности не сидел в населении глубоко. Как бы ни агитировали население немногочисленные большевики (к которым после прихода к власти, как водится, немедленно примазались и все мерзавцы), но гарантировать, что население изберет коммунистически настроенных депутатов, было нельзя.

(Поэтому, кстати, всеобщее равное избирательное право было введено только Конституцией 1936 г., а до этого практиковалось и лишение избирательных прав, и непропорциональное избирательное право: от рабочих, которые по теории считались базой ВКП(б), избиралось больше депутатов, чем от крестьян.)

Во-вторых. Министры-коммунисты — это еще не вся система власти, кроме министров для власти требуются и сотни тысяч чиновников-специалистов. Своих чиновников

у большевиков не было, а царские отнюдь не собирались в одночасье стать коммунистами и отказаться от алчности и стяжательства. То есть какие бы коммунистические законы Верховный Совет ни принимал, аппарат управления страной не спешил организовывать население на исполнение этих законов.

Поэтому практически немедленно после взятия власти большевики были вынуждены установить за чиновничьим аппаратом России (от аппарата армии до аппарата пенсионного обеспечения) контроль. Сначала при помощи представителей коммунистического правительства — комиссаров. Но это была полумера, поскольку комиссары действовали в одиночку и им не на кого было опереться.

И вот тогда большевики вынуждены были пойти на единственно возможную меру: они реорганизовали свою партию во всеобъемлющую организацию контроля за властью. Если отвлечься от причин, по которым они вынуждены были на это пойти, и рассматривать это академически, *in vitro* (в пробирке), то это было двойным преступлением — и против власти, и против партии. Но другого выхода не было.

Почему это преступление против власти? Потому что основа любой власти — единоначалие. Только при единоначалии у власти есть ответственные. При двух начальниках над одним делом — официальном и контролере за ним, — называй их хоть тысячу раз ответственными, ответственность за дело исчезает. Не поймешь, кто отвечает: то ли тот чиновник, кому поручил дело, то ли тот контролер, который указывал чиновнику, как дело делать. Контроль — это наиболее яркий признак бюрократизации системы управления (при делократической системе управления исполнителя контролирует тот, для кого он делает дело). Однако в те годы, то есть сразу после взятия большевиками власти, на коммунистических контролеров за чиновниками можно было пойти, и не только потому, что большевики, как, впрочем, и остальные, ничего не знали о делокра-

тической системе управления. Дело в том, что большевики несли в то время единственную и полную ответственность за результаты своего правления, а чисто государственные чиновники — нет!

Поясню. Вот, к примеру, в ходе Гражданской войны 1917—1920 гг. чиновники железнодорожного ведомства России на службе у большевиков. Скажем, из-за плохого управления ими станцией или дорогой войска белой армии, противника большевиков, или восставшие крестьяне захватят эту местность, эту станцию или дорогу. Что сделают белые или мятежные крестьяне с железнодорожниками? Да ничего, железнодорожники будут точно так же работать на своих местах и при белых, и при мятежниках. А что они сделают с контролировавшими этих железнодорожников коммунистами? Правильно — повесят! Для большевиков-контролеров наступит момент очень большой ответственности за собственную плохую работу и за плохую работу контролируемых чиновников. Поэтому в тот момент истории России именно такое двоевластие было оправданным, поскольку контролеры-коммунисты отвечали за дело в большей мере, чем его исполнители. Но отвечали по факту, а не по осмысленным государственным законам, повторю, по конституциям страны такой **контроль коммунистов над органами Советской власти не был предусмотрен**. Прошу читателей это запомнить.

Двойная система управления вела к следующему: как только минуют исторические условия для двоевластия, как только быть коммунистом станет делом безопасным, уродство двоевластия — безответственность — немедленно проявит себя и со временем разрушит всю систему управления страной. Поэтому я и назвал контроль ВКП(б)-КПСС за органами Советской власти преступлением против власти как таковой.

Почему превращение партии в контрольный орган было преступлением против партии? Потому что по своей основе партия — это интеллектуальная и моральная элита страны, ведущая весь народ вперед. Как мечтал Сталин,

партия коммунистов должна быть чем-то вроде ордена меча — фанатиков святой веры. Но для этого каждый коммунист должен был очень много знать обо всем в мире, чтобы на основании этих знаний составить представление о будущем — о том, куда коммунисты ведут людей. А много знать обо всем — это не столько трудно, сколько многим не интересно. (Им интересно знать, как побольше хапнуть, как поменьше работать и т.д.)

Так вот, контролеру при его спокойной и безопасной жизни можно знать только о том, что он контролирует, а при полном обюрокрачивании системы управления — и этого не надо. Быть контролером в тысячи раз легче, чем работать самому, чем быть тем коммунистом, о котором мечтал Сталин. А поскольку реально в партии места контролеров — это места партийных начальников, то превращением ВКП(б) в контролирующую партию Ленин и Сталин над всеми коммунистами навесили дамоклов меч: при первой же возможности управление партии, ее номенклатура, превратится в собрание тупых, ленивых и алчных мерзавцев.

Но опять-таки для того момента истории это было не страшно из-за той смертельной ответственности, которая нависала над партфункционерами в случае потери ими власти. И они это знали, они знали, что мерзавцы в партии могут погубить всех, поэтому партия регулярно чистилась от мерзавцев (недостойные изгонялись из партии) и делала это при всем народе, на открытых собраниях, чтобы завоевать у населения уважение и доверие к себе — к членам ВКП(б).

ВКП(б)

Итак, для контроля за властью в стране ВКП(б) реорганизовалась и выстроила параллельную официальной (конституционной) власти структуру. Номинально считалось, что это структура управления только самой партией (повторю — в Конституции такая структура не была предусмотрена как орган госуправления), но фактически струк-

тура управления партией, контролируя конституционную власть, управляла и этой властью, и всей страной.

При таком положении сложилась довольно комическая ситуация: лидер партии, а не конституционный глава страны, являлся вождем СССР. (С точки зрения Конституции — «никто».) Правда, в нашем случае это был действительно Вождь.

Дело в том, что в ВКП(б) «лидеров» было хоть пруд пруди и Сталин стал лидером не столько, как полагают, в конкурентной борьбе, сколько в конкурентном труде на благо ВКП(б), а это благо тогда было неразделимым с благом СССР.

Технически параллельное управление СССР происходило по следующей схеме.

Элита страны, ее лучшие люди, готовые на труд и бой за страну и ее идеальное справедливое будущее — коммунизм, вступали в ВКП(б). (Мерзавцы тоже, но речь пока не о них.) Эта элита избирала себе руководителей первичных, районных, областных, республиканских организаций и всей партии прямо или через делегатов съездов. Формально высшими руководящими органами партии были собрания или съезды, но фактически партией (и страной) руководили избираемые этими собраниями и съездами постоянно действующие органы: парткомы, райкомы, обкомы, центральные комитеты. Центральные комитеты (ЦК) избирались республиканскими компартиями и всей ВКП(б), но постоянно действующими они были формально, поскольку фактически они в лучшем случае собирались на пленумы три раза в году. А непрерывно ВКП(б) руководили избираемые центральным комитетом ВКП(б) политическое бюро (Политбюро) и несколько (обычно 5) секретарей партии (одного из секретарей ЦК назначал «генеральным»), в республиках — только секретари, один из которых назначался «первым».

Любой мало-мальски важный вопрос, требующий вмешательства государственной власти СССР, поступал сначала к секретарям и в Политбюро, там рассматривался, и

если он мог быть решен Политбюро на основании действующих законов, то Политбюро его решало и его решение передавалось Правительству СССР для исполнения. Кстати, официальный глава страны — председатель Совнаркома (Совмина) всегда был членом Политбюро и председательствовал на его заседаниях. Поэтому получалось, что он перед тем, как рассмотреть вопрос со своими министрами, сначала рассматривал его с товарищами по партии. Членами Политбюро при Сталине, как правило, были наиболее выдающиеся на тот момент государственные деятели (поскольку в то время партийных и государственных деятелей невозможно было разделить — это было практически одно и то же).

Если вопрос требовал изменения законов Советского Союза, то решение Политбюро адресовалось в Президиум Верховного Совета, и Президиум издавал соответствующий указ либо изменял или принимал новые законы, утверждая их впоследствии на съезде Верховного Совета. А председатель Президиума Верховного Совета тоже всегда был членом Политбюро, т.е. фактически получалось, что и он тоже перед тем, как рассмотреть вопрос в Президиуме Верховного Совета, рассматривал его с товарищами по партии.

Так было устроено управление Советским Союзом и, повторяю, для исторического момента от революции до конца Великой Отечественной войны (Второй мировой войны) это было вынужденное, но правильное устройство (с учетом того времени и для того уровня знаний об управлении).

СЕКРЕТАРЬ ЦК

В 1922 году Сталина назначают Генеральным секретарем партии. Тут ведь что надо понять. Взяв в 1917 г. власть в России, вожди большевиков продолжали руководить

собственно партией попутно. Т.е. Ленин и другие лидеры, имевшие посты в государстве, собирались по мере надобности на Политбюро и решали накопившиеся в партии вопросы. Но партия быстро росла численно и, главное, неизмеримо быстро росло количество встающих перед партийными организациями государственных вопросов, которые требовалось контролировать. Тогда ввели должности секретарей партии, т.е. людей, которые принимали от Политбюро решения, доводили их до партийных организаций, контролировали исполнение.

Официально секретариат возглавлял Я.М. Свердлов, но ведь он был главой законодательного органа страны — главой Советской власти. Поэтому фактически партией руководила, как могла, его жена К.Т. Новгородцева, занимавшая должность заведующей Секретариатом ЦК. Фактически на ее должность и задвинули Сталина, только назвали эту должность красивее — Генеральным секретарем. Предусматривалось, что Сталин будет организовывать исполнение того, что прикажет Политбюро, т.е. фактически возглавлявшие Политбюро Ленин и Троцкий. И только.

Противник и враг СССР и Сталина, занимавший в те годы очень высокие посты в правительстве большевиков, Л.Д. Троцкий так комментировал это назначение: «Победа, однако, на съезде руководимая Зиновьевым петроградская делегация. Победа далась ей тем легче, что Ленин не принял боя. Он не довел сопротивление кандидатуре Сталина до конца только потому, что пост секретаря в тогдашних условиях имел совершенно подчиненное значение. Своему предупреждению сам он не хотел придавать преувеличенного значения: пока оставалось у власти старое Политбюро, Генеральный секретарь мог быть только подчиненной фигурой».

Ни Троцкому, ни Ленину, наверное, и самому Сталину не приходило в голову, что если партия берется контролировать государственный аппарат, то в этом случае не технический руководитель госаппарата — глава стра-

ны, а технический руководитель партии становится главой страны. Но, правда, все это зависело от человека на этом посту. Ведь предшественники Сталина на этой должности даже приблизительно не имели в стране того веса, который очень быстро начал набирать Сталин. Он стал работать лучше Ленина, Троцкого и других, и, соответственно, все стали именно на него смотреть как на вождя.

Вдумайтесь. В чем заключалась работа Ленина как руководителя государства? К нему приходили чиновники и спрашивали, как сделать то-то и то-то. Ленин думал и находил решение.

А в чем заключалась работа Сталина как руководителя партии? К нему приходили партийные работники, у которых голова болела по поводу тех же вопросов, что и у чиновников, и спрашивали Сталина, что делать. Сталин думал и находил решение. Но благодаря знанию людей России, неустанному самообразованию и тщательному изучению дел он делал это лучше Ленина.

И в своем «Завещании», в «Письмах к съезду» Ленин в декабре 1922 г. пишет строчку, в которой сквозит недоумение: *«Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть...»*. Как?

Он же не *«сделался»*, это вы, Политбюро (Ленин, Троцкий и др.), его назначили на должность, занимаемую ранее женой Свердлова. Никакую власть он *«не сосредоточивал»*, всю власть ему дали вы, больше, чем вы ему дали, ему власти просто неоткуда было взять.

Вот эта фраза Ленина свидетельствует, что ни Ленин, ни Троцкий до конца своей жизни так и не поняли, что произошло: почему их секретарь стал иметь власти больше, чем они, занимающие официальные высокие посты в государстве. Будь Сталин таким же дураком-краснобаем, как Троцкий, Бухарин или другие, несть им числа, то все было бы, как Троцкий с Лениным и предполагали, но не место красит человека, а человек место. И Сталин его украсил, став через десяток лет признанным вождем страны, не за-

нимая в ней никакого конституционного поста, т.е. никакой официальной должности.

Эту тонкость по сей день мало кто понимает. Все думают, что власть дает должность. Так-то это так. Но вопрос надо рассматривать принципиальнее: власть возникает у того, кому люди подчиняются. Не от должности она возникает, а от подчинения. А из этого следует, что если люди сочтут полезным подчиняться данному человеку, то у него появится власть и без должности. Сталин — яркий пример этого. Он только исполнял решения Политбюро, на котором, повторяю, председательствовали официальные главы Правительства СССР: А.И. Рыков, а потом В.М. Молотов. Но последние вождями страны не стали, а Сталин — стал!

Короче: работать надо, как Сталин, и народ к вам потянется...

Впоследствии мифы создавались и под руководством Сталина. Одним из таких его мифов, свидетельствующим о его собственной глубокой порядочности и благородстве, является миф о том, что Сталин был учеником Ленина. На самом же деле Сталин своими знаниями и умом превосходил Ленина, поскольку, благодаря уму и опыту, предвидел события гораздо точнее, нежели Ленин.

Кое-что понять можно только сейчас, после развала СССР, скажем, стремление Сталина, в противовес Ленину, создать СССР не союзным, а федеративным государством. Ко времени написания первой Конституции СССР Ленин заболел и комиссию возглавил Сталин, который проигнорировал требование Ленина создать Союз совершенно открытым, с полным суверенитетом всех народностей. В связи с этим Ленин даже хотел его назвать «Союз советских республик Европы и Азии». Когда же Ленин увидел, что по Конституции, разработанной Сталиным, Россия федеративна, а СССР имеет сильное центральное правительство, то в день принятия 1-м Съездом Советов СССР Договора об образовании СССР написал записку с извинениями *«рабочему классу»*, с обвинениями Сталина: «Грузин... который сам является держимордой», — и с пророчествами о будущем

центрального правительства СССР, в котором «ничтожный процент советских и советизированных рабочих будет тонуть в море великорусской шовинистической швали».

В 1991 г. мы увидели, как эта *«великорусская шваль»* (Горбачев, Яковлев, Ельцин) под радостные вопли *«советизированных рабочих»* в Верховном Совете РСФСР, с поддержкой *«советских рабочих»* Кузбасса разорвала СССР и предала дело самого Ленина.

А кое-что было видно и тогда. Например, Сталин был, пожалуй, единственным, кто в 1920 г. страстно протестовал против ввода Красной Армии в Польшу. Зная народ не из книжек, он был уверен, что никакой революции в Польше не будет, никто войска Красной Армии там не поддержит, и они бесславно погибнут. Он предлагал наступать только до линии Керзона*, разделявшей собственно поляков, с одной стороны, и украинцев с белорусами — с другой.

Но Ленин, базировавшийся в своих размышлениях все же на книжных знаниях и «теории» Маркса, поверил брехливым реляциям «полководцев» Троцкого и Тухачевского (и это несмотря на то, что Сталин решился на отчаянный шаг: опубликовал свое предупреждение в «Правде»). Войска Красной Армии вошли в Польшу и потерпели под Варшавой позорное поражение, Ленин вынужден был признать свою вину (Сталин впоследствии этот эпизод своего предвидения из истории изъясал, чтобы не компрометировать Ленина).

В нашем дегенеративном мире редко находится историк или журналист, который бы не попенял Сталину на отсутствие образования («недоучившийся семинарист») и не противопоставил ему его политических противников «с хорошим европейским образованием». Эти журналисты и историки, надо думать, очень гордятся тем, что имеют аттестат зрелости и дипломы об окончании университета. А между тем, что такое это самое «европейское университетское» образование? Это знание (о понимании и речи

* Признанные мировым сообществом границы тогдашней России.

нет) того, что написано менее чем в 100 книгах под названием «учебники», книгах, по которым учителя ведут уроки, а профессора читают лекции.

Изучил ли Сталин за свою жизнь сотню подобных книг или нет?

Начиная с ранней юности, со школы и семинарии, Сталин, возможно, как никто стремился узнать все и читал очень много. Даже не читал, а изучал то, что написано в книгах. В юности, беря книги в платной библиотеке, они с товарищем их просто переписывали, чтобы иметь для изучения свой экземпляр. Книги сопровождали Сталина везде и всегда. До середины Гражданской войны у Сталина в Москве не было в личном пользовании даже комнаты — он был все время в командировках на фронтах — и Сталина отсутствие жилплощади не беспокоило. Но с ним непрерывно следовали книги, количество которых он все время увеличивал.

Сколько он в своей жизни прочел, установить, видимо, не удастся. Он не был коллекционером книг — он их не собирал, а отбирал, т.е. в его библиотеке были только те книги, которые он предполагал как-то использовать в дальнейшем. Но даже те книги, что он отобрал, учесть трудно. В его кремлевской квартире библиотека насчитывала, по оценкам свидетелей, несколько десятков тысяч томов, но в 1941 г. эта библиотека была эвакуирована, и сколько книг из нее вернулось, неизвестно, поскольку библиотека в Кремле не восстанавливалась. (После смерти жены Сталин в этой квартире фактически не жил.) В последующем его книги были на дачах, а на Ближней под библиотеку был построен флигель. В эту библиотеку Сталиным было собрано 20 тыс. томов!

Это книги, которые он прочел. Но часть этих книг он изучил с карандашом в руке, причем не только подчеркивая и помечая нужный текст, но и маркируя его системой помет, надписей и комментариев с тем, чтобы при необходимости было легко найти нужное место в тексте кни-

ги, легко вспомнить, чем оно тебя заинтересовало, какие мысли тебе пришли в голову при первом прочтении. Вот, скажем, 33-я страница книги А. Франса о Боге «Последние страницы». На ней четыре мысли подчеркнуты, два абзаца отмечены вертикальными линиями, три стрелки сравнивают мысли друг с другом. Комментарии Сталина: 1) *«Следовательно не знают, не видят, его для них нет»*; 2) *«Куды ж податься, ха-ха»*; 3) *«Разум — чувство»*; 4) *«Неужели и это тоже ±?!» «Это ужасно!»*. Должен сказать, что если так изучать книги, то понимать, что в них написано, будешь лучше, чем тот, кто их написал.

Сколько же книг, изученных подобным образом, было в библиотеке Сталина? После его смерти из библиотеки на Ближней даче книги с его пометами были переданы в Институт марксизма-ленинизма (ИМЛ). Их оказалось 5,5 тысячи! Сравните это число книг с пометами из библиотеки только Ближней дачи с той сотней, содержание которых нужно запомнить, чтобы иметь «лучшее европейское образование». Сколько же таких «образований» имел Сталин?

Часть книг с пометами Сталина в его библиотеке была взята в Государственной библиотеке им. Ленина. Их оставили в ИМЛ, но вернули ГБЛ эти же книги из фонда библиотеки ИМЛ. Историк Б.С. Илизаров, у которого я беру эти данные, приводил наименование части этих книг, из которой можно понять диапазон образованности Сталина:

«Помимо словарей, о которых говорилось выше, и нескольких курсов географии в этом списке значились книги как древних, так и новых историков: Геродота, Ксенофонта, П. Виноградова, Р. Виннера, И. Вельяминова, Д. Иловайского, К.А. Иванова, Гереро, Н. Кареева, а главное — 12 томов «Истории государства Российского» Карамзина и второе издание шеститомной «Истории России с древнейших времен» С.М. Соловьева (СПб., 1896). А также: пятый том «Истории русской армии и флота» (СПб., 1912), «Очерки истории естествознания в отрывках из подлинных работ д-ра Ф. Даннсмана» (СПб., 1897), «Мемуары князя Бисмарка. (Мыс-

ли и воспоминания)» (СПб., 1899). С десяток номеров «Вестника иностранной литературы» за 1894 г., «Литературные записки» за 1892 г., «Научное обозрение» за 1894 г., «Труды Публичной библиотеки СССР им. Ленина», вып. 3 (М., 1934) с материалами о Пушкине, П.В. Анненкове, И.С. Тургеневе и А.В. Сухово-Кобылине, два дореволюционных выпуска книги А. Богданова «Краткий курс экономической науки», роман В.И. Крыжановской (Рочестер) «Паутина» (СПб., 1908), книга Г. Леонидзе «Сталин. Детство и отрочество» (Тбилиси, 1939, на груз. яз.) и др.».

Есть основания считать, что хрущевцы убили самого образованного человека XX столетия. Возможно, были и вундеркинды, прочитавшие больше, чем Сталин, но вряд ли кто из них умел **использовать знания** так, как он.

Главным же мифом хрущевцев о Сталине является миф о его безудержной жажде власти, хотя вряд ли в мировой истории был царь или премьер-министр, который бы так не хотел быть вождем, как этого **не хотел** Сталин. Все те, кто льют на него грязь, всячески пытаются доказать, что его стремление к личной власти якобы определило все его действия и поступки. Дескать, ничего Сталин не хотел — ни женщин, ни есть, ни пить, а жаждал только власти и славы. И во имя этой власти он всех убивал, убивал и убивал...

Между тем Сталин действительно имел одну цель в жизни, но этой целью было счастье трудящегося человека. Для осуществления этой цели была нужна власть, но сама по себе она для Сталина ценности не представляла. В течение первых 10 лет нахождения в первых эшелонах власти СССР он трижды подавал прошение об отставке. Впервые с просьбой освободить его от должности генерального секретаря ВКП(б) он обратился в 1924 г. (ВКП(б) тогда еще называлась РКП(б)). Он писал:

«В Пленум ЦК РКП.

Полторагодовая совместная работа в Политбюро с тт. Зиновьевым и Каменевым после ухода, а потом и смерти Ленина, сделала для меня совершенно ясной невозмож-

ность честной и искренней совместной политической работы с этими товарищами в рамках одной узкой коллегии. Ввиду этого прошу считать меня выбывшим из состава Пол. Бюро ЦК.

Ввиду того, что ген. секретарем не может быть не член Пол. Бюро, прошу считать меня выбывшим из состава Секретариата (и Оргбюро) ЦК.

Прошу дать отпуск для лечения месяца на два.

По истечении срока прошу считать меня распределенным либо в Туруханский край, либо в Якутскую область, либо куда-нибудь за границу на какую-либо невидную работу.

Все эти вопросы просил бы Пленум разрешить в моем отсутствии и без объяснений с моей стороны, ибо считаю вредным для дела дать объяснения, кроме тех замечаний, которые уже даны в первом абзаце этого письма.

Т-ща Куйбышева просил бы раздать членам ЦК копию этого письма.

С ком. прив. И. Сталин.

19. VIII. 24 г.».

Правда, в данном случае искренности этой просьбы верить не приходится. Это не просьба, а ультиматум. То, что Сталин поставил его сгоряча, в порыве гнева на своих товарищей-тупиц, дела не меняет. Думаю, он знал, что Пленум ЦК его просьбу не удовлетворит, поскольку как умный человек не мог не понимать, что Пленум никогда не променяет его, трудягу, на двух балаболок. Тем не менее, это формальное прошение об отставке и, не будь Сталин Сталиным, Пленум мог бы запросто эту просьбу удовлетворить и отправить Сталина послом в какой-нибудь Афганистан.

А вот вторая попытка уже более серьезна и напоминает какой-то всплеск отчаяния: *«В Пленум ЦК (т. Рыкову). Прошу освободить меня от поста генсека ЦК. Заявляю, что не могу больше работать на этом посту, не в силах больше работать на этом посту. И. Сталин. 27.XII.26 г.»*.

И это прошение об отставке Пленум ЦК отклонил, оставив Сталина вождем партии. Наконец, в конце 1927 г., после работы XV съезда ВКП(б), на котором 18 дней дебатировался вопрос, проводить коллективизацию или нет, Сталин снова попросился в отставку на проводимом после съезда Пленуме. Историк Н.А. Зенькович описывает это событие так:

«Председательствовал глава Совнаркома А.И. Рыков. Он предоставил слово С.В. Косиору, который огласил предполагаемый состав высших органов ВКП(б). На пост Генерального секретаря предлагался Сталин. Но он взял слово и неожиданно для всех попросил освободить его от обязанностей генсека.

— Товарищи! — сказал он. — Уже три года прошу ЦК освободить меня от обязанностей Генерального секретаря ЦК. Пленум каждый раз мне отказывает. Я допускаю, что до последнего времени были условия, ставящие партию в необходимость иметь меня на этом посту как человека более или менее крутого, представляющего известное противоядие против опасностей со стороны оппозиции. Я допускаю, что была необходимость, несмотря на известное письмо т. Ленина, держать меня на посту генсека. Но теперь эти условия отпали. Отпали, так как оппозиция теперь разбита. Никогда, кажется, оппозиция не терпела такого поражения, ибо она не только разбита, но и исключена из партии. Стало быть, теперь нет налицо тех оснований, которые можно было бы считать правильными, когда пленум отказывался уважить мою просьбу и освободить меня от обязанностей генсека. А между тем у нас имеется указание т. Ленина, с которым мы не можем не считаться и которое нужно, по-моему, провести в жизнь. Я допускаю, что партия была вынуждена обходить это указание до последнего времени, была вынуждена к этому благодаря известным условиям внутрипартийного развития. Но я повторяю, что эти особые условия отпали теперь и пора, по-моему, принять к руководству указания т. Ленина. Поэтому прошу пленум освободи-

дить меня от поста Генерального секретаря ЦК. Уверяю вас, товарищи, что партия только выиграет от этого.

Первым откликнулся А.И. Догадов — секретарь ВЦСПС.

— Голосовать без прений! — предложил он.

Наркомвоенмор Клим Ворошилов:

— Предлагаю заслушанное заявление отвергнуть.

Председательствующий Рыков:

— Голосуется без прений. В основу кладется предложение т. Косиора. Кто за это предложение? Кто против? Кто воздержался? Один. Всеми при одном воздержавшемся отвергнуто предложение т. Сталина.

Сталин снова попросил слова.

— Тогда я вношу другое предложение, — сказал он. — Может быть, ЦК сочтет целесообразным институт генсека уничтожить. В истории нашей партии были времена, когда у нас такого поста не было.

— Тогда у нас был Ленин, — возразил Ворошилов.

— До X съезда у нас института генсека не было, — упрямылся Сталин.

— До XI съезда, — уточнил кто-то.

— Да, кажется, до XI съезда у нас не было этого института, — принял поправку Сталин. — Это было еще до отхода Ленина от работы. Если Ленин пришел к необходимости выдвинуть вопрос об учреждении института генсека, то я полагаю, что он руководствовался теми особыми условиями, которые у нас появились после X съезда, когда внутри партии создалась более или менее сильная и хорошо организованная оппозиция. Но теперь этих условий нет уже в партии, ибо оппозиция разбита наголову. Поэтому можно было бы пойти на отмену этого института. Многие связывают с институтом генсека представление о каких-то особых правах генсека. Я должен сказать по опыту своей работы, а товарищи это подтвердят, что никаких особых прав, чем-либо отличающихся от прав других членов Секретариата, у генсека нет и не должно быть.

— А обязанности? — раздался голос.

— И обязанностей больше, чем у других членов Секретариата, нет, — продолжал Сталин. — Я так полагаю: есть Политбюро — высший орган ЦК, есть Секретариат — исполнительный орган, состоящий из пяти человек, и все они, эти пять членов Секретариата, равны. Практически так и велась работа, и никаких особых прав или особых обязанностей у генсека не было. Не бывало случая, чтобы генсек делал какие-нибудь распоряжения единолично, без санкции Секретариата. Выходит, таким образом, что института генсека, в смысле особых прав, у нас не было на деле, была лишь коллегия, называемая Секретариатом ЦК. Я не знаю, для чего еще нужно сохранять этот мертвый институт. Я уже не говорю о том, что этот институт, название генсека, вызывает на местах ряд извращений. В то время как наверху никаких особых прав и никаких особых обязанностей на деле не связано с институтом генсека, на местах получились некоторые извращения, и во всех областях идет теперь драчка из-за этого института между товарищами, называемыми секретарями, например, в национальных ЦК. Генсеков теперь развелось довольно много, и с этим теперь связываются на местах особые права. Зачем это нужно?

— На местах можно упразднить, — подал голос нарком труда В.В. Шмидт.

— Я думаю, — закончил Сталин, — что партия выиграла бы, упразднив пост генсека, а мне бы дало это возможность освободиться от этого поста. Это тем легче сделать, что в уставе партии не предусмотрен пост генсека.

Председательствующий Рыков возразил:

— Я предлагаю не давать возможности т. Сталину освободиться от этого поста. Что касается генсеков в областях и местных органах, то это нужно изменить, не меняя положения в ЦК. Институт генерального секретаря был создан по предложению Владимира Ильича. За все истекшее время, как при жизни Владимира Ильича, так и после него, оправдал себя политически и целиком и в организационном, и в политическом отношении. В создании этого орга-

на и в назначении генсеком т. Сталина принимала участие и вся оппозиция, все те, кого мы сейчас исключили из партии; настолько это было совершенно несомненно для всех в партии. Этим самым исчерпан, по-моему, целиком и полностью и вопрос о завещании... Это же вся партия знает. Что теперь изменилось после XV съезда и почему это нужно отменить институт генсека?

— Разбита оппозиция, — снова повторил Сталин.

— Я предлагаю отвергнуть предложение т. Сталина, — настаивал Рыков. Его дружно поддержали:

— Правильно, голосуй!

— Голосуется, — провозгласил Рыков. — Кто за предложение т. Сталина: уничтожить институт генерального секретаря? Кто против этого? Кто воздержался? Нет.

— Товарищи, — сказал Сталин, — я при первом голосовании насчет освобождения меня от обязанностей секретаря не голосовал, забыл голосовать. Прошу считать мой голос против.

— Это не много значит! — зашумели в зале».

Здесь, как видите, чувствуется какая-то усталость и, я бы сказал, минутное малодушие Сталина. Он ведь настойчиво и абсолютно серьезно просил освободить себя от роли вождя партии и, как я уже писал выше, от автоматически доставшейся ему вместе с должностью генсека роли вождя всего народа. Наверняка в этот момент невыносимая тяжесть ответственности придавила его, и он попытался облегчить ее, уйдя на вторые роли в государстве. Когда ему это не удалось, он попытался избавиться от ответственности косвенно — разжаловать свою должность в простые секретари. Больше он такого малодушия никогда в жизни себе не позволял, но нам ведь интересна реакция остальной верхушки ВКП(б) — почему они его не отпустили, почему даже слушать его не захотели?

Попробуйте это понять: те, кто мог его заменить, сами как огня боялись должности вождя и как огня боялись остаться без вождя. Почему?

Потому, что всяких благ у них было и так больше, чем у Сталина, а Сталин снимал с них личную ответственность за их собственные решения. При вожде они могли, не работая, не вдумываясь, не вникая, болтать что угодно и как угодно критиковать самого вождя. Это ведь было просто «их мнение», оно могло быть и ошибочным, ведь, как всем известно, и умный человек может ошибиться. «Если я не прав, то пусть вождь пояснит мне, в чем я не прав». А у вождя любое мнение — это решение, он за него отвечает, он не имеет права ошибаться. Даже если это решение Политбюро (его товарищи) навязывает ему, вождю, большинством голосов, то и тогда только он виноват — как же мог он, вождь, просмотреть дурацкое решение коллектива? Как мог не убедить остальных, что оно неправильное? Он же вождь, а они просто члены Политбюро.

Заметьте, если бы Пленум удовлетворил просьбу Сталина хотя бы во второй части, то Рыков, глава правительства и председательствующий на заседаниях Политбюро, стал бы вождем страны. Поскольку кем бы был Сталин в этом случае? Правильно, одним из пяти секретарей ВКП(б), и только. Но посмотрите, это ведь именно Рыков сделал все, чтобы предложение Сталина об упразднении должности генсека не прошло. Он категорически не хотел сам быть вождем! Почему?

Ведь при Сталине Рыков мог работать как попало — какие к нему претензии, если он просто выполняет решения Политбюро, где главным является вождь правящей партии? А исчезнет вождь, то на кого Рыкову свалить ответственность за свои лень и тупость?

После смерти Сталина всякий, окончивший Литературный институт, т.е. научившийся писать без большого количества ошибок, берется судить о Сталине, хотя в своей жизни не управлял никем, кроме жены, да и то когда она спит, а величайшим для себя горем считал перенос защиты диссертации с мая на сентябрь. При этом в своих суждениях он опирается на басни хрущевцев. Но ведь они при жиз-

ни Сталина говорили одно, а после смерти — другое. Такие люди во все времена и у всех народов считаются подлецами. Как же можно судить о человеке по тому, что о нем говорит человеческая мразь — подлецы?

Может быть, лучше прислушаться к равным ему по уму и по занимаемому посту, пусть даже это будет его враг? Что, к примеру, думал о нем Гитлер?

Мне могут сказать, что иностранцы, в том числе и Гитлер, не могли знать о Сталине всего. Согласен, поскольку всего знать о Сталине не мог никто. Но согласитесь и вы — от знаний Гитлера о Сталине зависела жизнь, судьба и цель жизни самого Гитлера, поэтому, получая данные от всех видов разведки, от тысяч наших предателей и просто пленных, он вряд ли знал о Сталине меньше, чем нынешние историки. Ему его знания нужны были не для диссертации. Так вот в отличие от историков Гитлер никогда не строил иллюзий относительно того, кому именно Германия с подчиненной ей Европой обязаны поражением в войне. Никаких советских маршалов и генералов он никогда в стратегическом плане в расчет не принимал, как профессионалы они его никогда не заботили. Но уже с самого начала войны он понял, кто для него является проблемой, и в 1941 г. он поставил перед тайной полицией Германии такую задачу:

«Гитлер настаивает на скорейшем создании хорошо спланированной системы информации — такой системы, которой мог бы позавидовать даже НКВД: надежной, беспощадной и работающей круглосуточно, так, чтобы никто — никакой лидер, подобный Сталину, — не мог возвыситься, прикрываясь флагом подпольного движения, ни в какой части России. Такую личность, если она когда-либо появится, надлежит своевременно распознать и уничтожить. Он считает, что в своей массе русский народ не представляет никакой опасности. Он опасен только потому, что заключает в себе силу, позволяющую создать и развивать возможности, заложенные в характере таких личностей», — сообщил в конце 1941 г. начальник Главного управления имперской

безопасности Р. Гейдрих своему подчиненному — начальнику управления контрразведки В. Шелленбергу.

С началом войны немцы начинают обдумывать и готовить операции с попыткой убить Сталина. Задействуются немецкие ученые и инженеры: для одного из вариантов покушения был изготовлен уникальный по тем временам гранатомет, который легко прятался в рукаве пальто. Видя отчаянное положение Германии, смертником-камикадзе вызвался стать министр иностранных дел Германии И. Риббентроп. Предполагалось, что немцы пошлют его на переговоры со Сталиным под подходящим предлогом и на этих переговорах Риббентроп убьет Сталина из специально изготовленной авторучки-пистолета.

Гитлеру также было понятно и то, откуда взялась мощь и стойкость советского народа в войне.

«Сообщество можно создать и охранить только силой. И не нужно поэтому осуждать Карла Великого за то, что он путем насилия создал единое государство, столь необходимое, по его мнению, немецкому народу.

И если Сталин в минувшие годы применял по отношению к русскому народу те же методы, которые в свое время Карл Великий применял в отношении немецкого народа, то, учитывая тогдашний культурный уровень русских, не стоит его за это проклинать. Сталин тоже сделал для себя вывод, что русским для их сплочения нужна строгая дисциплина и сильное государство, если хочешь обеспечить прочный политический фундамент борьбе за выживание, которую ведут все объединенные в СССР народы, и помочь отдельному человеку добиться того, чего ему не дано добиться собственными силами, например, получить медицинскую помощь.

...И было бы глупо высмеивать стахановское движение. Вооружение Красной Армии — наилучшее доказательство того, что с помощью этого движения удалось добиться необычайно больших успехов в деле воспитания русских рабочих с их особым складом ума и души», — делился Гитлер в узком кругу своих единомышленников.

Риббентроп вспоминал: «В те тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь один человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердостью этого человека, негибкая воля и героизм которого призывали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. — Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит. Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, без сомнения, — историческая личность совершенно огромного масштаба».

ЕДИНСТВЕННЫЙ

Смерть Сталина была радостью для негодяев и безутешным горем для Людей СССР. Выдающийся советский инженер, доктор технических наук Владимир Акимович Ацюковский вспоминает о тех днях.

«5 марта 1953 года умер Иосиф Виссарионович Сталин. Для подавляющего большинства моего невоевавшего и старшего воевавшего поколений смерть И.В. Сталина явилась величайшей трагедией. Наверное, среди нас были люди, втихомолку радовавшиеся его смерти, но тогда они не смели об этом даже заикнуться. Уже позже они приложили усилия для ошельмования не только имени Сталина,

но и всего, что было сделано при нем. Но мы в те дни были охвачены горем и одной мыслью — побывать в Москве, чтобы поклониться умершему Вождю и Учителю.

В стране остановилась работа предприятий и прекратилась учеба во всех учебных заведениях. Прекратилась она и у нас, в Ленинградском политехническом институте. Все ходили растерянные, но как только стало ясно, что прощание со Сталиным намечено на 10 марта, многие, в том числе и я, помчались на Московский вокзал в надежде добраться до Москвы. О том, что происходило в Москве, мы не знали ничего.

В те дни Московский вокзал напоминал растревоженный улей. Мы поняли, что нам не удастся не только доехать до столицы, но даже выехать из Ленинграда, и я предложил двум своим товарищам простой план, как добраться до Москвы. План состоял в том, чтобы на пригородных поездах объехать все кордоны, которые наверняка выставлены с целью не допустить скопления людей в Москве, а затем уже на дальнем поезде, который, вероятно, все же будет, добраться до места. Ребята отказались, и я поехал один.

Мой план удался как нельзя лучше. Лежа на полу под полкой в почти пустом пригородном вагоне, я слышал, как в Любани по перрону ходили патрули, кого-то задерживали, но в мой вагон не пришел никто, и вскоре поезд покатился дальше. Не помню, где и как удалось подсесть в битком набитый дальний поезд, но в Москву я прибыл на второй день похорон утром и отправился прощаться со Сталиным.

Что произошло в Москве в первый день похорон, хорошо известно. Власти выпустили из рук контроль за ситуацией. Москва оказалась переполнена людьми, рвавшими в Октябрьский зал, в котором было выставлено для прощания тело И.В. Сталина. Была страшная давка, в которой погибло много народа. Никто не ожидал такого скопления людей. И только через сутки, как раз к тому време-

ни, когда мне удалось добраться до Москвы, порядок был наведен, вся Москва была перекрыта кордонами, и к Сталину допускали только организованные делегации. Мне удалось пройти к площади Свердлова только потому, что я носил шинель, которую мне выдали еще в спецшколе ВВС после ее окончания. Уже вечером, воспользовавшись темнотой и смешавшись с какой-то военной делегацией, я прошел с ней все кордоны. Но на площади Свердлова делегацию погнали с площади за недисциплинированность: жены военных, шедшие в той же колонне, вели себя неприлично — хохотали, веселились, и в конце концов всю колонну завернули. Но я уже был на площади Свердлова и уходить оттуда не собирался. И к ночи со вторых суток на третьи на площади Свердлова собралось около ста человек таких же «проходимцев», как я.

Нас не стали разгонять, а под утро, уже часов в семь третьего дня похорон построили в общую колонну, и с нас началась та гигантская очередь желающих попрощаться со Сталиным, которая растянулась по всей Москве. Никакой давки больше не было, порядок был полный. Я прошел в первой сотне людей, попрощался с человеком, которого почитал больше всех на свете, и уехал домой в общежитие своего института.

А еще через два дня я был вызван на факультетское комсомольское бюро для объяснений, как я посмел бросить свой институт в такие дни. Такие же объяснения давал каждый, кто пытался выехать в те дни в Москву, но дальше Московского вокзала не уехал. А я уехал, и мне было оказано особое внимание.

— Понимаешь ли ты, что ездить в Москву было нельзя? — спросили меня.

— Понимаю, конечно, — ответил я.

— А знал ли ты, что тебе попадет за это?

— Конечно, знал.

— И все же поехал?! И что же, в следующий раз опять побежишь?

— Вы спятили, — сказал я комсомольскому начальству, — какой это может быть следующий раз! Сталин у нас был один, и я ездил прощаться с ним, а не с вами. Никакого следующего раза быть не может.

— И ты не раскаиваешься?

— Не раскаиваюсь, — ответил я.

И тогда было принято решение исключить меня из комсомола.

Комсомольская группа, узнав об этом, встала за меня насмерть. Она выразила недоверие факультетскому бюро и потребовала перенесения дела не в Комитет комсомола, где меня наверняка бы исключили со всеми вытекающими из этого последствиями, а на факультетское собрание, которое давно было намечено на ближайшие дни. И факультетское собрание, принципиально осудив меня за недисциплинированность, вынесло мне общественное порицание, чем и ограничилось. Я остался и в комсомоле, и в институте».

В этих воспоминаниях хочу обратить внимание, что во время похорон в некоторых колоннах люди хохотали-радовались. Что же это были за существа?

1937: БОЙ ЛЮДЕЙ И ЖИВОТНЫХ

Классификация людей

Большевики (коммунисты) действовали по учению, основы которого заложил Карл Маркс. Цель этого учения очень благородна — указать людям путь к будущему обществу справедливости — и благородство этой цели заслонило собой убогость самого учения. Нам нет смысла эту убогость рассматривать полностью, но на одном моменте все же следует остановиться.

Маркс разделил людей на два основных класса — капиталистов и пролетариев, и это разделение поразительно по своей научной (истинной) нелепости. На практике получалось так: если человек не имеет никакой собственности, то он «передовой и прогрессивный», а если имеет собственность на средства производства, то он эксплуататор и очень нехороший человек. Вообще-то в науке классифицируют так, как удобно для данного исследования, но марксову классификацию в вопросах совершенствования общества нельзя было применять ни в коем случае. По такой классификации ленивый и тупой пролетарий, который не имеет никакой собственности и никогда не будет ее иметь из-за лени и тупости, является очень хорошим человеком, а друг и соратник Карла Маркса, капиталист и фабрикант Фридрих Энгельс — очень плохим.

Давайте попробуем пояснить ошибку Карла Маркса моделью. Магазины, в которых продаются товары, как правило, классифицированы на продовольственные, промтоварные, хозяйственные, спортивные и т.д. Это удобно, а значит, в данном случае, истинно и научно. Решив купить помидоры, вы не потратите время на посещение магазина

спортивных или хозяйственных товаров, вы сразу пойдете в овощной. А представьте, что какой-нибудь «Карл Маркс от торговли» создал учение, по которому магазины нужно классифицировать по цвету товаров. Вы захотели купить помидоры и идете в магазин товаров красного цвета, а в нем вам предлагают красные мотоциклы. Что толку вам от такого «всепобеждающего учения»?

Тем не менее Карл Маркс и марксисты предопределили звездный час человечества. В этом учении ценной оказалась сама цель и опора на творца — на человека производительного труда. Сталин фактически только это и использовал из марксизма в государственном строительстве. Он, Мао Цзэдун, Фидель Кастро достигли грандиозных успехов, толкнув свои страны далеко вперед, но проблемы марксистского тупика оставались. К концу жизни Сталин сознавал это и с горечью повторял соратникам: «Без теории нам смерть!».

Чтобы понять ошибку Маркса, давайте опять вернемся к модели с магазинами. По какому принципу они классифицированы? По принципу **цели** товара. Главное — для какой цели служит этот товар: для насыщения от голода, для защиты от холода и т.д. **Цель** — то, по чему должна вестись основная классификация (разделение). А потом уже, в пределах основного класса, можно делить объекты по другим признакам, скажем, по отношению к частной собственности. Ошибка Маркса в том, что он, не разделив людей основной классификацией, начал делить их по черт знает какой вспомогательной классификации, выдав ее за основную.

Следовательно, людей надо было сначала разделить **по их взглядам на цель их жизни**. И это не так уж и сложно.

За базу для классификации нужно взять цель жизни животного, поскольку люди являются одновременно и представителями животного мира. Цель животного — в его воспроизводстве, в вечной жизни его вида; эта цель заложена ему в инстинктах: самосохранения, половом, удовле-

творения естественных надобностей, сохранения энергии (лени). Животное следует заложенным в нем инстинктам потому, что за удовлетворение инстинктов Природа награждает и животное, и человека чувством удовольствия.

Но человек больше чем животное. Природа дала ему способность подавлять инстинкты в случаях, когда человек служит Великой Цели — той цели, ради которой он готов жить и ради которой готов умереть. Это первый класс людей, это и есть собственно люди, а не человекоживотные, и давайте их так просто и назовем — Люди.

Второй класс — обыватели. Их цель в жизни, как и у животного, — в воспроизводстве рода. Они собственных Великих Целей не имеют и всегда находятся под внешним влиянием: поступают «как все». При этом они могут легко пойти на подавление своих животных инстинктов, если все это делают. Если все верят в Бога и руководствуются в своей жизни его заповедями, то и они ими руководствуются, даже если их животные инстинкты требуют другого. Если все служат Великой Цели, то и они служат и без особых проблем могут пойти за эти цели в бой, о чем ниже.

Третий класс самый страшный. Это класс людей, у которых цель жизни в удовлетворении своих животных инстинктов. Эти люди страшнее животных, поскольку животное удовлетворяет свои инстинкты ровно настолько, насколько это требуется для его цели — воспроизводства вида.

Вот мне приходилось наблюдать охоту львов в саванне. Семья львов убивает антилопу буффало весом до 600 кг. И вся семья лежит возле этой антилопы и ест ее, пока не съест. (По словам егеря, до недели.) В это время остальные антилопы могут по этим львам пешком ходить — львы, пока не съедят и не оголодают снова, никого не тронут.

При опасности животное спасается, но оно никогда не будет спасать себя за счет убийства себе подобного. Совокуплением животные занимаются, как правило, только то-

гда, когда самка может понести. Животные не наносят непоправимого ущерба планете.

В отличие от животных, люди третьего класса не знают меры в получении удовольствий от удовлетворения инстинктов: они совокупляются, но не имеют детей, т.е. совокупляются только ради совокупления; они ради спасения собственной жизни или даже ради удовлетворения естественных надобностей готовы убить кого угодно; для удовлетворения инстинкта естественных надобностей они гребут под себя больше, чем могут усвоить, даже если другие вокруг умирают. Инстинкт лени у них гипертрофирован: они ненавидят работу в принципе и стараются жить за счет других людей. В том, что такие люди есть, сомневаться не приходится, чтобы в этом убедиться, многим достаточно посмотреть в зеркало, остальным, в крайнем случае, включить телевизор: сегодня на экране правят бал организмы именно третьего класса.

Как их назвать? Сами себя они называют людьми, но надо ли остальным их так называть? Ведь это вносит путаницу и не дает возможности понять происходящее. И я решил назвать их человекообразными животными, сокращенно ЧЖ или просто Животными с большой буквы, чтобы отличить их от просто животных.

В любой стране есть Люди и есть Животные, между ними всегда идет борьба, и история СССР — это один из эпизодов этой борьбы.

Как только большевики пришли к власти в России и открыто объявили свои Человеческие идеи, борьба между ними и Животными немедленно разгорелась. Оставим в стороне внешних врагов большевиков и посмотрим на борьбу между Людьми и Животными внутри самих большевиков. Сначала эта борьба имела вид политической борьбы — борьбы идей. Причем все борющиеся силы внешне выглядели как Люди, то есть в их идеях животное начало практически не присутствовало по очень простой причине.

ИДЕЙНЫЙ РАСКОЛ БОЛЬШЕВИКОВ

Взяв власть, все большевики оказались в одной лодке — поражение им всем грозило смертью. Тем не менее даже по этому соображению они разделились на два идейных направления.

Первое возглавлял Лев Давидович Троцкий, кстати, примкнувший к большевикам лишь в 1917 г., накануне взятия ими власти. Это был правоверный марксист, свято убежденный, что в одной стране, согласно «теории Маркса», социализм построить невозможно. Поэтому он Россию рассматривал лишь как «вязанку хвороста» в огне мирового революционного пожара. Сколько при этом погибнет русских, его не волновало — у него голова болела о пролетариате всего мира. Россия была им обречена на жертву.

Второе идейное направление возглавлял Ленин. Он умозрительно, силой своего ума пришел к отрицанию положения Маркса о всемирности социалистической революции, он обосновал возможность победы социализма в одной стране. Но, оторванный от реального народа России, он сам себе не вполне верил. В откровенном интервью, данном писателю А.М. Горькому, он высказал явное неверие в то, что большевики смогут удержать власть в России в окружении враждебных капиталистических стран.

К Ленину очень близко примыкал Сталин, но этот исконно русский человек (хотя и грузинского происхождения) ни в коей мере не собирался отдавать Россию на заклание ни за какие пролетарские коврижки. Он тоже был марксист, он тоже стремился помочь пролетариату во всем мире и помогал, если мог, но ни в коем случае не собирался этого делать за счет судьбы народов СССР. Сталин знал и недостатки, и достоинства русского народа и действительно был уверен в возможности устройства в России государства справедливости.

Подобные идейные разногласия сохранялись в виде бескровной политической борьбы до начала 30-х и закон-

чились сокрушительной победой идей Ленина-Сталина. Но с началом 30-х годов терпящие поражение троцкисты, не имея поддержки в СССР среди Людей, сделали ставку на Животных и решились на подготовку вооруженного мятежа. Поэтому совершенно неправильно утверждать, что в 30-х годах в СССР шла борьба только из-за толкования марксизма.

Огромное влияние на раскол большевиков на Людей и Животных накладывали личные качества вождей. Ленин был чистым фанатиком марксизма, которому ничего, кроме победы пролетариата (победы его ленинских идей), не было нужно. Ленин был абсолютно безразличен к еде, одежде и к развлечениям, и его вообще-то хорошо характеризует вот такая записка:

«23 мая 1918 г.

*Управляющему делами Совета Народных Комиссаров
Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу*

Ввиду невыполнения Вами настоящего моего требования указать мне основания для повышения мне жалования с 1 марта 1918 г. с 500 до 800 руб. в месяц и ввиду явной незаконности этого повышения, произведенного Вами самочинно по соглашению с секретарем Совета Николаем Петровичем Горбуновым в прямое нарушение декрета Совета Народных Комиссаров от 23 ноября 1917 г., объявляю Вам строгий выговор.

*Председатель Совета Народных Комиссаров
В. Ульянов (Ленин)».*

Сталин был похож на Ленина, но его фанатизм распространялся не на Маркса, а на конкретный советский народ — Сталин фанатически служил ему. Он не был аскетом, но ему просто ничего лишнего не было нужно. Очень долгое время он с семьей жил чрезвычайно скромно, и жене его не всегда хватало денег даже на такую жизнь. У них не было поваров; когда после смерти жены Сталину готовила обед домработница, то обед состоял из щей на первое,

каши с отварным мясом из щей на второе и компота на десерт. Либо ему обед приносили из столовой полка, охранявшего Кремль. Из сохранившейся переписки того времени видно, с какой радостью дети Сталина воспринимали посылки с фруктами¹²⁷, которые отец им высылал, когда отдыхал и лечился на Кавказе.

Анри Барбюс так описывает жилье и быт Сталина в начале 30-х годов.

«Тут в Кремле, напоминаям выставку церквей и дворцов, у подножия одного из этих дворцов стоит маленький трехэтажный домик.

Домик этот (вы не заметили бы его, если бы вам не показали) был раньше служебным помещением при дворце; в нем жил какой-нибудь царский слуга.

Поднимаемся по лестнице. На окнах — белые полотняные занавески. Это три окна квартиры Сталина. В крохотной передней бросается в глаза длинная солдатская шинель, над ней висит фуражка. Три комнаты и столовая обставлены просто, как в приличной, но скромной гостинице*. Столовая имеет овальную форму; сюда подается обед — из кремлевской кухни или домашний, приготовленный кухаркой. В капиталистической стране ни такой квартирой, ни таким меню не удовлетворился бы средний служащий. Тут же играет маленький мальчик. Старший сын Яша спит в столовой, — ему стелют на диване; младший — в крохотной комнатке, вроде ниши.

Покончив с едой, человек курит трубку в кресле у окна. Одет он всегда одинаково. Военная форма? — это не совсем так. Скорее намек на форму — нечто такое, что еще проще, чем одежда рядового солдата: наглухо застегнутая куртка и шаровары защитного цвета, сапоги. Думаешь, припоминать... Нет, вы никогда не видели его одетым по-другому — только летом он ходит в белом полотняном костюме. В месяц он зарабатывает несколько сот рублей — скром-

* Постановлением СНК от 1 декабря 1917 г. Ленин определил, что для наркомов «квартиры допускаются не свыше 1 комнаты на члена семьи».

ный максимум партийного работника (полторы-две тысячи франков на французские деньги)».

По воспоминаниям начальника его охраны на 1927 г., дача Сталина не имела ни удобств, ни прислуги*, и он с семьей приезжал туда на выходные с приготовленными дома бутербродами. Со временем его быт был усовершенствован, что было вызвано скорее необходимостью приема иностранных гостей, но его безразличие к быту сохранилось: он не имел практически никаких личных вещей, даже лишней пары обуви или какой-то одежды**. Единственным его богатством была огромная библиотека (обычная норма чтения Сталиным литературы была около 300 страниц в день).

При таком вожде и его соратники подбирались соответственно — возле Сталина собирались Люди, особенно тогда, когда Сталин в идейной борьбе с Троцким не имел еще подавляющего преимущества.

Прямой противоположностью Сталину в этом вопросе был Троцкий. Этому требовались результаты победы в материальном виде. Если ездить — то в поезде царя, если жить — то во дворце, если есть — то только еду личного повара, если проститутки — то только высшего света. Взял власть — гуляй всласть! Правда, сам Троцкий называл это скромно *«заботой о товарищах»*. Само собой, что благодаря этой *«заботе»* среди товарищей Троцкого и его идейных союзников никогда не переводились мерзавцы, не переводились Животные.

* Сталин провел постановление о том, что дачи парработников не могут быть больше, чем в 3—4 комнаты. Тем не менее, «жертвы сталинизма» Рудзутак, Розенгольц, Межлаук, Карахан, Ягода и др. к моменту своего ареста успели построить дворцы в 15—20 комнат.

** Полковник Н. Захаров, в 1953 г. был начальником отдела управления правительственной охраны и описывал имущество Сталина после его смерти.

Спустя почти 50 лет Захаров вспоминал с удивлением: *«Когда открыл гардероб Сталина, то подумал, что я богаче его. Два френча, шинель, ботинки, 2-е пары валенок — новенькие и подшитые, новенькие ни разу не обуты. Все!»*.

Такие вот сравнения. Нет ни единого намека, что Сталин или Молотов, или Каганович хоть раз в жизни провели вечер в ресторане. А вот, скажем, сторонник Троцкого Г. Ягода, фактически возглавлявший органы госбезопасности страны (ОГПУ), в честь десятилетия своей организации за счет налогоплательщиков снял в Москве все самые дорогие рестораны. У этого павиана, кстати, при обыске кроме обилия бархата была найдена и огромная коллекция крайне дефицитной тогда во всем мире порнографии*. Это к вопросу, куда он направлял деньги налогоплательщиков, выделяемые на разведку.

Причем, не надо этому вопросу придавать сугубо еврейский оттенок на основании того, что Троцкий, дескать, был еврей. Русское «благородное сословие» — дворянство в вопросах подлости могло евреям и фору дать.

Князь С.Е. Трубецкой — заместитель главы боевой антисоветской организации в Москве — был пойман, долго сидел под следствием, приговорен к смерти, помилован, выпущен и, в конце концов, выслан за границу, где он написал воспоминания о временах Гражданской войны «Минувшее», интересные тем, что писал их органический антисоветчик. Тем не менее у него масса различных примеров о поведении русского дворянства после революции. Вот он, скрыв фамилии, чтобы не позорить семьи, описывает судьбу сидевших с ним под следствием трех дворян.

«Все трое были офицеры. К. — армейский кавалерист, восточного происхождения. После революции К. добровольно пошел в Красную армию — не из принципа, конечно, а прельстившись должностью полкового командира (он был, кажется, поручиком). Г. и Н.Н. тоже «устроились» у большевиков оба на должностях военных следователей. И вот тут-то началось «дело». Г. и Н.Н. оба знали, что К. женат на дочери богатого польского промышленника, и

* По статье 182¹ тогдашнего Уголовного кодекса за ввоз порнографии в страну судом могло быть дано до 5 лет лишения свободы, а у Ягоды конфисковали более 4 тысяч открыток, 11 порнофильмов.

в их головах созрел план действия. Безо всякого реально-го основания они создали против К. «дело», обвиняя его в «контрреволюции», в чем К. был совершенно невинен. После его ареста они, как бы по дружбе, обратились к жене К., говоря, что последний неминуемо будет расстрелян, если вовремя не подкупить кого следует, но для этого требуются значительные суммы, и в иностранной валюте... Шантажируя жену К., Г. и Н.Н. все время разыгрывали перед ней роль верных друзей ее мужа, идущих на большой личный риск, чтобы его вызволить. Обоим мерзавцам удалось таким образом присвоить драгоценности жены К., которая им их передала, и обязательства на крупные суммы, под гарантией польских имуществ. Г. и Н.Н. хотелось уже ликвидировать инсценированное ими же самими дело против К., выпустить его на волю и пожать плоды своей изобретательности. Но тут что-то сорвалось... Не знаю точно, в чем дело: вероятно, Г. и Н.Н. не поделились с кем следовало. Так или иначе, они сами и жена К. были арестованы. Вся махинация выяснилась, и военный трибунал приговорил обоих следователей к расстрелу.

...Забегая вперед, скажу, что Г. и Н.Н. были расстреляны, К. — по суду оправдан, а жена его «за попытку подкупа» была приговорена к нескольким годам заключения (кажется, к пяти). Когда К. вышел на волю, жена его уже сидела в тюрьме».

Не знаю, как вам, а я считаю, что тут большевики поступили исключительно благородно. Князь Трубецкой (который не каялся и не скрывал своей ненависти к большевикам, за что и был ими выслан в Германию) вспоминает еще один характерный случай.

«Только потом я понял, что переживал Виноградский, когда, сидя с ним в камере, я безо всякой задней мысли рассказал ему следующий случай. Один арестованный ЧК офицер, чтобы спасти свою жизнь, предал своих товарищей. Те были расстреляны, но та же судьба постигла и самого предателя. «Больше он нам полезен быть не может,

а куда нам девать таких подлецов?» — сказал о нем видный чекист, кажется, Петерс (тогда я точно помнил его имя и имя расстрелянного предателя и назвал их обоих Виноградскому). Я ясно видел, как взволновал его этот рассказ, как он изменился в лице и с каким чувством повторял: «Какие мерзавцы, какие бездонные мерзавцы!».

Чтобы вы поняли, почему этот Виноградский возмущался большевиками, следует сказать, что дворянин Виноградский уже предал самого Трубецкого, который узнал об этом несколько позже. (Хотя посудите сами, куда действительно большевики должны были девать алчных подонков и негодяев, о которых выше упомянул Трубецкой?).

Надо сказать, что Сталин, один из старейших членов Политбюро ВКП(б) — высшего органа партии, состоявшего из 5—6 человек, — до середины Гражданской войны вообще не имел в Москве даже комнаты; в свои возвращения в Москву с фронта он жил у знакомых или в гостинице. Никогда ни Сталин, ни его соратники не лечились и не отдыхали за границей. Но будущие «жертвы сталинизма» предпочитали лечиться только на зарубежных курортах, естественно, за счет налогоплательщиков. К примеру, Н. Крестинский, выехав в 1922 г. за границу расширять воздушные проходы в носу, несколько месяцев провел на немецких курортах и на рижском взморье, привезя чемоданы барахла и разом израсходовав всю сумму, планировавшуюся на десятки действительно больных революционеров. В том же году за границу ездил и И. Смилга, тоже в будущем «жертва сталинизма». Вернувшись, не смог отчитаться о 2000 рублях золотом, поэтому написал просто: «не сэкономил на еде». Действительно, чего их экономить — деньги-то чужие!

Вот на этот аспект — материальную заинтересованность Животных в антисталинизме, — историки не обращают внимания, а его вес гораздо более значителен, чем вся идейная «марксистская» борьба.

Конституция

В 1936 году была принята разработанная Сталиным Конституция СССР.

И вот теперь оцените ситуацию так, как оценивают ее Животные, которые оценку любой исторической фигуры ведут только с позиций ее животных интересов, поскольку по-иному мыслить Животные просто не умеют. Животное представляет себя на месте Сталина так:

«Вот я у власти, у меня много вкусной жратвы, женщин, охраны, развлечений, мое самолюбие польщено непрерывным прославлением меня продажными писаками. И меня хотят от власти убрать, лишить всего того, чем я так прекрасно ублажаю свои животные инстинкты! Что делать? Ответ вроде понятен — уничтожить моих врагов. А если сил мало, а врагов много? Тогда постараться уменьшить себе количество врагов, не плодить их, чтобы суметь разгромить хотя бы наиболее опасных».

Логично? Да, именно так должно было бы думать Животное на месте Сталина, и именно так оно должно было бы вести себя на его месте — не раздражать «старых большевиков», предоставить им всем кормушки у денег налогоплательщиков, терпеть их тупость, алчность, неспособность работать. За это все партийные функционеры Сталина бы всегда поддерживали.

Кроме этого вспомним, что во второй половине 30-х годов внутренние враги были не единственными врагами Сталина. К власти в Германии уже пришел Гитлер, Германия уже начала вооружаться, объявив себя врагом большевизма. То есть, кроме внутреннего врага — тупиц и бездельников — у Сталина был и мощный внешний враг, который также хотел его свергнуть. Будь на месте Сталина Животное, оно бы никогда не рискнуло в этих условиях создать себе еще и третьего врага.

Но Сталин не был Животным, и он себе такого нового врага создал. Этим врагом стала для Сталина та часть выс-

шей партийной и государственной номенклатуры, которая продолжала находиться в должностях, умея ловко составленными отчетами о своей деятельности создать в Москве видимость благополучия на порученных ей участках работы. Это были не только хитрые Животные, вступившие в ВКП(б), но и обыватели, порой искренне пошедшие за большевиками, но во имя себя самого — во имя своего собственного благополучия в первую очередь. На обширных просторах СССР, плохо контролируемых из Москвы, их должности давали им большую власть и возможность удовлетворять с ее помощью свои животные инстинкты. Американский специалист Д. Литлпейдж, работавший в 30-х годах на Урале, вспоминал, что тогдашнего секретаря Уральского обкома ВКП(б) Кабакова именовали вице-королем Урала. И этот Кабаков и ему подобные никогда бы не пошли против Сталина, если бы тот сам не озлобил их против себя. А озлобил он их новой Конституцией СССР, принятой в 1936 г.

До этой сталинской Конституции Советская власть была не одинаковой для каждого человека в стране. Большевики после революции закрепили свое превосходство над остальным населением, органы Советской власти хотя и действовали от имени всего народа, но только так, как прикажут местные партийные функционеры. А последние могли заставить судью осудить невиновного или даже без судьи дать команду и выселить из данной местности тех, кем они не довольны. При такой их власти органические враги большевиков вынуждены были помалкивать и действовать в подполье, тайно. А это давало возможность партийным функционерам на любых выборах гарантированно проводить в органы власти только тех, кто им послушен, и, следовательно, гарантированно обеспечивать свою власть в органах Советской власти. Это шло от Ленина, и для времени Гражданской войны и ликвидации разрухи это было, как я уже писал, единственное решение.

А теперь по новой, сталинской Конституции все стали равны перед законом, и если в твоей области люди не лю-

бят тебя, партийного функционера, и не будут за тебя голо-совать, то ты ничего не способен с ними сделать, если они не нарушают законов.

Однако в этой проблеме две стороны. С одной стороны, Животным в ВКП(б) стало неуютно, но с другой стороны, враги коммунизма, враги советской власти тоже получили реальную возможность выйти из подполья и повлиять на выборы и попытаться взять власть парламентским путем. На тот момент опасность потери власти была общей и для Людей в ВКП(б), и для Животных в ВКП(б). Кроме этого, в случае успеха на выборах врагов коммунизма не только партноменклатура на местах теряла власть — вместе с нею терял власть и Сталин. Понимал ли это Сталин? Безусловно! Тогда почему он на это пошел, на принятие своей Конституции?

Тут есть тонкость, которую после извращений Хрущева и последующих генсеков люди уже перестали понимать. Коммунизмом и его первой стадией — социализмом — люди привычно считают ситуацию, когда у власти в данной стране находятся люди, называющие себя коммунистами. Это чушь и к коммунизму не имеет никакого отношения. Само это слово, происходящее от латинского *communis*, означает «общий», т.е. коммунизм — это общество, в котором у всех до одного человека одни права, одни обязанности и одни возможности, — а не общество, в котором у членов коммунистической партии прав больше, чем у беспартийных. Сталин был коммунист, после революции прошло почти 20 лет, он не мог больше терпеть антикоммунистическое положение в стране. Сталина, как я уже писал выше, не волновало то, будет ли он лично у власти или нет, ему нужен был Коммунизм.

Партийной номенклатуре, комплектовавшей собой Центральный комитет ВКП(б), по существу Сталину возразить было нечем, но ей, в отличие от Сталина, было далеко не все равно, останется она лично во власти или нет. Члены ЦК, секретари обкомов и прочие партфункционеры свою личную власть просто так отдавать не собирались.

КРАТКИЕ ИТОГИ

Итак, если мы для понимания того, что происходило в СССР и что происходит в России, разделим людей на три класса — собственно Людей, обывателей и человекообразных животных, — то события в СССР до начала Великой Отечественной войны легко объясняются следующим.

Большевики, взявшие в 1917 г. власть в России, объявили своей целью и целью России построение общества справедливости, равенства и братства — Коммунизма. Это великая человеческая цель, служению которой посвящают себя Люди. И Люди России пошли за большевиками, массово пошел за большевиками и обыватель, который хотя и не собирался посвящать свою жизнь этой цели, тем не менее охотно жил бы в обществе справедливости. Человекообразные животные, целью которых является паразитирование на людях, и одураченный Животными обыватель в Гражданской войне 1918—1920 гг. попытались силой сломить большевиков, но потерпели поражение. Большевики стали властью в России.

По мере того, как большевики становились властной силой, т.е. теми, кто распоряжается деньгами налогоплательщика, все больше и больше человекообразных животных и неустойчивых по моральным принципам обывателей стали записываться в партию большевиков. Это известное явление, и в мире количество мерзавцев, записывающихся в ту или иную партию, является ее рейтингом — чем их больше, тем дела данной партии идут успешнее. А Ленин и другие лидеры большевиков, как вы видели выше, число фанатиков-коммунистов в ВКП(б) оценивали в 10%, остальное приходилось на обывателей и Животных.

Однако, взяв власть, большевики не способны были обеспечить всех желающих кормушками у денег налогоплательщиков, да и не собирались обеспечивать. Им надо было делать огромную работу по превращению СССР в

мощную и богатую державу. А пробравшиеся к власти Животные и не могли толком работать, и не хотели. От них начали избавляться, снимая с ответственных постов и вызывая массовую ненависть у снимаемых к Советской власти. Спектр внутренних противников Советской власти был широк — от бывших революционеров, возглавляемых Троцким или своими лидерами, до недобитых или прощенных в ходе Гражданской войны противников Коммунизма. Все они вели пропаганду в среде алчного, неустойчивого по моральным принципам обывателя, но скопить сил для открытого противостояния Людям не могли.

Первоначальные надежды Животных на то, что большевики в блокаде всего мира не отстроят экономику и голодный народ их сметет, не оправдались.

Тогда были предприняты попытки саботажем и диверсиями вызвать развал экономики — не получилось.

Между тем после 1934 г. благосостояние советских людей начало расти невиданными темпами, а к концу 1936 г. Сталин разрабатывает и народ принимает Конституцию, превращающую СССР в общенародное государство с равными избирательными правами и правами перед законом всех граждан вне зависимости от их членства в ВКП(б). Противникам Советской власти становится понятно, что еще немного, и советский народ с большевиками не расстанется и будет за них драться, не жалея крови. Противники большевиков понимают, что свергать большевиков нужно немедленно, но Животные трусливы и подлы, они не могут договориться между собой, они привыкли, чтобы кто-то рисковал за них и проливал свою кровь, — они пытаются поднять мятеж в Красной Армии, но большевики вовремя узнали о нем и немедленно обезглавили.

Конституция Сталина — это шаг к коммунизму, но Животные и обыватели на руководящих постах у большевиков перетрусил: ввиду непрерывно вскрываемых заговоров они боялись, что не смогут в ходе выборов сохранить Советскую власть и, следовательно, и свою. Они потребо-

вали у ЦК ВКП(б) провести репрессии, которые бы предупредили и активные действия врагов Советской власти, и их пропаганду. Ввиду надвигающейся угрозы войны ни Сталин, ни Политбюро отказаться от репрессий «пятой колонны» не могли, единственно, что они приняли меры к ограничению ее масштабов.

Определял тех, кого целесообразно репрессировать, НКВД во главе с аппаратным бюрократом Н.И. Ежовым, в результате в трибуналы и на суд чрезвычайных троек заседавшие в НКВД Животные стали представлять не только врагов, но и глупых болтунов, и просто невиновных. А Животные уже в судах и тройках репрессировали и сотни тысяч таких лиц.

Длилось это один год — с осени 1937 г. по осень 1938 г. Поток жалоб и донесений с мест в Политбюро и Генпрокуратуру (тогда — Прокуратуру СССР) быстро показал, что работники НКВД и чрезвычайные тройки совершают преступления, фабрикуя дела на заведомо невиновных и вынося заведомо неправосудные приговоры.

Политбюро отзывает с хозяйственной работы Л.П. Берию, тот очищает НКВД и суды от Животных, репрессирует их, а болтунов и невиновных выпускает из заключения и ссылки. С большим трудом выходящие из архивов России более-менее правдивые числа позволяют сделать оценку и выводы: в ходе репрессий дела были возбуждены против примерно 1 млн человек, из которых примерно 250 тысяч были расстреляны, а свыше 300 тысяч освобождены уже в 1939 г.

Но итог репрессий был спасительным для СССР, поскольку «пятая колонна» если и не была уничтожена полностью, то по крайней мере она была обессилена до состояния, при котором оказалась неспособна нанести удар в спину СССР в начавшейся войне с фашистской Германией.

А то, что в ходе репрессий удар был нанесен в основном по «пятой колонне», подтверждается ситуацией сегодняшнего дня: несмотря на вопли о том, что в ходе репрес-

сий пострадали только невинные, дела этих «невинных» засекречены в архивах России до сих пор.

С позиций сегодняшнего дня возникает два вопроса: нужны ли репрессии и можно ли с помощью репрессий избавиться от человекообразных животных?

На первый вопрос ответ дает и логика, и практика. У любой страны может возникнуть ситуация, когда внутреннего врага нужно уничтожить, и если этого не сделать, то будет уничтожено огромное количество честных граждан, к примеру, на фронтах в борьбе с внешним врагом. Практика тех времен не только СССР, но и Великобритании, США, Франции, Испании, Норвегии и Чехословакии показывает, что получается, когда врага уничтожают, и когда его жалеют. А сегодняшняя практика того, с какой легкостью США совершают агрессии, подтверждает необходимость репрессий еще больше.

На второй вопрос ответ тоже однозначный — нет! Человекообразное животное — это образ мыслей, т.е. это идея о том, что человек рожден для счастья, а счастье — это когда много денег, баракла, секса, и Родина там, где этого всего можешь много нахапать. А раз это идея, то оружие здесь бессильно. При репрессиях можно обезвредить и заставить служить Родине в лагерях (хотя это и дорого) только «успевших засветиться» Животных, остальные немедленно станут святее Папы Римского, затаив злобу и готовность немедленно предать, как в 1991 г. предали СССР 18 миллионов членов КПСС. Вы еще только подумаете о репрессиях, а Животные сделают все, чтобы стать членами репрессивного аппарата. Так что уничтожать человекообразных животных можно только в борьбе идей.

УБИЙСТВО СТАЛИНА

ВРЕМЯ БОЛЬШОГО ХАПКА

Если в начале войны Животные, в том числе и пролезшие на руководящие должности в государстве и ВКП(б), предавали советский народ, не веря в победу сталинского СССР, то по мере того, как Красная Армия начала побеждать немцев, Животные успокаивались, становились внешне преданными Сталину, как никогда, но одновременно развернулись в своей тупой алчности.

И время они выбрали крайне неудачное. Немцы так ограбили, а больше — разрушили Советский Союз, что у многих его граждан не то что лишней рубашки, а тряпки, оттереть пот с лица, не было. Союзники СССР Великобритания и США отказались назначить репарации с Германии в пользу СССР, предоставив Советскому Союзу возможность собрать их самому с той части Германии, которая была определена Советскому Союзу в оккупацию. Но, во-первых, это была едва треть территории Рейха, т.е. ни по масштабам побед СССР, ни по масштабам потерь СССР она никак не соответствовала справедливой доле компенсаций затрат на войну. Кроме того, планируя иметь дружественных себе немцев, СССР и не мог обложить репарациями свою часть Германии так, как следовало бы. В конце войны в СССР производство оружия и товаров для армии составляло чуть ли не три четверти всего производства, товаров для населения почти не производилось. В этих условиях требовалось аккуратно изъять у немцев как можно больше товаров и направить их на как можно полное удовлетворение всего советского народа, поскольку он, по сути, и являлся главным пострадавшим и главным победителем

в войне. Но не тут-то было! Животные на генеральских и маршальских должностях бросились алчно и тупо обворовывать советский народ, вывозя себе из Германии барахло вагонами.

Сталин, безусловно, надеялся, что превращению советских военачальников в Животных воспрепятствуют представители ВКП(б) в Красной Армии. Но и они чаще всего бросались грабить вместе с генералитетом, как это делал генерал Телегин, комиссар при маршале Жукове. Сталин, безусловно, надеялся на представителей госбезопасности в армии, но и они воровали чуть ли не впереди всех.

Однако, думаю, Сталин даже не догадывался, что творили Животные, уже пробравшиеся в главный орган управления ВКП(б) — в аппарат ЦК.

В 40—50 гг. в ВКП(б) был такой секретарь ЦК — Шепилов. Сначала, как водится, делал вид, что верно служит Сталину, потом — Хрущеву. Писал для Хрущева доклад о «разоблачении культа личности Сталина». Но в 1957 г., когда Молотов, Каганович и Маленков попытались сместить Хрущева, Шепилова подвел нух — он не вовремя переметнулся на сторону Молотова и остальных. Однако Хрущев выкрутился, выпер своих противников не только из ЦК, но и из партии, а заодно и Шепилова. Причем Маленков, Молотов и Каганович во всех документах назывались как самостоятельные личности — просто по фамилиям. А Шепилов к ним был присовокуплен как несамостоятельная «шестерка», в связи с чем эта компания официально именовалась: «Маленков, Молотов, Каганович и примкнувший к ним Шепилов». В то время ходил анекдот:

— Какая в СССР самая длинная фамилия?

— Примкнувший к ним Шепилов.

Так вот, этот Шепилов написал воспоминания, в которых с циничной откровенностью показывает, кем были на самом деле все эти «верные сыны партии» в ее аппарате, кем была и кем пополнялась партноменклатура. Простите за длинную цитату:

«Во главе управления пропаганды и агитации ЦК стояли многие годы Г.Ф. Александров, сам по себе умный и книжно-грамотный человек, хотя, я думаю, что он никогда не знал и никогда не изучал марксистско-ленинскую теорию капитализма, по первоисточникам. Опытный педагог и пропагандист, Александров представлял собой типичный образец «катедер-коммуниста» (то есть «коммуниста от профессорской кафедры»). Он никогда не занимался никакой практической работой ни в городе, ни в деревне. Не был он и на фронте. Окончил среднюю школу, затем философский факультет, затем сам стал преподавателем философии, а вскоре — начальником управления агитации и пропаганды ЦК и академиком. Вот и весь его жизненный путь.

Классовая борьба, социалистическое строительство, трудности, противоречия, война, империалистический мир — все это было для него абстрактными понятиями, а революционный марксизм — суммой книжных истин и цитат. Возглавив агитпроп после опустошительных чисток 1937—1938 гг., Александров и в аппарате ЦК, и на всех участках идеологического фронта расставлял своих «мальчиков».

Типичными для этого обширного слоя людей, выдвинутых на руководство участками духовной жизни общества, были заместители Александрова — П.Н. Федосеев, В.С. Кружков, главный редактор газеты «Известия», а затем «Правды» Л.Ф. Ильичев, заместитель Александрова по газете «Культура и жизнь» П.А. Сатюков и многие другие.

Все они, используя свое положение в аппарате ЦК и на других государственных постах, лихорадочно брали от партии и государства полными пригоршнями все материальные и иные блага, которые только можно было взять. В условиях еще далеко не преодоленных послевоенных трудностей и народной нужды они обзаводились роскошными квартирами и дачами. Получали фантастические гонорары и оклады за совместительство на различных постах. Они торопились обзавестись такими акциями, стрижка купонов с которых гарантировала бы им богатую жизнь на все време-

на и при любых обстоятельствах: многие в разное время и разными путями стали академиками (в том числе, например, Ильичев, который за всю жизнь сам лично не написал не только брошюры, но даже газетной статьи — это делали для него подчиненные), докторами, профессорами и прочими пожизненно титулованными персонами.

За время войны и после ее окончания Сатюков, Кружков, Ильичев занимались скупкой картин и других ценностей. Они и им подобные превратили свои квартиры в маленькие Лувры и сделали миллионерами. Однажды академик П.Ф. Юдин, бывший некогда послом в Китае, рассказывал мне, как Ильичев, показывая ему свои картины и другие сокровища, говорил: «Имей в виду, Павел Федорович, что картины — это при любых условиях капитал. Деньги могут обесцениться. И вообще мало ли что может случиться. А картины не обесценятся...» Именно поэтому, а не из любви к живописи, в которой ничего не смыслили, все они занялись коллекционированием картин и других ценностей. За время войны они заодно всячески расширяли и укрепляли свою монополию на всех участках идеологического фронта.

На протяжении послевоенных лет я получал много писем и устных жалоб от бывших политотдельцев и фронтовиков, что они не могут получить работу, соответствующую их квалификации, или даже вернуться на ту работу в сфере науки, литературы, искусства и др., с которой они добровольно уходили на фронт. Впрочем, такие явления монополизации руководства и пренебрежения или даже неприязни к фронтовикам и инвалидам войны имели место и на других участках государственного и партийного аппаратов.

Расследованием по письму в ЦК одной из оскорбленных матерей было установлено, что некий околотеатральный и околотеатральный деятель организовал у себя на роскошной квартире «великосветский» дом терпимости. Он подбирал для него молодых привлекательных киноактрис, балерин, студенток и даже школьниц-старшеклас-

ниц. Здесь и находили себе уладу Александров, его заместители Еголин, Кружков и некоторые другие. Кружков использовал великосветский вертеп и для скупки картин.

Что касается многих других «александровских мальчиков», то они проявили обычную для таких людей живучесть. Сбросив с себя несколько мимикрических одеяний, они, когда это оказалось выгодным, стали ярыми поборниками Хрущева. Эта бесчестная камарилья образовала при Хрущеве своего рода «мозговой трест» и стала управлять всей идеологической работой в стране».

САМЫЙ СТРАШНЫЙ ВРАГ

Скотство Животных является самым страшным врагом коммунизма, гораздо более страшным, чем нацизм Гитлера или водородная бомба, поскольку человекообразные животные губят коммунизм изнутри и на уровне идей, а не на уровне явной, открытой силы.

Коммунизм, сами понимаете, имеет целью служение индивидуума обществу, Высокой Цели, не связанной с животной сущностью человека. Коммунист — это и есть Человек в своем человеческом содержании. Человекообразное животное — это мерзкий скот в человеке с животной алчностью, трусостью, ленью и похотливостью. Причем все эти качества в Животном развиты тупо.

Повторю. Человеку для жизни не требуется много материальных благ, но Животное гребет и гребет под себя инстинктивно, бессмысленно. Не важно, что оно не способно надеть себе бриллианты из страха, что его из-за них убьют или ограбят. Оно все равно будет стремиться их иметь.

Не важно, что трусость Животного ведет его к смерти (вспомним, как элементарно гитлеровцы уничтожали стада человекообразных животных всех национальностей), оно будет тупо бояться.

Не важно, что любая работа, даже если смотреть на нее как на развлечение, в сотни раз интереснее убогих животных развлечений (типа тряски в танце под негритянские ритмы), — Животное ненавидит работу как таковую. На любой работе ему плевать, что он делает, он алчет только материального вознаграждения.

Животное похотливо без смысла и ему не важно, любит ли он эту курочку или нет, потоптать ее — его обязанность. Животное даже секс превращает во что-то унылое, лишенное человеческих чувств, в какие-то возвратно-поступательные движения без разницы, с кем и с чем — с женщиной, с резиновой куклой, с трупом или свиньей.

Смешно, но по мере обострения отношений с Израилем в КПСС стали вводить негласные предписания отказываться в приеме в партию евреям. Но только евреям! Для Животных, той же самой еврейской национальности, никаких препятствий не было! Все мелькающие на небосклоне СНГ еврейские Животные — все были члены КПСС! И наоборот. Еврей, антисоветчик, исключенный из партии и Союза журналистов в 1968 г. В. Томашпольский, видя, что творят Животные всех национальностей с его родиной СССР, уже в феврале 1991 г. возопил: «...Чего же ты хочешь? — спрошу я себя словами, ставшими названием кошмарного романа черносотенца Кочетова, бывшего соратника идашкиных.

В КЛЕТКУ ХОЧУ, НАЗАД В КЛЕТКУ!!

Но только чтоб и бесы оказались под замком в соседней камере».

А все эти «верные ленинцы», секретари парткома березовские, политруки юшенковы, преподаватели марксизма-ленинизма бурбулисы, распахнув пасть, вцепились в горло Родины, а заодно и в горло друг друга.

Мог ли не видеть Сталин эту страшнейшую опасность как для коммунизма, так и для СССР?

Если он этого не видел, значит, он тогда ничего не видел, а мы знаем, что это не так. Надвигающуюся угрозу, лишь слегка подавленную в 1937 г., не видеть было нель-

зя. Ведь так или иначе, но нельзя было скрыть от Сталина вспыхнувшую среди высокопоставленных коммунистов типовую безразмерную алчность.

И маршал Жуков, и его комиссар Телегин украли почти по 4 тыс. метров тканей, и это при том, что даже на костюме требуется не более 3 м. Зачем?! А они не знают зачем, человекообразное животное себе такие вопросы не задает, есть возможность украсть — кради!

Как-то в Германии мне пришла в голову мысль купить обувь, и «новый гусский» пошел со мной показать мне «хороший» магазин. Пока я в этом магазине соображал, что тут мне ничего не по карману, он вдруг купил себе три пары туфель. Я удивился: во-первых, туфли вроде хотел покупать я, а во-вторых — неужели у него их не хватает? «У меня в Нью-Йорке, — сообщил мой экскурсовод, — 600 пар туфель». На вопрос, зачем ему столько, он ничего ответить не смог, кроме «пусть будут». Животное в таких вопросах беспомощно — оно не понимает, что делает, оно инстинктивно материализует результат своего паразитирования, поскольку где-то в подсознании оно, видимо, догадывается, что в гроб с собой свои деньги не заберет.

Надо подчеркнуть и то, что война нанесла тяжелейший удар по настоящим коммунистам — по Людям, — резко снизила их численность. Ведь это только в пословице «смелого пуля боится, смелого штык не берет». В реальности на фронт, на передовую всегда идут лучшие, и гибнут они по этой причине гораздо чаще, чем Животные, которые если и не смогут сбежать в Ташкент, то добьются себе должности в тылу или сдадутся врагу при первой же возможности. Баланс между Людями и Животными резко изменился, в том числе и среди евреев. Евреи, как и все, гибли на фронте, еврейские Животные прятались за Уралом.

В подтверждение этой мысли могу привести воспоминания жены «великого» физика Ландау (жена его называет Дау) о другом «великом» физике — Е. Лившице (Женьке).

«Осенью 1942 г. в Казань из Харькова приехал Илья Лившиц, хотя их институт был эвакуирован в Алма-Ату. Вечером от Женьки Дау вернулся очень возбужденным:

— Коруша, какую массу золота я видел у Женьки! Первый раз видел золото царской чеканки. Продemonстрировав мне свое золото, Женька и Илья стали меня уговаривать сейчас под шумок пробираться к персидской границе, а когда немцы возьмут Волгу, перейти границу и пробираться в Америку. Золото-то поможет до Америки добраться.

— Дау, а при чем здесь ты? Пусть бегут со своим золотом в Америку.

— Коруша, им необходимо мое имя в пути и особенно в Америке. Нет, ты не бойся, я никуда бежать не собираюсь, но я никак не мог доказать Лившицам, что немцы Волгу не перейдут и что Россию завоевать невозможно! Почему-то забывают историю. Армия Гитлера погибнет, как погибла армия Наполеона.

— Дау, а ты не посоветовал Женьке сдать свое золото в фонд победы?

— Коруша, мы победим без Женькиного золота, но про золото ты знать не должна. Я дал слово о золоте тебе не говорить. А главное — я сейчас нужен стране, я ведь тоже работаю на Красную Армию».

Что дал Ландау Красной Армии, утаив от нее золото Лившица, из воспоминаний, да и из биографии Ландау понять невозможно. Но «устроились» они в тылу неплохо: «Пайки по карточкам у нас были более чем приличные. Женьку поразила разница твердых цен по карточкам и цен на черном рынке. Он решил обогатиться. Продавал все, даже мыло».

То есть, в то время, когда еврей Драгунский даже после тяжелого ранения и инвалидности рвался на фронт, еврей Лившиц получал в тылу за бесценку продукты и увеличивал количество своего золота, перепродавая их тем, кто делал оружие для армии.

Драгунские гибли, лившицы жирели.

А ведь если умом обывателя, умом толпы овладеют герои, то тогда строки из советской песни «у нас героем становится любой» — станут абсолютной истиной. Но если умами толпы овладевают человекообразные животные, как сегодня, если они убедят толпу, что смысл жизни в том, чтобы жрать, сношаться и жить «на халяву», то слова этой песни можно смело переделывать на «Животным у нас становится любой».

Предотвратить превращение обывателя в Животных можно только давлением со стороны СМИ. А СМИ были в руках партаппарата КПСС, но ведь над ним стояла сама партия! Следовательно, обыватель СССР не превращался в Животных до тех пор, пока партия была более-менее чиста от Животных.

А вот в этом плане, как уже сказано выше, нарастала катастрофа: и партаппарат терял человеческий облик, и Животные поперли в партию.

ПРИЧИНА ВСЕХ ПРИЧИН

Напомню, Ленин и Сталин вынуждены были совершить ошибку, равную преступлению, — они из аппарата управления партией создали второй, параллельный аппарат государственного управления. Им некуда было деваться — государственный аппарат был на то время укомплектован либо старыми, либо случайными кадрами, никак не отвечавшими за свое плохое управление Россией. А в партийном аппарате (хотя люди там по качеству — умению управлять — были такими же) кадры жизнью отвечали за плохое управление страной: в случае потери большевиками власти из-за своего плохого управления страной в ходе войны или мятежей эти кадры были бы уничтожены.

Повторю, до войны и в ходе войны контроль и подмена госаппарата партийным аппаратом себя оправдывала. Однако после победы в войне сменились условия: автори-

тет СССР, да и ВКП(б) в мире вырос настолько, что партноменклатура большевиков сразу же стала «персона грата» на всем земном шаре. Быть большевиком стало законно и **безопасно!** Но одновременно с этим контроль партаппарата за государственным аппаратом стал не просто лишним — он стал убийственно вредить СССР как государству. Кончилось это тем, что партаппарат в 1991 г. убил государство, на котором паразитировал. Это легко доказывается мысленным экспериментом.

Представим, что у нас в 1991 г. не было бы вообще никакой партии, были бы только госчиновники СССР и госчиновники республик. Предположим, что чиновники республик решили бы отделиться от СССР. А что случилось бы в этом случае с чиновниками СССР? Они бы ведь остались без работы! Да они бы за одну мысль о развале СССР преследовали бы любого беспощадно, как Сталин.

Как вспоминает Г. Димитров в своих дневниках, 7 ноября 1937 г. на торжественном обеде у Ворошилова Сталин взял слово, хорошо отозвался о царях, оставивших в наследство большевикам страну до Камчатки «единую и неделимую», и сказал тост:

«Каждая часть, которая была бы оторвана от общего социалистического государства, не только нанесла бы ущерб последнему, но и не могла бы существовать самостоятельно и неизбежно попала бы в чужую кабалу. Поэтому каждый, кто попытается разрушить это единство социалистического государства, кто стремится к отделению от него отдельной части и национальности, он враг, заклятый враг государства, народов СССР. И мы будем уничтожать каждого такого врага, хотя бы был он и старым большевиком, мы будем уничтожать весь его род, его семью. Каждого, кто своими действиями и мыслями (да, и мыслями) покушается на единство социалистического государства, беспощадно будем уничтожать. За уничтожение всех врагов до конца, их самих, их рода!».

А в 1991 г. чиновников госаппарата СССР парализовала безответственная мразь партаппарата КПСС. Она, владея всеми СМИ, дала монополию на свободу слова только сепаратистским подонкам и запретила госаппарату борьбу с ними. Она запретила прокуратуре вмешиваться (раскол СССР был каравшимся смертью преступлением по УК РСФСР и кодексом остальных республик) и дала возможность сепаратистам победить. Случилось то, что и предсказывал Сталин, — все части СССР сегодня в кабале.

Совершенно невероятно, чтобы Сталин не увидел и не задумался над угрозой, возникающей от управления страной двумя аппаратами управления одновременно.

Да, когда плохое управление ведет к потере власти, а потеря власти — к смерти, то это стимулировало того же секретаря райкома вникать во все дела в районе. Но после войны эта угроза исчезла навсегда, так зачем партаппаратчику учиться, зачем ему лишняя работа? При двоевластии ситуация автоматически развивалась так, что со временем во всей стране некомпетентные люди должны были руководить знающими.

Далее. Некомпетентность может быть не только следствием отсутствия стимулов, но и следствием врожденной лени и тупости. На производстве, в живом деле такие люди работать не смогут, но в партаппарате компетентность и не требуется. Следовательно, партаппарат после войны становился вожденной мечтой ленивого, но амбициозного дурака. И дураки в него поперли.

Возьмем, к примеру, Ельцина. Он по глупости надиктовал мемуары «Исповедь на заданную тему». Из этих откровений следует, что Ельцин и в юности был туп (десятилетку сумел окончить за 12 лет, к 20 годам), подл (не стеснялся доносов), злобен (на мальчишеской разборке бросил гранату в сверстников, убив двоих, самому ему осколком оторвало пальцы). Тем не менее, благодаря влиятельному отцу и игре в волейбол, он получил диплом строительного института, но знаний из него не вынес ни на копейку. Строи-

тельные чертежи не способен был прочесть — то у него в строящемся им доме двери не в ту сторону открываются, то на чертежах строящегося цеха не увидел подземного перехода. Работая в строительстве, за год умудрялся получать до двух десятков выговоров (выгнать с работы могли за три). В конце концов, благодаря знакомствам отца, переходит на работу в партаппарат. И начинается бешеная карьера тупого и ленивого кретина!

Мог ли Сталин не предвидеть такого? Конечно, предвидел, ведь уже при нем в партаппарат полезли тупые и ленивые детки, о которых он со злобой отзывался: *«Проклятая каста!»*.

Сталин, его сподвижники — Берия, Молотов, Каганович, Микоян и др., не только свои доклады и речи готовили себе сами, они лично активно участвовали в борьбе идей — писали и публиковали статьи. Когда нельзя было особенно «светиться», то даже под псевдонимами, как, скажем, министр иностранных дел А.Я. Вышинский. А вы посмотрите на последний состав верхушки КПСС. КПСС уничтожили в идейной борьбе, но разве хоть кто-нибудь даже из членов тогдашнего Политбюро попробовал поучаствовать в этой борьбе на страницах газет? Полная интеллектуальная немощь! Максимум, на что они были способны, — интервью. Остальное им писали помощники, а когда не стало помощников, то не стало видно и этих «видных» деятелей «коммунистического движения».

Оставление в СССР двух аппаратов управления вело к стяжательству и воровству — к расхищению народного имущества.

Тут надо понять, что партаппарат — это контролер, а контролер — это свинья, которая везде грязь найдет. Как бы ты хорошо ни работал, но какой-нибудь недостаток все равно будет, а если и нет, то его несложно выдумать, к примеру: плохо организовал соцсоревнование, мало уделяешь внимания людям и т.д. и т.п. Подконтрольный вынужден «задабривать» контролеров, к концу КПСС это «задабри-

вание» почти сплошь стало материальным. А ведь подконтрольному это «материальное» так или иначе надо было украсть. К тому же ленивый и тупой аппарат КПСС даже в вопросе контроля не хотел пальцем о палец постучать и развел себе полчища «помощников». Тут и главный попираатель законов — прокурор, и народный контроль, и Госгортехнадзор, и санэпидемстанция, и пожарные, и Госстандарт, и т.д. и т.п. (Все работники заводов СССР знали, что если на завод едут областные инспекторы Госгортехнадзора (проверяющие технику безопасности на производстве), то значит, нужно выписывать рабочим липовые премии, отбирать их, покупать водку и поить контролеров).

В расследовании этого дела мы неминуемо столкнемся с А.А. Кузнецовым, который до января 1945 г. был 2-м секретарем Ленинградского обкома ВКП(б), до марта 1946 г. — первым секретарем того же обкома, до февраля 1949 г. — секретарем ЦК ВКП(б). А директором ленинградского Кировского завода был Исаак Моисеевич Зальцман, который с началом войны руководил рядом танковых заводов на Урале, и даже один год был министром (наркомом) танковой промышленности. В конце войны он делает подарки Сталину и Кузнецову — своему бывшему партийному начальнику в Ленинграде. Рабочие его завода в качестве подарков изготавливают саблю, украшенную золотом и бриллиантами, и художественно отлитую бронзовую чернильницу.

Что касается бронзовой чернильницы, то у меня вопросов нет. Отражательные печи для плавки бронзы должны загружаться большим количеством металла, чем нужно для заливки форм, и из остатков жидкого металла можно отлить любые детали чернильниц, а на расходе бронзы по заводу это никак не скажется. Рабочим также можно заплатить из имеющегося в распоряжении директора завода премиального фонда, более того, узнав, что и для кого они делают, рабочие сделают эту чернильницу и бесплатно.

А вот с саблей сложнее. Что касается рабочей силы, стали на клинок, дерева, кожи и цветных металлов, то с

этим проблем тоже нет — все это легко может быть найдено на танковом заводе и перерасхода этих материалов не будет. Но где взять золото и бриллианты? Они танковому заводу не положены, а посему их невозможно получить на завод, и невозможно потом списать на строительство танков. Как достаточно опытный заводской руководитель скажу, что и тогда, и позже золото и бриллианты для такого подарка можно было только украсть, и это знали все руководители. То есть Зальцман обязан был поручить своим подчиненным украсть на заводе, скажем, продукты питания у своих рабочих, незаметно уменьшая пайковые порции, либо стройматериалы, недодавая цемент в фундаменты, либо делая пересортицу леса и т.д., а затем украденное продать на черном рынке и купить в ювелирном магазине требуемое золото и бриллианты. Причем, воровать надо было в несколько раз больше, поскольку надо было платить и тем, кто воровал. Повторю, среди руководителей дураков нет и любой, кто получил бы от директора завода подарок с золотом и бриллиантами, безусловно знал бы, что они украдены, и, следовательно, приняв этот подарок, он сам становится соучастником воровства. А такое воровство и до войны не очень приветствовалось. Упомянутый выше адвокат Меньшагин защищал на суде в 1937 г. председателя смоленского союза промышленной кооперации Фролова. Фролов подарил председателю промкооперации СССР, когда тот приехал на ревизию в Смоленск, «художественно сделанную кровать, которую сделал в городе Велиже еврей один, очень такой мастер хороший был, специалист. Ему специально он заказал и без оплаты, за счет местной промкооперации подарил». Фролову суд дал два года за дарение, а тот, кто эту кровать принял в подарок, спал на ней не долго, поскольку, по сведениям Меньшагина, его расстреляли в Москве. Вряд ли только за эту кровать, но и за кровать тоже.

Особенно гнусно подарки с золотом и бриллиантами начальству выглядели в ходе войны и после нее. Ведь гра-

ждане СССР добровольно сдавали в фонд обороны деньги, золото, бриллианты и валюту, и поступило этих ценностей 3% от всех расходов на войну. И начальник, принимающий в это время в подарок золото и бриллианты, был исключительным негодяем.

А теперь догадайтесь, кому хитрый еврей Зальцман какой подарок сделал? Правильно, Сталину Зальцман подарил чернильницу, а секретарю Ленинградского обкома — саблю с золотом и бриллиантами и еще золотые часы. Оба подарки взяли. Сталин взял потому, что он ни один подарок себе не оставлял, а все сдавал в «Музей подарков Сталину», который, по сути, был музеем народного художественного творчества. У Кузнецова такого музея не было и ему пришлось пополнить этой саблей с золотом и бриллиантами и золотыми часами количество личного барахла.

А вот еще пример того, как контролер грабит контролируемого. Предатель, немецкая подстилка, бургомистр Майкопа, сбежавший на Запад Н.В. Полибин издал за рубежом воспоминания «Записки советского адвоката, 20—30-х гг.». Книжка гнусная, но вот такой пример общения контролера с колхозниками абсолютно точен, поскольку все это сохранилось вплоть до развала СССР.

Приезжает прокурор «тов. Доценко», бывший сотрудник НКВД, в колхоз. Как во всяком другом колхозе, здесь прорывы: или весенняя, или осенняя пахота сделаны не вовремя, или зерно не протравлено формалином до посева, или падеж телят, или инвентарь не отремонтирован, или же, обычно, все вместе. А еще хуже, если первая заповедь не выполнена: хлебозаготовка!

Так как он с дороги голодный, ему сейчас же подают, смотря по сезону, либо яблоки и мед, либо яичницу в десять глазков, либо жареную баранину. Пожирая все это, он требует статистические и бухгалтерские данные, он уже знает «слабину», присущую каждому колхозу. Тычет пальцами в графы, обнаруживает отставание, невыполнение, прорывы и нагоняет на всех холоду. Правлению и бухгалтеру уже мерещится если не 58-7, то, во всяком случае, ст.

109 Уголовного кодекса, т.е. должностное преступление. Закончив эту протирку с песком, он спрашивает:

— А я слышал, у вас поросята продаются. Почем живой вес?

— Как же, как же, товарищ прокурор, продаем 2 руб. 50 коп. за килограмм живого веса.

— Ну так отберите мне килограмм десять, да получше.

Он платит под квитанцию 25 рублей. Поросятка он не берет. Неудобно: скажут — прокурор взял взятку поросятком. Прокурору его привезут. И действительно, месяца через два ему привозят резанного, откормленного и отделанного уже кабана пудов на шесть. Ему, по крайней мере, девять или десять месяцев. Он на базаре стоит три или четыре тысячи рублей. Прокурору, чтоб заработать эти деньги, служить нужно не менее полугода.

— Сколько я вам должен заплатить за корм?

— Помилуйте, ничего. Он у нас в колхозном стаде гулял в степи.

Что это, злоупотребление властью, вымогательство или взятка? То же самое и с мануфактурой. Через задние двери, вне очереди набирается в «раймаге», т.е. в районном магазине, рублей на двести-триста мануфактуры, затем она реализуется на базаре в городе, через тещу или мамашу, и выручается тысячи две или три. А как хорошо одеваются все арбитры сравнительно с остальным населением! И костюмчики, и обувь приличная, и белье. Просто они разбирают споры между хозяйственными организациями, а потому «задние двери» для них везде открыты. Это не взятки, это просто любезность со стороны хозяйственников».

А над всеми этими контролерами главным грабителем стоял партаппарат. По свидетельству Коржакова, Ельцин, когда еще был верным сыном КПСС, всегда носил в кармане 10 руб., и когда его кормили и поили в ресторане, то он никогда не ел и не пил совсем бесплатно, а небрежно бросал эту десятку. Как и вышеописанный прокурор, который «по закону» заплатил 25 руб. за кабана стоимостью 4 тыс. рублей.

Кстати, о прокурорах. Сохранение рядом с госаппаратом ставшего безответственным партийного аппарата напроочь рушило правосудие в стране. Прокуроры и суд обязаны подчиняться только законам страны, а их дает Советская власть, т.е. они должны подчиняться Советской власти. Но фактически они обязаны были подчиняться партаппарату, без ведома которого их не могли ни назначить на должность, ни снять с нее. Пока Советская власть и партаппарат были связаны одной судьбой, то это куда ни шло. Но как только партаппарат стал безответственным, то это начисто перечеркнуло и правосудие, и Власть Советов.

Наличие двух аппаратов управления размазывало персональную ответственность в принципе, и это нравилось и госаппарату. Не надо думать, что все чиновники госаппарата так уж мечтали о своей свободе и независимости от обкомовских и цэковских придурков. Работник госаппарата должен непрерывно принимать решения по своему делу, а его решения не всегда бесспорны. Иногда приходится выбирать между плохим решением и отвратительным. Но принимать решение надо — на то ты и руководитель. И вот в этом случае подобные решения хорошо согласовать с «мудрым» обкомом или ЦК. Тогда, в случае неудачи, работник госаппарата вроде уже и не так виновен в принятии глупого решения.

Госаппарат результатом своей деятельности давал стране все материальное — хлеб и сталь, машины и квартиры и т.д. и т.п. А партаппарат к этому мог только примазаться. Его продукцией были отчеты о якобы проделанной блестящей работе. В результате партаппарат все дела страны стал уводить из реальной сферы в виртуальную (в действительности не существующую) сферу — в сферу отчетов о делах. Стало не важным, даже в госаппарате, сделал ли ты дело, важно — сумел ли отчитаться. Это одна из сущностей бюрократизма, она была всегда, но при Сталине с ней пытались бороться, а если к этому подключался и сам вождь, то боролись беспощадно.

И ПАРТИИ НЕ В РАДОСТЬ

Оставление партийному аппарату государственной власти губило внутривластную демократию, учреждало надо всеми диктатуру кучки партийной номенклатуры. Сталина заботила возможность открытого высказывания своего мнения любым коммунистом, да и просто гражданином. Он настойчиво добивался критики, и не для того, чтобы кого-то поразить «плюрализмом мнений» или либерализмом. Любая критика так или иначе освещает недостатки, а устранение недостатков — залог того, что большевики удержатся у власти. Критика — это отсеивание мусора из партии. При чистках партии при Сталине процесс оценки коммунистов происходил на открытых собраниях, чтобы беспартийные тоже могли критиковать коммунистов. Это и в народе вызывало уважение, а коммунисты не чувствовали себя кастой неприкасаемых.

Пока опасность поражения висела надо всеми функционерами ВКП(б), то и низовые партаппаратчики были заинтересованы в критике, даже если она и была нелюбимой, и Сталин следил за этим. Чтобы никто ни партии, ни народу рот не закрывал, он пояснял аппарату Московской парторганизации:

«Нередко требуют, чтобы критика была правильной по всем пунктам, а ежели она не совсем правильна, начинают ее поносить, хулить. Это неправильно, товарищи. Это опасное заблуждение. Попробуйте только выставить такое требование, и вы закроете рот сотням и тысячам рабочих, работников, сельских, желающих исправить наши недостатки, но не умеющих иногда правильно формулировать свои мысли. Это была бы могила, а не самокритика... Вот почему я думаю, что если критика содержит хотя бы 5—10% правды, то такую критику надо приветствовать, выслушать внимательно и учесть здоровое зерно».

А комсомольцев учил: «Было бы ошибочно думать, что опытом строительства обладают лишь руководители. Это неверно, товарищи. Миллионные массы рабочих, строящие нашу промышленность, накапливают изо дня в день громадный опыт строительства, который ценен для нас ничуть не меньше, чем опыт руководителей. Массовая критика снизу, контроль снизу нужен нам, между прочим, для того, чтобы этот опыт миллионных масс не пропал даром, чтобы он учитывался и претворялся в жизнь.

Отсюда очередная задача партии: беспощадная борьба с бюрократизмом, организация массовой критики снизу, учет этой критики в практических решениях о ликвидации наших недостатков».

Когда условием твоей, партаппаратчика, жизни является то, доволен тобой народ или нет, волей-неволей ты и без Сталина будешь искать «здоровое зерно» для устранения любого недовольства. Но как только после войны опасность исчезла, то критика для партаппарата стала обузой. Если бы власти снимать с должности чиновников у партаппарата не было, то ему бы пришлось продолжать терпеть критику. А при наличии власти партаппаратчик мог заставить госчиновника заткнуть рот наказаниями любому критикующему, хоть партийному, хоть беспартийному. Критиковать партаппарат стало опасно, любой функционер становился неприкасаемым, роль рядовых коммунистов сводилась только к тому, чтобы голосованием освящать решения любых партийных чиновников.

Когда Хрущев только осваивал наследство Сталина, то он боялся, что в Казахстане коммунисты не согласятся с ЦК КПСС и не изберут своими руководителями посланных Хрущевым из Москвы Пономаренко и Брежнева, т.е. роль партийных масс в начале его правления еще была реальной — Хрущев вынужден был учитывать мнение рядовых коммунистов. А к концу своей карьеры он уже хвастался художникам и артистам (в воспоминаниях кинорежиссера М. Ромма):

«...но решать-то кто будет? Решать в нашей стране должен народ. А народ это кто? Это партия. А партия кто? Это мы, мы — партия. Значит, мы и будем решать, я вот буду решать. Понятно?».

Уже вскоре после смерти Сталина это стало понятно всем. Партия как организация миллионов коммунистов кончилась. Партией стала группа людей у ее вершины.

Требовалось ли семь пядей во лбу, чтобы понять, что произойдет и с основной массой членов партии после того, как опасность для жизни партаппарата исчезнет, а возможность командовать госаппаратом, Советской властью — останется? Для кого представляет интерес членство в организации, для которого только и требуется тупое повторение того, что говорит начальство, никаких ни общественных, ни профессиональных знаний не требуется, но которое дает возможность занимать любые должности в государстве и пользоваться массой льгот? Правильно — членство в партии стало чрезвычайно соблазнительным для тупых и алчных мерзавцев, партия стала очень соблазнительной для Животных.

Так что никак нельзя было оставлять партии власть над государством после победы в войне, нельзя было даже по причине того, что это была бы смерть для самой партии.

И, наконец, была и главная причина. Напомню, что после взятия большевиками власти в России в 1917 г. они СССР и ВКП(б) структурно построили так, что власть всего народа — Советская — была подчинена власти ВКП(б). Но, повторю, такое государство не было коммунистическим, поскольку в коммунистическом государстве власть принадлежит всем, а не только группе людей — партии. В 1936 г. Сталин своей Конституцией частично исправил положение — он передал власть в СССР всему народу. Но он не изменил конституцию (строение) самой партии — она по-прежнему имела все органы для управления не только собой, но и всем государством. Правда, как вы увидите ниже, Сталин активно отстранял партноменклатуру от управле-

ния государством, но делал он это явочным порядком, вопреки Уставу партии. Таким образом, следующим шагом Сталина к коммунизму должна была быть такая реорганизация структуры партии, чтобы она технически не могла управлять страной, т.е. сделать так, чтобы у партии не было тех органов, которыми управляют государством.

Мы столько времени посвятили Животным, что могло показаться, будто все эти разборки с нами занимали все время Сталина. На самом деле это не так, все его время уходило на управление страной, на руководство Людьми. И человекообразными животными Сталин занимался постольку, поскольку они заставляли его ими заниматься. А они заставляли.

Огромная страна, огромные проблемы, огромен энтузиазм людей, создающих народное богатство, и на это богатство, как шакалы, перли Животные всех национальностей, чтобы получше «устроиться», чтобы много жрать, сношаться и ничего не давать взамен.

Устраивались, урывали, но счастья не было — проклятый Сталин не давал им жить. Вот бы Жукову пригласить на дачу других Животных и похвастаться, сколько картин, ковров, книжек с золотым тиснением он украл в Германии — все остальные Животные попадали б от зависти. А Сталин взял и приказал все это добро у Жукова конфисковать, продать, а на вырученные деньги улучшить жизнь Людей. Вот бы певице Руслановой надеть на себя все 300 карат бриллиантов, что ее муж украл в Германии, — все остальные самки Животных от зависти бы обмочились. Так нет же — у нее бриллианты для тех же целей конфисковали, а саму с мужем еще и посадили. Так что уж певцу Александровичу с его Цилей бриллианты пришлось прятать настолько далеко, что и воры не нашли. Ну что это за жизнь для Животных?

Устроишься секретарем райкома или в аппарат обкома и ждешь, что тебе все начнут домой нести разные блага, а проклятый Сталин заставляет день и ночь работать, да

еще и через МГБ слежку установил за твоим моральным обликом. Вот у секретаря Ленинградского обкома и горкома П.С. Попкова нашли-то всего 15 костюмов, так ведь и это лыко вставили в строку приговора! Ну как бедному Животному жить при Сталине? А ведь эти Животные, после того, как коммунистом быть уже было не страшно, плодились с невероятной скоростью.

Как Сталин ни старался отобрать честных и порядочных людей в органы управления страной и партией, как бы жестоко он ни наказывал подонков, а соблазн партноменклатурной халявы был так велик, что Животные лезли в органы управления партии с отчаянной решимостью. Страх тяжелой руки Сталина и алчность к животным благам порождали у них такую ненависть к вождю Людей, к вождю трудового народа, что, перефразируя известное положение, можно сказать: «Верхи уже не удерживали Животных в узде, а Животные уже не могли ждать, пока Сталин умрет своей смертью».

Вот это и есть мотив убийства Сталина, а затем и Берии. Но этот мотив не полный.

Лишение ВКП(б) управления государством

Не надо думать, что Сталин мог вот так взять и подарить человекообразным животным дело своей жизни, свой народ. Нет, Сталин дал Животным свой последний бой и пал именно в этом бою у стен защищаемого им Коммунизма. Не для того он посвятил жизнь своему народу, чтобы заменить ему паразитов-капиталистов на паразитов-Животных.

Чтобы понять план того боя, который Сталин пытался выиграть у них, напомним, что в основе проблемы было двоевластие в стране. Не неся ответственности по существу, партийный аппарат стал паразитическим и быстро заполнялся Животными. Для победы над ними, для спасения страны и партии нужно было устранить партаппарат от государственной власти.

Если хотите, то нужно было создать ситуацию, как сегодня, но только не в таком карикатурном виде, а всерьез. Сегодня есть правящая партия «Единая Россия», вернее — была, и есть президент Путин от этой партии. Но партаппарат партии «Единая Россия» (даже будь она не мифической) не может дать команду даже постовому милиционеру. Он и сама партия имеют только одну задачу — пропагандой среди населения обеспечить в Думе депутатов-«медведей» и президента-«медведя». Повторяю, «Единая Россия» — это карикатура и на партию, и на здравый смысл, но ВКП(б) отнюдь бы не была карикатурной. У коммунистов была и конечная цель — коммунизм, была и работа для ума — идейные проблемы по выбору путей его строительства.

Но только отойдя от непосредственной власти, ВКП(б) перестала бы быть халявой для Животных — как с помощью такой партии «устроишься»? Она же власти устроить тебя писателем или послом, ученым или завбазой, не имеет. Уйди ВКП(б) от власти, и оказалось бы, что быть членом партии — это значит жить для коммунизма. Быть секретарем такой партии — это значит по уму и честности превосходить всех, кто живет для коммунизма. Ну на хрена это Животным?!

Увод партии от непосредственного управления государством восстанавливал действие сталинской Конституции в полном объеме (статья о руководящей роли КПСС появилась в Конституции только при Брежневле), спасал государство и спасал партию. Партия продолжала контролировать, но не органы управления страной, а мораль в обществе.

Сталинская Конституция запрещала иметь контрреволюционные, буржуазные партии, партии, посягающие на власть трудящихся. Но эта Конституция не запрещала иметь несколько коммунистических партий. ВКП(б), в принципе, могла разделиться по взглядам на вид деталей конечной цели — коммунизма, — по путям его достижения. Это бы еще более усилило интеллектуальную борьбу в

коммунистической среде, усилило бы поиск истин. Коммунисты стали бы интеллектуальной и моральной элитой общества, а не тем скотским говном, которое предало и коммунизм, и СССР в числе первых.

Следует добавить, что ненужность партноменклатуры для управления страной была не теорией, а уже зарекомендовавшей себя практикой. Аппарат партии активно участвовал в этом процессе только до тех пор, пока вождь СССР его возглавлял.

Еще раз напомним структуру ВКП(б). Раз в три года члены партии избирали делегатов на съезд, и съезд ВКП(б) избирал руководящий орган партии — Центральный комитет. Сразу после съезда члены ЦК избирали секретарей партии для непрерывного руководства собственной партией, и Политбюро для непрерывного руководства и партией, и государственным аппаратом. После чего члены ЦК разъезжались и собирались в дальнейшем от случая к случаю. Генеральный секретарь ВКП(б) — Сталин — был членом Политбюро, а поскольку он лично был и наиболее выдающимся государственным деятелем, то его личное влияние позволяло ему проводить в Политбюро и ЦК свои решения и, как результат, руководить страной.

Так как у главы страны вопросов для решения возникает очень много, то до войны Политбюро заседало по нескольку раз в неделю, поскольку решало до 300 вопросов в месяц.

Но как только Сталин в мае 1941 г. стал официальным главой страны — председателем Совнаркома, — заседания Политбюро для него стали ненужной обузой, потерей времени. С наиболее деятельными членами Политбюро — Молотовым, Берией, Кагановичем, Микояном — он совещался как глава страны со своими министрами. Собирать их еще раз на заседании Политбюро для повторного обсуждения уже принятых вопросов и только для того, чтобы обозначить «руководящую роль партии», было глупо. То есть, с точки зрения управления государством, этот орган утратил

свою роль. Текущее управление партией Сталин мог вести как Генеральный секретарь, но, судя по всему, он это управление сильно упустил. Иначе бы не было «ленинградского дела», партноменклатура боялась бы своевольничать.

Очень редко собирались пленумы ЦК и, видимо, только для освящений голосованием кадровых перестановок. А съезды ВКП(б) 13 лет вообще не собирались — не было в них нужды. А ведь это были периоды очень тяжелые — периоды войны и восстановления страны. Хотел этого сам Сталин или нет, делал он это специально или нет, но такой практикой он подтвердил, что в «руководящей роли партии» в государстве уже нет никакой необходимости, роль ее в обществе должна быть другой.

Жорес Медведев в журнале «Урал» (№7, 1999 г.) сообщает, что, к примеру, в 1950 г. Политбюро ЦК ВКП(б) собиралось всего 6 раз, в 1951 г. — 5 раз и в 1952 г. — 4 раза. Жорес в данном случае соврал, пытаясь доказать, что Сталин был стар и мало работал, но я ему благодарен, т.к. он натолкнул меня на мысль самому разобраться с этим вопросом. На самом деле в 50-х годах Политбюро собиралось не намного реже, чем в 1940 г. Статистика выглядит так.

В 1940 г., когда Сталин был только Генеральным секретарем ВКП(б), Политбюро рассмотрело **3492** вопроса.

В 1941 г., в мае которого Сталин стал и главой страны, Политбюро рассмотрело **2655** вопросов.

В 1945 г., победном, Политбюро рассмотрело **911** вопросов.

Но в 1951 г. Политбюро рассмотрело **3273** вопроса.

А в 1952 г. — **1420** вопросов.

Таким образом, данная статистика ни о чем не говорит, если не вникнуть в суть рассматриваемых вопросов. Поскольку все их невозможно перечислить, то давайте для иллюстрации возьмем вопросы, рассмотренные Политбюро в первую неделю (со 2 по 7 января) 1940 и 1952 г.

После Нового 1940 года, со 2 по 7 января, Политбюро рассмотрело следующие вопросы (их номера идут от нача-

ла очередного протокола, не совпадающего с какой-либо определенной датой, в данном случае это протокол № 11):

- «95. О Приходове Ю.К.
- 96. О Жилинине Я.А.
- 97. Об Исакове Б.Н.
- 98. Вопросы Смоленского обкома ВКП(б).
- 99. О Лошакове Д.И.
- 100. О секретарях обкомов КП(б) Украины.
- 101. О составе Комитета по делам кинематографии при СНК СССР.
- 102. О секретарях Юго-Осетинского обкома КП(б) Грузии.
- 103. Вопрос НКО.
- 104. О помощи жертвам землетрясения в Турции.
- 105. Об организации Главного управления железнодорожного строительства в составе НКВД СССР.
- 106. О заместителях наркома и составе коллегии Наркомзема СССР.
- 107. О наркоме земледелия Украинской ССР.
- 108. Вопросы Верховуда СССР.
- 109. О замене зерновых культур мясом при выполнении плана хлебозаготовок в Читинской области и Киргизской ССР.
- 110. Об изготовлении шапок-ушанок для снабжения РККА (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР).
- 111. Вопрос НКО.
- 112. О присвоении Дегтяреву В.А. звания Героя Социалистического Труда.
- 113. О возврате Наркомхимпромом спирта в УГР.
- 114. О разбронировании мобзапасов имущества и материалов Гушосдор НКВД.
- 115. О соглашении по пограничным вопросам с Афганистаном.
- 116. О дополнительной валютной смете НКО на содержание войск усиления в МНР на 1939 год.

117. О смете валютных расходов НКВМФ на IV квартал 1939 года.

118. О распространении льгот, предусмотренных в пп. 2 и 3 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13 июля 1934 г. на заводы Народного комиссара вооружения (постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

119. Об ознаменовании столетия со дня рождения П.И. Чайковского.

120. Об увековечении памяти В.В. Маяковского.

121. О награждении Доронина Н.Д., Доронина А.Д. и Доронина В.Д.

122. Вопрос Госплана СССР.

123. о передаче части работ НКВМФ в Эстонии местным подрядчикам (постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР).

124. Вопрос НКВМФ.

125. Вопросы Верховного суда.

126. О секретарях обкомов КП(б) Украины.

127. О посылке делегации на открытие Словацкого университета в Братиславе.

128. О выпуске 203 мм бетонобойных снарядов.

129. Вопрос Ленинградского горкома ВКП(б).

130. О Толстове Г.А. и Муравьеве П.И.

131. О Гареве К.Т.

132. Об Иванове В.А.

133. О секретарях Ярославского обкома ВКП(б).

134. О секретарях обкомов КП(б) Узбекистана.

135. Вопросы ЦК КП(б)У.

136. О переименовании ЦК профсоюзов рабочих кирпичной промышленности.

137. Об образовании районов в составе Барановичской, Белостокской, Брестской, Вилейской и Пинской областей Белорусской ССР.

138. Об образовании районов в составе Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской и Тернопольской областей Украинской ССР.

139. О первом секретаре Ивановского обкома ВКП(б).

140. О выборах депутатов в Верховный совет СССР от западных областей Украинской ССР и Белорусской ССР.

141. О награждении Чойбалсана».

А после Нового 1952 г. со 2 по 7 января Политбюро рассмотрело следующие вопросы (протокол № 85):

«186. О Мельникове И.А.

187. Об Антропове И.В.

188. О дублировании кинофильма «Тарас Шевченко» на немецкий язык.

189. О командировании в Чехословацкую Республику советских специалистов.

190. О награждении Тевосяна И.Ф. орденом Ленина в связи с пятидесятилетием со дня его рождения.

191. О приглашении в Советский Союз шведского писателя Артура Лундквиста.

192. О представителе советских профсоюзов на седьмой съезд профсоюза рабочих бумажной промышленности Финляндии.

193. О направлении в Англию на ежегодную конференцию Национального союза английских учителей представителя советских профсоюзов.

194. О направлении советских представителей на заседание исполкома Международного кооперативного альянса (МКА) в Амстердаме.

195. О приглашении в СССР группы работников кинематографии Германской Демократической Республики.

196. О направлении советской профсоюзной делегации в Италию.

197. О приезде в СССР на лечение Чойбалсана.

198. О Сергееве М.Т. и Белом Д.Н.

199. О Сурченко А.И.

200. Об Агееве И.А.

201. О Зюбченко А.К.

202. О Песляке М.М.

203. Об Авдееве А.А. и Агееве П.М.

204. О коллегии Министерства внутренних дел СССР.

205. О Тихонове П.П.

206. Ходатайства о помиловании Ковалевского Э.А., Волосевича В.И., Дындаря М.Ф. и других, осужденных к высшей мере наказания.

207. О 28-й годовщине со дня смерти В.И. Ленина.

208. О награждении орденами и медалями работников науки Всероссийского научно-исследовательского института организации и механизации строительства Государственного комитета Совета Министров СССР по делам строительства за выслугу лет и безупречную работу.

209. О Соколове К.Ф. и Германовиче Н.Н.

210. О Люсикове П.А.

211. Об утверждении проекта положения, структуры и штатов Первого главного управления МГБ СССР.

212. О мерах улучшения агентурно-оперативной работы в органах МГБ СССР.

213. О приглашении рабочей делегации Финляндии в Советский Союз.

214. О направлении делегации советской молодежи на заседание исполкома Всемирной федерации демократической молодежи.

215. О направлении в Индию делегации деятелей советской культуры.

216. О направлении приветствия Антифашистского комитета советской молодежи Демократической студенческой федерации гор. Карачи (Пакистан).

217. О выплате гонорара писателю Д. Картеру.

218. О награждении Маленкова Г.М. орденом Ленина».

Как видите, пока Сталин был только в партии, то он на Политбюро рассматривал абсолютно все вопросы и партии, и государства: и экономические, и государственного строительства, и военные. Но когда он стал главой СССР, то на Политбюро стали рассматриваться только кадровые вопросы, вопросы пропаганды, награждения и помилования, и вопросы контроля за силовыми структурами государства. Если в 1940 г. вопросы народного хозяйства Политбю-

ро рассматривало непрерывным потоком, начиная от государственного бюджета и кончая организацией питания на отдельных предприятиях, то в 1952 г. вопросы экономики отсутствуют начисто, практически единственными случаями, когда Политбюро вспоминает о деньгах, были случаи выплаты гонораров «прогрессивным писателям» и помощи «прогрессивным газетам» за рубежом, т.е. это все те же вопросы пропаганды. Иными словами, Сталин вытеснил партноменклатуру из государственного управления тем, что не давал ей вмешиваться в дела Советской власти.

В это время совместные решения партии и правительства Сталин подписывал только как председатель Совета министров. От партии эти документы подписывал один из секретарей: сначала А.А. Жданов, после него Г.М. Маленков. Тем не менее, в обществе авторитет партноменклатуры не падал и (это надо специально подчеркнуть) только потому, что Сталин оставался в должности секретаря. Его авторитет вождя придавал авторитет и всему партийному аппарату.

Итак, и теоретически было ясно, что партаппарат от управления страной нужно устранять, и практически это было подтверждено.

Что нужно получить, было ясно, но вот как это получить? Объявить, что ВКП(б) устраняется от власти? За что? Партия потеряла половину своего состава в боях на фронтах. И даже ее аппарат, особенно низовой, еще далеко не весь заполнился Животными. За что же ей такое недоверие? Более того, ведь это плохой пример для тех стран, где коммунисты еще не пришли к власти, там-то ведь власть надо захватывать!

Операцию по формальному отсечению партноменклатуры от непосредственного руководства государством надо было произвести без боли и без большого шума. Процесс должен был пройти естественно. И Сталин взял в руки скальпель. Этим скальпелем был XIX съезд ВКП(б), прошедший осенью 1952 г.

Сначала несколько слов вообще. Съезд этот интересен тем, что, начиная от Хрущева любую память о нем партноменклатура старалась тщательно уничтожить. При Брежневке начали выпускать стенограммы всех съездов ВКП(б) и КПСС и следующих за ними пленумов ЦК, на которых происходили выборы руководящих органов. Выпуск стенограмм начали интересно — со стенограмм I-го и сразу XX съездов партии. А когда издание этих документов довели до материалов XVIII съезда ВКП(б), то на нем печатание стенограмм и прекратили. Почему? Ведь XIX съезд — это публичное мероприятие, парадное. На нем присутствовали делегации всех зарубежных компартий, масса журналистов. Что же здесь скрывать?

Это так, но на этом съезде Сталин выступил всего лишь с небольшой заключительной речью, и только. А вот на пленуме ЦК, сразу после съезда, на мероприятии закрытом, он сказал главную речь и говорил 1,5 часа. И если издавать материалы XIX съезда, то надо было издавать и стенограмму пленума. А это уже невозможно было сделать.

Чуть ли не полстолетия пишут о Сталине как о величайшем негодяе, убивавшем людей тысячами «во имя власти». Но не приводят ни единого клочка бумаги с собственноручными заметками Сталина по этому поводу либо с заметками, которые можно было бы так истолковать. Вообще не приводят фотокопий ни единой странички, написанной Сталиным. А ведь у него не было этих придурков-спичрайтеров и имиджмейкеров. Он все свои статьи писал сам, тезисы докладов — сам. Иногда, расслабляясь, писал бог знает о чем, например, о вопросах языкознания. (Работа, безусловно, признанная всеми специалистами в этой области.) Где рукописи Сталина?!

Сталин заставлял идеологов партии работать над теорией построения Коммунизма, над теорией путей к нему. Заставлял других, а сам не работал? Этого быть не может, он работал, но, повторяю, где его рукописи?

Ж. Медведев об этом написал лапидарно: «...личный архив Сталина был уничтожен вскоре после его смерти...». Оцените, насколько страшны были для последующей номенклатуры идеи Сталина, что эта номенклатура боялась их даже хранить! А XIX съезд — это была та часть идей Сталина, которую оскотинившаяся партноменклатура боялась особенно сильно. Давайте рассмотрим то, что об этих идеях известно, и восстановим то, что пытаются скрыть.

Историки пишут, что решение Сталина созвать съезд ВКП(б) было неожиданным для аппарата партии. Сталин принял это решение в июне 1952 г., а уже в августе был опубликован проект нового устава ВКП(б), т.е. Сталин созывал съезд именно для этого — **для изменения статуса партии** и ее организационной структуры. Как говорится, уели его и страну Животные, пора было принимать меры.

Уверен, что для 99% членов партии, рассматривавших Устав, новый текст не представлял ничего интересного или особенного, поскольку речь шла о каких-то естественных (увеличение количественного состава руководящих органов в связи с резким ростом рядов партии), либо, на первый взгляд, косметических изменениях (новых названиях партии и ее руководящих органов). Однако давайте рассмотрим эти изменения внимательно, поскольку Сталин был слишком умный человек, чтобы даже запянуть в документе поменять просто так, без особой нужды. Начнем, казалось бы, с пустяка.

Название «Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)» менялось на «Коммунистическая партия Советского Союза». Первое название объявляло всем о независимости партии от государства, от Советской власти. Слово «всесоюзная» обозначало просто территорию, на которой действует эта часть всемирного коммунистического Интернационала. До роспуска Коминтерна в 1943 г. на титульном листе членского билета ВКП(б) вверху было написано: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». В середине: «Партийный билет», и в самом низу: «ВКП(б) — секция Коммунистического Интернационала».

Новое название намертво привязывало партию к государству, партия становилась как бы собственностью СССР, структурным подразделением Советской власти. Было Правительство Советского Союза, Министерство обороны Советского Союза, теперь вместо ВКП(б) стала и Коммунистическая партия Советского Союза.

Дальнейшие изменения были уже кардинальными. Вместо Политбюро ЦК партии полагалось сформировать только Президиум. Полагаю, что многие считают это одним и тем же руководящим органом. Действительно, убив Сталина, номенклатура не дала этому органу измениться, а в 1966 г. вернула и прежнее название. Но мы ведь рассматриваем не то, что сделала она, а то, что хотел сделать Сталин.

Бюро — это суверенный руководитель, состоящий из нескольких человек, бюро свои решения ни с кем не согласовывает. А президиум (от латинского *praesidere* — сидеть впереди) — это всего лишь представители другого руководящего органа, и он лишь часть вопросов может решать самостоятельно, а крупные вопросы, даже если он их и принял, обязан после этого утвердить у того, кого он представляет. Скажем, Президиум Верховного Совета СССР мог сам заменить министра СССР, но впоследствии обязан был это новое назначение утвердить на ближайшей сессии Верховного Совета.

И эта замена Политбюро на Президиум означала, что партия лишается органа, непосредственно руководящего всей страной, и ей создается орган, который руководит только партией, и то — в перерывах между пленумами ЦК.

Повторю, что Конституцией СССР Политбюро не предусмотрено, но в него всегда входили оба высших представителя Советской власти — Председатель Президиума Верховного Совета и Председатель Совета министров. От руководителей партии — ее секретарей (5—6 человек) — в Политбюро всегда входил генеральный секретарь и еще один-два секретаря, которые менялись в зависимости от

их личного авторитета. А от Правительства входило еще несколько министров. Таким образом, как я уже писал, Политбюро было неким междусобойчиком высших должностных лиц государства, которые одновременно являлись товарищами по одной партии. И решения Политбюро были обязательны для исполнения каждым, поскольку они, по сути, исходили от главы Советской власти и главы Советского правительства. И для партии они были обязательны, поскольку исходили от генерального секретаря.

Если опираться на документы, то после 1939 г. (XVIII съезд ВКП(б)), согласно уставу высший руководящий орган партии *«ЦК ВКП(б) организует для политической работы Политическое бюро, для общего руководства организационной работой — Организационное бюро, для текущей работы организационно-исполнительного характера — Секретариат, для проверки исполнения решений партии и ЦК ВКП(б) — Комиссию партийного контроля»*.

Но, как я уже писал, после войны Сталин, так сказать, явочным порядком постепенно низвел роль Политбюро только до органа по руководству партией. И на XIX съезде ВКП(б) это упразднение Политбюро было зафиксировано в новом уставе. В докладе об этом говорится, хотя и очень кратко, но и столь же определенно (выделено мною): «В проекте измененного Устава предлагается преобразовать Политбюро в Президиум Центрального Комитета партии, организуемый для руководства работой ЦК между пленумами.

Такое преобразование целесообразно потому, что наименование «Президиум» более соответствует тем функциям, которые **фактически исполняются Политбюро в настоящее время**.

Текущую организационную работу Центрального Комитета, как показала практика, целесообразно сосредоточить в одном органе — Секретариате, в связи с чем в дальнейшем Оргбюро ЦК не иметь».

Таким образом, функции *«политической работы»*, как в старом Уставе, исчезли, Президиум должен был руководить

только организационной работой в партии в промежутках между пленумами ЦК; Президиум фактически стал приемником не Политбюро, а Оргбюро, которое упразднили.

Получив вместо Политбюро Президиум, КПСС уже нечем было управлять страной, поскольку в Президиум ЦК, т.е. в собственно руководящий орган КПСС, главе СССР и главе Советской власти входить уже не было необходимости. (О чем ниже.)

Далее. Сталин ликвидировал в партии единоначалие — сделал то, что хотел сделать еще в 1927 г. Должность генерального секретаря была упразднена, а секретарей ЦК стало не 5, а 10 человек. Причем вместе они не образовывали никакого органа, а просто все 10 вошли в Президиум, в котором опять-таки по Уставу не было никакого председателя, никого главного.

Дело в том, что единоначалие нужно для хорошего управления организацией, для того, чтобы в ней были несущие ответственность руководители, для того чтобы вся организация была сильной. Но единоначалие мешает дискуссиям, поиску истин. Когда знаешь, что хочешь достичь, — нужно единоначалие, если находишься в стадии поиска цели — оно вредит. Точно знаешь, что нужно захватить власть — вводи единоначалие, а когда уже захватил и все органы государственной власти уже укомплектованы коммунистами, то зачем нужно единоначалие среди коммунистов, зачем нужно то, что сдерживает поиск истин?

Причем Сталин, видимо, позаботился и о том, чтобы после его ухода из секретарей партии (о чем позже) ЦК не вздумал создать себе нового вождя, так сказать, неформального. Ведь можно было начать прославлять кого-либо из авторитетных государственных и партийных деятелей, делая из него вождя партии и вождя народа № 2. Тогда в случае смерти Сталина вождь опять бы оказался не у Советской власти, а у партии.

На XIX съезде членом ЦК был избран писатель К. Симонов. Он один из трех, кто написал воспоминание о пленуме ЦК — о речи Сталина, о его просьбах, о реакции членов ЦК. (Два других мемуариста — Хрущев и Шепилов — уж явно извращают.) Симонов описывает пленум с позиции хрущевца, т.е. у Симонова Сталин является негодяем, который все время мечтает всех поубивать и т.д. Но как писатель Симонов очень точно передает свои впечатления, а они у него, похоже, гораздо более правильны, нежели его размышления.

После Сталина самыми старыми членами Политбюро (по членству) были Молотов, Ворошилов (с 1926 г.) и Микоян (с 1926 г. кандидат, с 1935 г. — член Политбюро). Микоян к тому же был и достаточно молод (57 лет). У номенклатуры могла прийти в голову мысль предложить членам ЦК рассматривать кого-либо из этих деятелей как вождя партии. Симонов пишет о том, что именно сказал членам ЦК Сталин, и думаю, что он это сказал, чтобы пресечь мысль вновь ввести в партии единоначалие посредством этих лиц.

«Главной особенностью речи Сталина было то, что он не счел нужным говорить вообще о мужестве или страхе, решимости или капитулянтстве. Все, что он говорил об этом, он привязал конкретно к двум членам Политбюро, сидевшим здесь же, в этом зале, за его спиной, в двух метрах от него, к людям, о которых я, например, меньше всего ожидал услышать то, что говорил о них Сталин.

Сначала со всем этим синодиком обвинений и подозрений, обвинений в нестойкости, подозрений в трусости, капитулянтстве он обрушился на Молотова. Это было настолько неожиданно, что я сначала не поверил своим ушам, подумал, что ослышался или не понял. Оказалось, что это именно так...

При всем гнве Сталина, иногда отдававшим даже неводержанностью, в том, что он говорил, была свойственная ему железная конструкция. Такая же конструкция была и у следующей части его речи, посвященной Микояну, бо-

лее короткой, но по каким-то своим оттенкам, пожалуй, еще более злой и неуважительной...

Не знаю, почему Сталин выбрал в своей последней речи на пленуме ЦК как два главных объекта недоверия именно Молотова и Микояна. То, что он явно хотел скомпрометировать их обоих, принизить, лишить ореола одних из первых после него самого исторических фигур, было несомненно...

Почему-то он не желал, чтобы Молотов после него, случись что-то с ним, остался первой фигурой в государстве и в партии. И речь его окончательно исключала такую возможность».

Симонов, во-первых, забыл, что речь шла не только о Молотове и Микояне, но и о Ворошилове. (О нем пишет в своих воспоминаниях Шепилов.) Симонов, не понимая, что происходит, считал, что Сталин злобствовал, но Сталину было не до злобы (все — Молотов, Ворошилов и Микоян — остались на своих партийных и государственных постах), Сталин предупреждал поползновения партноменклатуры к провозглашению нового вождя. И он предупредил своих старых соратников, что будет с ними, если они попробуют поиграть в эти игры. Предупредил на людях.

Но и это не все. Состав Президиума был определен в 25 членов и 11 кандидатов (имеющих совещательный голос). По сравнению с 9—11 членами Политбюро это получился очень многоголосый колхоз. Однако не надо думать, что Сталин не понимал, что делает. Большинство из этих 25 человек были не партийные, а государственные деятели, которые в миру подчинялись Председателю Совета Министров и, соответственно, Верховному Совету. Таким образом, власть в партии перешла от партийной номенклатуры к Советской власти (строго говоря — ее номенклатуре).

Сталин, подчинив партию Советской власти, восстановил действие Конституции СССР в полном объеме. Сделал, по сути, то, что и Петр I, который Русскую православ-

ную церковь сделал структурой государственного аппарата управления.

Интересно и то, что, несмотря на трехмесячное обсуждение нового Устава, и на то, что этот Устав на съезде докладывал Хрущев, партноменклатура, похоже, совершенно не догадывалась о том, что задумал Сталин. Свое намерение подчинить партию Советской власти он держал в тайне от аппарата ЦК, и когда на пленуме он достал из кармана список и зачитал пленуму свои предложения по персональному составу Президиума, для партаппаратчиков это было шоком. Они увидели, что их в Президиуме меньшинство и что им теперь предстоит играть в государстве ту же роль, какую при царе играли священники Русской православной церкви, а с учетом контроля МГБ за их жизнью и необходимостью завоевывать авторитет у рядовых членов партии их перспективу можно было бы назвать монашеской. О шоке от предложенных Сталиным кандидатур Хрущев вспоминал:

«Когда пленум завершился, мы все в президиуме обменялись взглядами. Что случилось? Кто составил этот список? Сталин сам не мог знать всех этих людей, которых он только что назначил. Он не мог составить такой список самостоятельно. Я признаюсь, что подумал, что это Маленков подготовил список нового Президиума, но не сказал нам об этом. Позднее я спросил его об этом. Но он тоже был удивлен. «Клянусь, что я никакого отношения к этому не имею. Сталин даже не спрашивал моего совета или мнения о возможном составе Президиума». Это заявление Маленкова делало проблему более загадочной...

...Некоторые люди в списке были мало известны в партии, и Сталин, без сомнения, не имел представления о том, кто они такие».

А Сталину было наплевать на то, что предложенные им люди *«были мало известны»* партийной номенклатуре. Главное, что они были известны Советской власти, поскольку зарекомендовали себя работой именно в ее органах.

Уход Сталина — СМЕРТЬ ПАРТНОМЕНКЛАТУРЫ

Единственным спасением, единственной соломинкой для партноменклатуры было то, что сам Сталин оставался в управлении партии, неважно, что не генеральным секретарем, ему никакие должности и звания и раньше не были нужны: все и так знали, что он Сталин.

И Сталин попробовал эту соломинку сжечь.

Но прежде чем исследовать реакцию на эту попытку, обсудим то, зачем Сталин был нужен партноменклатуре.

Во-первых, Животные перли в номенклатуру не для того, чтобы работать, но работать-то кому-то надо было. Ведь чтобы Животные жирели, надо, чтобы Люди работали, а значит надо, чтобы ими кто-то руководил из тех, кто понимает, как и что надо делать.

Сами Животные свою «работу» (то, что им приходится делать) ценят чрезвычайно высоко и уверены, что за этот труд они должны «получать» (именно так — получать, а не зарабатывать) очень много. Больше какого-нибудь Ваньки, горнового доменной печи, которого и горновым поставят только лет через 10 учебы тут же у печи, и который за 8-часовую смену теряет 12 кг веса (компенсируя эту потерю 9—10 л выпитой за смену воды). Но разве можно эту работу сравнить с титаническим трудом партийного аппаратчика?! Вот упомянутый Шепилов скромно пишет, как он даже в обморок упал от бешеного перенапряжения:

«Диагноз: динамическое нарушение кровообращения головного мозга на почве истощения нервной системы.

Интеллектуальный мотор, однако, продолжал свою бешеную работу. В голове проносились мысли о незавершенных работах по издательствам, изучении иностранных языков в школах, о выпуске новой серии агитплакатов, о недостатках преподавания политической экономии в ВУЗах, об отставании советского футбола, об увеличении производства газетной бумаги, о новом наборе слушателей в академию общественных наук и сотни других.

По одним нужно было представить проекты постановлений ЦК, по другим — информационные записки, по третьим — ходатайства в Совет Министров. И все важно, все срочно».

Ну а как же — а то футбол без Шепилова совсем заглохнет, а страна останется без агитационных плакатов. Но и это не вся «бешеная работа», которую приходилось делать этому секретарю ЦК.

«За эти десятилетия я прослушал и просмотрел в Большом театре и его филиале оперы: «Демон», «Травиата», «Манон», «Кармен», «Лоэнгрин», «Вертер», «Паяцы», «Богема», «Фауст», «Сорочинская ярмарка», «Риголетто», «Валькирия», «Майская ночь», «Нюрнбергские мастера пения», «Тоска», «Царская невеста», «Русалка», «Золотой петушок», «Псковитянка», «Евгений Онегин», «Гугеноты», «Севильский цирюльник», «Дубровский», «Иоланта», «Черевички» и др.

В послевоенные годы Большой театр поставил заново «Бориса Годунова», «Садко», «Аиду», «Князя Игоря», «Пиковую даму», «Руслана и Людмилу», «Мазепу», «Хованщину», «Вражью силу», «Ромео и Джульетту», «Лакме». «Чио-Чио-сан», «Свадьбу Фигаро», «Фиделио», «Ивана Сусанина» и др. В последующее время я имел возможность ознакомиться с оперным мастерством Праги и Парижа, Будапешта и Милана, Белграда и Нью-Йорка. Думаю, что не будет преувеличением сказать, что с точки зрения сценического мастерства в целом многие из перечисленных постановок представляют собой шедевры мирового оперного искусства».

Заметьте, что Шепилов об этой своей «бешеной работе» пишет абсолютно серьезно. Но если человек от просмотра агитационных плакатов и опер интеллектуально истощается до нервных срывов, то ему же нельзя доверить руководство и колхозной бригадой, не говоря уже о стране.

Конечно, Животным нужен был Сталин, чтобы было кому работать, пока они упражняются в болтовне, ищут, где и что хапнуть и с кем еще поношаться.

Во-вторых. Без Сталина на посту Генерального секретаря, без Сталина в качестве вождя **партии** партноменклатура теряла ту власть, которая дает материальные выгоды.

Тут надо понять технику этого дела. Для того, чтобы секретарю обкома или райкома приехать в колхоз и чтобы ему там положили в багажник баранчика, для того, чтобы дать команду директору завода или ректору института устроить на работу или учебу нужное, но тупое чадло, или для того, чтобы дать команду прокурору прекратить уголовное дело на «своих», необходимо, чтобы все руководители на местах боялись партийного руководителя. Для того, чтобы они боялись, партбоссу нужно иметь возможность раздуть до небес какой-либо недостаток в их работе. Но как его найти, если ты, партайгеноссе, во всех делах жизни людей баран? Определить недостатки в работе специалиста может только специалист.

Чтобы найти недостатки у всех руководителей своей области или республики, партаппарат собирал у них отчеты о работе, которые те отсылали своим прямым руководителям-специалистам. Уцепившись за неблагополучную цифру такого отчета (а у любого работника полно всяких недостатков), можно было ее раздуть, довести дело до ЦК, оттуда до соответствующего министра и по его приказу неугодного работника снять. Когда у ЦК власть, то не каждый министр отважится испортить с партноменклатурой отношения из-за одного из своих 200—300 директоров — ведь партаппарат может накопать грязи и в министерстве на самого министра.

Для того чтобы стряхнуть с себя власть партноменклатуры, государственному аппарату нужно было немного — не давать этим придуркам своих отчетов, отчитываться только перед своими прямыми руководителями. Не имея данных, к которым можно прицепиться, партаппарат становился беспомощным. Но как ты не дашь партаппаратчикам свой отчет, если они люди Сталина — вождя страны? Ведь это получается, что ты перед ним не хочешь отчитываться.

А вот если бы Сталин ушел из ЦК и остался только председателем Совмина, то тогда сам Бог велел послать партноменклатуру на хрен и не отчитываться перед ней — экономить бумагу. Вождя-то в ЦК уже нет, там 10 штук каких-то секретарей, и только. Что эти секретари сделают человеку, назначенному на должность с согласия Сталина (Предсовмина)? Попробуют интриговать? А они понимают что-нибудь в деле, в котором собрались интриговать, т.е. обвинять в плохой работе? Ведь напорют глупостей, и Сталин их самих повыкидывает из ЦК.

Более того, с уходом Сталина исполнять команды партноменклатуры становилось опасно. Представьте себя министром, который по требованию секретаря ЦК снял директора. А завод стал работать хуже и возникает вопрос — зачем снял? Секретарь ЦК потребовал? А зачем ты этого придурка слушал, почему не выполнял команды вождя по подбору квалифицированных кадров («Кадры решают все!»)? Это раньше, когда секретари ЦК были в тени Сталина, то их команда — его команда. А после его ухода — извини! Государственные служащие ставились в положение, когда они команды партийной номенклатуры обязаны были выполнять не под нее, а под свой личный риск. Иными словами, они могли выполнять только действительно умные и здравые распоряжения партноменклатуры, но откуда та их возьмет? Она ведь не знает дело, не знает ничего, кроме тупой передачи команд от Сталина вниз и отчетов снизу к Сталину.

При таких условиях в партноменклатуре могли бы выжить только умные и знающие люди, но сколько их там было и куда деваться «устроившимся» Животным?

Но и эта потеря власти не была наиболее страшной. Главное было в том, что с уходом Сталина партноменклатура переставала воспроизводиться. Тут ведь надо понять, как это происходило.

По Уставу все органы партии избираются либо прямо коммунистами, либо через их представителей (делегатов).

Для того чтобы коммунисты избирали в партноменклатуру нужных людей, на все выборы в нижестоящие органы партии приезжали представители вышестоящих органов и убеждали коммунистов избирать тех, кого номенклатуре надо. Но как ты их убедишь, какими доводами, если голосование на всех уровнях тайное? Только сообщением, что данного кандидата на партноменклатурную должность рекомендует ЦК. А «рекомендует ЦК» — это значит, рекомендует Сталин. В этом случае промолчит даже тот, у кого есть веские доводы выступить против предлагаемой кандидатуры. И дело не в страхе, а в том авторитете, если хотите, культе, который имел Сталин. (Слово-то правильное: была Личность и был ее культ.)

Обеспечив себе авторитетом Сталина избрание низовых секретарей, номенклатура с их помощью обеспечивала избрание нужных (послушных номенклатуре) делегатов на съезд ВКП(б) (КПСС). А эти делегаты голосовали за предложенный номенклатурой список ЦК, т.е. за высшую партноменклатуру. Круг замыкался. Партноменклатура, таким образом, обеспечивала пополнение собственных рядов только себе подобными.

А теперь представьте, что Сталин уходит с поста секретаря ЦК. Вы, секретарь ЦК, привозите в область нужного человека на должность секретаря обкома и говорите, что «товарища Иванова рекомендует ЦК». А кто такой этот ЦК? 10 секретарей, каких-то хрущевых-маленковых? А вот директор комбината, которого лично знает и ценит наш вождь, Председатель Совета министров товарищ Сталин, считает, что Иванова нам и даром не надо, а лучше избрать товарища Сидорова. И за кого проголосуют коммунисты? За привезенного Иванова или за местного Сидорова, которого они знают как умного, честного и принципиального человека?

А раз нельзя пристроить на должность секретарей обкома нужных людей, то как обеспечить, чтобы секретари обкома прислали на съезд нужных делегатов? И как обес-

печить собственное попадание в члены ЦК? (из которых формируется Президиум и избираются секретари).

Уход Сталина из ЦК (уход вождя СССР из органов управления партией) был страшной угрозой для партноменклатуры, ибо восстанавливал в партии демократический централизм — внутрипартийную демократию. А при этой демократии люди, способные быть только погонялами и надсмотрщиками, в руководящих органах партии становятся ненужными. И пришлось бы Хрущеву вспоминать навыки слесаря, а Маленкову вновь восстанавливаться в МВТУ им. Баумана, чтобы, наконец, получить диплом инженера.

Всю эту партноменклатуру тень Сталина защищала от беспощадной критики рядовых коммунистов, а такими коммунистами были и министры, и директора, и выдающиеся ученые — люди, по своему интеллекту превосходящие номенклатуру. Не станет в ЦК Сталина, не будет возможности укрыться в его тени, и критика коммунистов испепелит всех Животных в партии.

Но, как я полагаю, Сталин не мог бросить партию резко, этим бы он вызвал подозрение народа к ней — почему ушел вождь? Надо было подготовить всех к этой мысли, к тому, что Сталин рано или поздно покинет пост секретаря ЦК и будет только главой страны. На пленуме ЦК 16 октября 1952 г. он даже успокаивал членов ЦК (125 человек) тем, что согласен оставаться членом Президиума как Предсовмина, но посмотрите, какая, по воспоминаниям Константина Симонова, была реакция, когда Сталин попросил поставить на голосование вопрос об освобождении его от должности секретаря ЦК по старости:

«...на лице Маленкова я увидел ужасное выражение — не то чтоб испуга, нет, не испуга, а выражение, которое может быть у человека, яснее всех других или яснее, во всяком случае, многих других осознавшего ту смертельную опасность, которая нависла у всех над головами и которую еще не осознали другие: нельзя соглашаться на эту

просьбу товарища Сталина, нельзя соглашаться, чтобы он сложил с себя вот это одно, последнее из трех своих полномочий, нельзя. Лицо Маленкова, его жесты, его выразительно вздымаемые руки были прямой мольбой ко всем присутствующим немедленно и решительно отказать Сталину в его просьбе. И тогда, заглушая раздавшиеся уже из-за спины Сталина слова: «Нет, просим остаться!» или что-то в этом духе, зал загудел словами «Нет! Нет! Просим остаться! Просим взять свою просьбу обратно!».

И Сталин не стал настаивать на своей просьбе. Это была роковая ошибка: если бы он настоял и ушел тут же, то, возможно, еще пожил бы. А так он раскрыл номенклатуре свои планы и дал ей время для действий.

Умри!

Теперь у номенклатуры оставался единственный выход из положения — Сталин обязан был умереть на посту секретаря ЦК, на посту вождя партии и всей страны. В случае такой смерти его преемник на посту секретаря ЦК в глазах людей автоматически был бы и вождем страны, а сосредоточенные в руках ЦК СМИ быстро бы постарались сделать преемника гениальным — закрепили бы его в сознании населения в качестве вождя всего народа.

Конечно, для номенклатуры было бы идеально, если бы Сталина застрелила в ложе театра какая-нибудь Зоя Федорова, и Сталин повторил бы судьбу Марата или Линкольна. Но годилась и любая естественная смерть. Главное, повторю, чтобы он умер, не успев покинуть свой пост секретаря ЦК. Немудрено, что прожил он после этого пленума менее 4-х месяцев.

По-видимому, Сталин понимал, что ему грозит. Это видно и по тому, что он принял меры к объединению под Берию МВД и МГБ, видно и по его осторожности — перестал приезжать в Кремль после странной смерти в руках вра-

чей начальника кремлевской охраны. Номенклатура оказалась сильнее...

То, что, убивая Сталина, номенклатура убивала решения XIX съезда КПСС, видно по тому, как быстро она, поправ Устав, ликвидировала все то основное, что произвел в Уставе Сталин. Он еще дышал, когда партноменклатура сократила Президиум до 10 человек, восстановив под этим названием Политбюро. Сократила число секретарей до 5 и назначила секретаря ЦК Хрущева пока еще «координатором» среди секретарей. Через 5 месяцев Хрущев был назначен Первым секретарем (вождем партии), и пресса кинулась нахваливать «дорогого Никиту Сергеевича».

Номенклатура совершенно недвусмысленно показала, зачем именно она убила Сталина.

Когда нынешние историки рассматривают тот период, то искренне дерут горло в доказательстве, что никаких заговоров ни против Сталина, ни против советского народа никогда не было. Откуда такая уверенность?

А, видите ли, никогда не было найдено ни единого документа примерно такого содержания: «Я, (скажем) Вознесенский, вступая в ряды заговора человекообразных животных всех национальностей, торжественно клянусь устроиться на шею советского народа, имитировать полезную деятельность и обжираться эту страну во имя нашей великой скотской цели — как можно меньше работать и как можно больше жрать, трахаться и иметь баракла». И вот, поскольку никогда не был найден ни один подобный документ, то Животные от истории и утверждают, что никаких заговоров никогда не было.

На самом деле наличие «документов» и «доказательств» такого типа исключено в любом заговоре. Все начинается с «прощупывания» друг друга в разговорах, с намеков, с шуток, с анекдота. Сначала — «хозяин, видимо, устал», если собеседник принимает, то — «хозяин стал стар», дальше — «хозяин ничего не делает», затем — «хозяин тормозит развитие страны», и — «хозяину пора бы на покой»,

а в ответ — «на вечный». И понимающее хихиканье. И вы видите, что перед вами единомышленник. Прямого утверждения типа «давай убьем Сталина, чтобы побольше хапнуть из казны» никогда и в мыслях не держат. А так: «хозяин не ценит (старые, партийные, военные, аппаратные, культурные, образованные и т.д. — в зависимости от того, в какой среде разговор) кадры». «При (Жукове, Хрущеве, Маленкове, Вознесенском и т.д.) было бы лучше стране и партии». (О личной корысти даже в доверительных разговорах не упоминается — Животные в этом плане народ стеснительный.) Верх откровенности — «наш народ — вечный раб, потому что не рождает героинь типа Жанны д'Арк и Шарлотты Корде». С Жанной все понятно, а вот Корде — французская дворянка, убившая Марата. Если такие разговоры вести в среде обиженных Животных, то может найтись и идиотка, которую перестали снимать в главных ролях в кино и которая захочет сразу мировой славы и известности. Благо что есть надежды и на жизнь после теракта, поскольку намеки следуют из уст о-о-чень больших начальников. А потом дело техники — надо, чтобы эта идиотка оказалась в нужное время в нужном месте из-за целого ряда «досадных случайностей».

Так был убит Киров, человек, который действительно мог после смерти Сталина заменить его. Поскольку имел, как и Сталин, жажду знаний и постоянно учился всему. К примеру, когда его убили, то эксперты следственной группы сфотографировали все, что могло бы пригодиться следствию по этому делу, в том числе и поверхность рабочего стола Кирова. Справа лежал инженерный справочник Хьютте, а слева стопка научно-технических журналов, на верхнем из которых читается название «Горючие сланцы». Широко был круг интересов этого партийного работника — как у Сталина.

А убил Кирова человек, который длительное время рассказывал всем, что хочет его убить. Несколько агентов НКВД сообщали об этом по инстанциям, но без результата.

Наконец убийцу поймали с револьвером в Смольном (место работы Кирова) и, «досадная случайность», отпустили, отдав револьвер. Но продолжали снабжать убийцу слухами, что Киров спит с его женой. И снова, «досадная случайность», пропустили его в Смольный, и дали ему, «досадная случайность», подойти к Кирову сзади, а телохранитель Кирова в этот момент, «досадная случайность», куда-то делся. Такая вот серия досадных случайностей, и идиот убивает Кирова. И никто ему ничего не приказывал и в заговоре убийца не состоял. Какой заговор? Нет никакого заговора!

Сталин, кстати, сам пытался это дело расследовать, приехал в Ленинград, вызвал на допрос телохранителя Кирова. И снова «досадная случайность» — когда арестованного телохранителя везли к Сталину, случилась автомобильная авария и телохранитель, само собой, погиб. Тут надо все же понять, что Животные открытого боя не терпят, Животные и убивают как скоты. В их подлости их доблесть.

Так что на вопрос — был ли заговор? — ответ надо искать не в бумажках и «вещественных доказательствах», которых просто не могло быть. На данный вопрос надо отвечать вопросом — а были ли мотивы такого заговора? И если мотивы есть, то и заговор вероятен. А у человекообразных животных в партноменклатуре ВКП(б) и КПСС такие мотивы были.

Ох, какие весомые мотивы!

Генеральный секретарь Албанской компартии Энвер Ходжа написал статью к столетию со дня рождения Сталина. И в ней дает вот такие свидетельские показания: «... сам Микоян признался мне и Мехмету Шеху, что они с Хрущевым планировали совершить покушение на Сталина, но позже, как уверял Микоян, отказались от этого плана».

Так уж и отказались?

Вы можете засомневаться — а стоит ли верить Энверу Ходже, сталинисту и яростному противнику Хрущева? Может быть, он «для пользы дела» оклеветал Микояна?

Если бы в своих воспоминаниях Ходжа написал, что Микоян его пригласил, чтобы сообщить, что они с Хрущевым хотели убить Сталина, то я Ходже тоже не поверил бы. Но Микоян пригласил албанских руководителей совершенно с другой целью: он хотел поссорить Энвера Ходжу и Мао Цзэдуна, против которого хрущевцы начали энергичную борьбу. И признание Микояна прозвучало в этом контексте. Э. Ходжа вспоминает:

«Микоян вел разговор таким образом, чтобы создать у нас впечатление, будто они сами стояли на принципиальных, ленинских позициях и боролись с отклонениями китайского руководства. Микоян, в частности, привел в качестве доводов ряд китайских тезисов, которые, действительно, и на наш взгляд, не были правильными с точки зрения марксистско-ленинской идеологии. Так, Микоян упомянул плюралистическую теорию «ста цветов», вопрос о культе Мао, «большой скачок» и т.д. И у нас, конечно, насчет этого были свои оговорки в той степени, в какой нам были известны к тому времени конкретная деятельность и практика Коммунистической партии Китая.

— У нас марксизм-ленинизм, и никакая другая теория нам не нужна, — сказал я Микояну, — а что касается концепции «ста цветов», то мы ее никогда не принимали и не упоминали.

Между прочим, Микоян говорил и о Мао и, сравнивая его со Сталиным, отметил:

— Единственная разница между Мао Цзэдуном и Сталиным в том и состоит, что Мао не отсекает голову своим противникам, а Сталин отсекал. Вот почему, — сказал далее этот ревизионист, — мы Сталину не могли возражать. Однажды вместе с Хрущевым мы подумали устроить покушение на него, но бросили эту затею, опасаясь того, что народ и партия не поймут нас.

Мы не высказались о поставленных Микояном вопросах, но, выслушав его до конца, я ответил ему:

— Большие разногласия, возникшие между вами и Коммунистической партией Китая, дело очень серьезное, и мы не понимаем, почему вы дали им усугубиться. Здесь не время и не место их рассматривать. Мы полагаем, что они должны быть решены вашими партиями».

Как видите, Микоян просто проговорился о покушении на Сталина из-за того, что не смог добиться у албанцев осуждения Китая. Так что, судя по ситуации, Микоян был искренен и в эту оговорку можно верить.

Мотивы

Подытожим уже рассмотренное в этой главе.

Сталин Конституцией 1936 г. передал власть в СССР всему советскому народу, но он не лишил власти и аппарат ВКП(б) — не изменил управляющие структуры партии. Поскольку в преддверии войны Сталина в мае 1941 г. назначают главой советского правительства, то по этой причине конфликт, который обязан был бы со временем возникнуть между ВКП(б) и Советской властью, не возник.

Начиная с лета 1941 г. Сталин фактически устраняет партноменклатуру от решения государственных вопросов тем, что прекращает рассмотрение этих вопросов в Политбюро — в органе, который партия создала для управления государством. Уже в 1945 г. Политбюро рассматривало практически только вопросы награждения и новых назначений.

Победа во Второй мировой войне сделала коммунистов персоной грата, быть коммунистом стало безопасно, в ВКП(б) полезли Животные, обыватель в партии обезумел от появившихся в связи с Победой возможностей пограбить. Животные в партийной и государственной номенклатуре обезумели от алчности, примером тому могут служить дела об эшелоне мебели, которую маршал Жуков фактически украл для себя в Германии, о нескольких ки-

лометрах тканей и центнерах серебряной посуды, которые он со своим комиссаром Телегиным вывезли из Германии. А ведь они не собирались стать швеями-модистками или открывать рестораны. И министр авиапромышленности Шахурин хапнул в Германии семь легковых автомобилей, при том, что его круглосуточно обслуживала министерская машина. Он что — таксопарк собирался открыть? Ведь машины устаревают и морально и физически... И не надо считать, что они грабили немцев, они грабили свой, советский народ.

Люди во главе со Сталиным пытались пресечь это воровство, вызывая злобу к себе у Животных партийной и государственной номенклатуры. Животные предпринимали попытки избавиться от Сталина и Людей. Из тех попыток, которые не удалось скрыть еще тогда, было «ленинградское дело» — попытка высокопоставленной партийной номенклатуры ликвидировать ВКП(б) путем провозглашения самостоятельно компартии РСФСР. Таким путем Животные избавились бы от контроля Сталина во всех республиканских партиях.

Сталин, с одной стороны, лишил партноменклатуру явочным путем государственной власти — того, что наиболее полно удовлетворяло алчность Животных и обывателя в ВКП(б), с другой стороны, он требовал от партноменклатуры, чтобы она вела чуть ли не монашеский образ жизни. Животные номенклатуры бесились от ярости.

В 1952 г. Сталин придал ранг закона своим усилиям — он на XIX съезде ВКП(б) реорганизовал управление партии так, что партноменклатура перестала иметь техническую возможность встать над Советской властью. И у номенклатуры появилась потребность как можно быстрее убить Сталина — убить его до того, как новый Устав теперь уже КПСС станет практикой партийной жизни.

А в 1956 г. на XX съезде КПСС по тем же причинам у подавляющей массы партноменклатуры был мотив заплевать Сталина и сделать из него монстра даже в ущерб собствен-

ной чести. Этой дискредитацией Сталина партноменклатура стирала у рядовых членов партии и остального советского народа воспоминания о том, что хотел и что сделал Сталин в 1952 г. Хрущевцы все дела Сталина объявили преступными, следовательно, преступной была и реорганизация партии Сталиным на XIX съезде. По-другому ликвидировать решения этого съезда партноменклатура не могла.

Подчеркну. Хрущевская партноменклатура, в отличие от горбачевской, еще не была окончательными идиотами и подонками. И если бы она могла уничтожить идеи Сталина так, чтобы не задевать его самого, то она бы никогда не пошла на то, чтобы выставить себя перед миром и советским народом бандой трусливых подонков, которую, якобы, запугал до смерти один человек. Но другого способа уничтожить идеи Сталина хрущевцы не нашли и им пришлось пойти на эти издержки. Каких-то других объяснений тому, что произошло в 1956 г. на XX съезде КПСС, найти просто невозможно.

Убийца

Убийцей Сталина был Н.С. Хрущев, причем он убил Сталина лично, в чем вы ниже убедитесь. Исходя из того, что я узнал о Хрущеве, и из того, что я к своим годам вообще узнал о людях, попробую сделать его психологический портрет.

Хрущев был, безусловно, очень умным человеком от природы, но у него был дефект: он либо от лени, либо органически имел очень бедную фантазию. Это значит, что он не мог представить в уме ни предметов, ни ситуаций, если они не были ему знакомы из его практики, из его предшествовавшей жизни. То есть, если он читал или слышал о чем-то, что он раньше не видел, то текст терял для него смысл, представлялся просто набором слов и становился неинтересным. Если бы Хрущев подался в интеллигенты, то

он не испытывал бы трудностей, поскольку интеллигенты просто запоминают тексты и потом их воспроизводят, не заботясь о смысле. Но Хрущев был слишком умен для интеллигента, он был человеком дела и отсутствие фантазии было для него трагичным, поскольку из-за этого ему было неинтересно чтение, не интересна самостоятельная учеба по книгам.

А это превращалось для него вот в какую проблему. Если стоящая перед ним задача включала в себя вещи, ранее знакомые Хрущеву, то он мог творчески решить ее, но как только задача касалась областей, Хрущеву ранее не известных, то он становился беспомощен — даже читая о них, он не мог их себе представить и, следовательно, не способен был найти правильное решение. А руководитель ведет свою организацию вперед — в неизвестное или малоизвестное, — ему без фантазии нельзя. Поэтому Хрущев был прекрасным руководителем, но только как исполнитель. Хрущев был хорош, если ему точно указывали решение — цель, которую должна достичь руководимая им организация, — да еще и проверяли, точно ли Хрущев эту цель понял. Вот тут Хрущеву не было цены: он прекрасно знал людей, хорошо в них разбирался, знал силу и слабости каждого и мог прекрасно организовать работу своих подчиненных, добиваясь от них нужных и уже понятных Хрущеву результатов. Этим и объясняется быстрый карьерный рост этого малообразованного человека — он был прекрасный исполнитель. Единственная трудность в работе с ним была в том, что нужно было тщательно следить за тем, чтобы Хрущев правильно понял, что от него требуется. В противном случае он с таким же энтузиазмом наносил ущерб порученному делу. Я на это специально обращаю внимание, поскольку в советской, да и в российской истории его часто представляют дураком, «волютаристом». Он не был дураком, если он понимал, что нужно получить, если он действовал в пределах своего огромного опыта, то он любого умника мог «за пояс заткнуть», подтверждением

чему служит Карибский кризис, в результате которого он заставил США убрать ракетные базы из Турции. Ну, а если он чего-то не понимал, то у него был товарищ Сталин, который, как правило, успевал довернуть Хрущева в нужное направление. Вот оцените с позиции того, что я написал, такую переписку.

Телеграмма ЦК КП(б) Украины, 9 июля 1941 г., г. Киев
ЦК ВКП(б) т. Маленкову

Считаем необходимым более точно определить, когда уничтожать имущество МТС и другое оборудование, которое не может быть вывезено. Вносим следующие предложения:

1. В зоне 100—150 километров от противника местные организации обязаны немедленно приступить к уничтожению всех комбайнов, лобогреек, веялок и других сельскохозяйственных машин. Трактора своим ходом перегонять в глубь страны, остальные трактора, которые не могут быть использованы отступающими частями Красной Армии и которые почему-либо нельзя вывезти в этой же зоне, подлежат немедленному уничтожению.

2. В этой же зоне необходимо немедленно раздавать колхозникам страховые и все остальные зерновые и прочие колхозные фонды.

3. В этой же зоне немедленно приступать к угону всего скота колхозов, совхозов, волов и молодняка лошадей. Рабочие лошади, которые могут понадобиться отступающим частям Красной Армии, подлежат угону тогда, когда противник подошел на расстояние 10—30 километров. Категорически запретить гнать скот по дорогам, где происходит передвижение войск, скот гнать по посевам, по свекле и по дорогам, которые не использует Красная Армия.

4. Свиньи колхозных ферм и совхозов в этой же зоне должны быть забиты. Мясо и сало необходимо передать воинским частям, колхозникам, рабочим в городах, госпиталям, больницам, ученикам ФЗО. Определенное количест-

во свиней подлежит оставлению в этой зоне в живом виде для проходящих частей Красной Армии. Птица колхозных и совхозных ферм в этой же зоне также подлежит раздаче в убойном виде воинским частям, колхозникам, рабочим.

5. В зоне 100—150 километров местные органы власти, по согласованию с военным командованием, сами принимают решение о том, какое именно ценное оборудование, погруженное в вагоны, должно быть уничтожено в эшелонах, вследствие невозможности вывоза его. Такую директиву военным и местным органам власти надо дать потому, что у нас есть случаи, когда, например, часть эшелонов с ценнейшим грузом, погруженных во Львове, досталась неприятелю, так как этим эшелонам противник перерезал путь.

6. В зоне 100—150 километров от противника надо уничтожать все ценное оборудование на заводах, хлеб на складах, товары, которые не могли быть вывезенными при вынужденном отходе частей Красной Армии.

СЕКРЕТАРЬ ЦК КП(Б) УКРАИНЫ ХРУЩЕВ

Телеграмма Государственного Комитета Обороны,

10 июля 1941 г.

Киев Хрущеву

1) Ваши предложения об уничтожении всего имущества противоречат установкам, данным в речи т. Сталина, где об уничтожении всего ценного имущества говорилось в связи с вынужденным отходом частей Красной Армии. Ваши же предложения имеют в виду немедленное уничтожение всего ценного имущества, хлеба и скота в зоне 100—150 километров от противника, независимо от состояния фронта.

Такое мероприятие может деморализовать население, вызвать недовольство Советской властью, расстроить тыл Красной Армии, и создать, как в армии, так и среди населения, настроения обязательного отхода вместо решимости давать отпор врагу.

2) Государственный Комитет Обороны обязывает вас в виду отхода войск, и только в случае отхода, в районе 70-верстной полосы от фронта увести все взрослое мужское население, рабочий скот, зерно, трактора, комбайны и двигать своим ходом на восток, а чего невозможно вывезти, уничтожать, не касаясь, однако, птицы, мелкого скота и прочего продовольствия, необходимого для остающегося населения. Что касается того, чтобы раздать все это имущество войскам, мы решительно возражаем против этого, так как войска могут превратиться в банды мародеров.

3) Электростанции не взрывать, но снимать все те ценные части, без которых станции не могут действовать с тем, чтобы электростанции надолго не могли действовать.

4) Водопроводов не взрывать.

5) Заводов не взрывать, но снять с оборудования все необходимые ценные части, станки и т. д., чтобы заводы надолго не могли быть восстановлены.

6) После отвода наших частей на левый берег Днепра все мосты взорвать основательно.

7) Склады, особенно артиллерийские, вывезти обязательно, а чего нельзя вывезти, взорвать.

8) Что касается эвакуации заводов дальше 70-верстной полосы, где прямой угрозы со стороны противника пока не имеется, то эту эвакуацию осуществлять заблаговременно, вывозя главным образом станки и прочее наиболее ценное оборудование.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА
ОБОРОНЫ И. СТАЛИН».

Как видите, услышав из речи Сталина, что врагу нельзя оставлять ничего ценного, Хрущев как танк немедленно двинулся на исполнение этого указания: все взорвать, скот угнать или перебить, поля вытоптать. А за счет чего будут жить оставляемые немцам советские люди? На это у Хрущева фантазии не хватило.

Понимал ли Хрущев, что у него есть дефект? Вряд ли, я вообще не встречал людей, которые бы сомневались в своем уме. Но Хрущев был умен и наверняка видел свою слабость, даже если и самому себе не хотел в ней признаться, поскольку он очень умно выбрал себе то, что называется имиджем. Он вжился в роль такого простого сельского дядьки, умного, но неискушенного во всяких там городских хитростях, а потому требующего постоянной подсказки более умных товарищей. И этой своей позицией Хрущев переигрывал всех. Во-первых, ему безусловно верили. Если умников подозревали, если о них думали, предал или нет, то о Хрущеве и мыслей таких не возникало — как же он предаст, если он без нас беспомощен? Это же все равно как младенцу предать свою мать. Во-вторых, именно из-за этого, Хрущева сделали первым секретарем ЦК КПСС после смерти Сталина. Такого вождя, как Сталин, в ЦК не было, следовательно, руководить страной и партией надо было коллегиально, но если во главу группы руководителей поставить какого-нибудь умника, то тот начнет плевать на мнение товарищей и гнуть свою линию. А Хрущев казался идеальным — он всех выслушивал, воспринимал советы — он виделся объединяющим звеном в ЦК. То есть, трусливая позиция членов Президиума ЦК, боявшихся взять на себя ответственность лидера, но в то же время желающих иметь большую власть и влияние, привели членов ЦК к мысли поставить во главе себя глуповатого парня, который будет их слушаться и тем самым они будут иметь власть, но не нести за нее ответственность. Однако все ошиблись — и Сталин, безусловно доверявший Хрущеву, и члены послесталинского ЦК, уверенные, что Хрущевым можно будет беспрепятственно управлять. Поскольку ленились задуматься над тем, а нравится ли самому Хрущеву так прекрасно исполняемая им роль глуповатого парня?

Хрущев не был Животным, он был обыватель, которые толпами шли в партию, воодушевленные идеями Коммунизма. Но Хрущев был болезненно честолюбив, его угне-

тал комплекс неполноценности — он хотел доказать всем, кто считал его глупым, что он на самом деле умнее их. А показателем его умности была его карьера, но высшая должность в государстве ему была нужна не для того, чтобы, как Сталин, сделать народ счастливее, а для собственной славы, для ощущения, что он все же умнее всех, для утешения своего честолюбия, своего комплекса неполноценности. Он непомерно награждал себя (его четыре звезды Героя вызывали смех населения), номенклатура прославляла его в семь раз больше, чем Сталина, но ему хотелось большего — ему хотелось самому себе доказать, что он не глупее Сталина, поэтому период его правления — это период сплошных экономических авантюр, из которых просто выпирает отсутствие у Хрущева фантазии, его неспособность оценить вероятный результат авантюр и непомерное желание достичь результатов очень быстро.

В полном смысле слова Хрущев не был коммунистом, поскольку вряд ли мог себе представить, что это такое. Но он был, безусловно, преданным членом партии, поскольку только благодаря ей он сделал карьеру. Поэтому политика Сталина по отстранению ВКП(б) от государственной власти безусловно могла расцениваться Хрущевым как политика предательства партии, что и толкнуло его в заговор к Кузнецову и Вознесенскому.

Но, полагаю, он ненавидел Сталина по другим причинам, в которых, собственно, сам был и виноват. Он выбрал себе роль глуповатого парня, а эта роль обязательным условием имела подшучивание товарищей. Хрущев смеялся вместе со всеми над своими глупостями, и это поощряло насмешки. Если бы он обиделся, то все бы прекратилось, но Хрущев боялся потерять имидж простака, и ему приходилось терпеть. Подшучивал над ним и Сталин, уверенный в искренности Хрущева. Вот такой пример.

В конце 40-х Хрущеву захотелось показать себя народу как теоретика коммунизма, и кто-то подготовил ему статью для «Правды» о необходимости начать строительство

агрогородков. Это, надо сказать, очень старая, еще марксовская коммунистическая мечта о городе-саде. В принципе она не глупа, но Хрущев выдал ее в совершенно неподходящее время, когда страна напрягала все силы в обеспечении себя необходимым минимумом жизненных условий. Сил для перестройки всей страны не было, и они не виделись и в ближайшем будущем. ЦК тут же дезавуировало статью Хрущева, сообщив в следующем номере «Правды» читателям, что он ее опубликовал не как директиву, а просто в порядке дискуссии. Молотов рассказал писателю Ф. Чуеву продолжение этой истории. На последующем заседании Политбюро зашел разговор об этой статье Хрущева и Сталин, который как обычно прохаживался по комнате, подошел к сидящему Хрущеву, положил ему руку на голову и сказал: «Наш маленький Маркс». Все засмеялись, засмеялся и Хрущев, но кто задумался о том, какие обиды, какая злоба в ответ на этот смех бушевали в душе Хрущева?

Большим счастьем для СССР и Коммунизма было бы, если бы Хрущев был Животным, тогда бы он был и труслив, как Животное. Но это был обыватель и лично очень храбрый человек.

Храбрость — это способность осмысленно действовать в условиях непосредственной опасности для жизни. Хрущев был настолько храбрым, что не боялся сам искать такие ситуации, иными словами, он не только не боялся боя, но и сам его инициировал, сам атаковал.

Генерал-полковник Петров, дважды Герой Советского Союза, с 1944 года воевавший без обеих рук, незадолго до своей смерти в 2002 г., в целом не очень высоко отзываясь о политработниках, о Хрущеве рассказал корреспонденту следующее:

«А вообще на своем веку я повидал немало храбрых людей. Да и Никита Хрущев, должен я вам сказать, был человеком не робкого десятка. В первый и последний раз я видел Никиту Сергеевича на Курской дуге, в 43-м. Вокруг рвались снаряды, а Хрущев, как ни в чем не бывало, бра-

вой походкой шагал по передовой. За ним с портфелем в руке тащился его адъютант. Хрущев подходил к бойцу, благодарил за службу и вручал ему орден. Причем, чтобы сделать это, Никита Сергеевич был вынужден нагибаться, поскольку не каждому награждаемому приходило на ум выпрыгнуть из окопа и принять награду, как подобает...».

Генерал-лейтенанту Хрущеву, члену Военного совета фронта, не было никакой необходимости самому идти на передовую, да еще и во время обстрела ее немцами. Мог послать любого полковника или вызвать награждаемых к себе. Но Курская битва была решающей, все зависело от стойкости солдат, и Хрущев счел нужным показать солдатам, что генералы тоже здесь — на передовой, что они не уклоняются от этого смертного боя.

Если отвлечься на театральщину, то можно сказать, что злодей Хрущев убил героя Сталина, но точности ради следует подчеркнуть, что Великого Героя убил все же и Великий Злодей — умный, хитрый и храбрый.

СВИДЕТЕЛИ

Если о смерти Берии есть хоть какая-то «официальная» версия, от которой можно оттолкнуться, то о смерти Сталина официально известно только то, что он все же умер. С самого начала, с момента объявления его болезни, началась ложь, уже хотя бы в том, что, неизвестно по каким соображениям, было сообщено, что кровоизлияние в мозг у Сталина произошло в Кремле, в его кабинете.

Далее советские официальные лица лгали по обстоятельствам. Когда в 1956 г. потребовалось заплевать Сталина, начав борьбу с «культом личности», сначала И. Эренбург, а затем член президиума ЦК П. Пономаренко распространили за рубежом версию, что инсульт у Сталина случился якобы на заседании Президиума ЦК, где Сталин якобы поставил вопрос о высылении всех евреев СССР в

Еврейскую автономную область. Дескать, все члены Президиума стали кричать на Сталина, грозиться сдать партбилеты, и даже Берия переметнулся на сторону защитников бедных евреев, — вот у Сталина и произошел удар. Причина этой версии тоже понятна — Президиуму ЦК КПСС нужно было привлечь на свою сторону и подключить к разоблачению «культ личности» еврейские СМИ Запада, а это, по сути, все СМИ Запада.

Впоследствии, однако, часть лиц из тех, которые присутствовали при кончине Сталина, оставили воспоминания. Таких свидетелей, по сути, два. Это Хрущев и охрана Сталина. Охрану я свожу в одно лицо, поскольку ее остатки коллективно наговорили первые воспоминания только в 1977 г., а Хрущев умер в 1971-м. Ни он, ни они вранья друг друга не слышали и согласовать его не могли.

То, что все эти свидетели врут, вы увидите ниже, но то, что они врут, это естественно. Все они были умышленными (Хрущев) и неумышленными (охрана) убийцами Сталина, и им есть что скрывать. Но, повторяю, поскольку они не согласовали вранье, то по нему можно догадаться, что именно они хотят скрыть враньем и как происходило дело.

Очная ставка Хрущева с охраной: ужин

Давайте начнем с Хрущева. Он о ночи с 28 февраля (суббота) на 1 марта (воскресенье) 1953 г. вспоминает так.

«И вот как-то в субботу от него позвонили, чтобы мы пришли в Кремль. Он пригласил туда персонально меня, Маленкова, Берию и Булганина. Приехали. Он говорит: «Давайте посмотрим кино». Посмотрели. Потом говорит снова: «Поедьте, покушаем на Ближней даче».

...Поехали, поужинали. Ужин затянулся. Сталин называл такой вечерний, очень поздний ужин обедом. Мы кончили его, наверное, в пять или шесть утра. Обычное время, когда кончались его «обеда». Сталин был навеселе, в

очень хорошем расположении духа. Ничто не свидетельствовало, что может случиться какая-то неожиданность. Распрощались мы и разъехались.

Когда выходили в вестибюль, Сталин, как обычно, пошел проводить нас. Он много шутил, замахнулся, вроде бы, пальцем и ткнул меня в живот, назвав Микитой. Когда он бывал в хорошем расположении духа, то всегда называл меня по-украински Микитой. Мы тоже уехали в хорошем настроении, потому что ничего плохого за обедом не случилось, а не всегда обеды кончались в таком добром тоне. Разъехались по домам».

А историки выяснили, что с 17 февраля Сталин не был в Кремле и работал без выездов на Ближней даче. Это подтверждает журнал регистрации посетителей его кабинета в Кремле: с 17 февраля он чист. Так что Сталин не вызывал эту компанию к себе в Кремль и не смотрел с ними в Кремле кино. Хрущев врет. Зачем?

Далее. Сталин, конечно, мог, если это требовалось, работать до утра, но обычно он ложился в 3—4 часа ночи и вставал в 10—11 часов утра. С какой радости он вдруг нарушил свой режим? Чтобы увидеть пьяные рожи тех, кого он ежедневно видит уже 25 лет подряд? Но это же был не Ельцин.

Охрана Сталина тоже врет, но все же не так нагло. Она сообщает, что ужин закончился в 4 утра. И охрана, как и Хрущев, стараются уверить, что ужин проходил чуть ли не весело и никаких тяжелых разговоров на нем не было. Развлекались тем, что пили, пили, пили. И от этого веселились.

Между тем в те годы график работы органов власти был своеобразен. Рабочий день начинался в 9.30, а заканчивался для рядовых сотрудников в 20.00, а для министров и выше — в 24.00. (Но у последних был обеденный перерыв с 17.30 до 20.30.) В субботу рабочий день был коротким и заканчивался в 17.00. В принципе, Хрущев, Маленков, Берия и Булганин могли разъехаться субботним вечером куда угодно. Даже если у Сталина была просто пьянка,

то разрыв между концом рабочего дня и ее началом получается очень большим. Раз уж Сталину так хотелось 6 часов подряд просто так смотреть на своих собутыльников, то чего он с этим тянул с 17.00 до 24.00?

Один из охранников дачи, П. Лозгачев, об этой ночи вспоминает так.

«В ночь на первое марта я был на даче — дежурил... Орлов, комендант дачи, только что пришел из отпуска и был выходной. При Сталине дежурили старший прикрепленный Старостин, его помощник Туков, я и Матрена Бутусова. В ту ночь на объекте должны были быть гости — так Хозяин называл членов Политбюро, которые к нему приезжали. Как обычно, когда гости к Хозяину приезжали, мы вырабатывали с ним меню. В ночь с 28 февраля на первое марта у нас было меню: виноградный сок «Маджари»... Это молодое виноградное вино, но Хозяин его соком называл за малую крепость. И вот в эту ночь Хозяин вызвал меня и говорит: «Дай нам сока бутылки по две...».

Итак, приезд гостей не был спонтанным — Сталин специально готовился к их приему, а не кричал, снимая шинель: «Давайте нам то, что там осталось на кухне!». И спиртное из меню он практически убрал. Следовательно, это была не пьянка на сон грядущий, а приготовление к серьезному разговору, при котором Сталину не требовалась пьяная болтовня. Тогда в связи с чем он откладывал этот разговор на глубокую ночь? Ведь соратники его в 17.00 закончили рабочий день и были свободны.

Вывод: и Хрущеву, и охране почему-то очень нужно, чтобы в ночь на 1 марта Сталин был живым, здоровым и веселым чуть ли не до рассвета. Для того, чтобы отодвинуть время ужина на 1 марта, Хрущев и выдумывает вызов к Сталину в Кремль, совместный просмотр фильма — заполняет время с 17.00 до полуночи. И охрана Сталина, совершенно независимо от Хрущева, ему в этом поддакивает — значит, и охране нужно, чтобы все думали, что в ночь на 1 марта со Сталиным не могло ничего случиться.

Для этого охрана выдает просто шедевр брехни. Тот же П. Лозгачев продолжает.

«А когда Хозяин гостей провожал, то прикрепленный тоже провожал — двери закрывал за ними. И прикрепленный Хрусталева Иван Васильевич закрывал двери и видел Хозяина, а тот сказал ему:

«Ложитесь-ка вы спать. Мне ничего не надо. И я тоже ложусь. Вы мне сегодня не понадобится». И Хрусталева пришел и радостно говорит: «Ну, ребята, никогда такого распоряжения не было...». И передал нам слова Хозяина... — Здесь Лозгачев прибавил: — И правда, за все время, что я работал, это был единственный раз, когда Хозяин сказал: «Ложитесь спать...». Обычно спросит: «Спать хочешь?» — и просверлит тебя глазами с ног до головы. Ну, какой тут сон!.. Мы были, конечно, очень довольны, получив такое указание, и смело легли спать».

К этому даже не знаешь, как отнестись. Сталин действительно очень хорошо относился и к охране, и к обслуживающему персоналу. Довольно часто приглашал их к столу, а увидев однажды, что часовой на посту мокнет под дождем, распорядился немедленно построить на этом посту грибок. Но это не имело ни малейшего отношения к их службе. Здесь Сталин никаких послаблений не терпел. Властик рассказывает, что однажды на Кавказе, из-за малочисленности там охраны Сталина (9 человек), один часовой заснул на посту. Сталин распорядился увеличить охрану, чтобы дать возможность ей нормально отдохнуть. Но сон на посту — это воинское преступление. Разрешить спать на посту — это разрешить совершать преступления. Такую команду Сталин дать не мог!

Его охрана врет!

Еще. Обратите внимание, что Сталина внутри дома и сам дом охраняли всего трое охранников (был еще пост у ворот дачи, но он к охране дома не имел отношения). Два прикрепленных телохранителя и комендант, охранявший собственно территорию дома. Дать им команду спать —

это вообще оставить дом без охраны, но тогда на кой хрен она нужна?

И еще. Когда в 1952 г. был снят с должности многолетний начальник охраны Сталина и затем начальник охраны правительства генерал-лейтенант Н.С. Власик, то были заменены и другие должностные лица. На пост коменданта Кремля Сталин назначил одного из своих телохранителей, которому, видимо, особенно доверял, — генерал-майора Косынкина. Так вот, молодой мужчина генерал-майор Косынкин «безвременно умер» как раз 17 февраля; если вы помните, то именно с этого дня Сталин больше не выезжал в Кремль и оставался на даче (на которой принял даже посла Индии и имел с ним длительную беседу). И при такой неясной ситуации Сталин вдруг распорядился всей охране спать?!

Но даже не это главное. Есть такая пошлая английская шутка: «Джентльмен не тот, кто, внезапно возвратившись домой, застаёт в спальне жену с любовником и говорит им: «Извините за беспокойство, продолжайте, пожалуйста!» — а тот, кто после этого сможет продолжить».

Так вот, охрана ни в коем случае не могла выполнить такой приказ. Ведь их трое. Да плюс кухарка. Сболтнула она, не подумавши, что охрана Сталина спала, и их, охранников, как минимум выкинули бы со службы. И Сталин бы не помог, разве что спас бы от трибунала. Охрана лжет — она не спала!

(Кстати, телохранитель Сталина Хрусталева, которому Сталин якобы дал команду «спать», вскоре после смерти Сталина также «безвременно скончался», избавив историков (или следователей?) от ненужных расспросов.)

Итак, охрана сознаётся в должностном преступлении, оговаривая себя сама? Зачем? Ведь охранники могли просто сказать, что они всю ночь, как всегда, бодрствовали, но они почему-то предпочли говорить, что «*смело легли спать*». Почему?

Ответ один. В эту ночь что-то произошло. Но врать охрану заставили (о чем ниже) еще 2 марта 1953 г. А в это время Сталин был еще жив, следовательно, оставался риск, что он выживет. А выжив, он мог бы вспомнить сам, что произошло, и задать вопросы. Это, наверное, были очень тяжелые вопросы. И охрана (и те, кто составили ей легенду происходящего), сказав, что она спала, имела свободу в ответах: если Сталин умирал, то она бы утверждала (как это и случилось), что в ночь на 1 марта ничего не случилось, но если бы Сталин выжил, то она бы утверждала, что спала и не знает, случилось ли что-либо со Сталиным или нет, приезжал кто-либо к нему ночью или нет.

Кроме того, охранники в доме были не единственными свидетелями. Была бодрствующая охрана поселка, которая пропускала машины, была охрана у ворот дачи, могли быть, в конце концов, случайные свидетели приезда машин на дачу Сталина. Надо было позаботиться о том, чтобы в случае необходимости пояснить, почему другие видели машины, въезжающие на территорию дачи, а охрана дачи никого не видела. Спали, понимаешь ли.

Вывод: телохранителей Сталина сразу же заставили так соврать, и они так продолжали врать и через 25 лет.

Очная ставка Хрущева с охраной: оказание помощи

Ну что же, давайте почитаем их вранье дальше. Лозгачев вспоминает:

«На следующий день было воскресенье. В десять часов мы, как обычно, уже все были на кухне, начинали дела на сегодняшний день планировать.

В 10 часов в его комнатах — нет движения (так у нас говорилось, когда он спал). Но вот пробило 11 — нет, и в 12 — тоже нет. Это уже было странно.

Обычно вставал он в 11—12, иногда даже в 10 часов он уже не спит.

Но уже час дня — и нет движения. И в два — нет движения в комнатах. Ну, начинаем волноваться. В три, в четыре часа — нет движения. Телефоны, может, и звонили к нему, но когда он спит, обычно их переключают на другие комнаты. Мы сидим со Старостиным, и Старостин говорит: «Что-то недоброе, что делать будем?». Действительно, что делать — идти к нему? Но он строго-настрого приказал: если нет движения, в его комнаты не входить. Иначе строго накажет. И вот сидим мы в своем служебном доме, дом соединен коридором метров в 25 с его комнатами, туда ведет дверь отдельная, уже шесть часов, а мы не знаем, что делать. Вдруг звонит часовой с улицы:

«Вижу, зажегся свет в малой столовой». Ну, думаем, слава Богу, все в порядке. Мы уже все на своих местах, все на чеку, бегаем, и... опять ничего! В восемь — ничего нет. Мы не знаем, что делать, в девять — нету движения, в десять — нету. Я говорю Старостину:

«Иди ты, ты — начальник охраны, ты должен беспокоиться». Он: «Я боюсь». Я: «Ты боишься, а я герой, что ли, идти к нему?». В это время почту привозят — пакет из ЦК. А почту передаем ему обычно мы. Точнее — я, почта моя обязанность. Ну что ж, говорю, я пойду, в случае чего, вы уж меня, ребята, не забывайте. Да, надо мне идти. Обычно входим мы к нему совсем не крадучись, иногда даже дверь специально громко хлопнешь, чтобы он слышал, что ты идешь. Он очень болезненно реагировал, когда тихо к нему входили. Нужно, чтобы ты шел крепким шагом и не смущался, и перед ним чтоб не тянулся. А то он тебе скажет: «Что ты передо мной бравым солдатом Швейком вытягиваешься?». Ну, я открыл дверь, иду громко по коридору, а комната, где мы документы кладем, она как раз перед малой столовой, ну я вошел в эту комнату и гляжу в раскрытую дверь в малую столовую, а там на полу Хозяин лежит и руку правую поднял... вот так. — Здесь Лозгачев приподнял полусогнутую руку. — Все во мне оцепенело. Руки, ноги отказались подчиняться. Он еще, наверное, не потерял соз-

вание, но и говорить не мог. Слух у него был хороший, он, видно, услышал мои шаги и еле поднятой рукой звал меня на помощь. Я подбежал и спросил: «Товарищ Сталин, что с вами?». Он, правда, обмочился за это время и левой рукой что-то поправить хочет, а я ему: «Может, врача вызвать?». А он в ответ так невнятно: «Дз... дз...» — дзыкнул, и все. На полу лежали карманные часы и газета «Правда». На часах, когда я их поднял, полседьмого было, в половине седьмого с ним это случилось. На столе, я помню, стояла бутылка минеральной воды «Нарзан», он, видно, к ней шел, когда свет у него зажегся. Пока я у него спрашивал, ну, наверное, минуту-две-три, вдруг он тихо захрапел... слышу такой легкий храп, будто спит человек. По домофону поднял трубку, дрожу, пот прошибает, звоню Старостину: «Быстро ко мне, в дом». Пришел Старостин, тоже оторопел. Хозяин-то без сознания. Я говорю: «Давай его положим на диванчик, на полу-то неудобно». За Старостиным Туков и Мотя Бутусова пришли. Общими усилиями положили его на диванчик, на полу-то неудобно. Я Старостину говорю:

«Иди звонить всем без исключения». Он пошел звонить. А я не отходил от Хозяина, он лежал неподвижно и только храпел. Старостин стал звонить в КГБ Игнатьеву, но тот испугался и переадресовал его к Берии и Маленкову. Пока он звонил, мы посовещались и решили перенести его в большую столовую на большой диван... Мы перенесли потому, что там воздуха было больше. Мы все вместе это сделали, положили его на тахту, укрыли пледом, видно было, что он очень слаб, пролежал без помощи с семи вечера. Бутусова отвернула ему завернутые рукава сорочки — ему, наверное, было холодно. В это время Старостин дозвонился до Маленкова. Спустя примерно полчаса Маленков позвонил нам и сказал: «Берию я не нашел». Прошло еще полчаса, звонит Берия: «О болезни товарища Сталина никому не говорите».

— В 3 часа ночи слышу — подъехала машина, приехали Берия и Маленков. У Маленкова ботинки скрипели,

помню, он снял их, взял под мышку. Они входят: «Что с Хозяином?». А он лежит и чуть похрапывает. Берия на меня матюшком: «Что же ты панику поднимаешь? Хозяин-то, оказывается, спит преспокойно. Поедем, Маленков!». Я им все объяснил, как он лежал на полу, и как я у него спросил, и как он в ответ «дзыкнул» невнятно. Берия мне: «Не поднимай панику, нас не беспокоит. И товарища Сталина не тревожь». Ну и уехали.

Опять остался я один. Думаю, надо опять Старостина звать, пусть он всех опять поднимет. Говорю:

«Иначе он умрет, а нам с тобой крышка будет. Звони, чтоб приехали».

Лишь в половине восьмого приехал Хрущев, утешив: «Скоро будет медицина». Около девяти часов действительно появились врачи...».

Сначала давайте рассмотрим вранье Лозгачева само по себе. Представьте ситуацию — они, телохранители, головой отвечают за жизнь Сталина. Его нет в обычные 11.00 утра, он не завтракает, он не обедает, он не выходит на террасу, уже темно, а его нет. И они сидят и ничего не предпринимают?? Почему? Потому, что боятся? Да за беспокойство Сталина их в худшем случае перевели бы охранять Суслова, но ведь за неоказание охраняемому лицу помощи — верный расстрел! И они не идут к нему?? Нет, это уже ни на что не похожая брехня. Телохранители Старостин и Туков пришли на смену в 10.00, они вообще не видели и не слышали Сталина. Они кого охраняли — сами себя? А вдруг Сталина выкрали, и его уже в комнатах нет? Это брехня в расчете на то, что ее будут слушать никогда не служившие идиоты.

Бывший телохранитель Сталина А. Рыбин на тот момент был уже комендантом Большого театра, но именно он в 1977 г. записал первые воспоминания охранников о Сталине и издал в каком-то роде даже полемическую книжицу «Рядом со Сталиным». Он оспаривает клеветническое утверждение Хрущева, что Сталин, дескать, много пил и напивался допьяна. Оспаривает таким вот любопытным примером.

«Чтобы доверчивые читатели не приняли всерьез очередную анекдот, на которые Хрущев был мастак, уточняя: Сталин предпочитал только вина «Цинандали» и «Телиани». Случалось, выпивал коньяк, а водкой просто не интересовался. Ее хлестали «соратники». При том — за свой счет. Помните, Сталин скостил им пакетную доплату с двадцати пяти тысяч до восьми? Вот эти деньги шли в общий котел. Орлов тратил их на обеды для членов Политбюро.

Что касается самого Сталина... С 1930 по 1953 год охрана видела его «в невесомости» всего дважды: на дне рождения С.М. Штеменко и на поминках А.А. Жданова.

Все видели, что Сталин относился к Жданову с особым теплом. Поэтому после похорон устроил на даче поминки. Уезжая вечером домой, Молотов наказал Старостину:

— Если Сталин соберется ночью поливать цветы, не выпускай его из дома. Он может простыть.

Да, уже сказывались годы. Сталин легко простужался, частенько болел ангиной. Поэтому Старостин загнал ключ в скважину так, чтобы Сталин не мог открыть дверь. Впустую прокряхтев около нее, Сталин попросил:

— Откройте дверь.

— На улице дождь. Вы можете простыть, заболеть, — возразил Старостин.

— Повторяю: откройте дверь!

— Товарищ Сталин, открыть вам дверь не могу.

— Скажите вашему министру, чтобы он вас откомандировал! — вспыхнул Сталин. — Вы мне больше не нужны.

— Есть! — козырнул Старостин, однако с места не двинулся. Возмущенно пошумев, что его, Генералиссимуса, не слушается какой-то охранник, Сталин ушел спать. Утром Старостин обреченно понес в машину свои вещи. Тут его вызвали к Сталину, который миролюбиво предложил:

— О чем вчера говорили — забудьте. Я не говорил, вы не слышали. Отдыхайте и приходите на работу.

Интересной была ситуация, правда же? Ну, ее психологические тонкости вы сами оцените. А я подчеркну лишь

вот что: если Сталин все-таки хотел поливать цветы и даже запомнил весь ночной разговор, значит, был не очень пьяным. Ведь так? Хотя чисто по-житейски тут все понятно — человек похоронил самого лучшего собеседника».

Думаю, что с Рыбиным можно согласиться в том, что Сталин никогда не пропивал свои мозги. Но тогда категорически нельзя согласиться с тем, что Старостин и Туков целый день боялись зайти к Сталину в комнату! Нарушить прямой приказ Сталина Старостин не боялся, а узнать о его здоровье боялся?!

В показанном в 2001 г. на ОРТ фильме А. Пименова и М. Иванникова «Кремль 9. Последний год Сталина» авторы взяли интервью у тогдашнего заместителя Главного управления охраны МГБ СССР полковника Н.П. Новика. Тот рассказал такой эпизод своей службы.

По субботам Сталин ходил в баню, построенную на территории дачи (в которой, кстати, парилась и охрана дачи, но, конечно, не тогда, когда ее посещал Сталин). Обычно эта процедура занимала у Сталина час — час десять.. Но однажды он вдруг не вышел из бани в означенное время. Через 20 минут охрана доложила Новiku, который был в это время на даче. Через 35 минут он позвонил министру МГБ Игнатьеву, тот тут же позвонил Маленкову. Последовала команда ломать дверь в бане (изнутри она закрывалась на защелку). Через 46 минут Новик с фомкой* и телохранителем уже бежали к бане. Но дверь открылась и на порог вышел слегка заспанный Сталин.

Такие были порядки и такими они и должны быть. А нам рассказывают, что охрана Сталина, ничего не зная о нем, не беспокоилась целый день?!

Вторая очевидная брехня — это то, что Игнатьев испугался и не приехал. Вы можете представить себе министра государственной безопасности, который боится приехать к больному главе государства? Вы понимаете, что это пря-

* Ломик для взламывания дверей.

мой отказ исполнять служебный долг, за что в данной ситуации тоже можно было бы расстрелять?

Еще о том, что вы можете и не понимать. Лозгачев умышленно выводит Игнатьева из числа действующих лиц (он, кстати, единственный, кто о нем упомянул) тем, что упоминает о нем только как о министре МГБ (ошибочно называет КГБ). Для Лозгачева и Старостина Игнатьев был министром во вторую очередь, но об этом ниже.

Прежде чем заслушать брехню Хрущева об этом периоде, отметим этапы по версии охраны: весь день 1 марта охрана ничего не предпринимала; около 24.00 охрана начала звонить; в 3.00 ночи 2 марта приехал Маленков с Берией, но ничего не предприняли; и только в 7.30 появился Хрущев и за ним врачи.

Дадим слово Хрущеву. Он начинает свои показания описанием воскресенья 1 марта.

«Я ожидал, что, поскольку завтра выходной день, Сталин обязательно нас вызовет, поэтому целый день не обедал, думал, может быть, он позовет пораньше? Потом все же поел. Нет и нет звонка! Я не верил, что выходной день может быть пожертвован им в нашу пользу, такого почти не происходило. Но нет! Уже было поздно, я разделся, лег в постель.

Вдруг звонит мне Маленков: «Сейчас позвонили от Сталина ребята (он назвал фамилии), чекисты, и они тревожно сообщили, что будто бы что-то произошло со Сталиным. Надо будет срочно выехать туда. Я звоню тебе и известил Берию и Булганина. Отправляйся прямо туда». Я сейчас же вызвал машину. Она была у меня на даче. Быстро оделся, приехал, все это заняло минут пятнадцать. Мы условились, что войдем не к Сталину, а к дежурным. Зашли туда, спросили: «В чем дело?». Они: «Обычно товарищ Сталин в такое время, часов в одиннадцать вечера, обязательно звонит, вызывает и просит чаю. Иной раз он и кушает. Сейчас этого не было». Послали мы на разведку Матрену Петровну, подавальщицу, немолодую женщину, много лет прора-

ботавшую у Сталина, ограниченную, но честную и преданную ему женщину.

Чекисты сказали нам, что они уже посылали ее посмотреть, что там такое. Она сказала, что товарищ Сталин лежит на полу, спит, а под ним подмочено. Чекисты подняли его, положили на кушетку в малой столовой. Там были малая столовая и большая. Сталин лежал на полу в большой столовой. Следовательно, поднялся с постели, вышел в столовую, там упал и подмочился. Когда нам сказали, что произошел такой случай и теперь он как будто спит, мы считали, что неудобно нам появляться у него и фиксировать свое присутствие, раз он находится в столь неблагоприятном положении. Мы разъехались по домам.

Прошло небольшое время, опять слышу звонок. Вновь Маленков: «Опять звонили ребята от товарища Сталина. Говорят, что все-таки что-то с ним не так. Хотя Матрена Петровна и сказала, что он спокойно спит, но это необычный сон. Надо еще раз съездить». Мы условились, что Маленков позвонит всем другим членам Бюро, включая Ворошилова и Кагановича, которые отсутствовали на обеде и в первый раз на дачу не приезжали. Условились также, что вызовем и врачей.

Опять приехали мы в дежурку. Прибыли Каганович, Ворошилов, врачи. Из врачей помню известного кардиолога профессора Лукомского. А с ним появился еще кто-то из медиков, но кто, сейчас не помню. Зашли мы в комнату. Сталин лежал на кушетке. Мы сказали врачам, чтобы они приступили к своему делу и обследовали, в каком состоянии находится товарищ Сталин. Первым подошел Лукомский, очень осторожно, и я его понимал. Он прикасался к руке Сталина, как к горячему железу, подергиваясь даже. Берия же грубовато сказал: «Вы врач, так берите, как следует».

Повторяю, что Хрущев, надиктовывая воспоминания, не подозревал, что охрана также будет их надиктовывать и так же брехать. Иначе он, конечно, принял бы версию ох-

раны первого приезда к Сталину Маленкова с Берией, а не с собой, а так он вынужден был «расколоться».

Итак, оказывается, после ужина в ночь с 28 февраля на 1 марта Берия впервые появился на даче Сталина только около 9.00 2 марта вместе с врачами. А Хрущев и, по его словам, Маленков до этого уже **дважды** были там! И в присутствии третьего лица Хрущев и Маленков успели запугать и проинструктировать охрану, как нужно брехать Берии и остальным членам Правительства СССР. Я пишу об этом так уверенно, поскольку у нас есть честный свидетель.

Академик, терапевт, специалист по сердечно-сосудистым болезням А.Л. Мясников умер в 1965 г., рукописи его воспоминаний были изъяты в архив ЦК. Возможно потому, что там он оставил свои воспоминания о тех трагических днях. Он писал:

«Поздно вечером 2 марта 1953 г. к нам на квартиру заехал сотрудник спецотдела Кремлевской больницы: «Я за вами — к больному Хозяину». Я быстро простился с женой, мы заехали на улицу Калинина, там ждали нас проф. Н. В. Коновалов (невропатолог) и Е.М. Гареев, и помчались на дачу Сталина в Кунцево...

Наконец мы в доме (обширном павильоне с просторными комнатами, обставленными широкими тахтами; стены отделаны полированной фанерой). В одной из комнат уже был министр здравоохранения...

Министр рассказал, что в ночь на второе марта у Сталина произошло кровоизлияние в мозг, с потерей сознания, речи, параличом правой руки и ноги. Еще вчера до поздней ночи Сталин, как обычно, работал у себя в кабинете. Дежурный офицер из охраны еще в 3 часа ночи видел его за столом (он смотрел в замочную скважину). Все время и дальше горел свет, но так было заведено. Сталин спал в другой комнате, в кабинете был диван, на котором он часто отдыхал. Утром в седьмом часу охранник вновь посмотрел в замочную скважину и увидел Сталина расprostертым на полу между столом и диваном. Был он без соз-

нения. Больного положили на диван, на котором он и пролежал все дальнейшее время».

Как видите, во-первых, охрана перенесла время инсульта аж на утро 2 марта. Поскольку она звонила, даже, по ее словам, с вечера 1 марта и дважды видела на даче Маленкова и Хрущева, то без согласования с ними она, разумеется, так врать не могла. То есть с самого начала Хрущев и телохранители Сталина были в сговоре, поэтому-то они и «отмазывают» Хрущева в своих показаниях, выставляя вместо него Берия, поскольку в 1977 г. Берия был уже всемирным чудовищем, на него можно было валить все.

Во-вторых, оказывается, охрана была не совсем беспомощна и в замочную скважину могла наблюдать за Сталиным.

В-третьих. Совершенно не ясно, где все же нашли Сталина. По версии телохранителей — в малой столовой, по версии Хрущева — в большой, по первоначальной версии — в кабинете у дивана.

ПРАВДА НА ЛЖИ

Короче — сплошь одна брехня, и, тем не менее, такая брехня сродни правде, поскольку она практически однозначно показывает на то, что именно лгущие хотят скрыть. Тут ведь как — если, к примеру, подозреваемый в убийстве врет, что его не было на месте преступления, но вы знаете, что он там был, следовательно, он, скорее всего, и убийца. Иначе зачем ему это скрывать?

Давайте вот так (от противного) восстановим версию событий.

Хрущев и охрана пытаются нас убедить, что чуть ли не до утра 1 марта у Сталина на даче была большая пьянка.

Значит, этого не было!

Значит, был серьезный разговор вечером 28 февраля, и разговор этот был тяжелым, раз уж Хрущев и охрана пы-

таются нас убедить, что Сталин прощался с гостями очень веселый.

Раз уж Хрущев и охрана пытаются нас убедить, что всю ночь на 1 марта Сталин был здоровым, значит, именно в ночь с 28 февраля на 1 марта с ним и случился инсульт.

Раз уж охрана пыталась нас убедить, что телохранители очень боялись зайти к Сталину и вообще они спали, то значит, они приступ инсульта увидели немедленно, как только он случился. Либо Сталин успел позвонить, либо они увидели его лежащим на полу в замочную скважину, но это было в ту же ночь на 1 марта.

Правдивый штрих, который вранью просто ничего не дает, — у Сталина были закатаны рукава на рубашке (Бутова их откатила). Сталин был в отношении себя очень бережлив — из одежды у него не было ничего лишнего, но и то, что было, он занашивал. В те времена, когда работали за столом, чтобы сберечь манжеты рубашек от истирания, надевали нарукавники. Но у Сталина их не было, и он в теплой комнате просто снял китель и закатал рукава. Следовательно, в момент инсульта Сталин был в кабинете или за столом, или прохаживался в раздумье (всеми отмечаемая привычка.). Когда произошло кровоизлияние в мозг, Сталин, теряя сознание, попытался добраться до дивана и упал возле него, как и выясилось в самой первой версии, когда еще не было времени для придумывания изощренной лжи с газетой, часами, «Нарзаном» и т.д.

К упавшему Сталину подбежала охрана, переложил его на диван. Но их смутила одна деталь, о которой и я, кстати, чуть ли не всю жизнь не догадывался. Оказывается, при потере сознания (возможно, не у всех) расслабляются мышцы мочевого пузыря, и происходит самопроизвольное мочеиспускание.

И охрана ошарашилась в недоумении. Никто и никогда не видел Сталина пьяным не только до бессознательного состояния, но и до бесконтрольного. А тут одно за другим — выпивка с членами президиума ЦК, он лежит на

полу и обмочился. А вдруг пьян, да так, что завтра ему самому будет жгуче стыдно и в 10 раз стыднее, что его кто-то в таком состоянии видел?

Тем не менее, это ЧП и охрана немедленно звонит тому единственному, кому обязана звонить в любом случае, — начальнику правительственной охраны. Тут действует инструкция, и можно в ее исполнении телохранителями не сомневаться ни на секунду — охраняемое лицо без сознания! Причина не имеет значения. Он без сознания — они звонят начальнику!

Начальник немедленно выезжает к охраняемому лицу (иначе на хрен он нужен?!) вместе с врачом.

Но в данном случае начальник охраны «сориентировался» — он вызвал и Хрущева (сразу же или потом — не имеет большого значения). Зайдя к Сталину и определив, что у Сталина инсульт, мерзавцы пошли на риск. Они вышли и сообщили охране, что товарищ Сталин вчера (охрана сама видела) немного перепил, с ним случился конфуз и лучше, если завтра он сам встанет, переоденется, а мы все сделаем вид, что об этом ничего не знаем.

Как должны были поступить телохранители? Перед ними непосредственный начальник, назначенный на свой пост Сталиным, врач, член Президиума ЦК, а возможно и два, если был и Маленков. Не верить им? А ведь объяснение вполне понятное, и предложение сделано с уважением к Сталину. Естественно, что охрана согласилась и стала ждать утра.

(Вот этот свой приезд на дачу Сталина Хрущев и выдал за приезд в 3 часа ночи 2 марта. Он тогда якобы успокоил охрану тем, что Сталин, дескать, спит. Но подумайте сами, как это выглядело 2 марта — Сталин, даже если он лег в 7.00 утра 1 марта, «спит» 22 часа подряд?? И Хрущеву самому бы стало неудобно, если бы он вдумался в свою брехню.)

Наступило утро, день. Сталин не встает. Охрана беспокоится, и что она делает? Правильно — то, что от нее требует инструкция. Она снова звонит начальнику правитель-

ственной охраны. И... снова ждет! Почему? Что им сказал начальник охраны, чем парализовал телохранителей? Думаю, что он их обманул, сказав, что он позвонил по прямому телефону лично товарищу Сталину (помните — Лозгачев делает намек, что Сталин мог говорить по телефону так, что они этого не слышали?) и товарищ Сталин попросил охрану не беспокоиться, его немного тошнит после вчерашнего ужина, кушать он не хочет, а «Нарзан» у него есть. Только так можно было парализовать охрану еще на 5—6 часов.

А когда телохранители все же вошли, увидели Сталина в том же положении, в каком они его положили в ночь на 1 марта, и снова начали звонить, то наступило 2 марта и они, наверное, уже поняли, что их подставили. Что им оставалось делать? Жаловаться? Кому?? Берии? А кем был Берия, чтобы он смог произвести хоть какие-нибудь действия по их жалобе и хотя бы защитить их? Ведь им предстояло «клеветать» на вождей партии, на верных ленинцев-сталинцев Маленкова и Хрущева. Кто поверит в слова полковников, виновных в неоказании помощи товарищу Сталину, против слов двух членов Президиума ЦК?

И им осталось послушно заучить то, что им предстояло говорить по приезде остальных членов Президиума, Правительства и врачей. Они, по команде Хрущева, спасали себя и одновременно выгораживали преступников. Поэтому-то они через 25 лет в своих показаниях и заменили Хрущева на Берию, а о начальнике правительственной охраны вообще глухо молчали.

ЗАСТЕНЧИВЫЙ УБИЙЦА

Давайте немного о нем — о начальнике охраны Сталина.

С 1927 г., с первой попытки покушения на Сталина, сначала его личную охрану, а затем и охрану всего правительства возглавлял Н.С. Власик, который к моменту своего

снятия с должности имел звание генерал-лейтенанта. Возглавляемое им Главное управление охраны было довольно обширным ведомством, включавшим в себя не только штат телохранителей членов правительства, но и медицинское, и материально-хозяйственное обслуживание членов Правительства. Управление не только охраняло, но могло самостоятельно вести агентурные разработки подозрительных лиц, т.е. фактически являлось самостоятельной спецслужбой.

Организационно Главное управление охраны входило в МГБ, но не подчинялось министру госбезопасности. Таким приемом создавалась конкуренция и, если хотите, организовывалась взаимная слежка друг за другом. МГБ следило, чтобы в Главном управлении охраны не завелся враг, а Управление имело возможность проследить за подозрительными лицами в МГБ.

Данная независимость Главного управления охраны существовала до снятия Н.С. Власика с должности. Вот в этот момент Сталин допустил роковую для себя ошибку. Вы видели, что коменданта Кремля, со снятием с должности Власика, он заменил верным человеком, но начальника Главного управления охраны, видимо, сразу подобрать не смог.

На 28 февраля 1953 г. его обязанности исполнял сам министр госбезопасности С.Д. Игнатьев! И именно ему, своему непосредственному начальнику, и позвонил в первую очередь телохранитель Старостин, в чем он невольно сознался в своем рассказе.

Игнатьев очень малозаметная личность в отечественной истории, его как бы стесняются историки. К примеру, упомянутые мною К. Столяров с генерал-лейтенантом юстиции Катусевым, рассматривая начало 50-х, огромное место в книге отвели заму Игнатьева — Рюмину. А о самом Игнатьеве, министре МГБ, практически ничего не пишут.

«Семен Денисович Игнатьев родился в 1904 г. в деревне Карловка Херсонской губернии, по национальности ук-

раинец, партстаж с 1926 г., образование — высшее. С 1937-го — секретарь Бурят-монгольского обкома ВКП(б), с 1943-го — 1-й секретарь Башкирского обкома, с 1946-го работал в ЦК ВКП(б), с 1947-го — секретарь, 2-й секретарь ЦК КП(б) Белоруссии, с 1949-го — секретарь Среднеазиатского бюро ЦК ВКП(б), с 1950-го — зав. отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б)».

Как видите, Игнатъев — чистейшая партийно-аппаратная номенклатура, типа Ежова, карьеру он делал только по партийной линии и поэтому, возможно, ему так неосмотрительно доверился Сталин. Игнатъев был министром МГБ с августа 1951 г. по март 1953-го. Министром он был очень слабым. Его подчиненный П. Судоплатов может и со зла, но наверняка не без оснований характеризует его так: «Всякий раз, встречаясь с Игнатьевым, поражался, насколько этот человек некомпетентен. Каждое агентурное сообщение принималось им как открытие Америки. Его можно было убедить в чем угодно: стоило ему прочесть любой документ, как он тут же подпадал под влияние прочитанного, не стараясь перепроверить факты».

А следует сказать, что со стороны партии и со стороны правительства МГБ курировали Хрущев и Маленков, т.е. Игнатъев зависел от них, если только не был назначен на эту должность по их рекомендации.

Обычно историки считают, что борьба за власть ведется для занятия каких-то высоких престижных должностей. Если мы взглянем на тех, кто после смерти Сталина скаканул вверх, то увидим, что у Хрущева, на первый взгляд, должность увеличилась не очень сильно. До смерти Сталина он был одним из десяти секретарей ЦК и им же и остался (тогда не существовало должностей ни генерального, ни первого секретаря ЦК, и Сталин был просто секретарем). Кроме того, Хрущев был первым секретарем Московского горкома КПСС, после смерти Сталина его от этой должности освободили. За счет того, что Хрущеву оставили только одну, самую высокую должность — секретаря ЦК, можно считать, что он получил некоторое повышение.

Маленков получил чистое повышение: с секретаря ЦК, с должности одного из руководителей партии, он стал председателем Совмина — главой страны.

Берия несколько понизился в должности за счет разбавления суммы его должностей — он остался заместителем председателя Совмина, но ему дополнительно под непосредственное управление дали объединенные МГБ и МВД.

Резкий скачок вверх сделал только Игнатъев. Он из министров МГБ прыгнул на пост секретаря ЦК, т.е. стал одним из четырех руководителей КПСС, по должности стал равен Хрущеву и, кроме этого, ему поручили партийное руководство МВД, т.е. он стал партийным начальником Берии. (Правда, Берия его уже через месяц резко и решительно сбросил с этого поста.)

Итак, если мы решим задаться вопросом, кому была выгодна смерть Сталина, то по порядку карьерного скачка идут Маленков и Игнатъев, а за ними Хрущев.

Если вы глянете на послужной список Игнатъева, в котором нет ничего значительного (Хрущев, скажем, был первым секретарем ЦК Украины, Маленков — членом ГКО во время войны), то засомневаетесь в том, что эта серая незаметная мышь просто так прыгнула настолько высоко.

Более того, есть основания полагать, что дата 2 марта была рубежом для Игнатъева — 3 марта он бы уже не был даже министром МГБ. Историки упоминают, но не придают значения цели, с которой Сталин позвал к себе ряд членов Президиума ЦК на ужин в субботу 28 февраля. Дело в том, что 2 марта в понедельник должно было быть заседание Президиума ЦК, и Сталин собрал товарищей 28 февраля, чтобы неофициально обсудить вопросы повестки дня этого заседания. О том, что это были за вопросы, сегодня можно только догадываться, что мы и будем делать ниже, но об одном вопросе можно сказать абсолютно точно — в понедельник 2 марта 1953 г. Президиум ЦК решил бы вопрос об объединении МВД и МГБ в одно министерство и о

назначении его министром Берии по совместительству со всеми его остальными должностями. Почему об этом можно говорить абсолютно уверенно?

Дело в том, что вопрос об этой реорганизации в числе 16-ти других вопросов Президиумы ЦК и Совмина решили 5 марта 1953 г., в день смерти Сталина (но когда Сталин был еще жив). На все 16 вопросов у членов Президиума ушло 40 минут. До 5 марта члены Президиума и правительства дежурили у постели Сталина и на Президиум не собирались. Такой вопрос, как реорганизация двух ведомств, не может быть решен мгновенно, за 2,5 минуты — это исключено. Такие вопросы обсуждаются очень долго и заблаговременно, поскольку влекут за собой уйму сопутствующих вопросов: от объема дел нового ведомства до кадровых вопросов — кто будет руководить, кто будет замом, куда деть высвободившихся и т.д. Причем само объединение этих двух ведомств непонятно с деловой точки зрения. Во всех крупных странах полиция и госбезопасность разделены, и в СССР их начали разделять до войны и окончательно разделили в 1943 г. И вдруг снова объединение с тем, что бы после убийства Берии их опять разъединить?..

Отсюда следует два безусловных вывода. Во-первых, вопрос об объединении МВД и МГБ обсуждался уже давно и был в деталях проработан настолько, что в четверг 5 марта была просто поставлена точка, а если бы Сталин не заболел и провел заседание 2 марта, то точка была бы поставлена именно на плановом Президиуме ЦК в понедельник.

Во-вторых. Непонятное объединение МВД и МГБ проводилось Сталиным под Берию персонально, другого ответа просто нет. Это означает, что ни министр МВД Круглов, ни министр МГБ Игнатьев своим должностям не соответствовали, полноценной замены им Сталин не видел и решил снова поручить МВД и МГБ Берии. (То, что Сталин решил перегруженному атомными делами Берии поручить еще и эти министерства, говорит о том, что вопрос о них стал очень остро. Иначе бы тянули время, подыскивая подходящую замену этим министрам.)

Министра СССР назначает Президиум Верховного Совета СССР (по представлению Президиума ЦК), а заместителей министра назначает не Верховный Совет, а Совет Министров СССР. Следовательно, персональный вопрос с заместителями нового министра МВД был решен тоже Председателем Совмина Сталиным: ими стали Серов и Круглов. Игнатьев в новом министерстве **не предусматривался**, т.е. в понедельник он был бы просто снят с должности и вряд ли ему светило повышение — ведь в секретариате ЦК он, по сути, занял освободившуюся после Сталина должность.

П. Судоплатов в своих воспоминаниях «Разведка и Кремль» пишет: *«В конце февраля 1953 г., за несколько дней до смерти Сталина, я заметил в поведении Игнатьева нарастающую неуверенность»*. А в «деле Берии» отмечено, что, став министром объединенного МВД, Берия неоднократно объяснял подчиненным, что в 1938 г. партия назначила его на пост наркома НКВД, чтобы он разгромил ежовщину, а сегодня его цель — разгромить игнатьевщину.

Скажем прямо, смерть Сталина была для Игнатьева не просто выгодной, она, судя по всему, была для него спасением.

Интересна дальнейшая судьба Игнатьева. Как я написал, уже в апреле Берия делает энергичный маневр, и Игнатьев тихо, но далеко улетает: сначала в никуда — на пленуме 28 апреля его исключают даже из членов ЦК, но уже на пленуме 2 июля 1953 г., посвященном «делу Берии», Игнатьева, по предложению Хрущева, снова избирают членом ЦК, после «суда над Берией» в декабре 1953 г., он секретарь Башкирского обкома КПСС, с 1957 г. — секретарь Татарского обкома, а с 1960 г. он, в 56 лет, на пенсии.

При Игнатьеве МГБ начало борьбу с еврейским космополитизмом, при нем были произведены аресты по «делу врачей», при нем было расследовано дело Еврейского антифашистского комитета, члены которого при нем же были и расстреляны. После разоблачения «культа личности»

Сталина все это было названо «произволом», все подследственные и осужденные — «невиновными жертвами». Казалось бы, что евреи и еврейская пресса должны ненавидеть Игнатьева и метать в него громы и молнии в сто раз больше, чем в Берию. Но вот парадокс! И еврейская пресса не проявляет к нему злобы и интереса, и еврей Ю.В. Андропов распорядился в 1983 г. этого, казалось бы, уже всеми забытого старца похоронить на Новодевичьем кладбище! Много ли там бывших секретарей Татарского обкома? Что-то должно ему было ЦК КПСС! И сильно должно, если даже родственникам не смогли отказать в том, в чем запросто отказали родственникам народного любимца В. Высоцкого — в похоронах на самом престижном кладбище СССР.

Убили умышленно

Но вернемся к смерти Сталина. Есть пара побочных вопросов. А не могли ли действительно ошибиться Игнатьев, Маленков и Хрущев и принять insult за опьянение Сталина? Не было ли в данном случае чистосердечной ошибки?

Не похоже. Во-первых, ошибки не скрывают, особенно спустя много лет, когда уже все равно. А тут и через много лет сплошное вранье. Во-вторых, не знаю, как вы, а я уверен, что Игнатьев не мог приехать без врача. Иначе бы даже ему, своему начальнику, не поверила бы охрана.

Ведь телохранители это не просто «верные» товарищи, которым прямо с улицы дают звание полковника, ставят к охраняемому лицу и советуют выполнять все его распоряжения. Их ведь учат, и учат многому, в том числе, и что делать в такой совершенно естественной ситуации, как потеря сознания охраняемым лицом.

Вот, скажем, телохранители Брежнева (со смертью которого тоже, кстати, не все вяжется) сразу вошли в спальню, как только тот не проснулся в обычное время, немедленно начали искусственное дыхание и массаж сердца,

причем профессионально — стянув Брежнева так, чтобы его грудная клетка была на жестком краю кровати.

Поэтому я и сомневаюсь, что охрана Сталина успокоилась бы, если бы не было врача, а сговор Игнатьева с охраной мне кажется нереальным — слишком со многими надо было сговариваться — простые солдаты за товарища Сталина и пристрелить могли.

В-третьих, охрана непременно зашла бы к Сталину еще в 12.00 дня, если бы Игнатьев не сделал ей успокаивающие звонки. А их, сами понимаете, без злого умысла сделать было нельзя.

Итак, убийцы Сталина — Игнатьев, Хрущев и пока неизвестный нам врач, а телохранителей впутали в это тогда, когда им уже деваться было некуда. Кстати, не только телохранитель Сталина Хрусталева не очень долго жил после его смерти, «покончили с собой» еще два охранника (возможно, те, кто охранял дачу снаружи). А затем практически всех, кто охранял Сталина, выслали из Москвы.

Полна тумана и судьба врачей из обеих комиссий: лечившей Сталина и делавшей вскрытие. Авторханов, со ссылкой на книгу западного историка Т. Витлина, посвященную Берии, пишет:

«Большинство врачей из этих двух комиссий исчезли сразу после смерти Сталина. Один из врачей, участвовавших во вскрытии тела Сталина — профессор Русаков, «внезапно» умер. Лечебно-санитарное управление Кремля, ответственное за лечение Сталина, немедленно упраздняется, а его начальник И.И. Куперин арестовывается. Министра здравоохранения СССР А.Ф. Третьякова, стоявшего по чину во главе обеих комиссий, снимают с должности, арестовывают и вместе с Купериным и еще с двумя врачами, членами комиссии, отправляют в Воркуту. Там он получает должность главврача лагерной больницы. Реабилитация их происходит только спустя несколько лет...».

Но если Т. Витлин не ошибается в отношении факта ареста этих врачей, то арестованы они были не *«сразу по-*

сле смерти Сталина», а через год, поскольку А.Ф. Третьяков был снят с должности министра 01.03.1954 г. Следовательно, то, что эти врачи могли со временем рассказать, было страшно не Берии, а Хрущеву. Запомним это.

И еще. Историк А. Фурсенко пишет:

«При чтении официального заключения о болезни и смерти Сталина возникает целый ряд вопросов, которые наводят на мысль, что оно могло быть сфабриковано под давлением ближайшего окружения Сталина, чтобы в случае необходимости представить этот документ высшей партийной и советской элите с одной-единственной целью: чтобы никому не пришло в голову, что Сталина утервили впавшие в немилость его соратники.

Отпечатанное на 20 страницах машинописного текста и подписанное всем составом консилиума заключение отличается от рукописных подробных записей предшествующих заболеваний. Документ не датирован, но на его черновике стоит дата — июль 1953 г., т.е. 4 месяца спустя после смерти Сталина, что само по себе заставляет усомниться в его полной достоверности. Как следует из текста заключения, оно было составлено на основе рукописного Медицинского журнала, который велся на протяжении 2—5 марта. Но журнал отсутствует в деле о болезни Сталина, и, как сообщили автору этих строк компетентные лица, его вообще уже нет в природе. Иными словами, Медицинский журнал, видимо, уничтожен. Правда, сохранились некоторые «Черновые записи лекарственных назначений и графики дежурств во время болезни И. В. Сталина 2—5 марта 1953 г.» на отдельных листочках, которым предшествует вырезанная из папки картонная обложка озаглавленного таким образом бывшего дела в истории болезни Сталина. Причем из двух десятков листочков таких записей, судя по первоначальной их нумерации, затем зачеркнутой, в деле не хватает первых нескольких страниц, по которым можно было бы судить, когда, в какой день и час началось лечение. Нет также расписания дежурств и заключения вра-

чей после каждого из них. Наконец, на вырезанной крышке картонной папки, озаглавленной «Черновые записи...», значится том X, что свидетельствует о том, что в истории болезни Сталина были еще девять томов. Какова их судьба — тоже неясно.

Все это и вызывает недоуменные вопросы, позволяя предположить, что Черновые записи и Медицинский журнал содержали данные, не укладывавшиеся в официальное заключение. По-видимому, на каком-то этапе Медицинский журнал и часть черновых записей были сознательно изъяты. Нельзя пройти мимо того факта, что машинописный текст заключения был составлен через несколько дней после ареста Бери 26 июня 1953 г. Когда началось следствие по делу Бери, вероятно, кто-то из кремлевского руководства захотел уничтожить Медицинский журнал, чтобы ликвидировать возможные улики, что Сталина плохо лечили и умертвили. На июньском 1957 г. пленуме ЦК Молотов критиковал Хрущева, назначенного председателем Комиссии по архиву Сталина, за то, что он ни разу за четыре года не собрал Комиссию. Что говорит само за себя».

Но если сразу после убийства Бери (о чем ниже) Хрущев уничтожил хронику болезни Сталина, то получается, что Берию убили и для того, чтобы Хрущев имел возможность ее уничтожить. Но что именно в результатах лечения и вскрытия Сталина могло быть такого страшного? Только одно. Сведущему медику из них стало бы понятно, что Сталин отравлен, и Хрущева это очень пугало!

Добавлю к этому, что версию об убийстве Сталина отравлением я выдвинул в самом начале века, и в то время эта версия выглядела до крайности одиозной. Но спустя 15 лет до медицинских документов о смерти Сталина добралось достаточно много историков и журналистов, в связи с чем об отравлении Сталина говорят уже открыто. Вот, скажем, журналист Н. Добрюха, о публикациях которого успел высказаться даже последний руководитель КГБ В. Крючков: «Документы о последней болезни и смерти Ста-

лина настолько значительны, что теперь от них уже никто не сможет отвернуться».

А речь, собственно, идет вот о чем. Н. Добруха пишет в «МК» в статье о своей работе:

«Сенсация вскрытия заключалась в том, что оно не подтвердило официально и публично объявленных «воспалительных очагов в легких». Зато показало такое состояние желудочно-кишечного тракта, какое однозначно могло быть только при сильнейшем отравлении, которое будто бесчисленной дробью посеколо слизистые желудка и кишечника, да так, что на них не осталось живых мест. Это объясняло, откуда такой бешеный лейкоцитоз (21 000!) при активной профилактике и отсутствии воспаления легких, на которое так рассчитывали начальники от медицины, чтобы объяснить этим идущую в организме вождя борьбу лейкоцитов с чем-то якобы необъяснимым и одновременно тем самым скрыть загадочную кровавую рвоту и непонятно откуда взявшуюся «токсическую зернистость в лейкоцитах».

Это скрыли от народа тогда и... до сих пор скрывают официальные инстанции, объясняя это тем, что «это — личная тайна семьи Сталина и рассекретить ее будет разрешено только через 75 лет после случившегося, то есть в 2028 году». Однако эти слова высокопоставленного чиновника, видимо, обычная отговорка, охраняющая не секреты семьи вождя, а тайну смерти Сталина.

Действительно, разве должен быть тайной от народа «Акт патологоанатомического исследования» (?), в котором как прокурорское обвинение звучат следующие слова: «Содержимое желудка представляет собой черного цвета жидкость в количестве 200 кб. см. На слизистой желудка обнаружены множественные мелкие черно-красные точки, легко снимающиеся ножом. По удалении их на слизистой желудка обнаруживаются мелкоточечные углубления. Слизистая желудка сглажена. Такого же характера изменения обнаружены на слизистой двенадцатиперстной кишки.

На вершине складок верхнего отдела тощей кишки в слизистой оболочке обнаружены мелкоточечные кровоизлияния. Такие же кровоизлияния кое-где встречаются и на протяжении всего тонкого кишечника.

В просвете верхнего отдела тонкого кишечника обнаружена густая темно-зеленого цвета масса, приобретающая на остальном протяжении кишечника черную окраску. Слизистая тонкого кишечника — местами интенсивно окрашивается этой полужидкой массой в черный цвет...»

После такой «убийственной картины» в нормальное время по результатам вскрытия возбуждают уголовное дело...

Обращает внимание то, что патологоанатомы обстоятельных оценок увиденному не дают. В основном — общие поверхностные слова. Вместе с тем достаточно добросовестно описывают все, что увидели.

...В июле 1953 г. консилиум опять перепишет это место и, не поддержав смелость Лукомского, даже после ареста Берия сделает так: «5 марта 1953 года у больного развились повторные явления коллапса, которые до некоторой степени зависели от желудочного кровотечения». Дальше в тексте вместо предложения «Однако артериальное давление продолжало оставаться на высоком уровне до наступления 5 марта коллапса в связи с желудочным кровотечением» — напишут, как отрубят: «Однако артериальное давление продолжало оставаться на высоком уровне до 5 марта, когда наступил коллапс». И... точка! А зачем снова поднимать «больной вопрос», когда легче от него уйти, чтобы быть «от греха подальше»?!

Важно отметить, что «История болезни И. В. Сталина, составленная на основании журнальных записей течения болезни со 2 по 5 марта 1953 года» переделывалась Лукомским и другими не менее 4 раз! Сразу после кончины вождя был первый черновой вариант Лукомского, датированный 17.03.1953 г. Второй — после 17 марта, частично написанный Лукомским от руки. Третий — в июле без указания числа на основе «Истории» Лукомского. И четвертый (чис-

товой), подписанный всеми, без всякой даты — на основе июльского варианта.

...Так что врачебный консилиум, начавший после ареста Берии активно составлять «Историю последней болезни Сталина», соответствующую действительности, сперва резко притормозили, а затем и вообще свернули, что нашло свое отражение, например, в 3-м (июльском) варианте, где было написано, а потом зачеркнуто следующее основное место в самом конце «Истории болезни»: «Желудочное кровотечение способствовало возникновению повторных приступов коллапса, которые закончились смертью».

Множественные переписывания и исправления именно этого места свидетельствуют, что согласия между врачами (как выйти из создавшегося положения?!) не было до самого конца! Быть может, именно поэтому датированный июлем 1953 года 3-й вариант «Истории болезни» никто (!) не подписал... А сказать, когда был всеми (!) подписан 4-й (нейтральный) вариант, пока невозможно. Видимо, именно из-за этого до сих пор гуляют слухи, что 4-я «История болезни» подделана!

Во всяком случае, я сам убедился, что по сей день есть те, кому бы не хотелось, чтобы все выплыло наружу. Когда после работы с документами, процитированными выше, два года спустя, я попросил еще раз допустить меня к ним, мне сказали: «Вряд ли это получится, так как документы эти снова засекретили...».

Еще раз подчеркну, что основные фальсификации истории болезни Сталина (истории его отравления) были сделаны после убийства Берии.

БЕРИЯ НИЧЕГО НЕ МОГ

Теперь вопрос о Берии. Сегодня практически нет историка, который бы не соединял смерть Сталина с Берией, дескать, очень уж хотел Берия Сталина убить. Поскольку все

воспоминания писались через несколько, а то и несколько десятков лет после убийства Берии, когда он уже стал всемирным чудовищем, то это естественно. Но вот если у всех очевидцев поведения Берии в момент болезни Сталина 2—5 марта 1953 г. убрать их личные характеристики Берии, а оставить только его слова и только описание его поступков, то получится довольно интересная картина.

Из слов Хрущева, которому не было ни малейшего смысла врать в этом вопросе, становится ясно, что Берия узнал о несчастье со Сталиным только утром 2 марта и немедленно приехал, требуя от врачей энергичного лечения.

Здесь же на даче в соседней комнате в 12 часов дня провело заседание Бюро Президиума ЦК КПСС. Председательствовал Г.М. Маленков. За столом сидели члены Бюро Президиума Л. П. Берия, Н. А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л. М. Каганович, М. Г. Первухин, М. З. Сабуров, Н. С. Хрущев, а также члены Президиума А. И. Микоян, В. М. Молотов, Н. М. Шверник, М. Ф. Шкирятов. Докладывал начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И. Куперин, в стороне с бумагами сидел профессор Р. А. Ткачев.

Почему-то на доклад врача все члены Президиума скромно промолчали, не найдя, что сказать, и лишь Берия отыскивал необходимые в данном случае слова: «Вы отвечаете за жизнь товарища Сталина, вы это понимаете? Вы должны сделать все возможное и невозможное, чтобы спасти товарища Сталина». Почему-то остальные считали, что врачи могут и не отвечать за жизнь пациента и не делать все необходимое для его спасения, в связи с чем все историки приводят цитируемые слова, чтобы показать, каким же негодяем был Берия.

Дочь Сталина Светлана Аллилуева*, которая к старости стала женщиной далеко не примерного поведения, клоко-

* Сын Сталина Василий был вызван в начале 60-х на беседу с Ворошиловым и на вопрос того о сестре резко ответил: *«Дочь, которая отказалась от отца, мне не сестра... Ничего общего у меня с ней нет и не будет».*

чет негодованием к Берии и подтверждает свое негодование вот такими «отвратительными» поступками Берии: «Он подходил к постели и подолгу всматривался в лицо больного, — отец иногда открывал глаза, но, по-видимому, это было без сознания, или в затуманенном сознании. Берия глядел тогда, впиваясь в эти затуманенные глаза...».

А вот профессор В.А. Неговский почему-то не считает нужным лить на Берию помой в этом случае: «У меня не сложилось впечатления, что Берия был очень возбужден, как вспоминает Светлана Аллилуева. Да, начальствующий тон, но ничего другого сказать не могу. В отношении меня был корректен, вежлив. Ничего мне не приказывал. Даже поддерживал: «Находите нужным, делайте!».

Интересно, что все, кто присутствовал у постели больного, а там была уйма народу, не вспоминают, чтобы Хрущев или Маленков проявили хоть малейшую инициативу!

Д.Т. Шепилов, неудачно «примкнувший», тоже околачивался у постели больного и вспоминает такой эпизод: «Утром четвертого марта под влиянием экстренных лечебных мер в ходе болезни Сталина как будто наступил просвет. Он стал ровнее дышать, даже приоткрыл один глаз, и присутствовавшим показалось, что во взоре его мелькнули признаки сознания. Больше того, им почудилось, что Сталин будто хитровато подмигнул этим полуоткрывшимся глазом: ничего, мол, выберемся! Берия как раз находился у постели. Увидев эти признаки возвращения сознания, он опустился на колени, взял руку Сталина и поцеловал ее. Однако признаки сознания вернулись к Сталину лишь на несколько мгновений...».

Как хотите, но если суммировать все эти слова и эпизоды, то получается, что Берия был чуть ли не единственным, кто делал все для спасения Сталина и кто не боялся взглянуть ему в глаза.

Еще вопрос. Понимал ли Берия, что Сталина убили, убили хотя бы тем, что около 30 часов не то что не оказывали ему медицинскую помощь, но ему даже воды никто не

подавал? И это еще самый безобидный вид убийства, поскольку и яд исключить уже нельзя. Думаю, что все это он понимал, но что он мог предпринять тогда, кроме попыток спасти вождя? Громогласно заявить об убийстве? Потребовать немедленного расследования? Но тут столько «но»!!

За три десятка лет впервые и они, и народ остались без вождя. Надо же понять ту обстановку: Правительство даже запретило все поездки в Москву, а со всего Союза любимыми путями в столицу люди ехали, шли, обходили кордоны и заставы, чтобы проститься с вождем. Даже московская милиция, имевшая громадный опыт в организации народа на различные шествия и демонстрации, не смогла справиться с толпой и допустила давку и гибель людей. Что было бы, если бы в тот момент сообщить народу, что Сталин убит? Боюсь, что еврейский погром был бы самой малой неприятностью. Кто гарантировал бы, что удалось бы удержать в повиновении армию и силовые структуры? Что осталось бы от доверия народа к любым органам власти?

Во-вторых, заяви об этом Берия, и Президиум ЦК уже не назначил бы его на должность министра объединенного МВД-МГБ в силу того, что именно эти органы должны были бы вести расследование. Но в этом случае ими должен был бы руководить беспристрастный человек, а не тот, кто инициировал это дело. А возглавить МВД-МГБ Берии надо было уже хотя бы потому, что так считал нужным Сталин, что, только возглавив госбезопасность, можно было осуществить идеи Сталина, за которые его и убили.

Нет, до момента, пока Берия не осуществил бы уход партноменклатуры от власти, пока не сосредоточил власть в Советах и пока народ бы к этому не привык и не понял, что так и надо, до этих пор поднимать вопрос о смерти Сталина было нельзя. Надо было делать вид, что официальная версия смерти Сталина Берию устраивает, что он без сомнений верит и Маленкову, и Хрущеву.

К сожалению, и те понимали, что Берия не дурак; к сожалению, и они догадывались, что их ждет, если Берию не остановить.

Зять Хрущева А.И. Аджубей вспоминал: «Я хорошо запомнил странную фразу, брошенную однажды Ворошиловым на даче в Крыму, когда там отдыхал Хрущев, было это летом 1958 или 1959 г. Ворошилов приехал в предвечерье, погуляли, полюбовались закатом, сели ужинать. Ворошилов, как это с ним случалось, проглотил лишнюю рюмку горилки с перцем — он весьма жаловал забористый украинский напиток. Лицо покраснело, так и казалось, что его хватит апоплексического удара. И вдруг он положил руку на плечо Никиты Сергеевича, склонил к нему голову и жалостливым, просительным тоном сказал: **«Никита, не надо больше крови...»**.

* * *

Итак, если подвести итоги расследования в этой главе, то безусловно, что Сталин был убит по меньшей мере не оказанием помощи. Но мы будем не правы, если на этом выводе закончим расследование, поскольку «странное» поведение партноменклатуры до смерти Сталина, после его смерти и при Горбачеве и Ельцине, дают возможность прийти к еще более определенному выводу — Сталин накануне смерти был отравлен. Поэтому давайте не будем на этом останавливаться и продолжим расследование дела об его убийстве.

СОКРЫТИЕ ПАРТНОМЕНКЛАТУРОЙ СССР ФАКТА УБИЙСТВА СТАЛИНА

БЕРИЯ И МГБ

Вернемся в конец 40-х — начало 50-х годов прошлого века. Напомню, что перед самой войной Народный комиссариат внутренних дел СССР, объединявший в себе все виды розыскной деятельности, разведку и контрразведку, начали разделять на три ведомства. Из НКВД выделились органы, ведущие контрразведку в армии, сначала они назывались особыми отделами (с подчинением наркому обороны), в ходе войны им дали название «Смерть шпионам!», или сокращенно «Смерш». Милиция, пограничники, внутренние войска, лагеря и связанные с ними производства остались в ведении НКВД. Разведка, контрразведка и следствие по делам о государственных преступлениях планировалось перевести в наркомат госбезопасности, но война затормозила это разделение, и оно фактически произошло только в 1943 г. Берия руководил НКВД, убитый по его «делу» в 1953 г. Меркулов — НКГБ, и «Смершем» руководил В.С. Абакумов.

После войны Берия избирается членом Политбюро, возглавляет атомный проект и его освобождают от должности наркома внутренних дел. В это время от должности наркома государственной безопасности освобождается и Меркулов, а все наркоматы СССР переименовались в министерства.

Теперь уже не в наркоматах, а в министерствах должность Берии занимает Круглов, а должность Меркулова — Абакумов.

Неизвестно отношение Берии к Абакумову (тот был его бывшим подчиненным), но, судя по дальнейшему, на-

значение Абакумова на должность министра МГБ не было инициативой Лаврентия Павловича, поскольку практически немедленно между первым заместителем Предсовмина Берией и министром МГБ начались трения. Большими они быть не могли, так как Берия за силовые структуры страны не отвечал, а разведку и контрразведку по атомному проекту вели отделы МГБ под его непосредственным руководством.

Тем не менее, историки собрали такие примечательные факты. Берия, помимо того, что был маршалом СССР, был и последним, кто имел персональное звание народного комиссара госбезопасности, которое тоже соответствовало маршальскому. Поэтому в здании МГБ ему полагался кабинет. Но Абакумов распорядился убрать из кабинета Берии секретаря, а в кабинете прекратить делать уборку. Разумеется, Берия перестал приезжать в этот кабинет, и когда после его убийства в этот кабинет зашли, чтобы сделать обыск, то нашли его весь заросшим паутиной. Вот такая со стороны Абакумова мелкая, но примечательная пакость.

Когда после убийства Берии Абакумова обвинили в том, что он тоже член «банды Берии», то возмущенный Абакумов пытался напомнить всем, что они с Берией были врагами до такой степени, что Берия даже ни разу не пригласил его на свои застолья, которые с грузинским радушием он устраивал для своих товарищей по правительству и ЦК.

Те историки, кто подробнее вникает в дела Берии и Абакумова, единодушно отмечают эту вражду, но затрудняются дать версию ее причин. Действительно, для Абакумова Берия был хотя и посторонний, но очень высокий начальник. Ну зачем на пустом месте нужно было с ним враждовать? Даже с точки зрения карьеры самого Абакумова, ведь его на должность ставило Политбюро, а Берию в марте 1946 г. повысили в партийной должности и он стал одним из 11 членов этого органа. Зачем нужно было Абакумову иметь в Политбюро человека, враждебно к себе настроенного?

Думаю, тут дело вот в чем. Между партийными и хозяйственными работниками СССР существовал скрытый антагонизм, который очень трудно было заметить из-за необходимости подчинения хозяйственников партийцам. Но этот антагонизм был тем больше, чем больше партиец был партийцем, т.е. формальным болтуном, сторонящимся дела, и чем больше хозяйственник был хозяйственником, т.е. чем больше он был предан делу. Образный пример. Хозяйственнику поручили построить дом в очень тяжелых условиях, а партийцу «осуществлять руководящую роль партии» в этом строительстве. Пока хозяйственник решает тысячи проблем, связанных со стройкой, партиец пишет на него докладные записки в ЦК о том, что хозяйственник плохо работает. Пишет не из врожденной пакостности, а на всякий случай: вдруг хозяйственник дом не построит, и тогда партиец заявит: а я же предупреждал! Отсюда и проистекает неприязнь, которую порой трудно скрыть.

Такая неприязнь существовала между Берией и Председателем Госплана Вознесенским по меньшей мере в 1941 г., когда Берия стремился обеспечить страну углем, а Вознесенский стремился обеспечить себе спокойную жизнь с нерастраченными резервами. Вознесенский свою карьеру начал делать в Ленинграде, оттуда же в Москву после окончания войны прибыли 1-й и 2-й секретари Ленинградского обкома — Жданов и Кузнецов. (Жданов «умер» в 1948 г., а Вознесенский с Кузнецовым, напомним, осуждены по одному «ленинградскому делу».)

Бывший после Жданова первый секретарь Ленинградского обкома А.А. Кузнецов, любитель ворованных бриллиантов, становится секретарем ЦК ВКП(б), курирующим, как сказали бы сегодня, «силовые министерства». И Абакумов был назначен министром МГБ именно по его предложению. То, что Абакумов был тесно связан с «ленинградцами», подтверждается вопросами, которые ставило следствие перед ним после ареста. Его, в частности, обвинили, что это не МГБ под руководством Абакумова вскрыло «ле-

нинградское дело», а сами партийные органы под руководством Маленкова. А МГБ начало исполнять свои обязанности вынужденно, после того, как в ЦК уже стало все известно.

То, что Берия, как и любой хозяйственник, смотрел на «партейцев» как на бездельников, было бы еще полбеды. Но он не только смотрел, он еще и пытался заставить их работать, что воспринималось ими как преступление. На июльском 1953 г. Пленуме ЦК, на котором осуждали Берию, не успел выступить бывший помощник Сталина А.Н. Поскребышев, но он передал в ЦК текст своего выступления о «преступлениях» Берии. Самое страшное из них было такое: «По его инициативе была введена такая практика, когда в решениях Совета Министров записывались пункты, обязывающие партийные организации выполнять те или иные поручения Совета Министров. Такие поручения, принимаемые помимо ЦК, ослабляют руководящую роль партии».

Таким образом, Абакумова не приглашали на застолья к хозяйственникам Берии по той причине, что у Абакумова была своя компания «партейцев» из Ленинграда. И чтобы понравиться своей компании, он и испортил отношения с Берией. Судоплатов утверждает, что почти сразу после назначения Абакумова министром МГБ он предпринял меры, чтобы собрать компромат, достаточный для заведения уголовного дела на Берию. Авторитет Берии в органах ГБ упал до такой степени, что его личный телохранитель полковник Саркисов явился к Абакумову с предложением «сту-чать» на своего шефа.

АБАКУМОВ

Как министр В.С. Абакумов, надо думать, обладал соответствующими знаниями и квалификацией, но, не получив в детстве формального образования, он наверняка испы-

тивал комплекс неполноценности, особенно в случаях, когда ему требовалось сталкиваться с «культурным» обществом. А сталкиваться с этим обществом ему, судя по всему, очень хотелось, так как именно там в СССР были сосредоточены доступные женщины. Говорят, что развратнику на могильном камне выбивают эпитафию: «Покойник любил жизнь». Судя по всему, и Абакумов очень «любил жизнь» во всех ее проявлениях — и в семье, и вне семьи. Накануне ареста он как раз развелся с прежней женой и женился на новой, а следователи по его уголовному делу составили список его любовниц, отдельно вычленив евреек, что немудрено — «культурное» общество послевоенной Москвы во многом состояло из евреев. Ввиду этой своей тяги к жизни министр МГБ очень нуждался в «культурном» обществе и, естественно, боялся быть им отвергнутым. Мне хотелось бы, чтобы вы это отметили, иначе будет трудно понять стойкость Абакумова во время допросов.

Поскольку Абакумов оскотинился или по натуре уже был Животным, то у него, естественно, была и огромная тяга к бараклу в бессмысленном для человека количестве. Оставив имевшуюся у него 5-комнатную квартиру брошенной жене, он приказал оборудовать себе новую в 300 м². МГБ на это потратило 800 тыс. руб. и выселило из отводимых под квартиру Абакумова помещений 16 семей числом 48 человек. Уже в этой квартире при аресте у Абакумова изъяли 1260 м различных тканей, 23 пары часов (8 — золотых) и т.д., и т.п., включая 100 пар обуви, чемодан подтяжек, 65 пар запонок.

Желая понравиться «культурному» обществу Москвы, Абакумов попадал к нему в зависимость. А у Животных свои законы, а не советские. Конкретно — в этом обществе нет худшей клички, нежели «антисемит», «антисемитов» это общество отвергает. Абакумову волей-неволей пришлось лавировать между законами Животных и советскими. И он, в конце концов, долавировался.

Летом 1951 г. подполковник Рюмин, следователь МГБ, не вытерпел и написал заявление начальнику Абакумова — Маленкову. Рюмину не понравились «еврейские» странности Абакумова и в частности: вопреки закону протоколы допросов евреев, по указанию Абакумова, не велись, делались только заметки, а потом полковник Шварцман, еврей по национальности, по этим заметкам писал протокол для отсылки в Политбюро на ознакомление. Причем преступные моменты в показаниях сглаживались.

За антисоветскую пропаганду был арестован профессор Этингер, еврей, лечивший членов правительства, дело Этингера вел Рюмин, но Абакумов запретил задавать Этингеру вопросы о его возможном терроризме. Это как понять?

Более того, придя однажды на службу и требуя из внутренней тюрьмы МГБ Этингера к себе на допрос, Рюмин вдруг узнает, что по приказу Абакумова Этингер срочно переведен в тюрьму в Лефортово, и там спешно умер.

И, наконец, МГБ получило данные о создании группкой еврейской молодежи антисоветской организации «СДР», постановившей убить Маленкова за антисемитизм. Но Абакумов запретил ее трогать!

Думаю, что любой, взглянув на эти факты, немедленно задастся вопросом — а что случилось? Почему Абакумов не трогает преступников, если они евреи по национальности? Этим вопросом задалось и Политбюро, в результате Абакумов 12 июля 1951 г. был арестован вместе со Шварцманом и рядом других работников МГБ, и прокуратура начала их расспрашивать по поводу этого странного поведения.

Абакумов, естественно, оправдывался, но его оправдания могут убедить только Стоярова. От Шварцмана, фальсифицировавшего протоколы допросов, Абакумов отрекся, а тот немедленно «закошил» под сумасшедшего.

По поводу Этингера Абакумов отвечал так:

«Руководство 2-го управления доложило мне, что Этингер является враждебно настроенным. Я поручил под-

готовить записку в ЦК. В записке были изложены данные, которые убедительно доказывали, что Этингер — большая сволочь. Это было в первой половине 1950 г., месяца не помню. Но санкции на арест мы не получили... А после того как сверху спустили санкцию, я попросил доставить Этингера ко мне, так как знал, что он активный еврейский националист, резко антисоветски настроенный человек. «Говорите правду, не кривите душой», — предложил я Этингеру. На поставленные мною вопросы он сразу же ответил, что его арестовали напрасно, что евреев у нас притесняют. Когда я стал нажимать на него, Этингер сказал, что он честный человек, лечил ответственных людей. Назвал фамилию Селивановского, моего заместителя, а затем Щербакова. Тогда я заявил, что ему придется рассказать, как он залечил Щербакова. Тут он стал обстоятельно доказывать, что Щербаков был очень больным, обреченным человеком...

В процессе допроса я понял, что ничего, совершенно ничего, связанного с террором, здесь нет. А дальше мне докладывали, что чего-то нового, заслуживающего внимания, Этингер не дает».

Однако к этому времени следователи прокуратуры выяснили, что Абакумов врёт, поскольку заместитель начальника Следственной части по особо важным делам Лихачев на допросе в прокуратуре показал, что незадолго до перевода в Лефортово Этингер дал показания об умышленном неправильном лечении Щербакова, что и повлекло перевод Этингера в Лефортово и спешную смерть.

Несколько более подробно о Щербакове.

Надо сказать, что в партийной иерархии после членов Политбюро и секретарей ЦК наиболее важными считались не должности первых секретарей республиканских компартий, а должности первого секретаря Московского горкома. Четыре года до 1938 г. эту должность занимал Хрущев, а затем его вдруг перевели исполняющим обязанности первого секретаря ЦК на Украину, а вместо него назначили

очень молодого (37 лет) А.С. Щербакова. Это вызвало ненависть Хрущева к Щербакову, и впоследствии Никита Сергеевич обильно хаял Александра Сергеевича, уверяя, что тот горький пьяница, характер у него *«ядовитый, змеиный»* и умер он, дескать, от пьянства. На самом деле пить Щербакову было недосуг, поскольку во время войны Сталин его нагрузил работой, как мало кого грузил. Если за всю войну Хрущев так и не понадобился в центральных органах власти, оставаясь членом военных советов фронтов, то Щербаков руководил не только Москвой, но и Московской областью, был заместителем Сталина в наркомате обороны, политическим комиссаром всей Красной Армии и руководителем органов военной пропаганды. Пьянствовать при такой загрузке, да еще и работая рядом со Сталиным, было немислимо.

Щербаков не снискал любви «советской интеллигенции» вот по каким причинам. С началом войны лучшие представители всех национальностей СССР отказывались от «брони», т.е. от освобождения от призыва, и шли на фронт. Их должности немедленно заполняли евреями, о которых говорили, что они воюют на «ташкентском фронте». А у евреев есть свойство: обосновавшись где-либо, они немедленно начинают тащить к себе соотечественников, давая и увольняя всех остальных. Сложилось положение, которое «интернационализмом» уже никак нельзя было назвать даже условно. Вот, к примеру, строки из справки 1942 г. Управления агитации и пропаганды, касающиеся положения в московской филармонии:

«...Всеми делами вершит делец, не имеющий никакого отношения к музыке, беспартийный Локшин — еврей, и группа его приближенных администраторов-евреев: Гинзбург, Векслер, Арканов и др. ...В результате из штата филармонии были отчислены почти все русские: лауреаты международных конкурсов — Брюшков, Козолупова, Емельянова; талантливые исполнители и вокалисты — Сахаров, Королев, Выспрева, Ярославцев, Ельчанинова и др. В шта-

те же филармонии остались почти все евреи: Фихтенгольц, Лиза Гилельс, Гольдштейн, Флиер, Эмиль Гилельс, Тамаркина, Зак, М. Гринберг, Ямпольский и др.».

Такое положение было везде — в науке, образовании, кино, журналистике. Если в центральной прессе «интернационализм» еще так-сяк поддерживался за счет принятия евреями русских псевдонимов, то, скажем, в малоизвестной англоязычной «Moscow News» редакция состояла из 1 русского, 1 армянина и 23 евреев. Терпеть этот разгул еврейского расизма было немыслимо, это было бы оскорблением всех остальных народов СССР. И борьбу с еврейским расизмом возглавил А.С. Щербаков. Поэтому любить его еврейским Животным было не за что. К концу войны Щербаков начал жаловаться на боли в сердце, его положили в больницу, но 9 мая лечащие врачи вдруг отменили ему постельный режим, он поехал в Москву смотреть салют, и на следующий день после Победы — 10 мая 1945 г. — умер.

Консультировал его лечение упомянутый профессор Этингер, еврей и, по словам Абакумова, как вы только что прочли, *«большая сволочь»*. Абакумов прекрасно знал, что до войны врачи — *«большие сволочи»* — залечили Горького, Куйбышева и других примерно таким же способом — назначая неправильное лечение. Тогда в связи с чем Абакумов не давал следователю проверять версию о терроризме врачей против Щербакова? Почему, как только Этингер сознался во врачебном убийстве Щербакова, его самого тут же убили?

По поводу террористической организации «СДР» Абакумов показал нечто настолько невразумительное, что Столяров прервал цитирование и пересказал показания Абакумова своими словами:

«Слуцкий, Гуревич и остальные члены группы «СДР», объяснил Абакумов, являлись учащимися 9—10 классов или же студентами-первокурсниками, им было по 15—17 лет, они в основном дети репрессированных, способные только на болтовню. Однажды кто-то кому-то сказал, что

хорошо бы убить Маленкова, раз он такой ярый антисемит, вот и все. Серьезных террористических намерений у них не было и не могло быть».

Вот так — не может быть, потому что не может быть никогда! И этот ответ идет на фоне сионистских терактов во всем мире! И, между прочим, даже не работнику спецслужб известно, что терроризм — это удел молодых.

Сравним. В это же время, в которое получены данные о «СДР», Абакумов арестовывает группу советских генералов, героев войны, Героев Советского Союза, которые сидят на пенсии в свои еще молодые годы и от недовольства своим положением ведут между собой организационные переговоры о том, что хорошо бы Сталина заменить на Жукова. Ни о каком терроре никто из этих генералов и словом не обмолвился. Тем не менее Абакумов организовал следствие, нашел доказательства, и суд приговорил этих генералов, славян по национальности, к расстрелу.

Пример о еще более юных арестантах. Весной 1943 г. вскрывается подпольная организация фашистского толка среди детей кремлевских жителей. «Фюрером» ее был сын наркома авиапромышленности Шахурина, любителя автомобилей, членами организации два сына члена Политбюро Микояна, сын генерал-майора Хмельницкого и т.д. Детки изучали «Майн Кампф», имели и оружие. Организация была вскрыта НКВД только потому, что «фюрер» от несчастной любви застрелил свою школьную пассию и застрелился сам. Было членам этой организации по 13—15 лет. Тем не менее все были арестованы (уголовная ответственность наступала в то время с 12 лет), полгода провели в тюрьме, а затем были сосланы в Сибирь и Среднюю Азию. Кроме В. Микояна, который отпросился к братьям на фронт (два старших сына Микояна были летчиками).

Что же мы видим? Абакумов установил в МГБ порядки, при которых за преступление, за которое наказывают и русских, и армян, евреев даже не трогают! Это почему же?

Другой версии у следователя не было — Абакумов является либо центром, либо важным звеном какой-то сионистской подпольной организации, но не хочет признаться и выдать всех сообщников. Что это за организация, насколько она сильна — все это было неясно. И Абакумову делают исключение — его начинают бить. В данном случае я в это верю, поэтому немного о пытках.

Пытки в НКВД (МГБ)

Если принимать за чистую монету все книги и мемуары о тех временах о НКВД, а потом о МГБ, то у не критичного читателя сложится впечатление, что тогда всех, кто попадал в эти органы, с самого порога начинали бить и мучить с одной-единственной целью — чтобы бедные жертвы оговорили себя в преступлениях, за которые полагается расстрел. И бедные жертвы все как один охотно оговаривали себя. (Под пытками, разумеется.) Причем пытали невиновых следователи НКВД по личному приказу Сталина и Берия. Такая вот история страшного тоталитарного режима.

Правда, если присмотреться, то окажется, что сведения о пытках поступают из двух очень заинтересованных источников. Во-первых, от осужденных, которые оговорили не только себя (что морально еще как-то можно простить), но и других людей, которых из-за этого оговора тоже осудили. То есть этим преступникам, из-за показаний которых погибли, возможно, и невиновые люди, ничего не остается делать, как утверждать, что показания они дали, не выдержав пыток.

Вот, к примеру, осенью 1941 г. НКВД вскрыло в Ленинграде среди тамошних ученых антисоветскую организацию «Комитет общественного спасения», под которым, сами понимаете, подразумевалась сдача Ленинграда немцам. Было осуждено 32 человека, из которых 5 расстреляно и 10 умерли в заключении, но те, по показаниям ко-

торых действовали следователи и осуждал трибунал, остались живы. В 1956 г. они, естественно, превратились в жертвы сталинизма, которых заставили якобы оклеветать товарищей силой. Профессор Страхович в 1956 г. сообщил на очной ставке со своим бывшим следователем: «Мне было подчеркнуто, что в зависимости от того, что названные лица занимаются антисоветской деятельностью, будет решена моя судьба, т.е. буду я жить или меня расстреляют. По требованию Альтшуллера и присутствующих при этом Кружкова и Подчасова я подписал заведомо ложное показание, оговорив ни в чем не виновных ученых, назвав около 20 фамилий». Так кто здесь больше виноват: следователь Альтшуллер или этот Страхович?

Что было особенно страшно для морали общества, так это то, что подобной реабилитацией мерзавцев в умы советского обывателя вдалбливалась законность Животной морали: «Сдохни сегодня ты, чтобы я мог сдохнуть завтра».

Во-вторых, сведения о пытках поступают от продажных писак и историков, которые на воплях об этих пытках сделали (да и сегодня делают) себе карьеру и деньги.

Никто не задается вопросом — а была ли вообще необходимость пытаться тогдашних подозреваемых? Ведь речь идет о Животных — о тех, у кого нет ни малейших общественных целей или идей, нет того, во имя чего стоит выдерживать пытки. Речь идет о тех, кто во имя своего минимального благополучия сам оклеветает любого. Разве Страховича пытали? Или, к примеру, даже К. Столяров утверждает, что Рюмин и пальцем не тронул работника МГБ Маклярского, а лишь применил обычную у следователей формулу, что если подследственный не раскается, то пусть пеняет на себя. И как пишет Столяров: «После столь душевной беседы Маклярский подписал фантастический по содержанию протокол допроса, оговорив своего давнишнего приятеля, писателя Льва Романовича Шейнина, который длительное время работал в органах прокуратуры, имел звание государственного советника юстиции 2-го

класса и уже несколько месяцев содержался во Внутренней тюрьме на Лубянке как активный участник заговора еврейских буржуазных националистов».

Приятель тоже не молчал, ведь и у него были приятели. Столяров продолжает: «На предыдущих допросах многоопытный Шейнин держался расчетливо, в мелочах кое-где уступал следователям, признавал, например, участие в антисоветских разговорчиках с товарищами по перу, приводил националистические высказывания братьев Тур и Крона, перечисляя евреев, препятствовавших дальнейшему неуклонному подъему советской литературы и искусства, называл прозаика Василия Гроссмана и драматургов Финна и Прута, но наличие заговора и, главное, свою в нем ведущую роль отрицал с неизменной решительностью».

И заметьте, ведь никто не заявил о своей невинности, как это сделал Абакумов. Всем было что рассказать следователю безо всяких пыток и особого давления. И безо всякой жалости к тем, на кого они давали свои показания.

Был некто Л.А. Самутин, во время войны он изменил Родине, служил у немцев, был выдан нам датчанами, получил 10 лет, отсидел, после отсидки хорошо устроился, помогал Солженицыну, пока не разобрался в том, что тот пишет. В конце жизни написал, по сути, критику солженицынских писаний. Эти работы Самутина начали в 1989 г. печатать в «Военно-историческом журнале», но перестройщики очень быстро спохватились и полностью работа Самутина так и не увидела свет. «ВИЖ» успел напечатать размышления Самутина об описании всяческих пыток в «Архипелаге ГУЛАГе» Солженицына. Причем Самутин пишет о своем личном опыте. Итак, датчане передали его в руки «Смерш».

«Мы все ждали, — пишет Самутин, — «пыточного следствия», не сомневались, что нас будут избивать не только следователи, но и специально обученные и натренированные дюжие молодцы с засученными рукавами. Но опять «не угадали»: не было ни пыток, ни дюжих молодцов с во-

лосатыми руками. Из пятерых моих товарищей по беде ни один не возвращался из кабинета следователя избитым и растерзанным, никого ни разу не втащили в камеру надзиратели в бессознательном состоянии, как ожидали мы, начитавшись за эти годы на страницах немецких пропагандистских материалов рассказов о следствии в советских тюрьмах.

Спустя четверть века, листая рукопись «Архипелага», я снова увижу описание «пыточного следствия», да еще в тех же самых словах и красках, которые помнятся мне еще с того, немецко-военного времени. Это картины, сошедшие почти в неизменном виде с гитлеровских газетных статей и страниц пропагандистских брошюр. Теперь они заняли десятки страниц «Архипелага», книги, которая претендует на исключительность, объективность и безупречность информации.

Из-за водянистости, отсутствия строгой организации материала и умения автора затуманивать сознание читателя, играя на его чувствах, при первом чтении проскакивает как-то незамеченным одно очевидное несоответствие. Красочно и драматично рисуя картины «пыточного следствия» над другими, дошедшие до Солженицына в пересказах, он затем на доброй сотне страниц будет рассказывать не столько о самом себе в роли подследственного, сколько о том, в какой обстановке протекала жизнь в следственной тюрьме: как заключенные читали книги, играли в шахматы, вели исторические, философские и литературные диспуты. И как-то не сразу придет мне в голову несоответствие картин фантастических пыток с воспоминаниями самого автора о его благополучном пребывании в камере.

Итак, пыток перенести не привелось ни автору «Архипелага ГУЛАГ» Солженицыну, ни его соседям по тюрьме в Москве, ни мне с товарищами в подвале контрразведки 5-й ударной армии на территории Германии. И в то же время у меня нет оснований утверждать, что мое следствие шло гладко и без неприятностей. Уже первый допрос следо-

ватель начал с мата и угроз. Я отказался говорить в таком «ключе» и, несмотря на усилившийся крик, устоял. Меня отправили вниз, я был уверен — на избивание, но привели «домой», то есть в ту же камеру. Два дня не вызывали, потом вызвали снова, все началось на тех же нотах, и результат был тот же. Следователь позвонил по телефону, пришел майор, как потом оказалось, начальник отдела. Посмотрев на меня сухими, недобрыми глазами и выслушав претензии и жалобы следователя, он спросил: «Почему не даете старшему лейтенанту возможности работать? Почему отказываетесь давать показания? Ведь все равно мы знаем, кто вы такой, и все, что нам еще нужно, узнаем. Не от вас, так другими путями».

Я объяснил, что не отказываюсь от показаний и готов давать их, но протестую против оскорблений и угроз. Честно говоря, я ожидал, что майор бросит мне: «А чего еще ты, сволочь, заслуживаешь? Ждешь, что с тобой тут нянчиться будут?». Но он еще раз сухо взглянул на меня и сделал какой-то знак следователю. Тот ткнул рукой под стол — нажал кнопку вызова конвоира. Тут же открылась дверь, и меня увели.

Опять не вызывали несколько дней, а когда вызвали, привели в другой кабинет и меня встретил другой человек с капитанскими погонами. Предложил сесть на «позорную табуретку» — так мы называли привинченную табуретку у входа, на которую усаживают подследственного во время допроса, потом сказал:

— Я капитан Галицкий, ваш следователь, надеюсь, что мы с вами сработаемся. Это не только в моих, но и в ваших интересах.

И далее повел свое следствие в формах, вполне приемлемых. Я стал давать показания, тем более что с первого же дня нашего общения капитан усадил меня за отдельный столик, дал чистые листы бумаги и предложил писать так называемые «собственноручные показания». Лишь потом, когда показания он стал переводить на язык следственных

протоколов, я понял, что этот человек «мягко стелет, да жестко спат». Галицкий умело поворачивал мои признания в сторону, нужную ему и оттягивавшую мое положение. Но делал это в форме, которая, тем не менее, не вызывала у меня чувства ущемленной справедливости, так как все-таки ведь я был действительно преступник, что уж там говорить. Но беседовал капитан со мной на человеческом языке, стараясь добираться только до фактической сути событий, не пытаясь давать фактам и действиям собственной эмоционально окрашенной оценки. Иногда, желая, очевидно, дать мне, да и себе тоже, возможность отдохнуть, Галицкий заводил и разговоры общего характера. Во время одного я спросил, почему не слышу от него никаких ругательных и оскорбительных оценок моего поведения во время войны, моей измены и службы у немцев. Он ответил:

— Это не входит в круг моих обязанностей. Мое дело — добыть от вас сведения фактического характера, максимально точные и подтвержденные. А как я сам отношусь ко всему вашему поведению — это мое личное дело, к следствию не касающееся. Конечно, вы понимаете, одобрять ваше поведение и восхищаться им у меня оснований нет, но, повторяю, это к следствию не относится...

Время пребывания в следственных подвалах растянулось на четыре месяца из-за продления следствия. Я боролся изо всех своих силенок, сопротивлялся усилиям следователей «намотать» мне как можно больше. Так как я скупое рассказывал о себе, а других материалов у следствия было мало, то следователи и старались, по обычаям того времени, приписать мне такие действия и навалить на меня такие грехи, которые я не совершал. В спорах и возне вокруг не подписываемых протоколов мне удалось скрыть целый год службы у немцев, вся моя «эпопея» у Гиля в его дружине осталась неизвестной. Не могу сказать, какое имело бы последствие в то время разоблачение еще и этого этапа моей «деятельности», изменило бы оно ход дела или

все осталось бы в том же виде. Тут можно предполагать в равной степени и то и другое. Тем не менее, весь свой лагерный срок до Указа об амнистии в сентябре 1955 г. я прожил в постоянном, страхе, что этот мой обман вскроется и меня потащат к новой ответственности».

Как видите, НКВД не применяло пыток даже в делах совершенно определенных негодяев, но если эти негодяи в ходе следствия не выдавали и не сажали в тюрьму своих товарищей, как это сделал Солженицын, то у них впоследствии не было необходимости клеветать и утверждать, что их пытали.

Значит ли это, что в НКВД и МГБ не пытали подследственных ни при каких случаях и никогда? Нет, конечно, все зависело от обстоятельств. Представьте, что ваш полк окружен противником минными полями, вы берете пленного, а он, зная проход в этих полях, молчит. Вы что же, будете смотреть на него, как на чудо морское, а полк пошлете на эти минные поля на гибель? В этом случае вы моральный урод и предатель.

Так было и в НКВД, и в МГБ. Если велика была угроза стране, а не следователям, от задержки в получении **истины**, то наверняка пытали, а если спешка не требовалась, то подследственных не трогали, как не тронули даже обнаглевшего Самутина.

А на дело Абакумова, видимо, смотрели всерьез. Ведь МГБ — это достаточно хорошо вооруженная организация, кроме того, защищенная законами и документами. Кто не подчинится человеку, предъявившему удостоверение сотрудника МГБ? Поэтому вскрыть заговор в МГБ требовалось как можно быстрее.

И, судя по всему, Абакумова начали бить. Тот же Столяров привел ряд документов об этом и, судя по всему, не фальшивых. Но что интересно — документы, подтверждающие, что Абакумова и арестованных с ним работников МГБ на допросах били, подтверждают и обратное —

что других арестованных били чрезвычайно редко. Поскольку, во-первых, бить Абакумова начали только после указания Политбюро. Во-вторых, организация этого битья потребовала от МГБ определенных усилий, т.е. для МГБ это была необычная работа. Столяров по этому поводу пишет:

«А вот не менее компетентное свидетельство бывшего начальника Внутренней тюрьмы МГБ подполковника Миронова (протокол допроса от 4 декабря 1953 г.):

«...меня вызвал заместитель министра полковник Рюмин и предложил подобрать двух надежных и физически сильных сотрудников... для выполнения важных оперативных заданий. На другой день я вместе с отобранными сотрудниками Кунишниковым и Беловым зашел к Рюмину, который разъяснил, что важное оперативное задание состоит в том, что мы, по указанию его, Рюмина, будем применять меры физического воздействия к арестованным. За это он пообещал в будущем предоставлять нам путевки в дом отдыха, денежное пособие и присвоить внеочередные воинские звания. В нашем присутствии Рюмин вызвал одного из сотрудников Следчасти по особо важным делам и предложил собрать и передать нам резиновые палки, что и было выполнено... В Лефортовской тюрьме мы разместились в кабинете № 29 и по указанию Рюмина подвергли избиению арестованных Абакумова, Бровермана, Шварцмана, Белкина и других...».

Простите, но если сосчитать всех, кто плачет, что он признался и оклеветал других только потому, что его били в МГБ, и это количество разделить на штат Лефортовской тюрьмы, то мы получим количество внеочередных воинских званий, которые в этой тюрьме полагались бы каждому вертухаю*. Боюсь, что у них были бы такие звания, что генералиссимус Сталин вынужден был бы им честь отдавать первым.

* (Жаргон) — конвоир, вахтер тюрьмы или лагеря.

То есть вопреки воплям «невинных жертв сталинизма», били в МГБ чрезвычайно редко, поскольку, как видим из дела Абакумова, это для самих сотрудников МГБ было из ряда вон выходящим событием, за которое полагались и внеочередные воинские звания, и путевки на курорт.

Агенты влияния. Сионистское лобби

Абакумова, судя по всему, били и истязали больше года, пытки прекратили врачи, предупредив, что Абакумов умрет. И тем не менее Абакумов не признался ни в чем, ни в малейшей мере! Это еще одно разоблачение фальшивок о том, что «невинные жертвы сталинских репрессий» якобы оговаривали себя под пытками. Если человеку не в чем было себя оговаривать, то он ни себя, ни других не оговаривал и под пытками. А если было, то он это делал и без пыток.

За это к Абакумову относятся с большим уважением те, кто мог бы пострадать, будь Абакумов трусливее. Но я не склонен равнять его с Зоей Космодемьянской. Думаю, что тут дело совершенно в другом, а именно — в непонимании того, что происходит, ни прокуратурой, ни самим Абакумовым.

Прокуратура не могла понять, почему он, безжалостно организовавший ликвидацию украинских националистов, не трогал еврейских? А Абакумов, уже вжившийся в «культурное» общество, где «антисемитизм» является большим преступлением, чем измена Родине, не мог понять, чего от него требуют следователи. Ну не тронул он еврейских мальчиков, ну запретил допрашивать врача-еврея, пусть и дурака, но явно невинного (раз он еврей). Ну и что? Разве можно быть антисемитом? Думаю, что Абакумов, сам того не подозревая, был агентом влияния сионистов и еврейских расистов в МГБ. Он, сам этого не понимая, лоббировал их интересы там.

Я не верю ни в какое его сознательное действие ни в пользу сионистов, ни в пользу Израиля. Он занимал такой пост и в такой стране, что подобного поста ни сионисты, ни Израиль и близко не могли ему даже пообещать. В связи с чем он должен был предать Родину в пользу Израиля? В его преступлении нет ни малейших мотивов. Это полностью переродившееся Животное, которое и само этого не создавало.

Вот посмотрите на «перестройку» в своем конце — 1989—1991 гг. Откуда в стране, где не был снят ни один фильм, не издана ни одна книга хотя бы с одним словом против Родины, в стране, которая гордилась патриотизмом своих граждан, вдруг в одночасье повылезали десятки тысяч уродов с воплями «патриотизм — это прибежище идиотов» и «жить нужно в той стране, где лучше»? Ведь на самом деле переубедить человека очень трудно. Значит, эти люди уже были в СССР, их были уже миллионы — несколько поколений уродов. Всю жизнь эти Животные говорили одно, а думали совершенно другое. При этом все эти выродки совершенно спокойно считали себя коммунистами и верными сынами великой Родины. Сегодня в том же ФСБ уже коммунистов преследуют все те же уроды, которые до перестройки преследовали «диссидентов». Этим полковникам в глаза говорят, что они подлецы, что они не имеют права называться офицерами, а эти подонки, как и Абакумов, искренне не понимают — о чем это? В чем их обвиняют?

Но это, конечно, крайний случай маразма. А в деле Абакумова мы видим только непонимание должностным лицом того, кому же на самом деле он служит.

Приведу еще один пример. Вот Голда Меир вспоминает, что через несколько недель после того, как она организовала две мощные антисоветские демонстрации в Москве, и за две недели до того, как был упразднен Еврейский антифашистский комитет, она была на приеме у министра иностранных дел СССР В.М. Молотова. Она пишет:

«...и я вспомнила тот прием и военный парад на Красной площади, который мы смотрели накануне. Как я позабывала русским — ведь даже крошечная часть того оружия, что они показали, была нам не по средствам. И Молотов, словно прочитав мои мысли, поднял свой стаканчик с водкой и сказал мне: «Не думайте, что мы все это получили сразу. Придет время, когда и у вас будут такие штуки. Все будет в порядке».

У меня вопрос. Если правительство СССР приняло решение оказать помощь оружием и боевой техникой Израилю, то почему Молотов не сообщил об этом послу Израиля определенно? Значит, решения такого еще не было. Но тогда как он посмел пообещать ей «такие штуки»? Кто-то может подумать, что Молотов был таким человеком — болтливым и легкомысленным. Тогда прочтите, что о нем написал наш союзник по тяжелейшей войне У. Черчилль:

«Человек, которого Сталин тогда выдвинул на трибуну советской внешней политики, заслуживает описания, которым в то время не располагали английское и французское правительства. Вячеслав Молотов — человек выдающихся способностей и хладнокровно беспощадный.

Его черные усы и проницательные глаза, плоское лицо, словесная ловкость и невозмутимость хорошо отражали его достоинства и искусство. Он стоял выше всех среди людей, пригодных быть агентами и орудием политики машины, действие которой невозможно было предсказать. Я встречался с ним только на равной ноге, в переговорах, где порой мелькала тень юмора, или на банкетах, где он любезно предлагал многочисленные формальные и бессодержательные тосты. Я никогда не видел человеческого существа, которое больше подходило бы под современное представление об автомате. И все же при этом он был, очевидно, разумным и тщательно отшлифованным дипломатом. Как он относился к людям, стоявшим ниже его, сказать не могу. То, как он вел себя по отношению к японскому послу в течение тех лет, когда в результате Тегеранской

конференции Сталин обещал атаковать Японию после разгрома германской армии, можно представить себе по записям их бесед. Одно за другим щекотливые, зондирующие и затруднительные свидания проводились с полным хладнокровием, с непроницаемой скрытностью и вежливой официальной корректностью. Завеса не приоткрывалась ни на мгновение. Ни разу не было ни одной ненужной резкой ноты. Его улыбка, дышавшая сибирским холодом, его тщательно взвешенные и часто мудрые слова, его любезные манеры делали из него идеального выразителя советской политики в мировой ситуации, грозившей смертельной опасностью.

Переписка с ним по спорным вопросам всегда была бесполезной, и если в ней упорствовали, она заканчивалась ложью и оскорблениями. Лишь однажды я как будто добился от него естественной, человеческой реакции. Это было весной 1942 года, когда он остановился в Англии на обратном пути из Соединенных Штатов, мы подписали англо-советский договор, и ему предстоял опасный перелет на родину. У садовой калитки на Даунинг-стрит, которой мы пользовались в целях сохранения тайны, я крепко пожал ему руку, и мы взглянули друг другу в глаза. Внезапно он показался мне глубоко тронутым. Под маской стал виден человек. Он ответил мне таким же крепким пожатием. Мы молча сжимали друг другу руки. Однако тогда мы были прочно объединены, и речь шла о том, чтобы выжить или погибнуть вместе. Вся его жизнь прошла среди гибельных опасностей, которые либо угрожали ему самому, либо навлекались им на других. Нет сомнений, что в Молотове советская машина нашла способного и во многих отношениях типичного представителя — всегда верного члена партии и последователя коммунизма. Дожив до старости, я радуюсь, что мне не пришлось пережить того напряжения, какому он подвергался — я предпочел бы вовсе не родиться. Что же касается руководства внешней политикой, то Сюзли, Талейран и Меттерних с радостью примут его в

свою компанию, если только есть такой загробный мир, куда большевики разрешают себе доступ».

И вот этот человек (единственный, кстати, не глава правительства, который в 6-ти томах «Истории Второй мировой войны» У. Черчилля удостоился столь длинного описания), который и с Черчиллем говорил на равных, вдруг «не с бухты-барахты» обещает Израилю казенное имущество. Не потому ли, что Голда Меир предварительно восхищалась другим:

«После того, как я пожала руку Молотову, ко мне подошла его жена Полина. «Я так рада, что вижу вас наконец!» — сказала она с неподдельной теплотой, даже с волнением. И прибавила: «Я ведь говорю на идиш, знаете?».

— Вы еврейка? — спросила я с некоторым удивлением.

— Да! — ответила она на идиш. — Их бин а идише тохтер (я дочь еврейского народа).

Мы беседовали довольно долго. Она знала, что произошло в синагоге, и сказала, как хорошо было, что мы туда пошли. «Евреи так хотели вас увидеть», — сказала она. Потом мы коснулись вопроса о Негеве, обсуждавшегося тогда в Объединенных Нациях. Я заметила, что не могу отдать его, потому что там живет моя дочь, и добавила, что Сарра находится со мной в Москве. «Я должна с ней познакомиться», — сказала госпожа Молотова. Тогда я представила ей Сарру и Яэль Намир; она стала говорить с ними об Израиле и задала Сарре множество вопросов о киббуцах — кто там живет, как они управляются. Она говорила с ними на идиш и пришла в восторг, когда Сарра ответила ей на том же языке. Когда Сарра объяснила, что в Ревивим все общее и что частной собственности нет, госпожа Молотова заметно смутилась. «Это неправильно, — сказала она. — Люди не любят делиться всем. Даже Сталин против этого. Вам следовало бы ознакомиться с тем, что он об этом думает и пишет». Прежде чем вернуться к другим гостям, она обняла Сарру и сказала со слезами на глазах: «Все-

го вам хорошего. Если у вас все будет хорошо, все будет хорошо у всех евреев в мире».

Последняя фраза жены министра иностранных дел СССР звучит как-то странно — это в связи с чем евреям СССР будет хорошо, если хорошо будет Израилю? Так не потому ли Молотов, который был столь жестким к союзникам-британцам, стал вдруг таким мягким к Израилю, который для СССР «был никто и звать никак»?

Думаю, что если бы я сказал Молотову, что он агент влияния и лоббирует интересы Израиля, то тот бы страшно возмутился. Но ведь подумайте, разве мог он на Политбюро действительно беспристрастно голосовать по вопросам Израиля, если уже сам пообещал послу оказать Израилю помощь? А его жене-еврейке только тогда будет хорошо, когда не СССР, а Израилю будет хорошо...

Так что уж если сам Молотов на евреях «поплыл», то чего же мы хотим от Абакумова?

Слишком много знал

Исследуя дело Абакумова, приходишь к мысли: он почему-то был глубоко уверен, что его, в конце концов, освободят потому, что он знает о чем-то таком, что кто-то авторитетный на воле обязательно должен принять меры к его освобождению. Он писал много заявлений с жалобами, с уверениями в верности, но в тоне его писем чувствовалась какая-то уверенность: есть признание ошибок, но нет и намека на раскаяние. И на суде он также держал себя уверенно.

Кстати о суде. В отличие от сталинских судов, суд над Абакумовым был уже полностью подлым хрущевским судилищем с непременными подлецами судьями и с подонком прокурором (правда, персонально пока все еще с теми же самыми подонками).

Судили Абакумова в 1954 г. совершенно издевательски. Ведь он был врагом Берии. Берия, став в марте 1953 г. министром объединенного МВД-МГБ, освободил кое-кого из арестованных по делу Абакумова, но **об освобождении самого Абакумова и речи не шло**. Тем не менее, на суде прокурор Руденко обвинял его как «члена банды Берии». Арестовали Абакумова, по сути, за невозбуждение дел против евреев, а осудили за их возбуждение. Судил его судья Зейдин, а это единственный профессиональный судья, которому доверили стряпать дело на Берию.

Суд над Абакумовым и его подельниками был в Ленинграде и считался открытым, но протокол этого «открытого» суда имеет гриф «совершенно секретно». Абакумов отмазал все обвинения, виновным себя ни в чем не признал, потребовал привлечения к делу оправдывающих его документов. В последнем слове сказал: «Меня оклеветали, оговорили. Я честный человек... Я доказал свою преданность партии и Центральному комитету...» Это, конечно, не помогло. Говорят, что перед выстрелом он успел крикнуть: «Я все, все напишу в Политбюро...». И эти слова свидетельствуют о том, что сам расстрел для него был внезапным, хотя его объявили в приговоре.

Тут дело в том, что после суда Абакумову должны были дать 10 дней на написание прошения о помиловании, но ему сделали исключение — убили через час после вынесения приговора в присутствии, разумеется, Руденко.

Складывается впечатление, что Абакумов был уверен, что кто-то учтет, что на следствии и суде он молчал, и примет меры к его освобождению. И надежды его, надо сказать, были не без оснований.

Я упоминал о том, что вместе с Абакумовым был арестован Лев Шейнин, который незадолго до ареста занимал очень высокий пост в Генеральной прокуратуре СССР. Сидевший с ним в одной камере полковник МГБ Чернов вспоминал:

«От него я и узнал, что Берия посадили. Шейнину, понятно, этого не сказали, но Лева башковитый — по характеру записей в протоколе допроса сам обо всем догадался и тут же написал письмо Хрущеву, они друг с дружкой давно знакомы. Главное, был случай, когда Лева ему добро сделал: входил в комиссию, которая по заданию Политбюро что-то проверяла на Украине, и составил справку в пользу Хрущева. И Руденко ходил у него в дружках, тоже, видно, замолвил словечко — в общем, Леву вскоре выпустили».

Вот, видимо, и Абакумов надеялся на что-то в этом роде. Но знал он, судя по итогу, что-то такое, что те, кто мог его спасти, предпочли, чтобы он не только замолчал навсегда, но и перед расстрелом не успел ничего ни сказать, ни написать.

Кстати, Столярова это тоже заинтересовало, и Столяров посвятил целую главу гипотезам о том, почему Абакумова так быстро спровадили на тот свет. Но ничего вразумительного придумать не смог, кроме *«противозаконные действия Хрущева — тропа не торная, она еще ждет своего исследователя»*.

Так почему бы нам не пройти по этой тропе?

«ДЕЛО ВРАЧЕЙ»

Это дело оболгано до крайней степени и нам оно интересно с точки зрения того, о чем мог молчать на допросах Абакумов, и пример того, как, начиная с Хрущева и по настоящее время, извращена история тех времен.

Если вы спросите у любого, кто интересуется историей «дела врачей», то, вероятно, в 99% случаев вам ответят: была такая Лидия Тимашук, которая в 1953 г. написала в ЦК донос на врачей-евреев о том, что они якобы неправильно лечат членов правительства, и из-за этого доноса МГБ аре-

ставало много врачей-евреев, которых, по обыкновению, начали бить и пытаться. А советские газеты того времени начали антисемитский шабаш против всех евреев вообще.

Вот, к примеру, упомянутый мною академик Российской академии образования Д.В. Колесов в своей книге ставляет учителей:

«Не случайна судьба врача Л. Тимашук: в 1939, будучи студенткой медицинского института, она привлекла к себе внимание обращением в правительство с призывом об организации конкурса на изыскание «средств продления жизни т. Сталина, бесценной для СССР и всего человечества».

...В начале 50-х Тимашук вновь обратилась в ЦК, на этот раз с письмом, где жаловалась на неправильность используемых в санитарном управлении Кремля методов обследования и лечения руководящих товарищей. Письмо имело скорее производственный характер, но проинтерпретировано было как сигнал о заговорщицкой, вредительской деятельности группы консультантов, ведущих клиницистов страны.

...И хотя ряд фамилий «вредителей» был вполне подходящ в плане актуальной тогда борьбы с «космополитизмом», все же политически это был не самый удачный выбор объекта жертвоприношения. Профессиональные заслуги и политическая безвинность этих людей были слишком очевидны».

В этой цитате все ложь, кроме фамилии Л. Тимашук, но не верится, чтобы Д.В. Колесов врал специально: этот факт он использует как базу для психологического портрета И.В. Сталина, и вряд ли бы ему как ученому пришло в голову опираться на заведомо ложный, пусть и с трудом, но проверяемый факт. То есть Колесов глубоко уверен, что так оно и было на самом деле.

А вот человек врет абсолютно умышленно. Н.С. Власик, начальник охраны Сталина, генерал-лейтенант, начальник Главного управления охраны МГБ о деле Л. Тимашук знал

все до тонкостей, и, тем не менее, пишет в своих воспоминаниях:

«После смерти т. Жданова медсестра Кремлевской больницы Тимашук опротестовала диагноз врачей, лечивших Жданова, о чем было доложено на Политбюро начальником Санитарного управления Кремля профессором Егоровым П.И. Была создана авторитетная комиссия по этому вопросу из профессоров под председательством профессора Егорова П.И. После вскрытия тела т. Жданова комиссией было установлено, что лечение Жданова было правильным, а заявление медсестры Тимашук было ошибочно и совершенно безграмотно, о чем и было доложено на Политбюро».

Здесь тоже все до последней строчки ложь (исключая фамилию Тимашук), но мы видим совершенно новый вариант брехни, в корне расходящийся с предыдущим.

А вот пишет честнейший историк В.В. Кожинов. Я не всегда согласен с его оценками, но Вадим Валерьянович никогда не подгонял факты под свои оценки — не искажал их и не врал. Но и он в этом деле ошибается (его ошибку я выделил в тексте):

«Позднее Рюмин сумел докопаться до составленной почти 5 лет назад, 29 августа 1948 г., записки врача Л. Ф. Тимашук, в которой она сообщала о выявленном ею при снятии электрокардиограммы заведомо неправильном диагнозе, поставленном ее коллегами А.А. Жданову (который через день, 31 августа, умер). Сталин тогда, в 1948-м, **не придавал никакого значения записке Тимашук и собственноручно начертил на ней: «В архив».** Вполне вероятно, что это было обусловлено, в частности, его возникшим незадолго до того недовольством или даже недоверием по отношению к Жданову. Но теперь, в связи с рюминскими «материалами» о «заговоре» врачей, давняя записка была воспринята Сталиным совершенно иначе, — как убедительнейшее доказательство.

...Следует сказать в связи с этим, что широко распространенные до сего времени представления об Л.Ф. Тимашук как о злобной и коварной «антисемитке», которая будто бы и положила начало делу «врачей-убийц», абсолютно не соответствует действительности; перед нами один из множества мифов, столь характерных для «общепринятых» представлений о послевоенном периоде. Во-первых, диагноз Тимашук был совершенно верен, его подтвердило патологоанатомическое вскрытие. Во-вторых, среди врачей, диагноз которых Тимашук оспаривала в своей записке, не было евреев!».

Ошибается В.В. Кожинов — не мог ни Сталин, ни остальные члены Политбюро видеть эту записку в 1948 г.! Иначе бы Власик не врал, эта записка с распоряжением Сталина «В архив» — его алиби. А он врет, он утверждает, что записка была написана не ему, а Егорову, либо он, Власик, передал записку Егорову для доклада. Даже Столяров пишет о том, что записка Тимашук в 1948 г. миновала Политбюро:

«Вошедший в азарт Рюмин не сомневался в победе: ведь, фигурально выражаясь, у него на руках был козырный туз — датированное августом 1948 года донесение заведующей отделением функциональной диагностики Лечсанупра Кремля Лидии Тимашук на имя генерал-лейтенанта госбезопасности Н. Власика о лечении больного Жданова вопреки объективным данным кардиограмм. Причем тревожный сигнал доктора Тимашук через Власика попал к руководителям МГБ и после сугубо формальной проверки — представьте себе! — был подшит в дело».

Власик врет, что «после вскрытия тела т. Жданова комиссией было установлено, что лечение Жданова было правильным». Ведь Тимашук, а не Егоров, поставила правильный диагноз, следовательно, лечение Жданова изначально было **неправильным!** Как же Сталин и остальные члены Политбюро могли не принять меры и даже об этом забыть, ведь Егоров и их лечил?! Не сошли же они с ума все одновременно...

Как мог Егоров, лечивший Жданова, возглавить комиссию по правильности своего лечения?! Ведь это полностью исключено!

Власик не мог не скрыть записку Тимашук от Политбюро по простой причине — это посторонние могут считать, что врачи виноваты в смерти члена Политбюро А.А. Жданова, но Власик, который принял на работу всех этих врачей, отлично знал, что это он виноват — это его люди зачислили Жданова. В случае вскрытия факта неправильности лечения это ему, Власику, надо будет объясняться на Политбюро, в первую очередь, почему он по протекции покровителя Абакумова секретаря ЦК А.А. Кузнецова пригласил из Ленинграда Егорова, а не нашел более подходящего врача.

Поэтому Власик и врет, поэтому и называет врача-кардиолога «медсестрой».

Л.Ф. Тимашук

Кстати, о «медсестре». Лидия Феодосьевна Тимашук родилась в 1898 г. в семье унтер-офицера, окончила гимназию, одновременно работая, в 1918 г. поступила на медицинский факультет Самарского университета, но в 1920 г., прервав учебу, пошла на борьбу с эпидемией тифа и закончила медобразование уже в Москве в 1926 г. С тех пор она 38 лет работала в Лечебно-санитарном управлении Кремля, пока ее все же не выгнали «пострадавшие от ее доноса». Итак, вот что она писала Власику.

«29 августа 1948 г.

Копия

НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ОХРАНЫ МГБ СССР Н.С. ВЛАСИКУ

28/VIII-с/г. я была вызвана нач. ЛСУК профессором Егоровым к тов. Жданову А.А. для снятия ЭКГ.

В этот же день вместе с пр. Егоровым, акад. Виноградовым и пр. Василенко я вылетела из Москвы на самолете к месту назначения. Около 12 ч. дня сделала А.А. ЭКГ, по данным которой мною диагностирован «инфаркт миокарда в области левого желудочка и межжелудочковой перегородки», о чем тут же поставила в известность консультанта.

Пр. Егоров и д-р Майоров заявили мне, что это ошибочный диагноз и они с ним не согласны, никакого инфаркта у А.А. нет, а имеется «функциональное расстройство на почве склероза и гипертонической болезни», и предложили мне переписать заключение, не указывая на «инфаркт миокарда», а написать «осторожно» так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих ЭКГ.

29/VIII у А.А. повторился (после вставания с постели) сердечный приступ и я вторично была вызвана из Москвы, но по распоряжению акад. Виноградова и пр. Егорова ЭКГ 29/VIII в день сердечного приступа не была сделана, а назначена на 30/VIII, а мне вторично было в категорической форме предложено переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда, о чем я поставила в известность т. Белова А.М.

Считаю, что консультанты и лечащий врач Майоров недооценивают безусловно тяжелое состояние А.А., разрешая ему подниматься с постели, гулять по парку, посещать кино, что и вызвало повторный приступ и в дальнейшем может привести к роковому исходу.

Несмотря на то, что я по настоянию своего начальника переделала ЭКГ, не указав в ней «инфаркт миокарда», остаюсь при своем мнении и настаиваю на соблюдении строжайшего постельного режима для А.А.

29/VIII-48 г.

Зав. каб.

Передано майору Белову А.М. 29/VIII-48 г. в собственные руки».

Итак, вопреки заключению кардиолога с 22-летним стажем об инфаркте у Жданова, три профессора и врач заставили этого кардиолога замолчать и продолжали убеждать Жданова, что тому необходимо увеличивать физические нагрузки. Как вам это нравится?

А как вам понравится реакция Власика на попытку Тимашук спасти Жданова? О ней Тимашук написала будущей «жертве сталинизма» секретарю ЦК А.А. Кузнецову.

«7 сентября 1948 г.

СЕКРЕТАРЮ ЦК ВКП(б) тов. А. А. КУЗНЕЦОВУ

28/VIII с/г по распоряжению начальника Лечебно-Санитарного Управления Кремля я была вызвана и доставлена на самолете к больному А.А. Жданову для снятия электрокардиограммы (ЭКГ) в 3 ч.

В 12 час. этого же дня мною была сделана ЭКГ, которая сигнализировала о том, что А.А. Жданов перенес инфаркт миокарда, о чем я немедленно доложила консультантам академику В.Н. Виноградову, проф. Егорову П.И., проф. Василенко В.Х. и д-ру Майорову Г.И.

Проф. Егоров и д-р Майоров заявили, что у больного никакого инфаркта нет, а имеются функциональные расстройства сердечной деятельности на почве склероза и гипертонической болезни и категорически предложили мне в анализе электрокардиограммы не указывать на инфаркт миокарда, т.е. так, как это сделала д-р Карпай на предыдущих электрокардиограммах.

Зная прежние электрокардиограммы тов. Жданова А.А. до 1947 г., на которых были указания на небольшие изменения миокарда, последняя ЭКГ меня крайне взволновала, опасение о здоровье тов. Жданова усугубилось еще и тем, что для него не был создан особо строгий постельный режим, который необходим для больного, перенесшего инфаркт миокарда, ему продолжали делать общий массаж, разрешали прогулки по парку, просмотр кинокартин и пр.

29/VIII, после вставания с постели у больного Ждано-ва А.А. повторился тяжелый сердечный приступ болей, и я вторично была вызвана из Москвы в Валдай. Электрокардиограмму в этот день делать не разрешили, но проф. Егоров П.Ив. в категорической форме предложил переписать мое заключение от 28/VIII и не указывать в нем на инфаркт миокарда, между тем ЭКГ явно указывала на органические изменения в миокарде, главным образом, на передней стенке левого желудочка и межжелудочковой перегородки сердца на почве свежего инфаркта миокарда. Показания ЭКГ явно не совпадали с диагнозом «функционального расстройства».

Это поставило меня в весьма тяжелое положение. Я тогда приняла решение передать свое заключение в письменной форме Н.С. Власик через майора Белова А.М. — прикрепленного к А.А. Жданову — его личная охрана.

Игнорируя объективные данные ЭКГ от 28/VIII и ранее сделанные еще в июле с/г в динамике, больному было разрешено встать с постели, постепенно усиливая физические движения, что было записано в истории болезни.

29/VIII больной встал и пошел в уборную, где у него вновь повторился тяжелый приступ сердечной недостаточности с последующим острым отеком легких, резким расширением сердца и привело больного к преждевременной смерти.

Результаты вскрытия, данные консультации по ЭКГ профессора Незлина В.Е. и др., полностью совпали с выводами моей электрокардиограммы от 28/VIII-48 г. о наличии инфаркта миокарда.

4/IX-1948 г. начальник ЛечСанупра Кремля проф. Егоров П.И. вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии глав. врача больницы В.Я. Брайцева заявил: «Что я Вам сделал плохого? На каком основании Вы пишете на меня документы. Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство и министр здравоохранения, а потому Ваш документ мне возвратили. Это потому, что мне верят, а вот Вы,

какая-то Тимашук, не верите мне и всем высокопоставленным консультантам с мировым именем и пишете на нас жалобы. Мы с Вами работать не можем, Вы не наш человек! Вы опасны не только для лечащих врачей и консультантов, но и для больного, в семье которого произвели переполох. Сделайте из всего сказанного оргвыводы. Я Вас отпускаю домой, идите и подумайте!».

Я категорически заявляю, что ни с кем из семьи тов. А.А. Жданова я не говорила ни слова о ходе лечения его.

6/IX-48 г. начальник ЛечСанупра Кремля созвал совещание в составе академ. Виноградова В.Н., проф. Василенко В.Х., д-ра Майорова Г.И., патологоанатома Федорова и меня. На этом совещании Егоров заявил присутствующим о том, что собрал всех для того, чтобы сделать окончательные выводы о причине смерти А.А. Жданова и научить, как надо вести себя в подобных случаях. На этом совещании пр. Егоров еще раз упомянул о моей «жалобе» на всех здесь присутствующих и открыл дискуссию по поводу расхождения диагнозов, стараясь всячески дискредитировать меня как врача, нанося мне оскорбления, называя меня «чужим опасным человеком».

В результате вышеизложенного, 7/X-48 г. меня вызвали в отдел кадров ЛечСанупра Кремля и предупредили о том, что приказом начальника ЛечСанупра с 8/X с/г я перевожусь на работу в филиал поликлиники.

Выводы:

1) Диагноз болезни А.А. Жданова при жизни был поставлен неправильно, т. к. еще на ЭКГ от 28/VIII-48 г. были указания на инфаркт миокарда.

2) Этот диагноз подтвердился данными патологоанатомического вскрытия (д-р Федоров).

3) Весьма странно, что начальник ЛечСанупра Кремля пр. Егоров настаивал на том, чтобы я в своем заключении не записала ясный для меня диагноз инфаркта миокарда.

4) Лечение и режим больному А.А. Жданову проводились неправильно, т. к. заболевание инфаркта миокарда

требует строгого постельного режима в течение нескольких месяцев (фактически больному разрешалось вставать с постели и проч. физические нагрузки).

5) Грубо, неправильно, без всякого законного основания профессор Егоров 8/IX-с/г убрал меня из Кремлевской больницы в филиал поликлиники якобы для усиления там работы.

Зав. кабинетом электрокардиографии
Кремлевской больницы врач Л. Тимашук.

7/IX-48 г.».

Итак, как видите, Власик вместо того, чтобы вмешаться и спасти Жданова, или хотя бы разобраться, что же произошло, направляет заявление тому, на кого Тимашук жалуется — Егорову. Это, надо сказать, даже в сегодняшней России запрещено. И Егоров устраивает травлю Тимашук. За что? За то, что она правильно установила диагноз?

Но и секретарь ЦК Кузнецов в смерти Жданова не стал разбираться, а на письмо Тимашук, по ее утверждению, он просто промолчал. Промолчал и на второе письмо, которое Тимашук послала ему в декабре 1948 г.

Потом, после XX съезда, когда Хрущев объявил, что «дело врачей» якобы состряпано Сталиным по доносу Тимашук, Лидия Феодосьевна очень много писала всем, пытаясь добиться справедливости и восстановить свое честное имя. Вот прочтите отрывок из письма Тимашук министру здравоохранения СССР, написанного сразу после упомянутого съезда 31.01.1956 г.

«...Майор Белов предложил мое заявление с ЭКГ передать не в ЦК ВКП(б), а по линии его начальства — Н.С. Власик. Я не возражала, но просила это сделать побыстрее, т.к. состояние больного ухудшалось, а режим и лечение не соответствовали его заболеванию (больному разрешалось вставать в уборную, гулять по парку и ежедневно делали общий массаж — массажистка Туркина В.Д.).

30/VIII-48 г. больной Жданов А.А. скончался. Результаты патологоанатомического вскрытия подтвердили диагноз инфаркта миокарда, поставленного мною при жизни больного (вскрытие производилось на даче в Валдае патологоанатомом Федоровым).

7/IX-1948 г. я написала письмо в ЦК ВКП(б) на имя секретаря Кузнецова А.А., в котором изложила свое мнение о неправильном диагнозе и лечении больного Жданова (копию письма прилагаю).

Я не получила ответа на письмо, и 7 января 1949 г. вторично послала в ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову письмо с просьбой принять меня по делу покойного Жданова, но и на это письмо ответа не получила, с тех пор я больше никуда не обращалась по этому вопросу.

Спустя четыре с лишним года, в конце 1952 г., меня вызвали в МГБ к следователю по особо важным делам, который предложил мне написать все то, что я знаю о лечении и смерти Жданова А.А.

Я изложила то, что мною уже было написано в 1948 г. в ЦК ВКП(б) т. Кузнецову А.А. После этого меня еще вызывали в МГБ по тому же вопросу.

20/01-1953 г. меня вызвали в Кремль к Г.М. Маленкову, который сообщил мне о том, что он от имени Совета Министров СССР и И.В. Сталина передает благодарность за помощь Правительству в разоблачении врачей — врагов народа и за это Правительство награждает меня орденом Ленина. В беседе с Г.М. Маленковым речь шла только о врачах, лечивших Жданова. Я ответила, что ничего особенного не сделала для того, чтобы получить столь высокую награду, и на моем месте любой советский врач поступил бы так же.

В Кремлевской больнице я проработала 28 лет без единого упрека, о чем свидетельствует награждение меня в 1950 г. орденом «Знак Почета» и в 1954 г. орденом «Трудового Красного Знамени».

И еще через 10 лет Тимашук все пытается достучаться до партноменклатуры. Вот отрывок из ее письма в Президиум XXIII съезда КПСС, съезда, который проводился уже после того, как Хрущева самого выгнали на пенсию и клеймили позором «волюнтаризма».

«...Руководство 4-го Глав. Управления во главе с проф. А.М. Марковым в апреле 1964 г. заявило мне, что я не могу больше оставаться в должности зав. отделением функциональной диагностики (несмотря на то, что руководимое мною отделение носит звание «Бригады коммунистического труда»), потому что в 4-м Управлении работают профессора, пострадавшие, и создали мне такие условия, что я вынуждена была уйти на пенсию. После ухода на пенсию я потеряла возможность получить квартиру, мне отказано в характеристике для получения персональной пенсии и т.п.».

Никто не ответил врачу Тимашук.

Немного честная

А все потому, что Тимашук в те годы была слишком хитрой, но те, кого она хотела перехитрить, потворствовали ее хитростям только до того момента, пока не почувствовали себя в безопасности. Поэтому она, в конце концов, перехитрила только себя.

Из ее слов в письмах следует, что Тимашук очень, ну просто очень-очень хотела спасти Жданова. Давайте поставим себя на ее место. Вот мы сделали кардиограмму и из нее узнали, что у Жданова инфаркт и для того, чтобы его спасти, нужно немедленно прописать ему строжайший постельный режим. Если мы честные врачи, то что бы мы сделали? Правильно, мы немедленно бросились бы к Жданову и убедили его лечь, не вставать и не сильно шевелиться. Спасать, так уж спасать! А что сделала Тимашук?

Она ни слова не говорит Жданову, по требованию Егорова и Виноградова меняет свой диагноз, а затем пишет за-

писку Власику, причем находит где-то фотоаппарат, чтобы снять фотокопию кардиограммы. (Саму кардиограмму она приложила к записке.) Как это понять? А понять это нужно только так.

Ей плевать было на Жданова, она заботилась только о себе. Ведь если бы Жданов умер, а вскрытие показало, что у него был инфаркт, то все врачи (Майоров, Егоров, Виноградов) хором бы указали пальцами на нее как на виновницу — ведь это она своей расшифровкой кардиограммы «убедила» их, что инфаркта нет. Вот Тимашук и застраховалась, послав письмо Власику. Теперь, в случае смерти Жданова от инфаркта, она могла кричать, что всех предупреждала, а если бы Власик ее записку и ленты кардиограммы уничтожил, то она бы предъявила их фотокопии. Мне думается, что она сама не сильно верила в свой диагноз, и если бы Жданов выздоровел, то она бы оправдалась перед Власиком, что от старательности «перебдела», ведь в таких случаях лучше «перебдеть», чем «недобдеть».

Но Жданов умер, и теперь она своей запиской поставила, как минимум, на грань увольнения Егорова, Виноградова и самого Власика.

31 августа 1948 г. Жданову делают вскрытие. Странно уже то, что для вскрытия было бы разумнее всего перевезти тело Жданова в Москву, в специализированную операционную, но вместо этого патологоанатом Федоров приезжает в санаторий на Валдай и делает это вскрытие в полутемной ванной комнате. При вскрытии тела члена Политбюро обязан быть и представитель Политбюро, которому патологоанатом обязан объяснить причины смерти. Таким представителем на Валдай вылетел секретарь ЦК А.А. Кузнецов. Мало того, хотя их никто не звал, но вместе с Кузнецовым на вскрытии присутствовали Вознесенский и Попков. Я уже писал, что эта троица была расстреляна за измену Родине через 2 года, в 1950 г., по так называемому «ленинградскому делу».

Вот эти «честные партийцы» и обеспечили, чтобы, по словам Костырченко, «...сделанное Федоровым описание обнаруженных на сердце Жданова свежих и застарелых рубцов, свидетельствовавших о нескольких перенесенных им инфарктах, содержало массу неопределенных и туманных формулировок («некротические очажки», «фокусы некроза», «очаги миомаляции» и т.п.), имеющих цель скрыть эти инфаркты. Их также «не заметили» и участники организованного 31 августа в Москве консилиума, в котором участвовали профессора В.Н. Виноградов, В.Ф. Зеленгин, А.М. Марков, В.Е. Незлин, Я.Г. Этингер и П.И. Егоров. Ознакомившись с соответствующей клинической и патологоанатомической документацией, а также с анатомическим препаратом сердца покойного, доставленным с Валдая на самолете, они, оставаясь верными принципам корпоративной солидарности, подтвердили правильность официального диагноза».

Костырченко пишет о *«корпоративной солидарности»*, как будто речь идет не о смерти человека, а о распитии казенного медицинского спирта. Кроме этого, разве Кузнецов, Вознесенский, Попков и Власик были врачами? Их-то какая *«корпоративная солидарность»* заставила одобрить фальсификацию диагноза и доложить Сталину и стране, что Жданов умер не от инфаркта, а от *«паралича болезненно измененного сердца при явлении острого отека легких»*?

Но оставалась Тимашук со своим заявлением. Вся профессорская братия начала на нее давить, требуя отказаться от заявления, но, видимо, боясь возможного следствия, Тимашук была в растерянности. Тогда Виноградов поставил министру здравоохранения СССР Е.И. Смирнову ультиматум, и Смирнов 7 сентября дал распоряжение о переводе Тимашук в районный филиал Кремлевской больницы.

Не стоит удивляться тому, что министр исполнил приказ академика Виноградова. Дело в том, что Виноградов был экспертом, доверенным лицом судебных органов. Он

давал заключения судам, какой врач преступник, а какой — нет. В 1938 г. он был членом экспертной комиссии врачей, по заключению которой суд приговорил к расстрелу профессоров Левина и Казакова, а учителю Виноградова, профессору Плетневу, дал 25 лет лишения свободы.

Но Тимашук, однако, не собиралась соглашаться с тем, что ее так нагло отлучают от кремлевской кормушки. И она пишет новую жалобу. Но обратите внимание — кому! Жалобы пишут начальникам. У Тимашук они были такими: начальник Лечсанупра Кремля Егоров — начальник Главного управления охраны Власик — министр МГБ Абакумов — Предсовмина Сталин. Власику она уже писала, следовательно, надо было писать либо Абакумову, либо Сталину, а если в партийные органы, то просто в ЦК. Но она пишет персонально тому, кто благословил фальсификацию диагноза, — Кузнецову. Простите, но это не жалоба и не желание отстоять принципы, это шантаж. И шантаж срывает: Тимашук оставляют в Кремлевской больнице. Более того, она разохотилась и зачем-то еще раз обращается к Кузнецову в декабре 1948 г. (этого письма она не сохранила).

Возможно, она даже радовалась тому, как хитро она прищучила всех, и действительно ей очень долго потакали (о чем ниже). Но она стала соучастником преступления и отрезала себе пути назад: теперь, чем дальше уходило время, тем больше ее записка Власику становилась обвинением ей самой — почему она молчала о том, что Жданова лечили?

Далее события по делу о лечении Жданова развивались так.

В связи с расследованием по делу о смерти Щербакова Тимашук 24 июля и 11 августа 1952 г. пригласили в МГБ как эксперта. Упомянутый мною Костырченко делает заключение, что в *«ходе этого визита случайно выяснилось»*, что Жданова лечили неправильно. Это исключе-

но, хотя формально Егорова и Виноградова арестовали после этих вызовов Тимашук в МГБ (18 октября Егорова и 4 ноября Виноградова). Во-первых, если бы следователи узнали о ее письме Власику, то первым бы арестовали его, а на самом деле Власика арестовали только в декабре. Во-вторых, сама Тимашук пишет, что по поводу ее письма Власику и неправильного лечения Жданова ее вызвали к следователю «в конце года», а июль и начало августа — это не конец года. В-третьих, она слишком малая величина, чтобы по ее словам арестовали академика и профессора. Нет, Тимашук, как и полагается соучастнику, молчала и о письме Власику, и о неправильном лечении Жданова.

Арест Егорова и Виноградова был произведен после того, как назначенная следствием экспертная комиссия под председательством главного терапевта Минздрава СССР профессора П.Е. Лукомского рассмотрела все оставшиеся документы по лечению Жданова и пришла к выводу, что врачи его залечили. Я пишу про «оставшиеся документы», поскольку летом 1951 г., когда был арестован министр МГБ Абакумов, «Власик, почувствовав опасность, не только изъясил у Егорова все документы, связанные с разбирательством жалоб и заявлений Тимашук, пытаясь тем самым утаить их от нового руководства МГБ, но потом доложил Сталину, что никаких оснований подозревать кремлевских медиков не существует», — пишет Костырченко.

Таким образом, о записке Тимашук следствие узнало только где-то в ноябре 1952 г., и скорее всего от начавших каяться Егорова или Виноградова. Егоров докладывал следствию: «Не подлежит никакому сомнению, что если бы Абакумов и Власик провели должную проверку заявления Тимашук сразу же после его поступления, то мы, врачи, виновные в гибели Жданова, были бы разоблачены еще в 1948 году».

Таким образом, в ноябре 1952 г. («в конце года») Тимашук осталось только подтвердить следствию, что она в 1948 г. та-

кую записку Власику писала. И ей некуда было деться: факт своего письма Власику она подтвердила. Но я хочу, чтобы вы обратили внимание на следующие моменты.

Ни Егоров, ни Виноградов не знали и не могли сообщить следствию, что 7 сентября Тимашук написала еще одну записку — Кузнецову. И об этом ни следствие, ни Сталин так и не узнали. А ведь это было очень важно, поскольку вводило в круг подозреваемых в том, что они заинтересованы в смерти Жданова, не врачей-евреев, а партийную элиту!

Непонятно, почему следствие не арестовало саму Тимашук. Ведь следователи пытались раскрыть заговор, ошибочно считая, что это заговор врачей. Основанием так считать было то, что врачи неправильно лечили Жданова и скрыли это от правительства. Но ведь врач Тимашук делала то же самое! Более того, если Егоров и Виноградов могли добросовестно заблуждаться и не верить, что у Жданова инфаркт, то Тимашук 28 августа, наклеив ленты кардиограммы на бумагу, ниже без тени сомнения написала: *«Инфаркт миокарда в обл. передней стенки и перегородки»*. Но не бросилась к Жданову и не предупредила его! Что толку от ее записки, о которой она после устройства своих дел 4 года молчала, позволяя тем же врачам так же плохо лечить советское правительство? Но следствие Тимашук не арестовало. Почему?

По существу непонятно, и за что Тимашук наградили высшим орденом страны и прославили на весь Союз. Формальный ответ, что ее, дескать, сделали героем на фоне врачей-вредителей, должен быть принят — против потребностей агитации и пропаганды нечего возразить. Когда нужно, а героев нет, то их создают искусственно. Но ведь этот орден одновременно стал и ее иммунитетом от следствия: теперь ее уже и не могли допросить об участии Кузнецова в сокрытии причин смерти Жданова. Более того, этот орден вполне можно считать наградой именно за это молчание.

Три ордена

Непонятно, чья была инициатива в награждении Тимашук орденом? Самого Сталина? Могло быть и так, что он, увидев все это дерьмо врачей Лечсанупра Кремля и «чекистов» МГБ, мог сгоряча распорядиться наградить единственного человека, который хоть что-то пытался сделать. Но во всех документах, что я прочел, нет ни малейшего упоминания о том, чтобы Сталин хоть когда-нибудь вспоминал о Тимашук. Инициатором награждения могли также выступать непосредственные производственные и партийные начальники Тимашук, впрочем, даже если бы наградить Тимашук распорядился Сталин, то и тогда бы эти начальники обязаны были подготовить представление в Верховный Совет СССР.

Кто эти начальники? По линии государства Лечсанупр подчинялся Главному управлению охраны, а им в то время командовал Игнатьев, сам этот главк входил в состав МГБ, а министром МГБ был Игнатьев, кроме этого, следствие не должно было протестовать против награждения Тимашук и вывода ее из числа подозреваемых, а следствием руководил Игнатьев. Так что Тимашук за орден трижды обязана Игнатьеву — будущему убийце Сталина.

С партийными начальниками Тимашук сложнее. Известно, что до ареста Кузнецова куратором МГБ был он. Известно, что после смерти Сталина и назначения Берии министром объединенного МВД куратором МВД стал Игнатьев. Кто был куратором органов госбезопасности в период между Кузнецовым и Игнатьевым — неизвестно. Это заинтересовало историка В.В. Кожина и он путем косвенных вычислений пришел к выводу, что в это время партийным начальником чекистов был Хрущев. Таким образом, кто бы ни был инициатором награждения Тимашук, а обязана она орденами Хрущеву и Игнатьеву, обязана уже тем, что они, зная, что Тимашук надо арестовать, не выступили против

ее награждения, если даже считать, что инициатором его все же был Сталин, а не они сами.

Вы можете усомниться в правильности вышеприведенных рассуждений: Кузнецов был уже два года как расстрелян. Ну, смолчала Тимашук, ну, рассказала бы следствию о своей записке ему — какая разница? На данном этапе расследования эта разница пока не видна, но я хотел бы обратить ваше внимание на следующее.

Тимашук за 4 года получила 3 ордена. По тем временам это многовато даже для физика, занятого созданием водородной бомбы. Она не была изобретателем, не совершила никаких открытий. За что столько наград? Вот давайте сопоставим даты ее награждений с ключевыми этапами дела Кузнецова. Но прежде два момента.

Трудовые ордена СССР вне правил давались либо за какой-то исключительный трудовой подвиг, либо к юбилею, если награжденный был большой шишкой и его юбилей праздновался. Но Тимашук была скромным врачом, кроме этого, в 1950 и в 1954 гг. у нее не было никаких юбилеев, т.е. вне правила ее не должны были награждать. А правилом было давать трудовые ордена по итогам пятилетки: наиболее отличившимся в пятилетке предприятиям выделялись ордена, которые сами предприятия распределяли между наиболее отличившимися работниками. Но четвертая пятилетка 1950 годом только заканчивалась, пятая заканчивалась в 1955 г., следовательно, «орденоносными» годами были 1951-й и 1956-й. А Тимашук получила ордена в 1950-м и в 1954-м. За что?

Второй момент. В 1938 г., когда начался открытый суд над Рыковым и Бухариным с подельниками, уже в ходе процесса к суду с письмом обратился врач Белостоцкий, сообщив, что он из газет узнал, что судят врачей-убийц Горького и ему есть что по этому поводу сообщить суду. Сообщил он о том, что его однажды для подмены послали в качестве медсестры делать уколы больному Горькому. Профессор Левин, «лечивший» Горького, полагая, что не терапевт

Белостоцкий не поймет, что к чему, распорядился вкалывать больному писателю лошадиные дозы строфантина. Когда Белостоцкий удивился такому назначению и спросил об этом Левина, тот вдруг вообще отменил свое ранее данное назначение вводить Горькому строфантин. Такое «лечение» Горького запомнилось Белостоцкому, а когда он из газет узнал, что это не случайность, то решил сообщить об этом эпизоде суду. Я привожу этот момент вот к чему. В те годы, когда люди узнавали, что тот или иной деятель арестован, то они считали своим гражданским долгом сообщить о фактах деятельности арестованного, которые они до той поры не могли оценить.

Так вот, в 1949 г. арестовывают, а в 1950 г. судят «ленинградскую группу» — Кузнецова, Вознесенского, Попкова и пр. Тимашук знает, что Кузнецов скрыл от Политбюро то, что Жданова залечили. Ее гражданский долг сообщить об этом следствию или суду. Но она молчит. В 1950 г. суд приговаривает Кузнецова к расстрелу, так и не узнав, что тот замешан в смерти Жданова. А молчащая Тимашук получает орден «Знак Почета».

В 1952 г., когда следствие установило, что Жданова все же залечили, Тимашук надо было бы сообщить, что в сокрытии этого участвовал Кузнецов. Но Тимашук молчит и получает орден Ленина.

В 1954 г., когда еще очень неуверенно себя чувствовал в главе страны Хрущев начинает реабилитацию Кузнецова, Тимашук могла напомнить, что Кузнецов замешан в сокрытии смерти Жданова. Но Тимашук молчит и получает орден Трудового Красного Знамени.

А в 1956 г. Хрущев не может придумать ничего лучшего для фальсификации дела о смерти Жданова, как объявить Тимашук доносчицей, по вине которой якобы арестовали невинных врачей. Тимашук начинает возмущаться, обращаться во все инстанции, но поезд уже ушел: во всех инстанциях сидят люди, «преданные дорогому Никите Сергеевичу».

Вот и вся история Тимашук.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ВЫВОДЫ

Что нам отсюда необходимо вычлениить и запомнить. Во-первых, среди элиты ВКП(б) созрел какой-то заговор, причем не просто «мирной оппозиции» или людей, «недовольных политикой Сталина», а заговор людей злобных и решительных, способных на убийство кого угодно, в том числе, а возможно, и в первую очередь, — Сталина.

Во-вторых. Часть этих людей была расстреляна в 1950 г. по «ленинградскому делу», но она не выдала подельников, и эти подельники практически всю свою жизнь делали все, чтобы на них не упало никакое подозрение в организации убийств государственных деятелей СССР.

Более того, правда об этом заговоре опасна даже для сегодняшнего режима России, поскольку фальсификация «документов» этого дела идет до сих пор, чем мы займемся позже.

По поведению Хрущева понятно, что он был в этом заговоре и был очень активен. Его другом был А.И. Микоян. Впрочем, Микоян был другом всех вождей: про него ходил анекдот, что он пишет мемуары под названием «Как прожить от Ильича (Ленина) до Ильича (Брежнева) без инфаркта и паралича». Кстати, Микоян с Кузнецовым были породнены: сын Микояна был женат на дочери Кузнецова.

В-третьих. Мы видим, что в «деле Жданова» Кузнецов, Вознесенский и Попков скрыли причину смерти Жданова, и на первый взгляд кажется, что они «пожалели врачей». Да кто им эти врачи были, чтобы они их жалели?! Но тогда возникает вопрос — зачем Кузнецов и его подельники пошли накрытие истинного диагноза смерти Жданова? Разве не все равно, от чего умер Жданов: от инфаркта или от чего другого? Получается, что не все равно, получается, что Кузнецову было очень важно, чтобы Сталин не узнал, что у Жданова был инфаркт. Но почему?!

Чтобы в дальнейшем расследовании из обилия разных фактов вычленить нужные моменты, дам версию: а что если в стране был яд скрытого действия? Такой яд, что если дать его человеку, а после смерти этого человека не предупредить патологоанатома, то вскрытие покажет, что данный человек умер, скажем, от инфаркта.

Тогда, если и Сталин знал о таком яде, и если бы он узнал, что у Жданова инфаркт, то он заставил бы следствие пойти по правильному пути — он заставил бы выяснить, кто к Жданову приезжал в санаторий, какие передачи приносил, что ему впрыскивали врачи и т.д. и т.п. А такое направление следствия, судя по всему, было очень нежелательным для заговорщиков. Поэтому одними врачами в «деле врачей» не обошлось.

Срочно потребовались евреи.

ЕВРЕИ, ВЫХОДИ ИЗ СТРОЯ!

С началом 1953 г. в смерти членов правительства стали обвинять евреев и, судя по фактам, арест врачей-евреев — это выдумка Игнатьева. Станьте на его место: уже год, как арестован Абакумов по подозрению в еврейском террористическом заговоре, но не признается в нем! И не он один. Ведь не все евреи — Животные. Молчат и не подтверждают заговора арестованные вместе с ним его «подельщики-евреи», работники МГБ: Эйтингон, Питовранов, Матусов. Молчит врач-кардиолог Карпай. А что это значит?

А это значит, что никакого еврейского заговора нет, что любовь Абакумова к евреям носит иной характер, что Рюмин с благословения Игнатьева завел дело в тупик.

Обратите внимание на такой штрих. В октябре 1952 г. о неправильном лечении Жданова начал говорить арестованный профессор Егоров, а в начале ноября — академик Виноградов. А ведь это Рюмин начал дело против Абакумова, обвинив того в создании условий для смерти врача

Этингера, чтобы скрыть факт того, что врач Этингер признан в умерщвлении в 1945 г. члена Политбюро Щербакова. И вот осенью 1952 г. Рюмин, казалось бы, добился победы — получены доказательства того, что и второй член Политбюро умерщвлен врачами, и тоже под прикрытием Абакумова. Казалось бы, Рюмину нужно орден давать, а его, замминистра МГБ, по распоряжению Сталина увольняют из органов МГБ 12 ноября 1952 г. — сразу после «победы». В чем дело?

У меня единственный ответ — после показаний Егорова и Виноградова, после того, как они признались о записке Тимашук Власику, Сталин, видимо, понял, что дело врачей, в котором Абакумов явно завязан (что подтверждает утаивание им записки Тимашук), не связано с евреями, что все эти «еврейские косвенные улики» — тенденциозное истолкование «дела врачей» юдофобом Рюминым, который заводит расследование не в ту сторону. Сталин, видимо, понял, что смерть Жданова нужно рассматривать саму по себе, и она не связана с евреями.

Казалось бы, что после того, как Сталин в ноябре 1952 года убрал юдофоба Рюмина из МГБ, еврейская тема должна была заглухнуть. Но не проходит и двух месяцев, как Игнатъев уже сам, без Рюмина, производит аресты полтора десятка врачей-евреев. Возможно (и наверняка), они вели всякие антисоветские разговоры, возможно, из-за этого их кто-то подозревал в злом умысле, но ведь они не лечили Жданова! Рюмин за юдофобство уже наказан, зачем Игнатъев снова пошел по его стопам?

И здесь у меня один ответ — Игнатъеву очень нужно было держать дело о смерти Жданова в «еврейском типике». Или, иными словами, Игнатъеву очень не хотелось, чтобы «дело врачей» было расследовано по-настоящему: **он его не расследовал, а саботировал!**

О том, что врачей-евреев арестовали без инициативы Сталина, а, возможно, и без его разрешения, говорят такие

факты. Как вы уже знаете, после смерти Сталина Игнатьев пошел на повышение — стал секретарем ЦК, курировавшим МВД. Но через месяц арестованные Игнатьевым врачи-евреи были освобождены, объявлены невиновными, и Игнатьева исключили не только из секретарей ЦК, но даже из членов ЦК. То есть Игнатьеву в деле ареста евреев нечем было оправдываться на Президиуме ЦК: **чтобы защитить себя, он не смог сослаться на приказы Сталина**, — а это значит, что все следственные подтасовки против врачей-евреев были только его рук делом.

Не исключено, что и сам Сталин узнал о дополнительном аресте врачей-евреев из газет. Газета «Правда» 13 января 1953 г. разродилась статьей «Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей», в которой писалось следующее.

«Следствием установлено, что участники террористической группы, используя свое положение врачей и злоупотребляя доверием больных, преднамеренно, злодейски подрывали их здоровье, ставили им неправильные диагнозы, а затем губили больных неправильным лечением. Прикрываясь благородным званием врача — человека науки, эти изверги и убийцы растоптали священное знамя науки. Встав на пути чудовищных преступлений, они осквернили честь ученых.

Жертвами этой банды человекообразных зверей пали товарищи А.А. Жданов и А.С. Щербаков. Преступники признались, что они, воспользовавшись болезнью тов. Жданова, умышленно скрыли имеющийся у него инфаркт миокарда, назначили противопоказанный этому тяжелому заболеванию режим и тем самым умертвили тов. Жданова. Врачи-убийцы неправильным применением сильнодействующих лекарств сократили жизнь тов. Щербакова, довели его до смерти.

В первую очередь преступники старались подорвать здоровье руководящих советских военных кадров, вывести их из строя и тем самым ослабить оборону страны.

Арест преступников помешал им добиться своей чудовищной цели.

Кому же служили эти изверги? Кто направлял вредительскую деятельность этих подлых изменников Родины? Какой хотели они добиться цели в результате убийств активных деятелей советского государства?

Установлено, что все участники террористической группы врачей состояли на службе у иностранных разведок, продали им душу и тело, являлись их наемными, платными агентами.

Большинство участников террористической группы — Вовси, Б. Коган, Фельдман, Этингер, Гринштейн и другие — были куплены американской разведкой. Они были завербованы филиалом американской разведки — международной организацией «Джойнт». Грязное лицо этой шпионской сионистской организации, прикрывающей свою подлую деятельность под маской благотворительности, полностью разоблачено.

Опираясь на группу растленных еврейских буржуазных националистов, профессиональные шпионы и террористы из «Джойнт», по заданию и под руководством американской разведки, развернули свою подрывную деятельность и на территории Советского Союза. Как показал на следствии арестованный Вовси, он получил директиву «об истреблении руководящих кадров СССР» из США. Эту директиву ему передали от имени шпионско-террористической организации «Джойнт» врач Шимелиович и известный буржуазный националист Михоэлс. (Соломон Михоэлс — псевдоним, настоящая фамилия Вовси. Родной брат арестованного Вовси. Сейчас его именем называют многочисленные еврейские организации)».

Вы видите резкое смещение акцентов — вместо действительно лечивших Жданова врачей названы другие врачи и все — евреи. Текст этой статьи вместе с заявлением ТАСС был принят на Президиуме ЦК, но дело в том, что на заседании этого Президиума Сталин отсутствовал. «Бди-

тельные товарищи» сообщение Игнатьева на Президиуме сочли настолько ясным, что совет вождя им не потребовался.

Тут у читателей могут возникнуть сомнения: как бы Президиум ЦК КПСС посмел решать какие-либо вопросы без Сталина? Напомню, что это было время сразу после XIX съезда партии, на котором партия была реорганизована, и ею руководил Президиум, состоявший из 25 членов и 11 кандидатов, в котором Сталин был простым членом Президиума. А между заседаниями Президиума партией руководили 10 равноправных секретарей, среди которых Сталин был секретарем без определенных обязанностей, поскольку он и от этой должности просил себя освободить. В тот момент элите партии для решения любых партийных вопросов, а вопросы пропаганды были сугубо партийными, Сталин не требовался.

О реакции Сталина на арест врачей рассказала его экономка Валентина Васильева в пересказе дочери Сталина Светланы: «Валентина Васильева рассказала мне позже, что отец был очень огорчен оборотом событий. Она слышала, как это обсуждалось за столом, во время обеда. Она подавала на стол, как всегда. Отец говорил, что не верит в их «нечестность», что этого не может быть...».

По мере этого расследования у меня все больше возрастает уверенность, что Сталин к этому времени уже не контролировал МГБ и не мог овладеть ситуацией в этом министерстве. Думаю, что именно поэтому он пришел к мысли, что МВД и МГБ следует объединить под началом единственного человека, которому он доверял вполне, — Берию. Ведь сам Сталин не мог в деталях заниматься всеми делами, которые вели следователи. Только по делам особо важных подозреваемых типа Абакумова протоколы допросов пересылались к нему в полном объеме. По остальным делам Игнатьев составлял обобщающую справку. При желании он в этой справке мог что-то «забыть», что-то «почитать маловажным».

Я, к примеру, думаю, что Тимашук призналась Игнатьеву и в том, что она написала письмо Кузнецову, но Игнатьев Сталину эту «маловажную» деталь не сообщил. А Тимашук ласково посоветовал об этом письме забыть навсегда. В результате в справке Игнатьева Сталину Тимашук предстала бедной честной женщиной, которую шельмуют профессора-убийцы, получившие огромные суммы в долларах от заокеанских заказчиков этих убийств. Протоколы обысков у врачей Лечсанупра с указанием сумм изъятых долларов и золота Игнатьев наверняка приложить к справке Сталину не забыл.

Вот посмотрите на такой эпизод в деле врачей. Никогда до этого никакие аресты и казни евреев-расистов или сионистов в СССР не вызывали никакой реакции со стороны сионистов. А здесь даже не суд, а просто арест для предварительного следствия нескольких евреев вызвал немедленную реакцию. 9 февраля 1953 г. на территории миссии СССР в Израиле было взорвано нечто вроде гранаты. Этим взрывом (видимо, осколками оконного стекла) были ранены жена посланника К.В. Ершова, жена сотрудника миссии А.П. Сысоева и сотрудник миссии И.П. Гришин.

Правительство Израиля бросилось к СССР с извинениями, но надо сказать, что СССР, в отличие от нынешней вшивой России, подобного отношения к себе никому не прощал — дипломатические отношения были прерваны.

А ведь этот взрыв — какое-то грубое, тупое подтверждение пресловутой статьи в «Правде» о виновности арестованных «врачей-вредителей». «Правда» писала, что евреи-врачи получают задание на убийство членов Правительства СССР от сионистов, и тут как раз очень кстати эти самые сионисты организуют теракт с совершенно очевидным смыслом — «защита врачей-убийц». Ну не правы ли члены Президиума ЦК, которые в отсутствие Сталина приняли на заседании решение бороться с еврейским космополитизмом путем ареста врачей-евреев?

Между тем премьер-министр Израиля Бен-Гурион силами всех спецслужб произвел тщательное расследование и установил, что ни одна из радикальных еврейских групп к организации этого взрыва не причастна, а значительная охрана советской миссии силами Израиля исключала возможность участия в теракте арабских террористов. Эксперты «Моссада» пришли к заключению, что на территории миссии была взорвана либо противопехотная мина, либо граната. Отсюда Израиль сделал вывод, что этот взрыв организовали сами сотрудники миссии СССР, чтобы разорвать дипотношения.

Возникает вопрос — стоит ли в этом деле верить Бен-Гуриону? Видимо, в данном деле верить можно потому, что для Израиля в тот момент поддержка СССР была очень важна — ведь Израиль, по сути, был еще очень слаб и продолжал испытывать огромное давление со стороны Великобритании и Франции. Портить отношения с СССР ему было ну никак нельзя.

Хасидский раввин Авром Шмулевич по этому поводу пишет: «Израиль всегда старался вести самостоятельную политику и не ориентироваться на какую-то одну силу. Нельзя забывать о роли СССР и Сталина в создании Государства Израиль. Только благодаря поддержке Советского Союза ООН приняла резолюцию о создании государства. Америка ее поддержала и признала Израиль первой, но через некоторое время отозвала свое согласие на создание этого государства, и, кроме того, странами Запада (США, Франция, Англия) было наложено эмбарго на поставку оружия в страну. Это привело к тому, что сразу после объявления о создании Государства Израиль на его территорию вторглись регулярные армии пяти сопредельных государств — Египет, Иордания, Ливан, Сирия, Ирак. Армию Транс-Иордании представлял «Арабский легион», который попросту был частью ВС Великобритании.

Израиль выстоял только потому, что Чехословакия, с разрешения СССР, поставила Израилю оружие».

СССР — это слишком обще, скажем конкретно — это Сталин поддержал Израиль, и Сталин по этой причине не мог не понимать, что сионисты против него терактов планировать не будут ни взрывами, ни с помощью врачей. Заставлять евреев СССР шпионить Израиль будет (куда же от этого деться), но покушаться на Сталина — никогда! Мало кто знает, что, несмотря на разрыв дипломатических отношений, в день смерти Сталина в Израиле был объявлен национальный траур.

Да, у России за всю историю вряд ли был более решительный защитник, чем Сталин. Врагам СССР он платил немедленно и той же монетой. Министр МГБ Грузии Н. Рухадзе рассказывал, что в 1951 г. Сталин ему говорил: «Соседа, то есть Турцию, надо держать в постоянном страхе и часто его беспокоить, надо иметь ударные группы и совершать набеги. Почему, если они к нам засылают диверсантов и террористов, мы не можем делать то же самое? Подумайте сами над этими вопросами, пусть средства вас не смущают, для этого мы все дадим».

Но в чем Сталина не обвиняют даже его гнуснейшие враги, так это в том, что он хотя бы однажды пошел на провокацию, да еще и за счет жизней граждан СССР. Взорвать гранату в своем посольстве — это совершенно не в духе Сталина! Сталин выдвинул бы ультиматумы, а после их неисполнения разорвал бы отношения. Казалось бы — что стоило в 1945 г. плюнуть на договор о нейтралитете с Японией, который сама Япония не сильно исполняла, и сразу объявить ей войну? Но нет — сначала все же был денонсирован договор о нейтралитете, а уж потом объявлена война Японии. Сталин — не американский президент, и быть коварным брезговал.

Так что Бен-Гурион, возможно, и не врет и не ошибается в том, что взрыв на территории советской миссии в Израиле был организован кем-то из членов советской миссии, большая часть из которых, сами понимаете, была сотрудниками МГБ, т.е. Игнатьева, но Бен-Гурион ошибается в

другом — в том, что смысл этого взрыва был только в разрыве отношений между СССР и Израилем. У этого взрыва есть и еще один смысл — министр МГБ Игнатьев «оказался прав», что арестовал евреев-врачей, это они покушались на жизнь членов Политбюро.

Запутывание следствия по делу врачей привлечением к нему врачей-евреев очень нужно было и Хрущеву с его партноменклатурой. Ведь именно при нем само «дело врачей» полностью заглохло, а на XX съезде, как я уже написал, оно было представлено так, что вроде никаких улик на врачей и их признаний вообще никогда не было, а это просто антисемитка Тимашук написала Сталину ложный донос, а тот с перепугу вдруг взял и всех евреев арестовал.

А ведь, откровенно говоря, если бы мы на месте заговорщиков задумали внедрить «своего» врача в Кремль, то он никогда не был бы евреем. Ну не идиоты же мы! Случись что, и следователи поиск возможных преступников в таком деле начали бы именно с евреев. И не только в СССР — в любой стране. Что поделать, у евреев есть определенная репутация людей, которые за деньги готовы на все. А следователи любое дело начинают с отработки самых простых версий — именно таких.

И чтобы закончить с «делом врачей» и с Л.Ф. Тимашук, обращаю внимание на такую деталь. В журнале «Источник» № 1 за 1997 г., в котором были опубликованы черновики ее писем, сообщена распространенная версия о том, что 4 апреля 1953 г. было сообщено «об отмене указа о награждении Тимашук» орденом Ленина. А цитируемый мною выше Костырченко откровенно лжет: «Советские граждане узнали об этом из опубликованного 4 апреля в печати «Сообщения Министерства внутренних дел», в котором говорилось также о том, что Л.Ф. Тимашук лишается ордена Ленина «в связи с выявившимися в настоящее время действительными обстоятельствами»». На самом деле ничего подобного в этом «Сообщении» нет, никто Тимашук орденов не лишал ни в 1953 г., ни позже. Весной 1953 г. Берия и в мыслях

не держал объявлять смерть Жданова естественной, даже несмотря на то, что врачи по его инициативе были освобождены. Это пришло в голову уже Хрущеву и значительно позже — в 1956 г. А в конце марта 1953 г. уже практически выпущенный на свободу академик Виноградов признавался Берии в посланной ему записке: «Все же необходимо признать, что у А.А. Жданова имелся инфаркт, и отрицание его мною, профессорами Василенко, Егоровым, докторами Майоровым и Карпай было с нашей стороны ошибкой. При этом злого умысла в постановке диагноза и метода лечения у нас не было».

Поэтому давайте займемся врачами как таковыми.

Помощники СМЕРТИ

Существует устойчивое мнение, что членов правительства лечат самыми лучшими лекарствами с применением самого лучшего оборудования самые лучшие врачи. Я тоже одно время так думал, пока меня не заставил взглянуть на это по-другому такой случай.

Как-то меня, начальника цеха, вызвали к директору завода (умнейшему человеку, кстати) по какому-то производственному делу. Я зашел к нему в кабинет в момент, когда он очень огорченно разговаривал по телефону. Из его реплик я понял, что он получил известие о смерти старого товарища — директора Магнитогорского меткомбината. Когда он положил трубку, то еще под впечатлением от известия горестно обругал покойного: «Дурак! У него в Магнитогорске прекрасные врачи, прекрасные больницы, а он поехал делать операцию в Москву к этим коновалам из 4-го управления! Да что же он — с ума сошел, что ли?!». Меня тогда очень удивило такое презрение к врачам, которые лечат Правительство СССР, но расспросить я не смог — директор переключился на вопрос, по которому меня вызвал.

Потом я возвратился мыслями к этому эпизоду и пришел к выводу, что директор прав. Врачи обычных больниц и поликлиник лечат всех подряд и загружены, как правило, на двух или более ставках до отказа. А кремлевских врачей щадят. Уже поэтому при прочих равных условиях обычный врач имеет гораздо большую практику, и, следовательно, и гораздо высшую реальную квалификацию, чем кремлевский.

Кроме того, врачебная квалификация кремлевских врачей резко снижена за счет их ученых званий. Ведь на получение этих званий они время забирали у своей практики, да и потом забирали у нее время за счет чтения лекций, просиживания штанов в комиссиях и президиумах. Можно достаточно уверенно сказать, что в среднем чем выше у врача ученое звание, тем хуже он как врач. (Но пациенты любят, чтобы их лечил профессор, им как-то спокойнее при профессоре умирать.)

Вот возьмите случай с Тимашук. Три профессора (из них один академик) уже много дней ошивались у постели больного Жданова и оказались не способны определить, чем он болен, а врач Тимашук, без какого-либо ученого звания, поставила диагноз немедленно после прочтения первой же кардиограммы и беглого взгляда на результаты анализа крови.

Положение с кремлевскими врачами усугубляет то, что эти должности уже давно заполняются блатными — тупыми детками, которых сначала по блату устроили в мединститут, а потом, по блату, в кремлевские врачи. Халява манит. Академик Виноградов, главный терапевт Лечсанупра Кремля, помимо зарплаты на этой должности получал зарплату еще и как завкафедрой в 1-м ММИ, главный редактор журнала «Терапевтический архив», заведующий электрографическим отделением института терапии АМН СССР и еще с ряда других должностей. Все посвящал деньгам. Костырченко пишет: «Когда 4 ноября оперативники пришли за Виноградовым, их поразило богатое убранство его

квартиры, которую можно было спутать со средней руки музеем. Профессор происходил из провинциальной семьи мелкого железнодорожного служащего, но еще до революции благодаря успешной врачебной практике успел стать довольно состоятельным человеком, держал собственных призовых лошадей на ипподроме, коллекционировал живопись, антиквариат. Стены жилища лейб-медика украшали картины И.Е. Репина, И.И. Шишкина, К.П. Брюллова и других первоклассных русских мастеров. При обыске были обнаружены, кроме того, золотые монеты, бриллианты, другие драгоценности, даже солидная сумма в американской валюте».

При таких заботах откуда время, чтобы лечить членов правительства? Упомянутая врач Карпай в 1940—1942 гг. была лечащим врачом председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина. В 1942 г. она обратилась к Виноградову, чтобы тот назначил тщательное обследование Михаила Ивановича, поскольку ей не понравились его жалобы на боли в животе. Как же, станет медицинское светило слушать какую-то Карпай! Виноградов назначил Калинин у клизмы, диету и таблетки. А когда через два года хирург вскрыл Калинин брюшную полость, то оказалось, что раковая опухоль достигла размеров, при которых ее уже нельзя вырезать. Хирург Очкин сделал что смог, но Калинин через два года умер.

Но возможно, самое тяжелое для пациентов то, что эти врачи боятся лечить. Районный врач боится гораздо меньше и лечит сам, под свою ответственность, и легких, и тяжелых больных. А в Кремле пациенты — очень важные персоны, и врачи снимают с себя ответственность консилиумами. А консилиум штука хитрая. Представьте, что у 4-х профессоров консилиума мнения разделились, пациент умер, а вскрытие показало правоту двух. А что делать с другими двумя, которые ошиблись в диагнозе? Их ведь надо увольнять. И корпоративная солидарность требует

от врачей консилиума согласиться с одним общим мнением. Тогда если пациент умрет, то можно будет выкручиваться — дескать, течение болезни было столь сложным, что 4 самых светлых ума не могли его определить.

Ведь почему Егоров убедил Тимашук забрать из больницы карточки Жданова свою кардиограмму и дать «осторожное» заключение? Именно потому, что она понимала, чем грозят разногласия.

В тяжелых случаях эти кремлевские врачи не лечат пациента, а страхуют себя на случай его смерти каким-нибудь расплывчатым диагнозом и универсальными лекарствами, которые никому не вредят, но и никого не лечат.

Вот, к примеру, строчки из воспоминаний уже упомянутого мною профессора Мясникова о том, как все медицинские светила Москвы лечили Сталина:

«На следующее утро, четвертого, кому-то пришла в голову идея, нет ли вдобавок ко всему инфаркта миокарда. Из больницы пришла молоденькая врачиха, сняла электрокардиограммы и безапелляционно заявила: «Да, инфаркт».

Переполох. Уже в деле врачей фигурировало умышленное недиагностирование инфаркта миокарда у погубленных-де ими руководителей государства.

Теперь, вероятно, мы... Ведь до сих пор мы в своих медицинских заключениях не указывали на возможность инфаркта. А они уже известны всему миру. Жаловаться на боль, столь характерный симптом инфаркта, Сталин, будучи без сознания, естественно, не мог. Лейкоцитоз и повышенная температура могли говорить и в пользу инфаркта».

У меня вопрос. Симптомы показывали, что у Сталина мог быть инфаркт, так какого же черта два дня никто не делал ему электрокардиограмму? Какого черта вы, профессора, там околачивались?

Далее такая строчка: «Весь день пятого мы что-то впрыскивали, писали дневники, составляли бюллетени». Что значит «что-то впрыскивали»? Вы его лечили или «что-то впрыскивали»?

И вот, наконец, для Мясникова наступила и большая радость: «По ходу вскрытия мы, конечно, беспокоились — что с сердцем? Откуда кровавая рвота? Все подтвердилось. Инфаркта не оказалось (были найдены лишь очаги кровоизлияний)».

(Как в «Отцах и детях». «Больной перед смертью потел? — Потел. — Это очень хорошо!»)

Обычный сельский врач Сталина бы лечил, а эти вместо того, чтобы лечить, со страхом ждали результатов вскрытия своего пациента и обозначали свое присутствие тем, что *«что-то впрыскивали»*.

Или возьмем случай с академиком Ландау, который сумел выжить благодаря обычному врачу после тяжелой аварии, но которого все же добил консилиум академиков медицины. История его болезни и смерти, прекрасно описанная женой, в целом напоминает чем-то божью кару: каким Ландау был академиком физики, такие академики медицины его и лечили. Такой вот вопиющий момент.

Поскольку у Ландау были сильно повреждены легкие, то американцы прислали самолетом посылку с очень сильным антибиотиком. Получил эту посылку в аэропорту «друг» и соавтор Ландау академик Лившиц. Лившиц и академики медицины, составлявшие консилиум «по лечению» Ландау, были уверены, что Ландау умрет, а лекарства такого в СССР еще не было и оно на черном рынке стоило баснословно дорого. Вот академик Лившиц и устроил небольшую коммерцию: он не передал всю посылку в больницу, а выдавал антибиотик поштучно, ампулами. Остальные ампулы он продавал за хорошие деньги тем, кого к нему направляли академики консилиума по «лечению Ландау».

Американский антибиотик оказался эффективным, раны у Ландау зажили. Но его после этого три года непрерывно поносило — он «ходил» чуть ли не через 20 минут. Академики консилиума безапелляционно заявили, что это на нервной почве. Трагизм положения заключался в том, что пока Ландау официально лечил консилиум академи-

ков, нормальные врачи боялись к Ландау приблизиться даже тайно. (Если академики узнают, что какой-то врач поставил диагноз, расходящийся с их диагнозом, они замордуют впоследствии такого врача и сживут его со свету — на каждого умершего у этого врача будут составлять акты, что он умер по вине этого врача. Не дадут защищать диссертации ни ему, ни его друзьям.)

А нормальный врач, видя, что его пациента поносит, уже через день-два взял бы кал на анализ и разобрался, в чем дело. Академикам медицины такое и за три года в голову не пришло. И когда жена Ландау, три года спустя, сумела привлечь к лечению мужа нормального врача, тот взял анализы и выяснил, что весь желудочно-кишечный тракт Ландау поражен грибком того антибиотика, который прислали американцы. Такое может случиться при применении любого антибиотика, и против этого во всем мире используется очень недорогое и недефицитное лекарство — нистатин. Американские врачи как чувствовали, что Ландау будут лечить не врачи, а академики, поэтому они в посылку с антибиотиком вложили и имевшийся в СССР нистатин — наемкнули академикам. Но так как нистатином из-за его недефицитности нельзя было спекулировать, то Лившиц забыл о нем сообщить академикам консилиума, а у тех самих не хватило ума давать Ландау нистатин вместе с антибиотиком. Чудо то, что железное здоровье Ландау позволяло ему сопротивляться лечению академиков более трех лет.

Я понимаю, что никого из читателей не убедил, и случись им заболеть, все будут искать профессора. Что поделывать — таковы люди. Я, может, и сам буду искать... Но хочу предложить нечто вроде статистики.

Особенно старательно 4-й Главк Минздрава СССР, в девичестве — Лечсанупр Кремля, лечил глав Советского Союза. Некоторых он залечил до смерти на трудовом посту, а некоторые сумели избежать этой участи в основном за счет того, что их «ушли» на пенсию.

На посту главы СССР скончались в многоопытных руках кремлевских медиков: И.В. Сталин — в 74 года, Л.И. Брежнев — в 76 лет, Ю.В. Андропов — в 70 лет, К.У. Черненко — в 74 года. (Причем последние трое еще задолго до смерти выглядели так, что краше в гроб кладут.) Итого под опекой кремлевских медиков главы Советского государства доживали в среднем до чуть более 73-х лет.

Скончались своей смертью на пенсии: В.М. Молотов — в 96 лет; М.Г. Маленков — в 86 лет; Н.А. Булганин — в 80 лет, и всех подвел пенсионер Н.С. Хрущев, скончавшийся всего в 77 лет. Итого, вырвавшись из рук кремлевских врачей, главы СССР жили в среднем до 82-х лет. Разница в 9 лет. Лечение у профессоров даром для здоровья не проходит. Так что Жданова врачи могли залечить и без желания его убить. Просто в силу своей трусости и некомпетентности.

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ ВОЖДЯ

Для Сталина угроза смерти непрерывно возрастала и от того, что полностью морально сгнил начальник его охраны — Н.С. Власик.

Нет, Власик в точном смысле слова Сталина не предал. Я в его предательство не могу поверить, прочитав воспоминания Власика. Они были написаны, когда всякая шавка в СССР норовила бросить в Сталина ком грязи, а Власик его в это время защищал! Ни единого плохого слова о Сталине не написал. Мне кажется это немыслимым, чтобы человек готовил убийство, а потом, когда о жертве разрешалось говорить только плохое, ничего плохого не сказал. Думаю, что так не бывает — в помыслах по отношению к Сталину Власик чист.

Тем не менее, он к концу своей службы оскотинился и предал Сталина, сам того не подозревая, своим скотством.

Как и любое Животное, он любил барахло, но, надо сказать, что все же в меньших размерах, чем, к примеру, Аба-

кумов. У Власика было другое хобби — сексуальные победы. Когда на суде председательствующий спросил у его друга Стенберга о том, скольких женщин Власика тот знает, то ответ вызвал у Стенберга затруднение:

«Я затрудняюсь сказать, со сколькими женщинами он сожительствовал, ибо часто бывало так, что во время наших встреч у него на даче он с той или иной женщиной удалялся в другие комнаты. Но что он там делал, мне неизвестно».

Отдадим должное нравам тех времен — «групповух» Власик, как видите, не устраивал, но и своего не упускал. Стенберг показывал:

«Должен сказать, что Власик морально разложившийся человек. Он сожительствовал с многими женщинами, в частности, с Николаевой, Рязанцевой, Докукиной, Локтионовой, Спириной, Вещицкой, Градусовой, Авериной, Верой В.

Я полагаю, что Власик также сожительствовал с Щербаковой, с сестрами Городничевыми, Людой, Адой, Соней, Кругликовой, Сергеевой и ее сестрой и другими, имена которых я не помню.

Поддерживая со мной товарищеские отношения, Власик спаивал меня и мою жену и сожительствовал с ней, о чем сам Власик впоследствии цинично рассказывал мне».

Да, Власик был циником. Когда суд вызвал в качестве свидетеля некую Иванскую (о которой Стенберг забыл упомянуть), бедная женщина, мужнина жена попыталась представить дело так, что она ездила к Власику чуть ли не в шахматы играть, но Власику вдруг вздумалось именно в этом вопросе говорить суду правду и ничего, кроме правды: «После того, как ее бросил Окунев, я жил с ней как с женщиной. И должен сказать, что чаще звонила она мне сама, чем я ей». Хвастунишка! Судья поинтересовался, как долго продолжалась интимная связь Власика со свидетельницей. Власик охотно пояснил: «Довольно длительное время. Но встречи были очень редкими, примерно один-два раза в год». Оно и понятно — список женщин у Власика был не-

маленький, и везде надо было успеть. Но когда судья засомневался, что при таких нагрузках Власик еще и успевал правительство охранять, то тот обиделся: «В вопросах несения службы я был всегда на месте. Выпивки и встречи с женщинами были за счет моего здоровья и в свободное время. Признаю, что женщин у меня было много».

Но то, что Власик, вместо того чтобы ломать голову над планами охраны правительства в тех или иных местах, ломал голову над списком своих женщин на предмет покрытия очередной телки, это еще полбеды. Он болтал и творил вещи, просто преступные для человека его должности. Чтобы понять их смысл, приведу пару примеров того, как организовываются покушения на глав государств. Возьмем цитату из книги А. Колпакиди и Е. Прудниковой «Двойной заговор».

«Японский генштаб давно уже лелеял мечту ликвидировать Сталина — не было только подходящего случая. Однако летом 1938 г. такой случай представился — перешел границу и сдался японцам начальник Дальневосточного управления НКВД Генрих Люшков, человек, хорошо знавший обстановку в России и лютой ненавистью ненавидевший Сталина. Вскоре начальником японского генштаба была утверждена операция под кодовым названием «Медведь».

Осуществить ее должна была группа из шести членов эмигрантского «Союза русских патриотов». Их фамилии: Безыменский, Лебеденко, Малхак, Смирнов, Сурков и Зеленин. Они должны были перейти границу СССР и пробраться в Сочи. Сталин любил принимать в Мацесте лечебные ванны и в это время находился в ванной комнате один. Люшков в свое время был начальником Азовско-Черноморского управления НКВД, знал весь ритуал «омовения» до тонкостей и разработал план покушения.

По ночам напор воды в ванный корпус уменьшали, уровень ее опускался, и можно было по водостоку добраться до подземного накопителя. Высота его около 3 метров. В углу в потолке имелся люк, который вел в кладовку,

где хранились метлы, тряпки и прочее хозяйство уборщиц. Так можно было проникнуть в ванный корпус. В бойлерной работали двое техников, которых и должны были заменить террористы. В лагере в Чанчуне соорудили макет корпуса. Террористы учились обращаться с механизмами, чтобы ни у кого не возникло подозрений, что техники — вовсе не техники. После приезда Сталина двое, одетые в халаты техников, должны открыть люк и впустить остальных. Затем предполагалось уничтожить охрану и только потом убить Сталина. Все было продумано до мелочей. На репетициях в девяти случаях из десяти охрана не успевала среагировать. Возвращение группы не планировалось, все террористы были смертниками.

В начале января группа отплыла в Неаполь на пароходе «Азия-мару». 17 января она уже была в Неаполе, 19 января — в Стамбуле. 25 января террористы подошли к границе у селения Борчка. Однако когда боевики вошли в расселину, по которой предполагалось пробраться на территорию СССР, по ним ударил пулемет. Трое были убиты, остальные бежали. Японцы так и не установили причин провала»*.

А вот как было организовано покушение на Гитлера. Он ежегодно выступал перед старыми членами партии в

* О причинах провала высказываются разные версии, но надо сказать, что в те годы на границах шла настоящая война с самыми различными бандами (откуда и взялись войска НКВД).

...За 20 лет с февраля 1921 г. по февраль 1941 г. на всей границе было задержано 932 тыс. нарушителей государственной границы, среди которых оказалось более 30 тыс. шпионов, диверсантов и террористов. Пограничные войска ликвидировали 1319 вооруженных банд, в которых насчитывалось более 40 тыс. бандитов. На границе было задержано контрабанды на сумму более 132 млн рублей, кроме того, было изъято 2363 кг золота и 3904 кг серебра, много других ценностей.

Было уничтожено более 7 тыс. вооруженных нарушителей, пограничники потеряли 2443 человека убитыми.

Так что не исключено, что в те годы пограничники сначала стреляли, а потом спрашивали: «Стоять! Кто идет?».

один и тот же день и в одно и то же время в пивной, из которой началось нацистское движение. Террорист во время очередного ремонта этой пивной заложил в одну из внутренних колонн мину с часовым устройством. Но в тот год Гитлер из-за дел провел традиционную встречу раньше и ушел из пивной за 20 минут до взрыва.

Если вы вдумаетесь и в первый, и во второй пример, то обратите внимание, что теракт даже задумать невозможно, если не знать, в каком месте появится глава государства вне службы и дома (где его достать очень трудно).

А Власик всем своим бабам давал билеты и водил их сам в правительственные ложи во всех театрах и на стадионах. Конечно, интеллигентным женщинам было чем похвастаться между собой, но Власик своим разгильдяйством выдавал объекты, о которых посторонним запрещалось знать. Его женщины, между тем, имели выход на иностранцев, т.е. не исключалось, что Власик являлся источником важной информации для террористов, сам того не подозревая. А это, между прочим, преступная халатность, и Власику грех жаловаться за те 10 лет даже не лагерей, а просто ссылки, что он получил от суда.

Однако мне интересно не это. Из воспоминаний Власика подспудно следует, что его все время хотели либо убрать от Сталина, либо заставить сделать что-то преступное. Причем сам Власик, похоже, этого не понимал. Вот он, к примеру, жалуется:

«В 1948 году был арестован комендант Ближней дачи Федосеев. Следствие вел Серов под руководством Берия. У Федосеева было взято показание на меня, что я будто бы хотел отравить Сталина. Сталин усомнился в этом и лично проверил это, вызвав Федосеева на допрос, где тот заявил, что это ложь, которую его заставили подписать побоями. Он пожаловался Сталину, что его избивали. После этого дело взяли из МВД от Берия и передали в МГБ лично Абакумову».

Ну, во-первых, здесь Власик, по обыкновению того времени, все валит на Берию, хотя Берия в то время к МВД не имел никакого отношения. Министром внутренних дел был Круглов, его первый заместитель Серов — старый дружок Хрущева. Наверняка то, что Федосеева били, это тоже ложь. Вряд ли кто-то бы осмелился сфабриковать дело против начальника охраны правительства. Просто Серов определенным образом извращал показания Федосеева, сгущая акценты на какой-то болтовне Власика или его неправильно истолкованных поступках. Зачем? Перебдел? Вряд ли, на Серова это не похоже.

Вспомним, что Серов, как вы помните, был одним из верных подручных Хрущева в деле Берии и главным грабителем Германии.

Однако то, что Серов переправлял в Москву и Ленинград ценности для подарков «связям», видимо, и определило, что его за организацию этого грабежа не тронули — «связи» защитили. До Сталина, как и в деле Тимашук, никакая информация о Серове не дошла — ни через МГБ, ни через МВД, ни через ЦК. Серов купил всех, было чем.

Серов, кстати, делал подарки и Власику, но тот подарки брал, а каких-то надежд Серова не оправдал. Вот Серов и надавил на Федосеева. По-другому этот случай понять трудно — Серову зачем-то нужно было иметь во главе охраны правительства не Власика.

В 1950 г. кто-то опять делает накат на Власика по поводу его баб, но Сталин опять не принимает мер, хотя, положив руку на сердце, Власика уже давно надо было заменить любым Человеком. Сталин Власику верит.

И, возможно, с учетом этого доверия у кого-то возникает мысль не убрать Власика, а подчинить его себе шантажом. Думаю, что сам Власик этого не понял, поскольку довольно наивно поведал суду следующее:

«В 1952 г., после приезда из командировки с Кавказа, меня к себе вызвал зам. министра госбезопасности Рясной и дал агентурное дело на Стенберга. При этом он ска-

зал, что в этом деле есть материал и на меня, в частности, о моих служебных разговорах по телефону. Рясной сказал, чтобы я ознакомился с этим делом и изъяс из него то, что считал бы необходимым. Я со всем делом не знакомился. Прочитал я только справку — представление в ЦК на арест Стенберга и его жены. После этого я пошел к министру Игнатьеву и потребовал, чтобы он принял решение в отношении меня. Игнатьев мне сказал, чтобы я вызвал к себе Стенберга и предупредил его о необходимости прекращения всяких встреч с неподобающими людьми. Дело он приказал сдать в архив и в случае возникновения какого-либо разговора об этом ссылаться на его указания. Я вызвал Стенберга и сказал ему, что на него заведено дело. Потом показал ему фотографию одной женщины, имевшуюся в этом деле, и спросил, знает ли он ее. После этого я задал ему несколько вопросов, интересуясь его встречами с разными лицами, в том числе и встречей с одним иностранным корреспондентом. Стенберг ответил, что он с ним случайно встретился на Днепрогэсе и больше никогда не видел. Когда же я заявил ему, что в деле имеются материалы, свидетельствующие о том, что он с этим корреспондентом встречался в Москве, уже будучи со мной знакомым, Стенберг заплакал. Я спросил его то же самое и о Николаевой. Стенберг опять заплакал. После этого я повез Стенберга к себе на дачу. Там, чтобы успокоить его, я предложил ему выпить коньяку. Он согласился. Мы с ним выпили по одной-две рюмки и стали играть в бильярд.

Об этом деле я никогда никому не рассказывал. Когда же меня сняли с должности, я запечатал дело Стенберга в пакет и вернул Рясному, не изъяс из него ни одной бумажки».

Итак, задумаемся в то, что произошло. Оказывается, к началу 1952 г. на друга Власика, а следовательно, и на самого Власика как источника информации было заведено агентурное дело, по которому не представляло труда возбудить уголовное дело на Власика, и он был бы осужден, или тут бы уж и Сталин выкинул его со службы.

Но посмотрите, что делают Игнатъев и Рясной. Они отдают Власику агентурное дело на него! Поясню, на суде Власик был обвинен в преступном злоупотреблении властью — он показал Стенбергу из этого дела фамилии трех женщин — агентов МГБ, т.е. Власик **выдал** их Стенбергу. Но ведь и Игнатъев их выдал! Он выдал Власику агентов МГБ, которые следили именно за Власиком! Игнатъев совершил преступление. Зачем?

О нежной и верной мужской дружбе в данном деле забудем — не тот случай. Игнатъев совершил это преступление с единственной целью — Власик взамен этой услуги тоже должен был совершить преступление. Игнатъеву потребовалось, чтобы Власик был готов на что-то против Сталина. Но, надо думать, дальнейшее «прощупывание почвы» Игнатъеву ничего не дало — Власик, как обычно, подарки принимал, а в ответ ничего против Сталина делать не собирался.

И тогда с ним поступают просто и круто — на Власика мгновенно раскручивается дело о хищении продуктов с правительственного стола. Терпение Сталина иссякает, 29 апреля 1952 г. Власика снимают с должности и отправляют заместителем начальника исправительно-трудового лагеря на Урал.

Вопрос — зачем эта чепуха с хищением продуктов, если Власика можно было снять, показав его агентурное дело Сталину? А было уже нельзя! Сталин бы сразу же заинтересовался, почему это Игнатъев отдал это дело на руки Власику, почему выдал Власику агентов, которые за Власиком следили? Вспоминать об этом деле стало опасно для самого Игнатъева, и Власика убрали, так сказать, альтернативным способом.

Дальнейшая его судьба тоже показательна. Когда в октябре 1952 г. обнаружили записку Тимашук и арестовали Егорова и Виноградова, то возникло подозрение и на Власика — почему он скрыл от Политбюро записку Тимашук, почему скрыл, что Жданова лечили не от инфаркта?

Его, как я уже писал, арестовывают, и он до самой смерти Берии допрашивается как соучастник «дела врачей». Но после убийства Берии об этом деле приказывают забыть, и тогда и возникает вопрос — а за что тогда, собственно, Власик сидит? И ему вспоминают старое агентурное дело, вспоминают баб и болтовню и теперь уже осуждают за халатность и злоупотребление властью.

Что следует из дела Власика? Только то, что разгильдяй и дурак начальник охраны Сталина, остающийся преданным Сталину, кому-то очень сильно мешал. Но тот, кто хотел убрать у Сталина охрану, хотел этого, сами понимаете, не из добрых намерений.

Зоя Федорова

Возникает вопрос — а не сильно ли круто мы заворачиваем, подводя все свои размышления к выводу, что окружение Сталина делало попытки его убить? Есть ли хоть один надежный прямой факт таких попыток?

Прямые доказательства стерты из истории, и, возможно, в архивах все о таких фактах уничтожено, умерли или уничтожены и свидетели. Но порою можно наткнуться на такие косвенные доказательства, что диву даешься.

Давайте с этой точки зрения рассмотрим дело об убийстве пенсионерки-киноактрисы Зои Федоровой в 1981 г., через 27 лет после смерти Сталина.

Вот вкратце ее история. 1907 г. рождения, перед войной стала киноактрисой и сыграла несколько ролей в популярных фильмах, возможно потому, что была замужем за кинооператором Рапопортом. Получила две Сталинские премии и орден, но с началом войны развелась с мужем, и ее прекратили снимать. Жаловалась на Правление советской кинематографии Сталину и Берии, но безрезультатно.

С середины войны находит себя в двух вещах. Во-первых, в очень тесной связи с массой иностранцев американ-

ской и английской военных миссий. Валютной проституткой ее, конечно, не называют, но впечатление такое, что это от деликатности. Беременеет от американца, рождает девочку, как признается на следствии, для того, чтобы тот увез ее вместе с дочерью в США. Дочь, кстати, удочеряет ее новый советский муж, композитор, который на следствии признается, что сделал это для того, чтобы тоже вместе с ней уехать в благословенную Америку. Забегая вперед скажу, что отец-американец в 1979 г. действительно забрал свою дочь в США, но в 1947 г. Зоя с удочерителем осталась в СССР. Сидеть.

Второе, в чем развернулась Зоя Федорова, это, естественно, в поливании грязью СССР и его порядков — любимая тема разговоров интеллигентного советского общества.

«Сборища на моей квартире, — записывал суконным языком следователь показания Федоровой, — носили откровенно антисоветский характер. Собираясь вместе, мы в антисоветском духе обсуждали внутреннюю политику, клеветали на материальное благосостояние трудящихся, допускали злобные выпады против руководителей ВКП(б) и советского правительства. Мы дошли до того, что в разговорах между собой обсуждали мысль о свержении такого правительства. Например, артист Кмит (Петька в фильме «Чапаев») в ноябре 1946 г. заявил, что его враждебные настроения дошли до предела, в связи с чем он имеет намерение выпускать антисоветские листовки. Я и моя сестра Мария тут же выразили готовность распространять их по городу».

Ну а в интеллигентном обществе, чем больше хаешь Советскую власть, тем более культурным считаешься. Зоя Федорова была очень культурной. Поэтому следователь записывает ее показания дальше:

«Я должна сказать, что в ходе ряда враждебных бесед я высказывала террористические намерения против Сталина, так как считала его основным виновником невыносимых условий жизни в Советском Союзе. В связи с этим про-

тив Сталина и других руководителей ВКП (б) и советского правительства я высказывала гнусные клеветнические измышления — и в этом признаю себя виновной».

К таким словам очень кстати оказался и найденный при обыске у Зои Федоровой пистолет «браунинг».

Зоя Федорова была осуждена на 25 лет, но уже в начале 1955 г. ее помиловали и выпустили на свободу, а к осени полностью прекратили на нее дело. Заметьте, в это время культ личности Сталина еще не осуждали и преступления против Советской власти оставались преступлениями.

После выхода из тюрьмы Зое Федоровой пошла в руки невиданная удача — она до пенсии снялась более чем в 30 фильмах.

А в 1981 г. она, уже пенсионерка, высказала желание поехать в США навестить свою дочь. И ее нашли в квартире с простреленной головой...

Замки не были сломаны — она сама впустила этого человека, спокойно села в кресло, допустила, чтобы он оказался сзади нее, и тот выстрелил ей в затылок. Ничего не взял из квартиры. Прокуратура утверждает, что убийцу ищут до сих пор. А тогда рассматривались все версии, включая политические (по утверждению прокуратуры), было проверено более 4 (!) тыс. человек, более 100 преступников. Без результата.

Еще одна сторона жизни Федоровой. С юности она любила танцевать фокстрот потому, что в этом танце можно сильно прижиматься к партнеру. Прижималась она ко многим партнерам, поэтому впервые была арестована еще ОГПУ в 1927 г. по подозрению в шпионаже, поскольку Зоя и к шпионам тоже прижималась. Но дело прекратили и ее выпустили, полагая потому, что ОГПУ сделало из нее агента. Это подтверждается и тем, что в 1941 г. Берия предложил ей остаться в Москве, если ее захватят немцы, и работать на советскую разведку. Зоя согласилась, и Берия это согласие высоко оценил — в январе 1941 г. он находит время дважды принять ее для решения каких-то личных во-

просов, более того, пообещал помогать и впредь. Но в поведении Федоровой, видимо, что-то изменилось, поскольку верить ей Берия перестал, судя по его отказу помочь ей со съемками в фильмах.

В целом это дело выглядит банальным — озлобленная неудачами «интеллигентка» болтает в кругу таких же Животных лишнее и ее осуждают. Но в этом деле Зои Федоровой есть целый ряд очень нетипичных моментов.

Во-первых. В те годы официальные мероприятия правительства заканчивались банкетами, на которых выступали артисты. То есть Федорова действительно могла оказаться от членов правительства в близости, достаточной для выстрела из браунинга. Так что ее признание по серьезности превосходит признание еврейских студентов в попытке убить Маленкова. Желание, возможно, у них и было, но как бы они до него добрались?

Во-вторых. Непосредственно допрашивал Федорову заместитель начальника следственной части МГБ полковник Лихачев. Заметьте, что выше был приведен протокол допроса генерал-майора Сиднева, который дал показания о преступлениях замминистра ГБ Серова и Главкома сухопутных войск Жукова. И тем не менее Сиднев эти показания давал всего лишь старшему следователю следственной части МГБ подполковнику Путинцеву. То есть Зоя Федорова показывала что-то такое, что не каждым ушам слышать полагалось. И заметьте, это тот самый Лихачев, который скрыл признание Этингера о том, что Щербакова зачислили, и тот самый Лихачев, которого расстреляли вместе с Абакумовым.

В-третьих. Лихачев допросил Федорову 99 раз! Но в деле осталось всего 23 протокола, 76 протоколов исчезли еще в ходе следствия, т.е. их уничтожил Лихачев!

В-четвертых. Все доказательства были налицо и дело можно было передать в суд. Но замминистра МГБ Огольцов (запомните эту фамилию) почему-то передал его на рассмотрение Особым совещанием при МВД.

Кто персонально входил в Особое совещание после раздела НКВД на МВД и МГБ, сказать не могу, но исходя из документов об учреждении Особого совещания, оно должно было состоять из заместителей министров МВД и МГБ под председательством министра МВД Круглова, и дело должно было рассматриваться в присутствии Генерального прокурора СССР. Тут дело в том, что Особое совещание создано было для рассмотрения дел, по которым нет доказательств вины подсудимого (например, на ОС осуждали жен врагов народа), либо сам факт осуждения данного человека (и его самого) надо было скрыть. Но об аресте киноактрисы Федоровой было всем известно, скрывать тут было нечего, доказательства были. Почему Особое совещание?

Дело в том, что подсудимые на рассмотрение их дел на Особом совещании не вызывались. То есть Зоя Федорова ничего не смогла сказать там ни Генпрокурору, ни членам ОС из того, что исчезло из ее дела вместе с 76 исчезнувшими протоколами.

В-пятых. Федоровой дали 25 лет лагерей, но затем, когда она уже сидела в лагере, по инициативе МГБ Особое совещание вновь возвращается к ее делу и ужесточает наказание — 25 лет тюрьмы за то, что, *«отбывая наказание в лагерях МВД, Федорова З.А. пыталась установить нелегальную связь с иностранцами»*.

Исследователи ее дела установили и этого иностранца. Им оказался Л.П. Берия. 20 декабря 1947 г. Федорова отправляет ему из лагеря письмо с просьбой о помощи, а 27 декабря Особое совещание срочно собралось и приняло решение о переводе ее из лагеря в тюрьму. Письмо Федоровой до Берии так и не дошло. В МГБ почему-то очень боялись, что Берия переговорит с Федоровой.

В-шестых. В 1955 г., повторяю, никакой реабилитации «жертв сталинизма» еще не было, и то, что Федорова все же была реабилитирована, свидетельствует, что ей сильно помогли с самого «верха».

Об этом же свидетельствуют и посыпавшиеся на престарелую Федорову роли в кино. Ведь чего-чего, а актрис в СССР было, как навоза, если не больше.

Все эти странности свидетельствуют об одном — показания Федоровой о намерении убить Сталина явились не только плодом давления следователя. Более того, нити от Федоровой потянулись к кому-то на самый верх. Ее заставили держать язык за зубами и следили, чтобы у Федоровой не появилась возможность этот язык распутить. В связи с чем и перевели из лагерей в тюрьму, после первой же попытки связаться с Берией.

Но к старости Федорова потеряла бдительность, возможно, стала считать, что прошлое уже никого не волнует, и завела разговоры о поездке в Америку. Но ведь там за нею невозможно было уследить, и она могла сказать то, о чем 34 года молчала. Вот и пришлось ей умереть.

Вы скажете, что все действующие лица той эпохи к началу 80-х уже были в мире ином. Ну наболтала бы чего старуха — кого это уже волнует?

Волновали не конкретные лица, волновало другое. Нельзя было допустить, чтобы в общество просочилась мысль, что вокруг Сталина постоянно клубились какие-то заговоры, и причем составленные теми, кто в нашей официальной истории числился либо борцом с культом личности, либо жертвой сталинизма.

В плену Животных

Любому человеку, чтобы принять решение, нужно сначала оценить обстановку. Оценивается обстановка на основании имеющейся информации, а всю информацию Сталину поставлял аппарат партии и государства. Соответственно, какую информацию Сталину поставят, такую оценку Сталин ей и даст и соответствующее решение примет.

Сообщат Сталину, что врачи, из сил выбиваясь, лечили Жданова правильно — наградит. Доложат, что они ошиблись в диагнозе — останется недоволен или накажет.

Все считают, что Сталин был единовластным диктатором, и чтобы много не спорить, с этим можно условно согласиться. Это значит, что он принимал решения, какие сам хотел, никто эти решения ему не мог навязать. Да, это так. По форме.

А по существу он принимал те решения, которые были выгодны лицам, поставляющим ему информацию для этих решений.

Это обычное следствие бюрократической системы управления, принятой до сих пор во всем мире. Начальник — фактически пленник своих подчиненных. Если они, как и начальник, болеют за дело, боятся неудач, то будут поставлять ему правдивую информацию в полном объеме. Но если эти подчиненные являются Животными, уцепившимися за свои должности, как за кормушки, то информацию начальнику они поставляют только ту, что позволяет им у этих кормушек удержаться.

Здесь настолько все просто, что этого никто не замечает.

Вы скажете, что Сталин должен был перепроверять информацию и строго наказывать врущих ему подчиненных. Все это так, Сталин это делал и все, кто с ним работал, это отмечают — не дай Бог было ему соврать. И тем не менее...

Возьмем рассмотренные выше дела. О том, что в лечении Жданова допущена ошибка, Сталин должен был узнать на том заседании Политбюро, на котором начальник Лечсанупра Кремля Егоров докладывал заключение о причинах смерти Жданова. Но не узнал. Должен был узнать по второму каналу — от человека, которому была доверена жизнь членов Правительства СССР, от Власика. Но не узнал! Должен был узнать от министра госбезопасности Абакумова. Не узнал!! Должен был узнать от секретаря ЦК Куз-

нецова. Не узнал!!! По четырем каналам должен был узнать правду, но так и не узнал ее. Все 4 канала оказались перекрыты Животными.

Вы скажете, что Сталин должен был подбирать верных и честных людей. А что — он не пробовал это делать?! Власик был верным, оставался верным даже тогда, когда каждая мразь норовила бросить в Сталина кусок своего дерьма и соревновалась между собой, кто больше. И что толку?

Власик обязан был обеспечить, чтобы Сталина лечили лучшие врачи. А он что сделал? Оставил у Сталина алчных олухов Егорова и Виноградова, а высококвалифицированного кардиолога Тимашук хотел убрать из Кремля. Верность Животных — штука своеобразная. Животное всегда верно только себе. И защищая Сталина в своих воспоминаниях, Власик, по сути, защищал правильность своей жизни, свой вес в обществе и свой статус. И только.

Вы скажете, что в таком случае Сталин лично обязан был вникать во все уголовные дела, не доверять министрам и следователям. И это Сталин пытался делать, но во что же ты вникнешь, если из 99 протоколов допросов Федоровой в деле осталось только 23 или эти протоколы «подправляет» какой-нибудь Шварцман?

Вот смотрите, причиной ареста министра госбезопасности Абакумова было в том числе и то, что профессор Этингер признался в неправильном лечении члена Политбюро Щербакова, но Абакумов об этом никому не сообщил, и Этингер вдруг поспешно умер. Этингер еврей. Голда Меир устраивает накануне сионистский шабаш, Еврейский антифашистский комитет признается в своей антисоветской, предательской работе. Казалось бы, не было бы ничего странного или нелогичного, если бы в это время вместе с Абакумовым были арестованы все врачи-евреи, причастные к Лечсанупру Кремля. И Рюмин год «роет землю носом» в этом направлении — и никакого компромата на врачей-евреев нет!

Наконец Сталин понимает, что в деле Абакумова след взят неверно, разработка еврейского направления ничего не дает. Рюмина не просто снимают с должности — его выбрасывают из МГБ бухгалтером в министерство Госконтроля. (При Хрущеве убивают судом.) Казалось бы, все: сыщики из МГБ, от евреев отцепитесь! Жданова в гроб загнали братья славяне — Егоров, Виноградов, Майоров, Василенко.

Но не тут-то было! Немедленно МГБ вываливает груды компромата на врачей-евреев, которого даже юдофоб Рюмин не нашел! И секретари ЦК КПСС по пропаганде немедленно подсуетились — все газеты дружно начали осуждать еврейский космополитизм. А 2 марта, когда еще никому не сообщили, что Сталин болен, все газеты также дружно заткнулись с этим космополитизмом.

Вот это и есть плен Животных. Ситуация, когда руководитель рад и хочет принять правильное решение, но ему подсовывают такую информацию, что он принимает решения только на пользу Животным.

Фальшивки

Пришло время от вранья перейти к фальшивкам. Когда я говорю о них, то имею в виду не многочисленные мемуары и воспоминания персон того времени, а некие «документы» той эпохи, которые якобы хранились до «перестройки» в СССР в его секретных архивах и вот только теперь представлены публике для доказательства того или иного события. Современное развитие техники и технологии привело к тому, что сегодня не составляет труда состряпать фальшивку на идентичном бланке с похожими печатью и подписями. На настоящее время в обороте у журналистов и историков уйма «подлинных документов», сфабрикованных нынешним режимом в России, за подписью самых разных исторических лиц (начиная от Ленина), «свидетельствующих» о самых невероятных событиях в

СССР. Возможно, их можно распознать при помощи технических средств экспертизы, например, по старению бумаги или чернил, по способу нанесения подписей и т.д., но, во-первых, кому этим заниматься, а во-вторых, все эти фальшивки ходят в лучшем случае в виде фото- или ксерокопий и подлинники их недоступны. Но зато нам доступно разоблачение фальшивок по смыслу этих документов.

В фальшивках, скрывающих убийство Сталина, меня поражает их, так сказать, многоэтажность, т.е., чтобы утвердить нужный факт, состряпаны не только основные фальшивки, но и фальшивки, которые должны служить фоном для появления основных.

В Катынском деле, которое я расследовал до этого, фальсификаторы действовали тупо и прямолинейно. Нужно доказать, что это Советское правительство дало приказ о расстреле польских офицеров? Нет проблем: вот вам не хухры-мухры, а сразу постановление Политбюро об их расстреле. Вас интересует, почему нет никаких других документов? Нет проблем: вот вам письмо председателя КГБ СССР Шелепина Хрущеву об уничтожении всех документов по этому делу. Вас удивляет, почему в этих документах написано, что поляки расстреляны по постановлению ЦК КПСС от 4 марта 1940 г.? Вы утверждаете, что ВКП(б) была переименована в КПСС только в 1952 г.? Ну это с кем не бывает! Апробирование катынских фальшивок было проведено на заседаниях Конституционного суда РСФСР, посвященных «делу КПСС», и представили эти фальшивки судьям не кто попало, а Шахрай и Макаров — люди известных моральных качеств. (Я пишу так вычурно, чтобы не употреблять слова «негодяи».) Разумеется, что даже Конституционный суд, который, как юный пионер, всегда готов вынести любой приговор в пользу режима, вынужден был от этих тупых фальшивок откеститься и нигде в своем решении о них не упоминать.

Фальшивки, скрывающие убийство Сталина, гораздо изощреннее. Вот, к примеру, изделие из уже цитирован-

ного сборника документов, выпущенного фирмой фальсификаторов «Член Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев & Гуверовский институт».

«№ 46/Б 6 мая 1953 г.
Совершенно секретно
т. МАЛЕНКОВУ Г.М.

Министерством внутренних дел Союза ССР произведена проверка архивных материалов по обвинению тов. Кагановича Михаила Моисеевича в принадлежности к правотроцкистской организации.

В результате проверки установлено, что эти материалы являются клеветническими, добытыми в б. НКГБ СССР в результате применения в следственной работе извращенных методов, а тов. М. Каганович, будучи оклеветан, покончил с собой.

На этом основании МВД СССР вынесено заключение о реабилитации тов. М. Кагановича.

Направляя при этом копию заключения МВД СССР по результатам проверки, считаю необходимым установить жене тов. М. Кагановича — Каганович Цецилии Юльевне персональную пенсию.

Л. Берия».

Из этой фальшивки следует, что брата члена Политбюро Лазаря Кагановича Михаила Кагановича обвинили в измене и осудили, а жену его оставили без пенсии, а в 1953 году Берия Михаила Кагановича реабилитировал, а жену его осчастливил пенсией. Но дело в том, что писатель Феликс Чуев, бравший с 1986 года у еще живого Лазаря Кагановича обширное интервью, спросил его и о судьбе брата Михаила. И Лазарь Каганович рассказал:

«У Орджоникидзе брата арестовали. Переживал очень. У меня брат тоже... Обвиняют, что я его не защищал. Вранье! Само по себе обвинение глупое. Представьте себе, что брат был бы врагом. Тогда я бы, конечно, пошел против него!

Я пришел в Политбюро, и Сталин мне сказал: — Вот мы получили показания, что ваш брат Михаил состоит в заговоре.

Я говорю: — Это ложь. Я знаю своего брата. Это большевик с 1905 г., рабочий, преданный человек, преданный Центральному Комитету партии. Все это ложь.

Сталин говорит:

— Как ложь? Я получил показания.

— Мало ли показаний бывает? Это ложь. Я прошу очную ставку.

И Сталин сказал:

— Хорошо. Давайте очную ставку.

Ванников, который на Михаила наговаривал, он же потом наркомом был, министром. Его освободили, конечно. Ванников был заместителем моего брата.

Когда на Ванникова были показания, Михаил, он горячий был, с пеной у рта его защищал. Этот Ванников у него на даче ночевал, боясь ареста. И брат защитил его. А потом этот же Ванников на него показывал. Тот говорит: — Ты что, с ума сошел?

— Нет, ты был вместе со мной в одной организации.

Что ему скажешь?

— Но вы не видели Михаила перед тем, как он застрелился?

— Нет. Это было в коридоре. Ему сказали: — Ты там погоди, а мы еще раз поговорим с Ванниковым. Берия и Маленков. Ванников тут же сидел. Они говорили: — Мы решили его еще раз допросить, что, он с ума сходит, что ли?

А брата попросили выйти и подождать. Он, видимо, решил, раз его попросили выйти, так ему не верят, и застрелился.

— Но его не арестовывали, раз у него был с собой пистолет?

— Нет, нет. Он оставался членом ЦК. Было решение Политбюро — снять всякие обвинения с Кагановича Михаила, памятник ему на Новодевичьем поставили и разрешили

мне написать — я спрашивал специально решение Политбюро, что брат — «член ЦК». Там так и написано: «член ЦК».

Как можно реабилитировать человека, если его никто не только не осуждал, но и не обвинял? Зачем Берии нужно было писать эту записку, если Михаил Каганович сразу же был похоронен на Новодевичьем кладбище с надписью на памятнике «член ЦК» и не был осужден даже Ванников, пытавшийся его оклеветать? В этой «записке Берии» фальсификаторы находятся в плену ими же сфальсифицированной истории: когда стряпали эту фальшивку, то слышали, что М. Каганович застрелился, и, естественно, решили, что он был обвинен как «враг народа», и из лени не стали проверять, что случилось с ним на самом деле.

Но возникает вопрос, а зачем фальсификаторы вообще над этой фальшивкой трудились? Зачем она? Это фон, на котором должны без особых подозрений выглядеть другие, основные фальшивки. В них даны поступки Берии, которых он на самом деле не совершал. И если не создать для таких фальшивок фон, то возникнет естественный вопрос, к примеру, а в связи с чем этот до крайности загруженный человек вдруг занялся делом, скажем, еврейского артиста Михоэлса? А при наличии фона следует ответ: как же, Берия ведь очень любил евреев! Еврейских врачей освободил именно поэтому, и жену Молотова, еврейку, реабилитировал поэтому, и вот, естественно, брата Лазаря Кагановича реабилитировал потому, что тот еврей.

Итак, займемся фальшивками, состряпанными в 80—90-х годах прошлого столетия.

ЕЩЕ РАЗ О ДЕЛЕ ВРАЧЕЙ-ВРЕДИТЕЛЕЙ

Напомню, что «дело еврейских врачей» — это, по сути, дело об убийстве Жданова, а название «дело врачей» было выдуманно на заседании Президиума ЦК, который в отсутствие Сталина принял тексты заявления ТАСС и статьи в

«Правде», в которых этот термин впервые появился. Напомню, что именно ЦК ежедневно муссировал в газетах дело об убийстве Жданова как «дело врачей-вредителей» до момента, когда у Сталина произошел инсульт. Со 2 марта все газеты о «врачах-вредителях» дружно замолчали.

По делу «врачей-вредителей» в сборнике Яковлева даны три документа:

- «записка Берии в Президиум ЦК от 1 апреля»;
- «постановление Президиума ЦК от 3 апреля»;
- сообщение МВД, опубликованное в «Правде» 4 апреля 1953 г.

По поводу «записки Берии в ЦК» следует сказать, что такая записка обязана была быть и с той же датой, но тот текст, что опубликован Яковлевым, является фальшивым от начала и до конца. «Постановление Президиума ЦК» в основе своей, возможно, таким и было, но в него добавлены моменты для того, чтобы оно координировалось с теперь уже фальшивой «запиской Берии». А сообщение, опубликованное в «Правде», сами понимаете, фальсифицировать было опасно — любознательные могут и тексты сверить, поэтому оно подлинное.

Напомню обстановку весны 1953 г. Берия принял объединенное МВД и МГБ после 7 лет своего отсутствия в этих организациях, т.е. кадры в этих министерствах уже были полностью абакумовские и игнатьевские. Причем эти кадры видели, что бывший министр МГБ Игнатьев резко пошел на повышение — стал одним из 5 секретарей ЦК и куратором, как сейчас выражаются, силовых ведомств. То есть без его согласия никакие крупные дела, никакие крупные снятия и перемещения лиц в МГБ-МВД происходить не могли, т.е. работники этих министерств сообщить Берии о преступлениях Игнатьева боялись. Между тем Берия открыто заявлял, что его в первый раз призвали в НКВД, чтобы разгромить ежовщину, а сейчас он пришел, чтобы разгромить игнатьевщину.

И «дело врачей» было тем делом, которым Берия сметал Игнатьева с поста секретаря ЦК и заставлял всех в МВД смотреть на себя как на единственного начальника. Чтобы убрать Игнатьева, Берия действовал с позиций партийных правил «за гранью фола» — дерзко и бескомпромиссно.

Смотрите на даты. 1 апреля он подает записку в Президиум ЦК, эта записка рассматривается Президиумом, но партаппаратчики фактически встали на защиту Игнатьева и в своем постановлении потребовали от Игнатьева только объяснения. Он остался секретарем ЦК, а в постановлении Президиума по этому поводу всего-навсего появился такой пункт: «Внести на утверждение Пленума ЦК КПСС следующее предложение Президиума ЦК КПСС: «Ввиду допущения т. Игнатьевым С.Д. серьезных ошибок в руководстве быв. Министерством государственной безопасности СССР признать невозможным оставление его на посту секретаря ЦК КПСС».

Но пленум должен был состояться только в конце месяца, а за это время Президиум ЦК мог и передумать ставить этот вопрос перед 125 членами ЦК. Кстати, уже 4 апреля Президиум, в своей информации членам ЦК и секретарям вплоть до секретарей обкомов о «деле врачей», о предполагаемом снятии Игнатьева молчит, т.е. Президиум на самом деле снимать Игнатьева не спешил. А Берия, судя по событиям, это никак не устраивало, и он публикует в «Правде» «Сообщение МВД» по «делу врачей». Публикует сам, не согласовывая это с Президиумом. Сегодня фальсификаторы этот факт конфронтации Президиума ЦК и Берии пытаются скрыть, и в фальшивом «постановлении ЦК» есть пункт об утверждении *«прилагаемого текста сообщения для опубликования в печати»*, но на самом деле Берия ни текст, ни этот шаг ни с кем не согласовывал, он опубликовал это сообщение сам.

Доказательством служит то, что после убийства Берии на июльском пленуме ЦК сразу несколько человек поставили ему в вину сообщение в прессе об освобождении вра-

чей. Наиболее определенно об этом сказал в своем выступлении один из секретарей ЦК того времени Н.Н. Шаталин: «В самом деле, взять дело о врачах. Это, я думаю, даже общее мнение, что произошло правильное в конечном итоге решение, но зачем понадобилось коммунике Министерства внутренних дел, зачем понадобилось склонение этого вопроса в нашей печати и т.д. То, что врачей неправильно арестовали, как теперь выяснилось, заранее знали, что это было сделано неправильно. Надо было поправить, но надо было поправить, чтобы это было не в ущерб нашему государству, не в ущерб интересам нашего государства. Зачем это нужно было публиковать?». (Оцените логику хрущевцев: то, что всего лишь арестованные врачи были уже объявлены в прессе преступниками без суда и их имена полтора месяца трепали все газеты — это, оказывается, было *«не в ущерб нашему государству»*. А то, что Берия сообщил об их выходе на свободу — *«в ущерб»*).

После того, как Берия 4 апреля сообщил в «Правде», что врачи отпущены на свободу, что их показания получены *«путем применения недопустимых и строжайше запрещенных советскими законами приемов следствия»* и что *«лица, виновные в неправильном ведении следствия, арестованы и привлечены к уголовной ответственности»*, Президиум ЦК уже ни дня не мог иметь в качестве секретаря ЦК Игнатьева. Поэтому немедленно начался обзвон по телефону всех 125 членов ЦК с получением их согласия и уже 5 апреля Игнатьева все же сняли с поста секретаря, а на пленуме ЦК, состоявшемся 28 апреля, Берия в дополнение к снятию настоял, чтобы его вывели и из членов ЦК, а Комитет партийного контроля при ЦК КПСС решил вопрос о пребывании Игнатьева в партии. (После убийства Берии Игнатьева тут же восстановили в членах ЦК.)

Учитывая то, с какой яростью и решительностью обрушился Берия на Игнатьева, можно представить и то, что было написано об Игнатьеве в подлинной записке Берии по «делу врачей». Поэтому первым признаком фальшив-

ки следует считать отсутствие в ней Игнатьева как главного объекта обвинения. Вот это изделие фальсификаторов А.Н. Яковлева.

«№ 17/Б 1 апреля 1953 г.

Совершенно секретно

т. МАЛЕНКОВУ Г.М.

В 1952 году в Министерстве государственной безопасности СССР возникло дело о так называемой шпионско-террористической группе врачей, якобы ставившей своей целью путем вредительского лечения сократить жизнь активным деятелям советского государства. Делу этому, как известно, было придано сенсационное значение и еще до окончания следствия было опубликовано специальное сообщение ТАСС, сопровождаемое редакционными статьями «Правды», «Известий» и других центральных газет.

Ввиду особой важности этого дела Министерство внутренних дел СССР решило провести тщательную проверку всех следственных материалов. В результате проверки выяснилось, что все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя министра государственной безопасности СССР РЮМИНА. В своих преступных карьеристских целях РЮМИН, будучи еще старшим следователем МГБ, в июне 1951 года под видом не записанных показаний уже умершего к тому времени в тюрьме арестованного профессора ЭТИНГЕРА сфабриковал версию о существовании шпионско-террористической группы врачей. Это и положило начало провокационному «делу о врачах-вредителях».

Для придания правдоподобности своим измышлениям РЮМИН использовал заявление врача ТИМАШУК, поданное ею еще в 1948 году в связи с лечением А.А. ЖДАНОВА, которое было доложено И.В. СТАЛИНУ и тогда же направлено им в архив ЦК ВКП(б).

Встав на преступный путь обмана ЦК ВКП(б) и таким путем продвинувшись на пост заместителя министра и на-

чальника следственной части по особо важным делам МГБ СССР, РЮМИН принял все меры к тому, чтобы как можно больше раздуть это дело. Нужно отметить, что в Министерстве государственной безопасности он нашел для этого благоприятную обстановку. Все внимание Министра и руководящих работников Министерства было поглощено «делом о врачах-вредителях». Заручившись на основе сфальсифицированных следственных материалов санкцией И.В. Сталина на применение мер физического воздействия к арестованным врачам, руководство МГБ ввело в практику следственной работы различные способы пытки, жестокие избиения, применение наручников, вызывающих мучительные боли, и длительное лишение сна арестованных.

Не брезгуя никакими средствами, грубо попирая советские законы и элементарные права советских граждан, руководство МГБ стремилось во что бы то ни стало представить шпионами и убийцами ни в чем не повинных людей — крупнейших деятелей советской медицины. Только в результате применения подобных недопустимых мер удалось следствию принудить арестованных подписать продиктованные следователями измышления о якобы применяемых ими преступных методах лечения видных советских государственных деятелей и о несуществующих шпионских связях с границей.

Для того, чтобы придать доказательность полученным таким путем «признаниям» арестованных, следствию удалось сфальсифицировать заключение врачебной экспертизы по методам лечения, примененным в свое время к А.С. ЩЕРБАКОВУ и А.А. ЖДАНОВУ. В этих целях следствие включило в состав экспертной комиссии врачей-агентов МГБ и утаило от экспертов некоторые существенные стороны лечебной процедуры.

Бывший министр государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВ не оказался на высоте своего положения, не обеспечил должного контроля за следствием, шел на по-

воду у РЮМИНА и некоторых других работников МГБ, которые, пользуясь этим, разнузданно истязали арестованных и безнаказанно фальсифицировали следственные материалы.

Так было сфабриковано позорное «дело о врачах-вредителях», столь шумевшее в нашей стране и за ее пределами и принесшее большой политический вред престижу Советского Союза.

Зачинщик этого дела РЮМИН и ряд других работников МГБ, принимавших активное участие в применении незаконных методов следствия и фальсификации следственных материалов, арестованы.

Постановление специальной следственной комиссии с подробным изложением результатов проверки материалов следствия по этому делу прилагается. Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

1) всех привлеченных по этому делу к ответственности и незаконно арестованных врачей и членов их семей полностью реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить;

2) привлечь к уголовной ответственности бывших работников МГБ СССР, особо изощрявшихся в фабрикациях этого провокационного дела и в грубейших извращениях советских законов;

3) опубликовать в печати специальное сообщение;

4) рассмотреть вопрос об ответственности бывшего министра государственной безопасности СССР т. ИГНАТЬЕВА С. Д.

Министерством внутренних дел СССР приняты меры, исключающие впредь возможность повторения подобных извращений советских законов в работе органов МВД.

Л. Берия».

Как видите, в фальшивке вся ответственность перенесена с Игнатьева на Рюмина: это он, оказывается, виноват, а Игнатьев просто оказался «не на высоте своего положе-

ния». Обманул, короче, олуха Игнатьева его заместитель хитрец Рюмин.

Между тем, поскольку и в этой фальшивке Игнатьев все же обвиняется в фальсификации уголовных дел, то сам Берия в своей подлинной записке в Президиум не мог допустить ни малейшей фальши, особенно такой, которая усугубляет вину Игнатьева. Ведь дело свежее, ему едва 4 месяца, члены Президиума все подробности хорошо помнили и любую фальшь в записке обернули бы против Берии — его самого обвинили бы в фальсификации дела против секретаря ЦК Игнатьева. А вы посмотрите, сколько в этой записке нагромождено вранья.

Первый врач по делу «врачей-вредителей», профессор Егоров, был арестован 18 октября, а 12 ноября Сталин подписал распоряжение об увольнении замминистра Рюмина из МГБ. Егоров и профессор Виноградов признались в том, что они лечили Жданова не от инфаркта миокарда, в середине ноября и, надо думать, в этот момент они и признались, что их об инфаркте у Жданова предупреждала Тимашук. Сама Тимашук вспоминала, что *«в конце 1952 г. меня вызвали в МГБ к следователю»*. Но узнав от Тимашук, что она информировала о неправильном лечении Жданова начальника Управления охраны Власика письмом, следователи потратили какое-то время на то, чтобы найти это письмо, поскольку только оно являлось доказательством вины Власика. А когда нашли, то сами врачи отошли на второй план, поскольку более важным стал вопрос, почему Абакумов и Власик скрыли от Политбюро то, что Жданова лечили неправильно. Надо думать, что Власик был арестован немедленно после обнаружения письма Тимашук, а арестовали его 16 декабря 1952 г. Следовательно, письмо Тимашук было найдено не ранее начала декабря, т.е. через полмесяца после того, как Рюмина выгнали из МГБ. А основные фигуранты по делу врачей-вредителей — врачи-евреи — были арестованы в конце ноября — в начале декабря, т.е. тоже уже без Рюмина.

Как же настоящий Берия мог написать, что «все это дело от начала и до конца является провокационным вымыслом бывшего заместителя Министра государственной безопасности СССР Рюмина»? Ведь Берия подставлялся — все отлично помнили, что после увольнения Рюмина, 20 ноября первым заместителем министра МГБ стал Огольцов, и это он раскручивал с Игнатьевым «дело врачей-вредителей». А в фальшивке «Берия» о нем вообще молчит! Получается, что он фальсифицирует дело на Рюмина, выгораживая Огольцова, причем на глазах тех, кто был в курсе всего. Ну как настоящий Берия мог таким образом обвинять Игнатьева в фальсификации «дела врачей»? Но подчеркнем, **нынешним фальсификаторам очень нужно выгородить Огольцова. Зачем?**

Далее. При чем тут Тимашук к делу врачей? Ее заявление в этом деле не может являться ни доказательством, ни даже причиной возбуждения уголовного дела. Ведь она написала заявление при жизни Жданова, следовательно, оно само по себе является всего лишь одним из вариантов диагноза. Причиной возбуждения уголовного дела и доказательством по нему были акт о патологоанатомическом исследовании тела Жданова профессором Федоровым и зафиксированные медицинские назначения Жданову, которые были противопоказаны при инфаркте миокарда. И, формально, заключение экспертизы под председательством профессора Лукомского.

Далее. При чем тут к делу врачей то, что заявление Тимашук якобы видел Сталин? Он что — практикующий врач или профессор медицины?

Далее. Упоминания о том, что Сталин видел заявление Тимашук и даже на нем расписался, резко усугубляет вину Игнатьева, ведь тогда он становится виновным и в незаконном аресте Власика: за что же Власика арестовывать, если он письмо Сталину показал? Такое заявление Берии в Президиум ЦК вызвало бы резкую реакцию Игнатьева и встречное обвинение от него самому Берии.

Мы уже рассмотрели вопрос о том, почему ни Сталин, ни Политбюро не могли видеть письма Тимашук Власику, и я не буду повторять эти доводы. Но фальсификаторы в обоснование утверждения, что Сталин «списал» письмо Тимашук в архив, состряпали еще одну фальшивку. Вот она.

«Совершенно секретно
Товарищу СТАЛИНУ И.В.

При этом представляю Вам заявление заведующей кабинетом электрокардиографии кремлевской больницы — врача ТИМАШУК Л.Ф. в отношении здоровья товарища Жданова А.А.

Как видно из заявления ТИМАШУК, последняя настаивает на своем заключении, что у товарища Жданова инфаркт миокарда в области передней стенки левого желудочка и межжелудочковой перегородки, в то время как начальник Санупра Кремля ЕГОРОВ и академик ВИНОГРАДОВ предложили ей переделать заключение, не указывая на инфаркт миокарда.

Приложение: — Заявление т. ТИМАШУК и электрокардиография товарища Жданова.

В. Абакумов

30 августа 1948 года».

Документ, который я привел выше, называется сопроводительной запиской, и он не может существовать отдельно от тех документов, которые он сопровождает. Так вот, в сопроводительной записке никогда не раскрывается, о чем написано в сопровождаемых документах — это грубое оскорбление начальника. Получается, что начальник такой кретин, что подчиненный должен ему разжевывать, о чем в документах говорится. И то, что в данной сопроводительной записке это сделано, свидетельствует о том, что эта записка Абакумова Сталину является фальшивкой и предназначена она историкам и публике исключительно для того, чтобы подтвердить брехню, что Сталин якобы письмо Тимашук видел в 1948 г.

И наконец. Вспомните, 7 сентября 1948 г. Тимашук написала новое письмо секретарю ЦК Кузнецову, в котором сообщила: «4/IX-1948 г. начальник Лечсанупра Кремля проф. Егоров П.И. вызвал меня к себе в кабинет и в присутствии глав. врача больницы В.Я. Брайцева заявил: «Что я Вам сделал плохого? На каком основании Вы пишете на меня документы. Я коммунист, и мне доверяют партия и правительство и министр здравоохранения, а потому Ваш документ мне возвратили». О том, что он записку Тимашук передал Егорову для проверки, пишет и сам Власик.

Как же Сталин мог 30 августа отправить записку Тимашук и ЭКГ «в архив», если 4 сентября эти документы все еще находились у Егорова?

Посмотрите, сколько работы выполнили фальсификаторы вокруг смерти Жданова, сфальсифицировав: 1. Записку Берию в Президиум ЦК; 2. Решение Президиума; 3. Письмо Президиума членам ЦК и секретарям; 4. Записку Абакумова Сталину; 5. Записку о реабилитации М. Кагановича.

Зачем? Ведь в конечном итоге речь идет о 28 врачах, которых даже не осудили. И какие люди эти фальшивки стряпают или вводят в оборот историков и журналистов! От большого члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева до Гугеровского института. Цвет цивилизованного мира. Махровый.

Ответ один, и для нас он банален: до настоящего времени идет работа по фальсификации истории — по сокрытию убийц именно Сталина, поскольку, боюсь, ради Жданова так бы стараться не стали.

А ВОТ И ЛЕЧАЩИЙ ВРАЧ

Когда мы рассматривали подробности смерти Сталина, то я писал, что телохранители Сталина, пока видели, что Сталин еще дышит, не пошли бы ни на какой сговор с Хрущевым и Игнатьевым и требовали бы к потерявшему соз-

вание Сталину врача. Только врач мог их успокоить и сказать, что «Сталин перепил и ему нужно дать отоспаться». Причем это должен был бы быть врач, которого телохранители знали, и таким врачом мог быть лечащий врач Сталина. Более того, он по должности обязан был бы примчаться впереди всех. Но, как вы обратили внимание, ни один свидетель последних дней Сталина не упоминает о его лечащем враче. Вспоминают всех, кто был у постели умирающего Сталина, даже реанимационную бригаду, но никто не упоминает (очень старательно не упоминает), о лечащем враче Сталина, который обязан был неотлучно находиться при своем умирающем пациенте.

Правда, тут есть два момента. Утром 2 марта на дачу Сталина съехались все медицинские светила Москвы, в том числе и все медицинские руководители лечащего врача Сталина, а как говорится, при живом капитане матрос не начальник. Лечащего врача оттер в сторону консилиум, и этот врач мог стать незаметен в толпе эскулапов, скажем, для Светланы Аллилуевой. С другой стороны, фамилия лечащего врача Сталина наверняка была тайной и ее знали лишь очень немногие. Тем не менее Хрущев, Шепилов, Молотов, Каганович, охранники — все они лечащего врача Сталина безусловно знали, но глухо о нем молчат. Почему?

Дело дошло до смешного. Практически все историки, кто затрагивал эту сторону жизни Сталина, уверены, что у Сталина вообще не было лечащего врача. Одни полагают, что его лечил непосредственно главный терапевт Лечебно-санитарного управления Кремля (ЛСУК) академик Виноградов, другие считают, что Сталина лечил какой-то его телохранитель, который якобы имел диплом фельдшера, третьи считают, что Сталин лечился сам. Причем так считают и те историки, которым доступны все архивы. А ведь у каждого советского человека была в поликлинике личная карточка, куда записывались все его болезни, подробности их лечения и фамилии лечащих врачей. Без сомнения, была в ЛСУК заведена такая карточка и на Сталина.

Что стоит ее взять и прочесть имена его врачей? В том-то и дело, что взять ее, видимо, невозможно, как уже написано выше — она уничтожена Хрущевым сразу после «ареста» (убийства) Берии. Кстати, то, что она уничтожена, подтверждают и нескончаемые гадания историков о том, чем болел Сталин. К примеру, полагают, что в 1946 г. у него был инсульт, но полагают так не потому, что прочли это в архивах ЛСУК, а потому, что Сталин несколько месяцев не принимал никого в Кремле.

Можно понять, почему хрущевцы уничтожили все рукописи и личные архивы Сталина: они уничтожали идеи его перестройки, а сами могли оправдаться тем, что, дескать, не хотели, чтобы «зараза культа личности» распространялась в народе. Но его больничную карточку зачем уничтожили? Как это объяснить? Я могу объяснить это только так: после XX съезда КПСС хрущевцы были крайне заинтересованы в том, чтобы никто не знал, кто был лечащим врачом Сталина. Но почему? Видимо, потому, что с этим врачом что-то случилось такое, что могло навести нас на мысли об убийстве Сталина и о причинах убийства Берии.

И хрущевцы тщательно вычистили все архивы, старательно уничтожая все упоминания о враче Сталина.

Но, как водится, произошла накладка: фальсификаторы забыли об архивах самого Хрущева. А в документах его архива этот врач назван!

Тут такая предыстория. По официальной версии, идея прочесть доклад с «разоблачением культа личности Сталина» на XX съезде КПСС возникла у Хрущева уже в ходе съезда. Секретари ЦК срочно написали текст доклада, но как бы мы ни относились к Хрущеву, однако Никита Сергеевич по своему уму намного превосходил всех этих горбачевых, ельциных и путиных, вместе взятых. Вместе с их спичрайтерами и имиджмейкерами. Поэтому Хрущев не стал тупо читать заготовленный ему текст, а переделал его сам. Поскольку с русским языком у него были проблемы, то

он надиктовал своим секретарям правки к тексту доклада, те их внесли, и получился документ под названием «проект доклада». Но Хрущев отличался еще и тем, что, начиная читать свои доклады, почти сразу же от текста отвлекался и переходил на их вольный пересказ с различными добавлениями и рассуждениями в зависимости от настроения. Причем эти отклонения были таковы, что партноменклатура и советские дипломаты за голову хватались: Никите Сергеевичу ничего не стоило отвлечься от текста, строго выдержанного в дипломатических выражениях, и пообещать США показать вскорости «кузькину мать» во всех ее деталях. Вообще-то, когда Хрущев выступал, ни у кого не возникало сомнений, что говорит глава сверхдержавы. Правда, потом его выступления приходилось переделывать в пригодный для печати вид.

Поэтому совершенно не обязательно текст проекта доклада совпадал с тем текстом, который Хрущев огласил на съезде. А поскольку заседание съезда, на котором был зачитан этот доклад, было закрытым (секретным), и, кроме этого, прошло это заседание уже после официального окончания работы съезда, то стенограмма его не велась, и что именно сказал Хрущев делегатам, так и осталось неизвестным.

После выступления был написан окончательный текст доклада Хрущева, этот текст в виде брошюры и был распространен среди коммунистов внутри страны и за рубежом.

Так вот, в окончательном варианте Хрущев сам, либо по подсказке, сделал изменения в той части доклада, которая касалась «дела врачей». После этой его корректировки был сделан упор на доносчицу Тимашук, по вине которой якобы сумасшедший Сталин арестовал невинных врачей. И сегодня практически все историки пишут свои работы в духе именно этого, последнего варианта клеветы Хрущева. Но к нашему счастью, в архиве Хрущева по недосмотру сохранились и его добавления к докладу, а из них вид-

но, какую именно клевету хотел запустить в общество Хрущев сначала. Вот этот вариант.

«Дело врачей. Это может быть не дело врачей, а дело Сталина, потому что никакого дела о врачах не было, кроме записки врача Тимашук, которая, может быть, под влиянием кого-то, а может быть и по подсказыванию кое-кого (уточнить, она вроде была осведомителем органов МВД) написала письмо на имя Сталина. И вот по этому письму было создано дело врачей, арестовали крупнейших и честнейших людей, которые были по своей квалификации, по своему политическому мировоззрению советскими людьми, которые допускались до лечения самого Сталина, например, Смирнов лечил Сталина, а ведь известно, что самим Сталиным к нему допускались единицы. Я не буду вам перечислять всех врачей, это все известные академики, профессора, которые сейчас освобождены и занимают те же посты — лечат членов Правительства и членов Президиума ЦК, мы им оказываем полное доверие, и они с полным сознанием и добросовестностью исполняют свой служебный долг.

И вот достаточно было такого письма к Сталину, как Сталин сразу этому поверил. Ему следствие не нужно было, потому что человек с таким характером, с таким болезненным состоянием сам себя считал гением, сам себе навязал мысль, что он всеведущий, всезнающий и ему никакие следователи не нужны. Он сказал — и их арестовали. Он сказал — Смирнову надеть кандалы, такому-то надеть кандалы — так и будет. Здесь вот сидит делегат съезда Игнатьев, которому Сталин сказал: если не добьетесь признания у этих людей, то с вас будет голова снята. Он сам вызывал следователя, сам его инструктировал, сам ему указывал методы следствия, — а методы единственные — это бить. И вот был составлен протокол, который мы все читали. Сталин говорил: вот вы какие слепцы, котятка, не видите врага; что будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врага».

Сталин, как видите, оказался прав — страна погибла. Однако справедливости ради скажем, что Сталин и сам не смог распознать врага — Хрущева. Но вернемся к теме.

А вот этот же эпизод доклада, но уже в правленном, окончательном виде.

«Следует также напомнить о «деле врачей-вредителей!». (Движение в зале). Собственно, никакого «дела» не было, кроме заявления врача Тимашук, которая, может быть под влиянием кого-нибудь или по указанию (ведь она была негласным сотрудником органов госбезопасности), написала Сталину письмо, в котором заявляла, что врачи якобы применяют неправильные методы лечения.

Достаточно было такого письма к Сталину, как он сразу сделал выводы, что в Советском Союзе имеются врачи-вредители, и дал указание — арестовать группу крупных специалистов советской медицины. Он сам давал указания, как вести следствие, как допрашивать арестованных. Он сказал: на академика Виноградова надеть кандалы, такого-то бить. Здесь присутствует делегат съезда, бывший министр госбезопасности т. Игнатьев. Сталин ему прямо заявил:

— Если не добьетесь признания врачей, то с вас будет снята голова. (Шум возмущения в зале).

Сталин сам вызывал следователя, инструктировал его, указывал методы следствия, а методы были единственные — бить, бить и бить. Через некоторое время после ареста врачей мы, члены Политбюро, получили протоколы с признанием врачей. После рассылки этих протоколов Сталин говорил нам:

— Вы слепцы, котята, что же будет без меня — погибнет страна, потому что вы не можете распознать врагов.

Дело было поставлено так, что никто не имел возможности проверить факты, на основе которых велось следствие. Не было возможности проверить фаты путем контакта с людьми, которые давали эти признания.

Но мы чувствовали, что дело с арестом врачей — это нечистое дело. Многих из этих людей мы лично знали, они лечили нас. И когда после смерти Сталина мы посмотрели, как создавалось это «дело», то увидели, что оно от начала до конца ложное.

Это позорное «дело» было создано Сталиным, но он не успел его довести до конца (в своем понимании), и поэтому врачи остались живыми. Теперь все они реабилитированы, работают на тех же постах, что и раньше, лечат руководящих работников, включая и членов Правительства. Мы им оказываем полное доверие, и они добросовестно исполняют, как и раньше, свой служебный долг.

Как видите, соответствующий текст не только выправлен литературно, но и лечащий врач Сталина — Смирнов — заменен на академика Виноградова.

Заметьте, в проекте доклада Хрущев вспоминает о Тимашук экспромтом; ему как бы надо с чего-то начать рассказ о «деле врачей», он даже не знает, была ли она сотрудником МГБ, и тут же дает команду уточнить это. А в опубликованном варианте в отношении Тимашук сомнений уже нет: «...она была негласным сотрудником органов госбезопасности». (Кстати, Хрущеву этого вспоминать не стоило бы, поскольку это значит, что Тимашук была сотрудницей «сидящего в зале» Игнатьева и если клеветала, то клеветала по его заданию.)

Весь текст добавления к докладу корявый и видно, что это застенографированная устная речь, сами секретари ЦК, писавшие доклад, о «деле врачей» едва вспомнили, весь эпизод о нем зачем-то дописал в доклад сам Хрущев. Зачем? Во всем докладе идут стоны о казненных — о Постышеве, Тухачевском, Кузнецове, Вознесенском и т.д. Зачем вспоминать о врачах — о тех, кто даже не осужден?

Остается одно: Хрущеву весь этот эпизод потребовался для одной цели — сообщить, что личный врач Сталина был арестован по приказу самого Сталина («Он сказал — Смирнову надеть кандалы»). А зачем это потребовалось Хруще-

ву? Арестовали гораздо более именитых врачей, которые тоже лечили Сталина, почему Хрущев вспомнил о человеке, чьи функции, скорее всего, заключались в регулярных обследованиях Сталина: замеры давления крови, выслушивании сердца, легких и подвозе лекарств? (Поскольку, уверен, при любом недомогании к Сталину немедленно бежал весь Лечсанупр и Смирнов как врач отходил в сторону.)

И тут возникает вопрос, а когда был арестован Смирнов? Нам тут сильно помогает Костырченко, который, плача о евреях, старательно перечислил поименно всех арестованных Игнатьевым врачей ЛСУК.

«В первой половине февраля руководство МГБ официально сформировало групповое «дело врачей», отобрав и включив в общее производство материалы следствия по 37 арестованным. Из них 28 были собственно врачами, а остальные — членами их семей, главным образом женами. Большинство составляли профессора-консультанты и другие специалисты, работавшие в системе ЛСУК. Это П.И. Егоров, В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, Б.Б. Коган, А.М. Гринштейн, А.Н. Федоров, В.Ф. Зеленин, А.А. Бусалов, Б.С. Преображенский, Н.А. Попова, Г.И. Майоров, С.Е. Карпай, Р.И. Рыжиков, Я.С. Темкин, М.Н. Егоров (научный руководитель 2-й больницы ЛСУК), Б.А. Егоров (профессор-консультант центральной поликлиники ЛСУК), Г.А. Каджардузов, Т.С. Жарковская. Остальные числились сотрудниками других медицинских учреждений, причем многие из них ранее работали в системе ЛСУК или в качестве штатных сотрудников, или приглашенных консультантов».

Как видите, в списке арестованных врачей Лечсанупра есть три Егорова, есть бывший лечащий врач Жданова Майоров, есть врач-кардиолог Карпай, но нет лечащего врача Сталина — Смирнова. И это за две недели до смерти Сталина и в окончательном списке подозреваемых.

Давайте прочтем список тех врачей, об освобождении которых сообщил Берия в своем коммюнике в «Правде».

«...На основании заключения следственной комиссии, специально выделенной Министерством внутренних дел СССР для проверки этого дела, арестованные ВОВСИ М.С., ВИНОГРАДОВ В.Н., КОГАН Б.Б., ЕГОРОВ П.И., ФЕЛЬДМАН А.И., ВАСИЛЕНКО В.Х., ГРИНШТЕЙН А.М., ЗЕЛЕНИН В.Ф., ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Б.С., ПОПОВА Н.А., ЗАКУСОВ В.В., ШЕРЕШЕВСКИЙ Н.А., МАЙОРОВ Г.И. и другие привлеченные по этому делу полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности и, в соответствии со ст. 4 п. 3 Уголовно-Процессуального кодекса РСФСР, из-под стражи освобождены...».

И в этом списке, как видите, Смирнова тоже нет. Бывший лечащий врач покойного Жданова — Майоров — есть, а врача Сталина — нет. Что же получается?

Получается, что до смерти Сталина и по «делу врачей» Смирнов не арестовывался вообще. Следовательно, **это он по вызову Игнатьева приезжал на дачу Сталина вместе с ним и Хрущевым в ночь на 1 марта 1953 г.** И, следовательно, Хрущев включил в доклад эпизод о «деле врачей» с единственной целью — отвести подозрения от Смирнова: уверить тех, кто не в курсе дела, что Смирнова, дескать, арестовали еще до смерти Сталина, поскольку арестовали по его приказу. А те, кто был в курсе дела — две комиссии врачей (лечивших Сталина в последние дни его жизни и делавшие вскрытие) во главе с министром здравоохранения Третьяковым и тогдашним начальником Лечсанупра Купериным, — отправились в 1954 г. в Воркуту забывать то, что Хрущев требовал забыть обязательно. Надо думать, забыть врачам надо было то, что лечащий врач Сталина присутствовал при смерти Сталина и что обстоятельства смерти Сталина, и результаты вскрытия, у врачей вызвали вопросы.

В том, что Смирнов арестовывался, сомнений нет, тут, понимаете, восстает логика: если бы против Смирнова не было подозрений и его никто не арестовывал, то зачем

Хрущев о нем вспомнил? Он бы сразу вспомнил о Виноградове, а скорее всего не стал бы вообще вспоминать о деле, в котором подозреваемых выпустил Берия. Следовательно, Смирнова все же арестовали, но когда? После убийства Берии его уж точно не арестовывали, в списках арестованных до назначения Берии министром МВД Смирнова нет, в списках врачей, освобожденных Берией, его тоже нет. Остается одно — **Смирнова арестовал Берия**. Всех врачей по «делу врачей» отпустил, а его арестовал. И спустя три года Хрущев хочет представить дело так, как будто арест Смирнова, да, был, но на полтора месяца раньше и по приказу Сталина.

Но повторяю, Смирнов в обществе был малоизвестен, о нем и о его аресте знали вряд ли более сотни человек. Поэтому Хрущева убедили, либо он сам понял, что в окончательном варианте доклада о Смирнове лучше вообще не вспоминать, а все документы, связывающие Смирнова со Сталиным, из архивов убрать и уничтожить.

Вот теперь историки и гадают, то ли Сталин сам лечил, то ли его фельдшер какой-то лечил...

Но Берия арестовал не только Смирнова, и если об аресте Смирнова знали и помнили с сотню человек, то о втором аресте узнали сотни тысяч человек, да еще и профессионально памятливых — работников объединенного МВД.

ТОВАРИЩИ ОТРАВИТЕЛИ

Давайте поставим себя на место Берии и попробуем взглянуть на смерть Жданова в принципе.

Обопрямся в своих рассуждениях на образный пример. Вот, к примеру, вы узнали, что вашего соседа залечил до смерти участковый врач: у соседа был инфаркт миокарда, а олух-врач заставлял его бегом подниматься по лестнице на 7-й этаж. Этот участковый врач лечит и вас, и вашу семью. Что вы будете делать?

Все, конечно, зависит от темперамента. Сангвиники побегут к главврачу поликлиники, требуя заменить им участкового врача, холерики — к прокурору, но мне кажется, что даже меланхолики примут меры, чтобы от этого участкового врача избавиться немедленно. Как доверить свою жизнь дураку?

Кстати, в «Заявлении МВД» по поводу освобождения 13 врачей Лечебно-санитарного управления Кремля написано: *«полностью реабилитированы в предъявленных им обвинениях во вредительской, террористической и шпионской деятельности...»*. И все! По поводу реабилитации в обвинении в преступной халатности ничего не сказано. Это характерный штрих, поскольку, во-первых, история процессов 1937 г. показывает, что суды очень часто обвинения прокуратуры и НКВД во вредительстве (факты-то были) переключивали в обвинения в преступной халатности. Во-вторых, в этом «Заявлении МВД» проще и короче было бы написать «реабитированы во всех предъявленных им обвинениях», но Берия по этому простому пути не пошел и дал исчерпывающий список обвинений, на которые реабилитация распространялась.

Итак, на месте Берии мы подумали бы вот о чем. Абакумов узнал, что профессора Егоров и Виноградов фактически залечили Жданова. Но ведь и сам Абакумов лечился у них, у них же лечилась его семья (вернее — семьи). Почему он не дал ход заявлению Тимашук, чтобы убрать дураков и заменить их на лучших врачей? Секретарь ЦК Кузнецов с семьей тоже лечился у этих же врачей. Почему и он не дал ход письму Тимашук, чтобы заменить их на более надежных? Версии тут могут быть разные, и мы часть из них рассмотрели выше. Тем не менее, заслуживает внимания и такая версия: **Абакумов и Кузнецов точно знали, что врачи в смерти Жданова не виноваты.** Иными словами, они знали, что **Жданов убит ядом скрытого действия** и врачи не успели на него прореагировать.

В старом телесериале «ТАСС уполномочен заявить» даны реальные события. Если вы помните, то в этом фильме американского шпиона (его реальная фамилия — Огородник) заподозрила в шпионаже любовница. И он запросил у ЦРУ яд, который дал любовнице, и та скончалась от ураганного отека легких.

Если похожий яд дали Жданову и этот яд за 3—4 дня вызвал у него инфаркт миокарда, то лечащие врачи просто не успели поставить ни диагноз «инфаркт», ни тем более диагноз «отравление». Тимашук ведь вызвали для снятия кардиограммы всего за два дня до смерти Жданова, а до этого все кардиограммы наличия инфаркта не подтверждали. То есть Жданову в ходе процедур могли ввести вместо лекарств яд, либо этот яд дали ему вместе с передачей навещавшие его в больнице «товарищи по партии» из группы Кузнецова, Вознесенского, Попкова и Абакумова.

Это версия, но согласитесь, что это версия, которая объясняет поведение всех действующих лиц. И согласитесь, что если эта версия пришла нам в голову, то почему она не могла быть проверена Берией?

Но прежде всего надо ответить себе на вопрос, а были ли мотивы у Кузнецова и Абакумова для убийства Жданова? Да, такие мотивы могли быть.

Главный мотив — исключая Сталина, Жданов был, судя по всему, единственным идеологом партии за все послевоенное время. Считать идеологом Суслова и уже неоднократно поминавшегося Яковлева просто глупо — эти Животные «устроились» на месте секретаря ЦК КПСС по идеологии, а их коммунистическое влияние на общество было нулевым. Они писали какие-то наукообразные книги, которые издавались десятками миллионов экземпляров, торговля их закупала, но из магазинов эти идеологические произведения поступали сразу в макулатуру — заставить обычного человека читать эту белиберду можно было только угрозой смерти. На фоне глухой серости этих «идеологов» даже Хрущев выглядит приличным идеоло-

гом: по крайней мере он, побывав на выставке художников-абстракционистов, сумел кратко, емко и точно охарактеризовать идейно-художественное качество авторов картин: «пидарасы!». Но, согласитесь, от идеолога все же требуется иметь несколько больший запас слов.

А Жданов без проблем участвовал в любых дискуссиях, будь то вопросы художественных произведений или вопросы музыки. Выше я уже приводил в воспоминаниях Рыбина утверждение, что Жданов в последние годы своей жизни был основным собеседником Сталина, а в партии он был первым лицом: все совместные документы в государстве Сталин подписывал от имени Совета Министров СССР, а Жданов — от имени партии. Мы видим, что Сталин вопрос об устранении партии от власти и оставление ей функций подбора кадров и пропаганды поставил на XIX съезде партии только в 1952 г. Но ведь проблема была не только в самой постановке этого вопроса, а и в том, кто конкретно реорганизует партию в орган пропаганды коммунистических идей. Если нет таких людей (пропагандистов) или хотя бы ядра для их сбора, то что толку от самой постановки вопроса о реорганизации партии? И кто знает, если бы Жданов был жив, то Сталин, возможно, провел бы XIX съезд ВКП(б) не в 1952 г., а в 1949 г.

Но теперь встаньте на позиции партноменклатуры. Если Жданов превратит ВКП(б) в орган пропаганды, то что в этом органе должны будут делать «рукастые большевики», которые привыкли, чтобы доклады им писали помощники? Для них реорганизация партии — это политическая смерть и медленное угасание на пенсии. А смерть Жданова реорганизацию оттягивала, а там, глядишь, и Сталин умрет.

Таким образом, в убийстве Жданова партноменклатура была очень и очень заинтересована.

Но это не единственный мотив. Спустя несколько месяцев после смерти Жданова ЦК ВКП(б) начал расследовать «ленинградское дело», по которому основным обвиняемым стал Кузнецов. Характерно в этом деле то, что

следствие по нему начали партийные органы, а МГБ во главе с Абакумовым «ничего не видело». Почему бы нам не предположить, что первые факты о заговоре «ленинградцев» поступили к Жданову и он начал активно интересоваться подробностями? Почему не предположить, что «ленинградцы» почувствовали для себя угрозу со стороны Жданова и ликвидировали его? Заметим, что «ленинградское дело» было самым первым делом, по которому Хрущев провел «реабилитацию» — в 1954 г. объявил всех «ленинградцев» невиновными, скрыв то, в чем их обвиняли.

Итак, мотивы убить Жданова у партноменклатуры были, теперь ей осталось найти яд. Нужные яды в СССР тоже были, но достать их было очень непросто. Интересно, что эта тема, которая, казалось бы, является наиболее выигрышной с точки зрения антисоветской пропаганды, на самом деле если и не замалчивается «демократами» полностью, то и не развивается ими: сказывается то, что всякого упоминания о ядах очень боялся Хрущев. Для меня, к примеру, пока единственным источником по применению ядов в СССР являются воспоминания П. Судоплатова. К ним же, к сожалению, приходится относиться с осторожностью. Жена у Судоплатова была еврейкой, следовательно, и дети его евреи, и в своих воспоминаниях Судоплатов уж очень хочет понравиться евреям. По крайней мере, видно, как от издания к изданию воспоминания Судоплатова усекались и правились в плане их соответствия «исторической линии» нынешнего режима. Тем не менее в них остается и много интересного.

Как он пишет, в составе МГБ была токсикологическая лаборатория («Лаборатория-Х»), в которой создавались яды скрытого действия, и возглавлявший эту лабораторию профессор Майрановский чаще всего и был палачом, приводившим в исполнение приговоры при помощи своих ядов. Кем и как выносились эти приговоры — неизвестно. Известно только, что выносились они на самом высоком уровне, тщательно документировались, а приказ пала-

чу поступал не от МГБ, а от первых руководителей страны или республик. В каких случаях использовались эти яды, хорошо видно на таком примере.

На Западной Украине шла фактическая война с организацией украинских националистов, причем по потерям она в несколько раз превосходила Афганскую войну. Важной составной частью идеологии ОУН была униатская церковь Западной Украины, подчинявшаяся Ватикану. После Отечественной войны, в которой униатские священнослужители скомпрометировали себя сотрудничеством с фашистами, большой вес в униатской церкви получили сторонники объединения с Русской православной церковью. В 1946 г. архиепископ Гавриил Костельник собрал конгрегацию униатских священнослужителей, проголосовавших за объединение с православной церковью. Ватикан не стал вступать с этой конгрегацией в дискуссии, он просто послал боевика ОУН, и архиепископ Костельник был убит на ступенях львовского собора. Власть в униатской церкви снова перешла к Ватикану и его представителю на Западной Украине ужгородскому архиепископу Ромже.

Надо сказать, что СССР, начиная с Ленина, своим врагам платил той же монетой. Скажем, чеченцы уж много веков берут заложников и торгуют ими за выкуп. Тем не менее в 1944 г., когда всех чеченцев выселили из Чечни, ни одному из них и в голову не пришло брать заложников или устраивать теракты — знали, что от Сталина они получат на копейку пятаков немеряно.

Поэтому и архиепископ Ромжа недолго тешил Ватикан. В Ужгород выехал палач — Майрановский. В Киеве к нему в вагон пришел Хрущев и от имени Советской власти на Украине дал приказ на казнь Ромжи. В Ужгороде Майрановский передал ампулу с ядом медсестре местной больницы — агенту МГБ, — она сделала лечившемуся в этой больнице Ромже укол и тот умер, так сказать, «от естественных причин».

Судоплатов также уверен, что и шведского авантюриста Валленберга казнили тоже при помощи яда «Лаборатории-Х». Интересно, что начальник медицинской службы внутренней тюрьмы МГБ Смольцов в своем рапорте написал, что Валленберг неожиданно скончался в своей камере вечером 17 июля 1947 г. Причина смерти — инфаркт. Как и у Жданова.

Судоплатов неоднократно подчеркивает, что Хрущев почему-то очень боялся любой связи своего имени с ядами «Лаборатории-Х», хотя, казалось бы, это не он принимал решения о казни таким образом — он всего лишь передавал приказ палачу. Такой вот характерный момент. Когда профессор Майрановский вышел из тюрьмы (о чем ниже), то он напросился на прием к Хрущеву и тот его принял, что само по себе удивительно. (Ведь сына Сталина в аналогичном случае он отказался принять, хотя тот, не имея работы, очень хотел с ним встретиться.) Но на приеме Майрановский, видимо, сказал Хрущеву не то что надо. Судоплатов полагает, что он напомнил ему о казни архиепископа Ромжи. В результате Майрановского через два дня арестовал КГБ и его выслали из Москвы в Махачкалу, где и он умер с диагнозом, очень похожим на тот, который был бы после применения к нему его собственного яда.

Таким образом, нужные яды в СССР были, но, повторяю, была проблема того, как их из «Лаборатории-Х» достать. Ведь это было учреждение с чрезвычайно ограниченным доступом. Судоплатов почему-то утверждает, что даже Берия до своего возвращения в МВД не мог знать об этой лаборатории. Сам Судоплатов, к примеру, руководил казнью Ромжи в Ужгороде, т.е. непосредственно был связан с боевыми операциями (так они официально назывались) по применению ядов, тем не менее он пишет: *«Вся работа лаборатории, привлечение ее сотрудников к операциям спецслужб, а также доступ в лабораторию, строго ограниченный даже для руководящего состава НКВД-МГБ, регламентировались Положением, утвержденным прави-*

тельством, и приказами по НКВД-МГБ. Ни я, ни мой заместитель Эйтингон не имели допуска в «Лабораторию-Х» и спецкамеру».

Для партноменклатуры связь непосредственно с Майрановским была смерти подобна, поскольку немедленно наводила на вопрос, а зачем это тебе потребовался яд? Абакумов не был исключением — он был для «Лаборатории-Х» очень большим начальником, его появление там было явлением чрезвычайным и любое проявление им интереса к ядам не осталось бы незамеченным. Кроме того, чтобы получить в свое распоряжение вещество, находящееся на очень строгом учете, его нужно сначала списать, т.е. составить липовый отчет на его расходование, порчу и т.д. Реально похитить яд мог только тот, кто занимался документацией этой лаборатории, и даже сам Майрановский без этого человека ничего не смог бы похитить. Интересен вопрос, а кто был тем человеком, кто вел всю документацию по «Лаборатории-Х», кто ревизовал ее и контролировал?

Есть такой человек. Это С.И. Огольцов, сделавший во время войны карьеру в Ленинграде при А. Кузнецове, генерал-лейтенант, первый заместитель министра госбезопасности при министре Абакумове, а потом и при Игнатъеве. Именно он лично руководил и «Лабораторией-Х», и спецоперациями с применением ядов, именно он вел всю отчетную документацию по ядам. Судоплатов пишет:

«Отчеты о ликвидациих нежелательных правительству лиц в 1946—1951 гг. составлялись Огольцовым как старшим должностным лицом, выезжавшим на место их проведения, и министром госбезопасности Украины Савченко. Они хранились в специальном запечатанном пакете. После каждой операции печать вскрывали, добавляли новый отчет, написанный от руки, и вновь запечатывали пакет. На пакете стоял штамп: «Без разрешения министра не вскрывать. Огольцов».

Все знают, что Берия, возглавив объединенные МВД-МГБ, провел большую работу по пересмотру дел работни-

ков МВД и очень многих освободил из-под стражи. Вопрос: неужели он их только освобождал и никого не арестовал? Арестовал. Догадайтесь с трех раз — кого? Правильно — Огольцова. А теперь догадайтесь, кого Хрущев первым выпустил, как только Берия был убит? Правильно — Огольцова.

Именно Огольцов имел доступ к ядам на момент смерти Жданова, а когда Рюмин арестовал Майрановского, как еврея и участника сионистского заговора в МГБ, Огольцов был переведен Игнатьевым из Москвы на должность министра МГБ Узбекистана. Но после увольнения Рюмина Огольцов вновь вернулся в МГБ СССР на должность 1-го заместителя министра. Так что он имел доступ к ядам и на момент смерти Сталина.

Интересно, что хотя следствие по делу арестованных за связь с сионистами вместе с Абакумовым работников МГБ велось до 1953 г. и никого из них за это время не судили, дело Майрановского срочно было выведено Игнатьевым в отдельное производство, и после увольнения Рюмина Особое совещание при МВД быстро назначило Майрановскому 10 лет и отправило во Владимирскую тюрьму. Игнатьев упорно не хотел рассматривать версии об убийстве руководителей СССР при помощи ядов.

А Берия, как вы видите по результатам произведенных им арестов-освобождений, не собирался заниматься делом «врачей-вредителей», выдуманном Игнатьевым вместе с партаппаратом, Берия выпустил врачей и сразу арестовал того, кто имел доступ к ядам скрытого действия, и того, кто мог их Сталину дать: Огольцова и Смирнова. Исходя из библейской истины «по делам его суди его», у историков с началом «гласности» должен был возникнуть естественный вопрос — за что он их арестовал? Вот именно потому, что этот вопрос у них возникает, фальсификаторы Яковлева снова засели за работу и нам снова предстоит рассматривать их изделия.

Михоэлс

Соломон Михоэлс был, судя по всему, евреем советского толка, как и И. Эренбург, чья антисиионистская статья в свое время сильно возмутила Голду Меир. По профессии Михоэлс был актером, а на общественном поприще занимал должность председателя Еврейского антифашистского комитета. В январе 1948 г. он поехал в Минск выбирать среди спектаклей тамошних театров пьесу для награждения ее Сталинской премией, поскольку Михоэлс был еще и членом комитета по присуждению этих премий. Вместе с ним поехал и уроженец Минска, еврей Голубов-Потапов, который окончил в Минске институт железнодорожного транспорта, а работал, разумеется, в Москве театральным критиком. Видимо, по его инициативе они с Михоэлсом пошли вечером на какой-то праздник к местным евреям. По дороге их сбил грузовой автомобиль и оба погибли. Для расследования этого дорожно-транспортного происшествия из Москвы прибыла следственная бригада. Было выяснено, что Михоэлс и Голубов были сбиты машиной, которую накануне угнали и которую со следами наезда нашли брошенной под Минском. Поскольку убийц найти не удалось, то до самой перестройки в ходу была версия, что Михоэлса убили националисты, т.е. сионисты*. Эта версия действительно наиболее убедительна, поскольку для сионистов, безусловно, было очень важно захватить власть в Еврейском антифашистском комитете, который после смерти Михоэлса, по сути, начал представлять сионизированных и расистски настроенных евреев СССР.

На процессе по «делу Еврейского антифашистского комитета» подсудимый Зускин сообщил, что осенью 1947 г.

* Обычное дело. В 1933 г. был убит виднейший лидер мирового сионистского движения Виктор Арлозоров. Убийцы не были найдены, но и по сей день мало кто сомневается, что этого умеренного сиониста убили радикалы фашистского толка сиониста Жаботинского.

Михоэлс ему показал присланную кем-то анонимную угрозу: «Жидовская образина, ты больно высоко взлетел, как бы головка не слетела». Поскольку Михоэлс *«высоко взлетел»* на должность председателя ЕАК, то причиной угрозы могло быть только недовольство сионистов и еврейских расистов его деятельностью на этом поприще. Само собой, что если бы Михоэлсом были недовольны советские евреи, то они не стали бы угрожать, а обратились бы в ЦК. Угрожать могли только те, кто в ЦК обратиться не мог: либо еврейские расисты, либо сионисты. То есть версия покушения на Михоэлса националистов еврейского толка весьма обоснована.

Но мне эта версия не нравится вот по каким причинам. Я никогда не встречал упоминания, чтобы где-либо и кто-либо в мире планировал теракт при помощи наезда грузовым автомобилем на улице города. Ведь грузовик маломаневренный, у него большая инерция и при резких поворотах руля его будет сильно заносить, он скорее перевернется или разобьется сам, нежели сумеет наехать на уворачивающегося человека. Кроме того, после войны прошло всего 1,5 года, Минск был разрушен и не освещен. (В те годы власти советских городов часто запрещали заешивать окна жилых домов шторами и закрывать их ставнями: свет из окон должен был хоть как-то освещать улицы.) В таких условиях просто не увидишь из машины прохожего. Думаю, меня поймут те, кто ездил ночью по неосвещенным дорогам.

Полагаю, что дело обстояло так. Была зима и, следовательно, было очень скользко. Машину угнали уголовники с целью перевозки каких-то краденых грузов, и угонщики сбили Михоэлса и Голубова случайно — поздно их увидев и не справившись с управлением автомобиля на обледенелой дороге.

Но это присказка. А в ходе перестройки началась крупномасштабная фальсификация этого дела, причем масштабы фальсификации изумляют. Сначала за дело взялись де-

тективщики братья Вайнеры. В 1990 г. вышел их еврейско-расистский роман «Петля и камень в зеленой траве», в котором главный герой романа «расследует убийство» Михоэlsa. Причем братья Вайнеры предваряют роман авторским вступлением, датированным 1989 г., в котором уверяют читателя, что они написали *«правду, одну только правду, ничего кроме правды»*. Из этой их *«правды»* следует, что Михоэlsa убили злодеи из МГБ по приказу Сталина. И все бы ничего, но братишки само убийство описали так тупо и глупо, что невольно возникает вопрос: у кого же они воровали сюжеты для своих предыдущих детективных романов? По братьям Вайнерам, коварное МГБ задумало устранить Михоэlsa именно в Минске и только при помощи грузовика американского производства «студебеккер». Михоэlsa должны были посадить в стоящую легковую автомашину, а «студер» должен был разогнаться и ударить ее в зад. Все, кто имеет хоть какое-то отношение к технике, понимают, что при таком ударе «студер» смял бы запасное колесо и багажник, начал бы толкать легковушку впереди себя, причем пассажир бы отделался легким испугом, но Вайнерам ведь этого не объяснишь. По Вайнерам, однако, умный Михоэls заподозрил неладное, отказался от поездки в легковой машине и пошел на пьянку пешком. Не тут-то было! «Студебеккер» его с Голубовым догнал, с автомобиля соскочили два молодца с ломami, завернутыми в войлок, они вдребезги разнесли убегающим жертвам головы и бросили их под «студебеккер», чтобы и тот мог по бедным жертвам покататься. И все эти милые забавы происходят в центре столицы Белоруссии.

Когда мой товарищ-еврей убедил меня прочесть эту галиматью, то я долго ждал, что на «Вайнеров в зелени» прореагирует тогдашнее КГБ. Ведь Вайнеров даже не требовалось опровергать, их надо было просто высмеять. Но КГБ СССР глухо молчал и, как думаю теперь, он и проплачивал Вайнерам написание этого пасквиля. В своих воспоминаниях тогдашний председатель КГБ Крючков утвержда-

ет, что он якобы предупреждал Горбачева, что «идеолог» КПСС А. Яковлев является агентом влияния США и действует по заданию ЦРУ. Верить в это предупреждение не приходится, сегодня уже появились данные, что КГБ СССР под руководством Крючкова был передовым отрядом предателей СССР, бросившимся на его разграбление.

Где-то в году 1994-м, когда я собирал материалы для книги «Катынский детектив», то долго не мог найти текстов фальшивок по Катынскому делу, о которых тогда кричали все газеты, но которые нигде не публиковались. Мне помог уже изгнанный со своего поста бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» В. Филатов. А когда я увидел, что «документы» по этому делу явно сфальсифицированы, то Виктор Иванович дал мне домашний телефон Крючкова и предложил поговорить с ним. Но разговор не получился: Крючков откровенно уклонился от разговора о Катынском деле, отговариваясь тем, что оно имеет «политическое значение». Это козе понятно, но какую политику тогда делал сам Крючков, если спокойно смотрел, как клеветают на его Родину, за «защиту» которой он всю жизнь не стеснялся брать большие деньги и привилегии?

Сейчас, по прошествии многих лет, я уверен, что вся масса фальшивок, имеющих отношение к КГБ, появилась с помощью тамошних «профессионалов». И то, что эти фальшивки в большей своей части остаются тупыми, говорит только о профессионализме «аналитиков» КГБ.

Но вернемся к фальшивкам об «убийстве» Михоэлса. Братья Вайнеры только подготовили почву, а основная масса «документов» по этому делу выплеснулась позже, причем их так много, что в целом они действительно могут составить «дело», т.е. заполнить собою целую папку. На фальсификацию «убийства Михоэлса», судя по всему, средств не жалели.

В очередном гнусном пасквиле на эту тему «Убийство Михоэлса» В. Левашова «документы» цитируются во мно-

жестве: от «показаний убийц» до «Указа Президиума Верховного Совета СССР» о награждении этих «убийц».

«Публикации не подлежит.

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении орденами генералов и офицеров Министерства государственной безопасности СССР.

За успешное выполнение специального задания Правительства наградить:

ОРДЕНОМ КРАСНОГО ЗНАМЕНИ:

Генерал-лейтенанта ЦАНАВА Лаврентия Фомича.

ОРДЕНОМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ I СТЕПЕНИ:

1. Старшего лейтенанта КРУГЛОВА Бориса Алексеевича

2. Полковника ЛЕБЕДЕВА Василия Евгеньевича

3. Полковника ШУБНЯКОВА Федора Григорьевича

Председатель Президиума Верховного Совета СССР

Н. ШВЕРНИК

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

А. ГОРКИН».

Во-первых. А почему этот указ «публикации не подлежит»? Что в нем такого секретного? Да то, что если историки бросятся его искать там, где ему надлежит быть — в «Известиях», то не найдут, как и Указа о лишении Тимашук ордена Ленина. У них возникнет вопрос — а был ли мальчик? — и надписью «публикации не подлежит» этот вопрос снимается.

Во-вторых. Фальсификаторы то ли сдуру, то ли специально наградили «за успешное выполнение специального задания» мнимых убийц Михоэlsa орденом Отечественной войны I степени. Получалось, что Президиум ВС перечеркнул ради Михоэlsa свой собственный Указ от 20 мая 1942 г., которым он учредил этот орден исключительно «для награждения отличившихся в боях за Советскую Родину в Отечественной войне против немецких захватчиков». Орденом Отечественной войны во множестве на-

граждали, конечно, и после войны, но только участников войны и только за заслуги в той войне. Ни за какие «специальные задания» после капитуляции Японии им наградить не могли. Приходится хвалить фальсификаторов за то, что они не догадались в дополнение к ордену Отечественной войны еще и присвоить «убийцам» звание «Мать-героиня». С них случилось бы.

Поэтому нет смысла разбирать пасквиль В. Левашова, нам более ценно исследовать «документ», представленный в сборнике Яковлева. Это еще одна «записка» Берии в Президиум ЦК, и мне придется дать ее полностью.

«№20/Б 2 апреля 1953 г. Совершенно секретно
т. МАЛЕНКОВУ Г. М.

В ходе проверки материалов следствия по так называемому «делу о врачах-вредителях», арестованных быв. Министерством государственной безопасности СССР, было установлено, что ряду видных деятелей советской медицины, по национальности евреям, в качестве одного из главных обвинений инкриминировалась связь с известным общественным деятелем — народным артистом СССР МИХОЭЛСОМ. В этих материалах МИХОЭЛС изображался как руководитель антисоветского еврейского националистического центра, якобы проводившего подрывную работу против Советского Союза по указаниям из США.

Версия о террористической и шпионской работе арестованных врачей ВОВСИ М. С., КОГАНА Б.Б. и ГРИНШТЕЙНА А.М. «основывалась» на том, что они были знакомы, а ВОВСИ состоял в родственной связи с МИХОЭЛСОМ.

Следует отметить, что факт знакомства с МИХОЭЛСОМ был также использован фальсификаторами из быв. МГБ СССР для провокационного измышления обвинения в антисоветской националистической деятельности П.С. ЖЕМЧУЖИНОЙ, которая на основании этих ложных данных была арестована и осуждена Особым Совещанием МГБ СССР к ссылке.

В связи с этими обстоятельствами Министерством внутренних дел СССР были подвергнуты проверке имеющиеся в быв. МГБ СССР материалы о МИХОЭЛСЕ.

В результате проверки установлено, что МИХОЭЛС на протяжении ряда лет находился под постоянным агентурным наблюдением органов государственной безопасности и, наряду с положительной и правильной критикой отдельных недостатков в различных отраслях государственного строительства СССР, иногда высказывал некоторое недовольство по отдельным вопросам, связанным главным образом с положением евреев в Советском Союзе.

Следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности не располагали какими-либо данными о практической антисоветской и тем более шпионской, террористической или какой-либо иной подрывной работе МИХОЭЛСА против Советского Союза.

Необходимо также отметить, что в 1943 году МИХОЭЛС, будучи председателем еврейского антифашистского комитета СССР, выезжал, как известно, в США, Канаду, Мексику и Англию и его выступления там носили патриотический характер.

В процессе проверки материалов на МИХОЭЛСА выяснилось, что в феврале 1948 года в гор. Минске бывшим заместителем Министра госбезопасности СССР ОГОЛЬЦОВЫМ, совместно с бывшим Министром госбезопасности Белорусской ССР ЦАНАВА, по поручению бывшего Министра государственной безопасности АБАКУМОВА, была проведена незаконная операция по физической ликвидации МИХОЭЛСА.

В связи с этим Министерством внутренних дел СССР был допрошен АБАКУМОВ и получены объяснения ОГОЛЬЦОВА и ЦАНАВА. Об обстоятельствах проведения этой преступной операции АБАКУМОВ показал:

«Насколько я помню, в 1948 году глава Советского правительства И.В. Сталин дал мне срочное задание — быстро

организовать работниками МГБ СССР ликвидацию МИХОЭЛСА, поручив это специальным лицам.

Тогда было известно, что МИХОЭЛС, а вместе с ним и его друг, фамилию которого не помню, прибыли в Минск. Когда об этом было доложено И.В. Сталину, он сразу же дал указание именно в Минске и провести ликвидацию МИХОЭЛСА под видом несчастного случая, т.е. чтобы МИХОЭЛС и его спутник погибли, попав под автомашину.

В этом же разговоре перебирались руководящие работники МГБ СССР, которым можно было бы поручить проведение указанной операции. Было сказано — возложить проведение операции на ОГОЛЬЦОВА, ЦАНАВА и ШУБНЯКОВА.

После этого ОГОЛЬЦОВ и ШУБНЯКОВ вместе с группой подготовленных ими для данной операции работников выехали в Минск, где совместно с ЦАНАВА и провели ликвидацию МИХОЭЛСА.

Когда МИХОЭЛС был ликвидирован и об этом было доложено И.В. Сталину, он высоко оценил это мероприятие и велел наградить орденами, что и было сделано».

ОГОЛЬЦОВ, касаясь обстоятельств ликвидации МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА, показал:

«Поскольку уверенности в благополучном исходе операции во время «автомобильной катастрофы» у нас не было, да и это могло привести к жертвам наших сотрудников, мы остановились на варианте — провести ликвидацию МИХОЭЛСА путем наезда на него грузовой машины на малолюдной улице. Но этот вариант, хотя был и лучше первого, но он также не гарантировал успех операции наверняка. Поэтому было решено МИХОЭЛСА через агентуру пригласить в ночное время в гости к каким-либо знакомым, подать ему машину к гостинице, где он проживал, привезти его на территорию загородной дачи ЦАНАВА Л.Ф., где и ликвидировать, а потом труп вывезти на малолюдную (глухую) улицу города, положить на дороге, ведущей к гостинице, и произвести наезд грузовой машиной. Этим самым создавалась

правдоподобная картина несчастного случая наезда автомашины на возвращавшихся с гулянки людей, тем паче подобные случаи в Минске в то время были очень часты. Так было и сделано».

ЦАНАВА, подтверждая объяснения ОГОЛЬЦОВА об обстоятельствах убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА, заявил:

«...Зимой 1948 года, в бытность мою Министром государственной безопасности Белорусской ССР, по ВЧ позвонил мне АБАКУМОВ и спросил, имеются ли у нас возможности для выполнения одного важного задания И.В. Сталина. Я ответил ему, что будет сделано.

Вечером он мне позвонил и передал, что для выполнения одного важного решения Правительства и личного указания И.В. Сталина в Минск выезжает ОГОЛЬЦОВ с группой работников МГБ СССР, а мне надлежит оказать ему содействие.

...При приезде ОГОЛЬЦОВ сказал нам, что по решению Правительства и личному указанию И.В. Сталина должен быть ликвидирован МИХОЭЛС, который через день или два приезжает в Минск по делам службы... Убийство МИХОЭЛСА было осуществлено в точном соответствии с этим планом... Примерно в 10 часов вечера МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА завезли во двор дачи (речь идет о даче ЦАНАВА на окраине Минска). Они немедленно с машины были сняты и раздавлены грузовой автомашиной. Примерно в 12 часов ночи, когда по городу Минску движение публики сокращается, трупы МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА были погружены на грузовую машину, отвезены и брошены на одной из глухих улиц города. Утром они были обнаружены рабочими, которые об этом сообщили в милицию».

Таким образом, произведенным Министерством внутренних дел СССР расследованием установлено, что в феврале 1948 года ОГОЛЬЦОВЫМ и ЦАНАВА, совместно с группой оперативных работников МГБ — технических исполнителей, под руководством АБАКУМОВА, была проведена

преступная операция по зверскому убийству МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА.

Учитывая, что убийство МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА является вопиющим нарушением прав советского гражданина, охраняемых Конституцией СССР, а также в целях повышения ответственности оперативного состава органов МВД за неуклонное соблюдение советских законов, Министерство внутренних дел СССР считает необходимым:

а) арестовать и привлечь к уголовной ответственности бывшего заместителя Министра государственной безопасности СССР ОГОЛЬЦОВА С.И. и бывшего Министра государственной безопасности Белорусской ССР ЦАНАВА Л.Ф.;

б) Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении орденами и медалями участников убийства МИХОЭЛСА и ГОЛУБОВА — отменить.

Л. Берия».

Предположим, что дело обстояло именно так, как сказано в записке, и зададим себе вопрос: за что арестованы Огольцов и Цанава? Они что, должны были сами провести следствие, убедиться, что Михоэлс очень хороший человек и отказаться выполнять законный приказ Абакумова и Сталина? Ведь в «записке Берия» ни слова не говорится о том, что Абакумов, Огольцов и Цанава нарушили хоть какой-либо закон. Какой статьей Уголовного кодекса предусмотрено преступление, за которое они арестованы? Будьте уверены, в подлинной записке Берии по поводу ареста кого-либо это было бы указано обязательно.

Записка написана вроде по поводу ареста работников МГБ, а в ней вся преамбула посвящена расхваливанию Михоэлса и доказательству того, что он не виноват, хотя Президиуму по этому поводу ничего не предлагается. Берия не страдал шизофренией, у него не было раздвоения сознания. В тех подлинных записках Берии, что я встречал, все всегда логично, а в этой фальшивке «в огороде бузина, а в Киеве дядька».

Но еще большим шизофреником выглядит Сталин. За что он приказал убить Михоэлса? Ведь в результате многолетнего наблюдения органы *«не располагали данными»* о совершении им каких-либо преступлений, следовательно, не располагал этими данными и Сталин. Возможно, он и не знал, как этот Михоэлс выглядит. Что, Сталину делать больше нечего? Методом исключения из *«записки Берии»* следует, что Михоэлса убили за связь с врачами-убийцами, за то, что, как писала «Правда» в 1953 г., он передавал врачам-евреям директиву из США *«об истреблении руководящих кадров СССР»*. Получается, что в начале 1948 г. Сталин дал приказ убить за это Михоэлса, а врачей оставил истреблять *«руководящие кадры СССР»* еще 5 лет? То есть и в начале 90-х фальсификаторы все еще не могли придумать хотя бы какого-нибудь мотива для убийства Михоэлса не сионистами, а Сталиным.

Совершеннейшим бредом выглядит *«спецоперация по ликвидации Михоэлса»*. Гибель представителя Москвы не могла не вызвать в Минске переполоха. Уж если проводить следствие выехала бригада из Москвы, то значит, на месте обнаружения тел немедленно были все высшие местные партийные, государственные, прокурорские и милицеские чины Белоруссии и Минска. И что они увидели? Что на снегу под трупами нет ни капли крови? Ведь вся кровь вытекла и замерзла на даче Цанавы и в кузове грузовика, пока 4 часа ждали 12 часов ночи. И какой же это идиот решит, что их в этом месте переехала машина?

Узнать, где они убиты, для местных прокуратуры и милиции тоже не составляло труда. Фальсификаторы дали такое развитие событий. Михоэлс в день смерти принимал гостей в своем номере в гостинице. У В. Левашова можно прочесть такие *«свидетельские показания»*: «Около 16 часов я зашел к нему в номер. В просторной гостиной его «люкса» за большим обеденным столом, сервированным кофе, спиртными напитками и легкой закуской, было человек десять ведущих белорусских артистов, деятелей ВТО и

режиссеров, преимущественно евреев». В 18 часов Михоэлс решил продолжить гульку на еврейской свадьбе. *«Мы спустились проводить Михоэлса и Голубова до выхода из гостиницы»*, — продолжает свидетель. Здесь они сели в машину упомянутого в «записке Берии» Шубнякова и поехали «на дачу Цанавы». Таким образом, минимум 10 свидетелей видели машину, водителя и Шубнякова. Плюс на свадьбе свидетели показали бы, что никакой Михоэлс к ним не приезжал. При таком количестве свидетелей много ли надо было бы времени минской милиции, чтобы разыскать машину, увезшую Михоэлса и убийц?

Сцену убийства Михоэлса и Голубова на «даче Цанавы» тоже невозможно читать без удивления. Шубняков якобы показал 18 марта 1953 г., как это было (агентом МГБ в этих показаниях был назван погибший Голубов).

«1. После того как я доложил т. Огольцову, что Михоэлс и агент доставлены на дачу, он сообщил об этом по ВЧ Абакумову, который предложил приступить к ликвидации Михоэлса и агента — невольного и опасного свидетеля смерти Михоэлса.

2. С тем чтобы создать впечатление, что Михоэлс и агент попали под автомашину в пьяном виде, их заставили выпить по стакану водки. Затем они по одному (вначале агент, а затем Михоэлс) были умерщвлены — раздавлены грузовой автомашиной.

3. Убедившись, что Михоэлс и агент мертвы, наша группа вывезла их тела в город и выбросила их на дорогу одной из улиц, расположенных недалеко от гостиницы. Причем их трупы были расположены так, что создавалось впечатление, что Михоэлс и агент были сбиты автомашиной, которая переехала их передними и задними скатами».

Ну как можно было двух человек, да еще выпивших, т.е. храбрых, запихнуть под «передние и задние скаты» грузовика, разъезжающего по даче?! Ведь они бы уворачивались от колес, и «студебеккер» скорее раздавил бы Шубнякова. Я ничего придумать не смог, кроме того, что Шубняков, на-

верное, связал Михоэлса и Голубова, привязал их на середину длинной веревки, которую с двух сторон растягивали убийцы, и так врасстяжку придали им положение на дорожке дачи, при котором грузовик наконец смог колесами попасть на бедные жертвы. И это на радость всем соседям по даче Цанавы (телевидения еще не было), которые, конечно, собрались посмотреть на это шоу. Спецоперация!

Кстати, настоящий Берия обязательно указал бы место, где происходило убийство, поскольку это то, что при описании преступления всегда указывается абсолютно точно. А здесь во всех «документах» фигурирует «дача Цанавы» без указания поселка, где эта дача находилась, расстояния от Минска и т.д. Получается, что если мы возьмем карту Белоруссии, то рядом с кружочком, возле которого написано «Минск», мы найдем и кружочек с надписью «Дача Цанавы».

Должен сказать, что, читая фальшивки, я часто прихожу к подозрению, а не заложен ли в них идиотизм специально? Ведь Горбачев или Яковлев сами фальшивок не стряпали — у них ума бы не хватило. Они поручали писать их тексты какому-либо «аналитику» КГБ, которого другие «чекисты» обеспечивали фальшивыми бланками, печатями, специалистами по подделке почерков.

В КГБ, кстати, специалистов по подделке почерков было достаточно: они нужны были для обеспечения работы разведчиков-нелегалов. Когда те уезжали на несколько лет за границу, то их семьи в СССР об этом не знали и связь с ними была запрещена. Для семей выдумывалась легенда, что нелегал, дескать, работает за границей в каком-либо нашем посольстве. Но ведь родственники ему пишут письма и на эти письма надо было отвечать, чтобы не вызвать у близких разведчика тревогу. Вот и были в КГБ спецы, которые через 20 минут изучения образца почерка могли этим почерком писать любые тексты. Они с семьями разведчиков-нелегалов и переписывались.

Так вот мне кажется, что «аналитик», который сочинял тексты фальшивок, хотя и любил доллары, но где-то в глу-

бине души был патриотом, и ему это занятие не нравилось. И он включал в фальшивки очевидные идиотства, зная, что так называемые «демократы», как правило, чрезвычайно малообразованны и глупы, поэтому распознать идиотство в текстах не смогут и выпустят их в свет.

Это подозрение основано на таких «проколах» в фальшивках, которым нет объяснения. Скажем, ну зачем надо было в фальшивый «Указ о награждении» вставлять орден Отечественной войны — единственный из 14 тогдашних советских орденов, которым не награждали после 1945 г.? То же и с описанием «убийства Михоэлса». Оно настолько глупо, что Судоплатов, который поддерживает версию убийства Михоэлса Сталиным, вынужден от себя придать некую разумность сцене убийства. Он пишет (выделено мною): «Михоэлса и сопровождавшего его Голубова заманили на дачу Цанавы под предлогом встречи с ведущими белорусскими актерами, **сделали смертельный укол** и бросили под колеса грузовика, чтобы инсценировать бандитский наезд на окраинной улице Минска».

Но это выдумал сам Судоплатов, а в «документах» про «смертельный укол» и речи нет, там только не смертельный «*стакан водки*» и сразу бросание под колеса.

И, наконец, давайте рассмотрим, от чего действительно скончался Михоэлс. Уже упомянутый мною Зускин показал на суде следующее.

«14 утром в Москву прибыл гроб с телом Михоэлса. Перед этим нам позвонил академик Збарский, который был дружен с Михоэлсом, и сказал, что как только прибывает гроб с телом в театр, чтобы позвонили ему, так как он хочет осмотреть, в каком состоянии находится тело и можно ли его выставлять для прощания. И в 11 часов, как только прибыло тело, прибыли академик Збарский, Вовси (брат Михоэлса) и художник Тышлер.

Когда раскрыли оцинкованный гроб, около гроба мы были впятером, мы увидели проломанный нос, левая щека сплошной кровоподтек, и тогда мне академик Збарский за-

являет, что он заберет труп к себе в институт, где обработает лицо, чтобы можно было выставить...

Когда Збарский приехал на похороны, он мне говорил, что, безусловно, смерть Михоэлса последовала вследствие автомобильной катастрофы, и объяснил мне, что одна рука сломана и потом эта же щека в кровоподтеке. Это случилось вследствие того, что одна машина, шедшая навстречу, налетела на другую и их обоих отбросило в сторону, значит, они погибли в результате удара машиной. И здесь же он мне сказал, что он умер хорошей смертью. Если бы ему оказали сразу помощь, то может быть можно было кое-что сделать, но он умер от замерзания, потому что он лежал несколько часов в снегу».

Итак, два академика медицины, один из которых родной брат покойного, определили, что никакая машина не переезжала Михоэлса *«передними и задними скатами»*, что у него были сломаны только рука и нос, и что если бы в это время его заметил случайный прохожий и просто занес в дом или привел в сознание, то Михоэлс остался бы жив, поскольку причиной его смерти было переохлаждение. Так чего стоят все эти фальшивки с его «убийством»?

Еще. Понятное дело, если бы Михоэлса действительно убили, если бы Берия действительно за это арестовал с согласия Президиума ЦК участников убийства, то начиная с «разоблачения культа личности» об этом бы кричали на всех перекрестках. Но об этом до самой перестройки молчали, и неспроста. Дело в том, что Берия реально арестовал 4 апреля 1953 г. только Огольцова, но ни Огольцов, и никто из остальных «участников», судя по всему, до самой смерти и слухом не слыхали о том, что они обвиняются в убийстве Михоэлса.

Сейчас все пишут, что вместе с Огольцовым был арестован и Цанава. Ничего подобного! Цанава, которого уволили из МГБ еще в 1952 г., как пишет Судоплатов, «был арестован лишь полгода спустя, но не за участие в убийстве

Михоэлса, а как член «банды Берии»». Это же подтверждают и братья Вайнеры.

Шубняков был арестован в 1951 г. вместе с Абакумовым как член еврейского заговора в МГБ. Как только Берия возглавил объединенное МГБ-МВД, Шубняков был немедленно освобожден и уже 17 марта стал заместителем начальника 1-го главного управления. После убийства Берии в члены его «банды» Шубняков не попал и продолжал в дальнейшем работать заместителем начальника 1-го, а потом 2-го Главных управлений КГБ. И про то, что его Берия «арестовывал за убийство Михоэлса и лишал орденов», он, надо думать, и не догадывался.

После убийства Берии Хрущев немедленно освободил Огольцова, но должности ему не давали — он находился за управлением кадров в КГБ, а потом в запасе. Возможно, он начал вести себя по отношению к Хрущеву как-то нагло, поскольку в 1958 г. Комитет партийного контроля при ЦК КПСС рассмотрел его дело и исключил из партии. Но в протоколах заседания Комитета и слова нет про Михоэлса, Огольцова исключили за фальсификацию дел в 1941 г. в Ленинграде.

То есть реально не было не только никакого убийства Михоэлса, но и Берия никого не арестовал в связи с этим.

Вопрос: тогда зачем нужно было стряпать и подбрасывать в архивы горы фальшивок по этому делу?

Конечно, фальшивки стряпались и для того, чтобы за доллары облить дерьмом СССР — Животным это всегда полезно. Но почему тогда выбран Михоэлс, этот никому не известный актер, из которого теперь пытаются раздуть большого политического деятеля? Ведь были репрессированы и действительно крупные деятели и более крупные организации, в том числе и еврейские. Кому был нужен этот любитель выпить «на халяву»?

Ответ: его смерть можно выдать за спецоперацию МГБ. Зачем? За тем, что тогда можно объяснить, за что Берия арестовал Огольцова, и скрыть истинную причину его

ареста. Думаю, что многие удивятся — из-за такой чепухи столько фальшивок?

А вы вспомните перестройку и вопли о том, что реформам в СССР нет альтернативы. Всем обывателям вбивали в голову, что набить брюхо колбасой можно только в случае уничтожения и последующего разворовывания СССР. Но ведь **был и другой путь реформ — путь Сталина**. Путь устранения партноменклатуры от власти, путь жестокого наказания всех тех, кто обворовывает общество и паразитирует на нем. И этот путь мог быть поддержан народом в противовес разграблению государства партноменклатурой СССР. Вспомните, что в разгар перестройки, в разгар клеветы на Сталина, на лобовых стеклах многих автомобилей, особенно грузовых, появились портреты Сталина. Трудяги ненавидели Животных, набившихся во власть, и, возможно, инстинктивно чувствовали, что бороться с ними можно только так, как это делал он.

А теперь вспомните, что вместе с перестройкой пришла и гласность. Можно было уничтожить архивы, но уже нельзя было запретить говорить в прессе о чем хочешь. Стали исследовать период «100 дней Берии», период после смерти Сталина до убийства Берии. Стало известно, как я уже писал, что в эти «100 дней» он практически только освобождал людей из заключения или из-под следствия, и вдруг он арестовывает одну крупную шишку — Огольцова. Причем этот арест нельзя спрятать, как спрятали арест Смирнова. Даже у равнодушного обывателя возникнет вопрос — за что Берия арестовал 1-го заместителя министра МГБ?

Не станешь же объяснять людям, что Берия расследовал дело об отравлении оскотинившейся партноменклатурой своих конкурентов и Сталина. Ведь сразу возникнет вопрос — если Сталина убили, то за что? И, начиная разбираться, вы получите в ответ вариант перестройки СССР, который был бы его спасением. А партноменклатура КПСС

никаких альтернатив своему предательству не допускала. Поэтому, как это ни кажется невероятным, но именно поэтому и возникла фальшивка о том, что Берия, дескать, арестовал Огольцова за убийство Михоэлса, и, соответственно, были сфабрикованы «документы дела Михоэлса».

Вспомните, что главным идеологом перестройки был впавший в маразм академик Сахаров — это он писал свою никому не потребовавшуюся Конституцию СССР, он требовал отстранения КПСС от власти. И КПСС от власти была «отстранена», да так, что все мерзавцы от КПСС до сих пор у власти: что ни президент, то и член Политбюро! А что было бы с Сахаровым (кто бы его слушал), если бы была возможность сравнить его со Сталиным — с его Конституцией и с его мерами по устранению КПСС от власти? Если бы в конце 80-х было внедрено то, что хотел Сталин, то где бы были сегодня эти члены Политбюро? «Прорабом перестройки», борцом с партаппаратом был объявлен Ельцин. Но как этого вечно пьяного олигофрена сравнить с Берией, как сравнить трусость Ельцина с мужеством Берии в борьбе за власть Советов — за демократию?

Соккрытие от народа «перестройки Сталина», соккрытие того, что Сталина за эту перестройку убила партноменклатура — это такой вопрос, на решение которого не жалели средств, сил и фальшивок.

Даже мертвый И.В. Сталин не уходил со своего поста, даже мертвый он защищал свой народ, свой СССР.

ПРОКУРОР ВИКТОР ИЛЮХИН

До сих пор я уверенно писал о появлении большого количества фальшивок в архивах России, изготовленных после развала СССР, причем на примере Катынского дела я писал об этом с 1992 года (книга об этом вышла в 1993-м). А из архивов неслось: «у нас все документы подлинные!» И только в 2010 году мы получили материальное подтвер-

ждение вбросу в архивы СССР массы фальшивок на самые разные темы.

И получил это подтверждение прокурор СССР Виктор Иванович Илюхин, на тот момент депутат государственной Думы. Сам он об этом написал следующее:

«26 мая 2010 года.

Уважаемый Геннадий Андреевич! Ставлю Вас в известность, как лидера компартии и депутатской фракции КПрФ в Госдуме, что 25 мая 2010 года мне позвонил неизвестный мужчина, который попросил о встрече со мной. При этом он сообщил, что может дать информацию в связи с расследованием гибели польских офицеров в Катыни. Данная встреча состоялась в этот же день. Неизвестный мне назвал свою фамилию, в целях его безопасности раскрывать ее пока не буду, и сообщил, что он имеет непосредственное отношение к изготовлению и подделке архивных документов, в том числе и по расстрелу пленных поляков.

Из его высказываний следует, что в начале 90-х годов прошлого века была создана группа из специалистов высокого ранга по подделке архивных документов, касающихся важных событий советского периода. Эта группа работала в структуре службы безопасности российского Президента Бориса Ельцина. Территориально она размещалась в помещениях бывших дач работников ЦК КПСС в поселке Нагорный. Работа членов группы хорошо оплачивалась, они получали продуктовые наборы.

Он, в частности, сообщил, что ими была изготовлена записка Лаврентия Берии в Политбюро ВКП (б) от марта 1940 года, в которой предлагалось расстрелять более 20 тысяч польских военнопленных. При этом он продемонстрировал механизм подделки подписей Лаврентия Берии, Иосифа Сталина (копии листов прилагаю). Не исключаю, что польскому правительству были так же вручены поддельные документы по так называемому Катынскому делу.

Он сообщил, что его группой была изготовлена фальшивая записка Шелепина на имя Хрущева от 3 марта

1959 года. Непосредственное участие в написании текста принял полковник Климов.

По его словам, в Нагорное доставлялся необходимый заказ, текст для документа, который следовало изготовить, или текст, чтобы внести его в существующий архивный документ, изготовить под текстом или на тексте подпись того или иного должностного лица.

По его информации, над смысловым содержанием проектов текстов работала группа лиц, в которую якобы входили бывший руководитель Росархива Пихоя, приближенный к первому российскому Президенту М. Полторанин. Названа также фамилия первого заместителя руководителя службы безопасности Президента Г. Рогозина.

Группа проработала в поселке Нагорное до 1996 года, а потом была перемещена в населенный пункт Заречье. Ему известно, что с архивными документами в таком же ключе работали сотрудники 6-го института (Молчанов) Генштаба ВС РФ. Он утверждает, что в российские архивы за этот период были вброшены сотни фальшивых исторических документов и еще столько же были сфальсифицированы путем внесения в них искаженных сведений, а так же путем подделки подписей.

В подтверждение сказанного собеседник представил ряд бланков 40-х годов прошлого века, а также поддельные оттиски штампов, подписей и т.д. Он пообещал представить дополнительные материалы. Одновременно заявил, что у него частенько вызывает иронию представление общественности тех или иных архивных документов как достоверных, хотя к их фальсификации «приложила» руку названная группа людей.

Уважаемый Геннадий Андреевич, полагаю, что в рассказе собеседника есть доля правды. Сошлюсь, например, на то, что российскими учеными, в частности, доктором исторических наук М. Мельтюховым уже доказана фальсификация «Завещания В.И. Ленина», документов, связанных с

отречением от престола Николая II, есть и другие подобные факты.

Вопрос более чем важный. Он связан с полнейшей дискредитацией значимости российских архивов, хранящихся в них документов, а главное, с дискредитацией нашей отечественной истории. Работу по исследованию данной проблемы необходимо продолжить, привлечь к ней наших ученых-историков. Ставить вопрос перед российским правительством считаю пока преждевременным.

Сообщается на ваше усмотрение».

А 28 мая Виктор Илюхин добавил:

«В дополнение к моей записке от 26 мая 2010 года сообщая, что мною продолжены контакты с лицом, заявившем о своем участии в фальсификации архивных документов, касающихся советского периода.

Им представлено, как он утверждает, архивное дело Спецфонда № 29 том 7 «Переписка НКГБ — НКВД с ЦК ВКП(б) в период с 02.01.1941 по 05.05.1941 года. О приготовлении Германии к войне против СССР» (фонд 9). Дело на 202 листах, подшито по описи 30 августа 1944 года. На обложке дела имеются следующие отметки: «Хранить вечно. Рассекречиванию не подлежит».

По его заявлению, данное архивное дело оказалось у него в связи с участием в начале 90-х годов прошлого века в работе группы специалистов по подделке исторических документов. Доступ к архивным материалам у них был свободен. Многие документы привозились в поселок Нагорное без всякого учета и контроля за их движением. Их получение не фиксировалось какими-либо расписками и обязательствами по хранению.

В деле действительно подшито 202 листа переписки со Сталиным, докладные записки руководителей НКВД, НКГБ СССР, Украины, пограничных служб, а так же некоторые директивные записки. Данный том был изъят из архива, по мнению источника, с одной целью, чтобы в него вложить изготовленную в начале 90-х годов докладную записку от

имени Народного комиссара обороны СССР, Маршала Советского Союза Семёна Тимошенко, Начальника Генерального штаба Красной Армии, генерала армии Георгия Жукова. Исполнитель записки генерал-майор Василевский.

Записка действительно расположена на листах дела под порядковыми номерами 0072-0081 с грифом «Особой важности», «Строжайше секретно», датирована 11 марта 1941 года.

В записке дается оценка политической обстановки в Европе с предложениями обратить особое внимание на оборону наших западных границ. Отмечается, что на стороне Германии в войну против СССР могут быть вовлечены Финляндия, Румыния, Венгрия и другие союзники Гитлера. Дается расклад наших войсковых частей на Западе с предложениями по их усилению.

Источник заявил, что в таком же порядке в дело внесена и еще одна докладная записка на имя Сталина за подписями тех же, ранее названных лиц, от 4 апреля 1941 года (№ 961), размещена в деле под порядковыми номерами 0109-0115.

В записке дается характеристика численного состава германских войск, развернутых вблизи границ СССР. Высказано мнение, что Гитлер может начать войну против Советского Союза «в ближайшем обозримом будущем», сроки начала войны «от двух ближайших месяцев до года». Одновременно предлагались меры по развертыванию советских войск и ведению войны на территории противника.

Источник пояснил, что эти два фальшивых документа (докладные записки), насколько ему известно, готовились в основном военными специалистами Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, скорее всего, как он понял, для поднятия авторитета и значимости Генштаба Красной Армии.

Выскажу иную точку зрения.

По моему мнению, фальшивки были изготовлены с той целью, чтобы еще раз дискредитировать Иосифа Сталина, это и было сделано в русле той оголтелой пропагандист-

ской кампании охаивания советского руководства, которая особо цинично и откровенно велась в начале 90-х годов прошлого столетия и изощренно продолжается сейчас. Фальсификаторы исторических фактов содержанием «докладных записок» попытались внушить то, что Иосифу Сталину докладывалась ситуация на западных границах СССР, о реально готовящемся нападении, а он просто игнорировал мнение Генштаба. Поэтому Красная Армия и в целом страна несли такие большие потери в первые два года войны.

В подтверждение моей версии о возможной легализации фальшивого документа сообщаю, что докладная записка от 11 марта 1941 года была опубликована в Сборнике документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне», т. 1, книга вторая, стр. 49—54, издат. А/О «Книги и бизнес», Москва, 1995 г., изданном Академией Федеральной службы контрразведки (ныне ФСБ) Российской Федерации.

Общения с источником все больше укрепляют мою уверенность в правдивости многих его сведений о фальсификации документов по историческим событиям большой важности, но полагаю, он сообщил далеко не обо всех фальшивках.

Считаю уместным уже сейчас начать составление проекта официального заявления ЦК (Президиума) КПРФ по фальсификации архивных исторических документов».

Зюганов спустил это дело на тормозах, Илюхин сам обратился в Генпрокуратуру с заявлением возбудить уголовное дело, но и Чайка промолчал, подтвердив этим реальность факта фальсификации архивов.

В частном разговоре Виктор Иванович рассказал, что он знал пришедшего еще со времен СССР, когда контролировал законность работы КГБ. Тот специалист в СССР был полковником КГБ, на момент прихода к Илюхину в Госдуму он был генералом ФСБ в отставке. Его чем-то обидели (в

чем-то обделили), и он таким образом рассчитывал отомстить и получить желаемое.

На эту сенсацию СМИ ответили глухим молчанием, и не прошло и года, как 20 марта 2011 года пресса сообщила: «В Москве на 63 году жизни скоропостижно скончался депутат Госдумы от фракции компартии, зампред комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Виктор Илюхин. Об этом «Интерфаксу» в воскресенье сообщил пресс-секретарь фракции Александр Ющенко. «В субботу около 21 часа Виктору Ивановичу стало плохо, но еще до приезда «скорой помощи» он скончался», — отметил он. По его словам, «никаких других подробностей пока нет»».

Обращаю внимание, что:

— на Викторе Ивановиче Илюхине замыкался выход на технического исполнителя фальшивок, на основании которых Дума и Президент сделали заявление о вине в их убийстве СССР;

— у него хранились вещественные доказательства, доказывающие фальсификацию Катынского дела;

— он должен был выступить главным и единственным свидетелем в суде по признанию сведений, содержащихся в фальшивках по Катынскому делу.

В.И. Илюхина не стало в субботу 19 марта, и, как следует из Википедии, Главный судебный медэксперт, проводивший вскрытие в морге подмосковного города Жуковский, куда был доставлено тело Илюхина, сообщил, что политик скончался в результате обширного затылочного инфаркта, который развивался у него в течение нескольких последних дней и перешел в критическую фазу вечером 19 марта.

А в пятницу 18 марта Илюхин имел разговор с человеком, которому доверял. Виктор Иванович был энергичен и в приподнятом настроении (это подтверждают и другие свидетели). Доверительно сообщил собеседнику, что в понедельник 21 марта Россию ожидают две сенсации. Во-первых, он, наконец, посадит Путина и Медведева. При этом

он показал папочку и даже пролистал ее. В папке были копии банковских счетов. Сообщил, что правящий тандем разворовал Фонд будущих поколений, и один из сообщников этого воровства тандем сдает.

Во-вторых, Илюхин сообщил, что в понедельник 21 марта фракция КПРФ изберет В.И. Илюхина кандидатом в президенты России. Собеседник высказал сомнения в реальности Виктора Ивановича стать президентом — все же он существенно старше Путина и тем более Медведева. Илюхин рассмеялся и ответил, что он как раз накануне закончил проходить диспансеризацию, и ее итоги показали, что он абсолютно здоров по всем статьям. Никаких признаков инфаркта у него не было обнаружено!

Здоров-то он был здоров, но с такими планами на понедельник пережить субботу было трудно, — с этим приходится согласиться.

Вечная тебе память, Виктор Иванович.

УБИЙСТВО БЕРИИ

Один в поле не воин

У меня сложилось впечатление, что после смерти Сталина Берия остался один. Нет, конечно, если бы он сумел довести до народа и коммунистов те идеи, за которые Сталин был убит, то думаю, что его, несомненно, поддержали бы. Но в государственном и партийном аппаратах он был один, кто за эти идеи готов был сложить голову. Остальные высшие чины государства были либо уже оскотинены, либо не понимали, что происходит, либо они были болотом — обывателем, ожидающим чего-то определенного, чтобы примкнуть к победителю. От Берии требовалось безумство храброго, и оно у него было.

Но в таких тяжелых случаях требовался и ум, требовалась, если хотите, и хитрость. Поскольку опереться Берии было не на кого (Сталин как вождь опирался на всех), Берии точки опоры приходилось создавать. Ему приходилось исходить из возможного — уступая там, где он, безусловно, был бы разбит, и создавая себе союзников в делах, которые были ему по силам.

Я уже писал, что он не мог выступить с разоблачениями подробностей смерти Сталина — это было настолько во вред государству, что остальные его просто смяли бы только по этой причине. Ему пришлось не только сделать вид, что он ничего не понял, но принимать и кое-какие меры к сокрытию «странностей» смерти Сталина.

Скажем, ему пришлось арестовать сына Сталина Василия. Когда у Сталина случился инсульт и телохранители не могли никого дозваться, возможно, они позвонили сыну, а, возможно, Василию что-то сообщили другие охранники и

дежурные. Во всяком случае, уже 2 марта Василия Сталина пытались успокоить водкой, поскольку первыми словами, которые он произнес, примчавшись на дачу к отцу, были: *«Загубили отца, сволочи!»*. Василий начал выказывать явные намерения связаться с иностранными представительствами в Москве, в частности, хотел попасть в посольство Китая, и это могло для него очень плохо кончиться. Политбюро просто поручило бы людям, о которых ниже, сделать Василию нужный укол* либо Василий попал бы под машину и его похоронили бы чуть позже отца. Думаю, что по этой причине, — чтобы спасти Василия, — Берия арестовывает его.

Берия не выступает против того, что Президиум ЦК снова фактически преобразовался в Политбюро, ему важнее, чтобы это «Политбюро» согласовало назначение его министром МВД-МГБ. Более того, он пробует в это время завоевать симпатии членов Президиума любыми путями.

Наиболее авторитетным после Сталина в глазах народа был В.М. Молотов. Берия немедленно занялся делом его сидящей жены, нашел зацепки, отправил ходатайство Генпрокурору и, не дожидаясь решения прокуратуры, распорядился освободить жену Молотова. В момент, когда Берия обратился бы к народу и коммунистам, поддержка самого старого соратника Сталина ему очень бы не помешала.

Берия пытается уменьшить сопротивление врагов, успокоить их, а возможно и заманить их в ловушку. Как пишет Хрущев, Берия в это время предлагает построить всем членам Политбюро личные дома в Абхазии, чтобы им было где жить на пенсии. Но не тут-то было, перехитрить Животных не просто, и Хрущев, судя по всему, понял, как можно использовать для компрометации факт строительства особняков для членов Политбюро и, по его уверениям, не купился на это.

* Именно от такого укола, судя по свидетельствам очевидцев, он и умер в 1962 г.

Но зато Берия, как я уже писал, не купился на дело о еврейских врачах. Вспомним, что с этим делом получилось. Игнатъев, будучи министром МГБ, арестовывает группу врачей-евреев, а Хрущев, Маленков, Суслов — секретари ЦК, в чьих руках сосредоточена вся власть над СМИ — начинают в прессе кампанию борьбы с космополитизмом. Но 2 марта все газеты замолкают, их эта тема «перестает» интересовать. Значит, секретари ЦК дали газетам команду замолчать. Если они дали такую команду потому, что считали дело врачей-евреев заведомо неправильным, то тогда почему Игнатъев, их арестовавший, получил повышение: стал секретарем ЦК и партийным начальником Берии и, главное, работников МВД-МГБ? Почему от ЦК не следовало указаний для Берии освободить врачей-евреев? Почему секретарей ЦК устраивало, что против них по-прежнему ведется следствие?

Думаю, что замысел Хрущева и компании был таким. Пройдет 3—4 месяца, следствие против врачей-евреев будет продолжаться, и тогда ЦК даст указание Генпрокуратуре проверить эти дела. Прокуратура, естественно, «не найдет» в этих делах улик, евреи будут освобождены, но все уже забудут, кто именно их арестовывал, ведь сидели-то они уже при Берии. В результате эти евреи будут «повешены» на Берию, он будет снят со всех своих должностей и отправлен на пенсию или на какую-нибудь низовую работу. А Игнатъев, партийный начальник Берии, будет тем дремлющим партийным оком, которое «пресекло издевательства Берии над невинными гражданами». По-другому нельзя понять, почему ЦК прекратило кампанию против космополитизма в прессе, но не дало никаких команд по освобождению евреев и повысило в должности арестовавшего их Игнатъева.

Тут у хрущевцев не получилось. Берия не стал освобождать врачей, он просто приказал следователям (ведь это были люди Абакумова и Игнатъева) закончить дела на врачей за две недели, т.е. через две недели эти следователи

должны были представить прокурорам обвинительные заключения с теми уликами, по которым их Игнатъев арестовал, а таковых не было. В результате прокуратура освобождает врачей, а Берия громит этим делом Игнатъева и того снимают с поста секретаря ЦК и оставляют без работы. А Берия получает существенный выигрыш в обществе — теперь евреи смотрят на него как на справедливого человека, а еврейские Животные — как на «своего».

Надо понять, что Берии достался аппарат МВД-МГБ, в котором 7 лет хозяйничали Абакумов, Игнатъев, Круглов и Серов, т.е. аппарат был достаточно оскотинившимся. И Берия принимает меры к освобождению из тюрьмы ряда арестованных вместе с Абакумовым сотрудников МГБ и МВД, которым он верит. Эти сотрудники тоже частью были евреями.

В связи с этим у русских юдофобов сложился миф, что Берия сам еврей и поэтому освобождал евреев. Может это и так, национальность Берии меня не волнует, но хочу заметить, что Берия освободил далеко не всех евреев по «делу Абакумова» и не всех по «делу врачей».

В это время он дает команду пересмотреть дела Шахурина и маршалов Новикова и Яковлева. Их освобождают из лагерей. У части генералитета такая мера могла вызвать симпатии к Берии и, следовательно, помощь или, хотя бы, несопротивление ему в будущем.

Он ищет союзников везде. Массу предложений, причем абсолютно правильных, Берия успел внести в Совмине — от изъятия у ГУЛАГа промышленных производств и амнистии до политических мер по объединению Германии. Это не могло не вызвать к нему уважения и у министров.

И он продолжает открыто проводить мысль, что партия должна отойти от власти и оставить всю полноту власти только Советам. При этом, как вы понимаете, он фактически настаивает на исполнении решений XIX съезда КПСС. Он понимает, что сломить партноменклатуру будет нелегко, и собирает, говоря современным сленгом, компромат на нее.

Став министром МГБ-МВД, он дает команду усилить слежку за секретарями обкомов и партийными работниками. В этом ничего особенного нет и ЦК тут ничего возразить, так как эта слежка за аппаратом («защита» его) велась по распоряжению самого ЦК. Но вот что показал начальник 1-го спецотдела МВД (фактически личной канцелярии министра):

«Берия дал мне задание связаться со всеми начальниками управлений МВД СССР и передать им его приказание сдать на хранение в I спецотдел все оперативно-агентурные материалы, собранные на руководящих работников партийных и советских органов, в том числе на руководителей партии и правительства.

Такие материалы были нам сданы, в том числе 248 опечатанных пачек с материалами техники подслушивания и наблюдения I спецотдела.

Описи поступивших материалов я передал 25 мая Кабулову с моим рапортом на имя Берия».

А вот это уже был сигнал тревоги для многих. То, что Берия стал сосредотачивать все наблюдения МГБ за партономенклатурой у себя в министерстве, означало, что он начал их систематизировать или, другими словами, он начал подготовку своего доклада или выступления. И кто знает, если бы Берия не был убит, то мы, возможно, обсуждали бы доклад Берии на какой-либо из сессий Верховного Совета СССР (проходили два раза в год), а не доклад Хрущева о культе личности на XX съезде КПСС.

Я ставлю себя на место Берии и думаю, что его замысел был в следующем.

Собрать весь компромат на наиболее одиозных членов партаппарата, собрать наиболее вопиющие примеры тупости, идиотизма и бюрократизма его решений, включить все это в свой доклад, добавить подозрения (а, возможно, к тому времени будут получены и факты) о подлой роли Хрущева, Маленкова и Игнатьева в смерти Сталина, разъяснить, чего хотел Сталин, внося изменения в Устав КПСС, и выступить с этим докладом на очередной сессии Верхов-

ного Совета СССР перед высшей властью страны — депутатами. Думаю, что он надеялся на поддержку старых соратников Сталина — Молотова, Ворошилова, Микояна, Кагановича. Думаю, что он также надеялся на поддержку чисто государственных деятелей СССР — заместителей председателя Совмина и министров. Думаю, что шансов для победы у него было немало. Верховный Совет был вправе снять с поста председателя Совмина Маленкова, заставить партноменклатуру исполнять Устав партии, запретить всем органам и должностным лицам Советской власти исполнять любые указания партноменклатуры, которые касаются не партийных, а государственных дел.

Но повторяю, у Берии был только шанс победить в идейной борьбе — шанс, а не гарантия. Авторитета Сталина у него не было, на подбор депутатов он повлиять не мог, госноменклатура на сессии Верховного Совета могла просто отсидеться, выжидая, кто победит. Поэтому не думаю, что партноменклатура настолько сильно боялась политического выступления Берии, что Хрущев решил его убить. Должны были быть у Хрущева более веские причины, и такая причина одна — **Берия, судя по всему, возглавив МВД, успешно расследовал замысел партноменклатуры убить Сталина.**

И Берия был убит сам.

После его убийства хрущевцы распространили ложь о том, что Берия, дескать, арестован за заговор, что ведется следствие, что прошел суд над Берией и он по приговору суда расстрелян. Давайте этой ложью займемся.

АРЕСТ

Сначала нам следует твердо определиться с тем, был ли Берия убит задолго до суда, а если да, то когда именно, поскольку тогда можно будет исследовать мотивы этого убийства.

Доказывать убийство Берии нам придется, как и раньше, суммой косвенных доказательств, поскольку преступники, да еще в таком преступлении, не склонны признаваться даже на смертном одре.

Тут следует обратить внимание вот на что. Были реальные события (встречи, договоренность, обещания, указания и т.д.), связанные с убийством Берии. Затем была разработана легенда о его якобы аресте и суде. Участников и соучастников было много, заставить их всех выучить легенду наизусть было нельзя, кроме того, первоначальная легенда была глуповата, ее пришлось с годами совершенствовать каждому соучастнику в меру своего разума. В результате все соучастники убийства Берии вынуждены придерживаться сговора и утверждать, что Берия был арестован, содержался под следствием и судим, но в подробностях они не только путаются, но и, что особенно интересно и важно, опираются на реальные события, т.е. дают возможность понять, что же действительно происходило. Поясню на образном примере. Положим, преступник, действуя согласно сговору, утверждает, что он дом не поджигал, но когда его просят рассказать, как он провел тот день, то он начинает путаться и, считая это несущественным, может сообщить, что он часть дня заливал бензин в бутылки. Вот так примерно вспоминают о «деле Берии» и все его главные участники.

Важным доказательством того, что Берия был убит, является отсутствие события его ареста. Ведь чтобы вести следствие по «делу Берии», его нужно было арестовать. И если события ареста не было, а Берия исчез навсегда, то значит, он был убит.

Но существует легенда о том, как Берия был арестован, и нам придется ее рассмотреть в деталях, чтобы доказать ее лживость, чтобы доказать, что эта легенда призвана скрыть реальное событие — убийство Берии.

Легенда звучит так. Высокопоставленные руководители СССР — Г.М. Маленков (глава правительства СССР), В.М.

Молотов (зампред Совмина), Л.М. Каганович (то же), А.И. Микоян (то же), Н.А. Булганин (министр обороны), М.Г. Первухин (зампред Совмина), М.З. Сабуров (то же) и К.М. Ворошилов (Председатель Президиума Верховного Совета СССР) по инициативе Н.С. Хрущева (одного из пяти секретарей ЦК КПСС) решили на заседании некоего руководящего органа рассмотреть интриги Берии и арестовать его. (Все эти люди вместе с Берией составляли Президиум ЦК КПСС — рабочий руководящий орган партии.) На этом некоем заседании они предъявили присутствовавшему тут же Берии обвинения в интриганстве и вызвали группу военных, возглавляемую маршалом Г.К. Жуковым и в составе генералов К.С. Москаленко, П.Ф. Батицкого и ряда офицеров.

Военные схватили Берию, открыто вывезли его из Кремля, поместили в тайную тюрьму, там тайно вели следствие Руденко с Москаленко, после чего, как вы уже знаете, Берию тайно судили, предварительно растрезвонив на весь СССР, в чем суть этого тайного дела.

Рассмотрим воспоминания об аресте Берии, которые оставили Н.С. Хрущев, В.М. Молотов, Л.М. Каганович, К.С. Москаленко, Г.К. Жуков и Д.Н. Суханов — помощник Председателя Совмина СССР Г.М. Маленкова.

1. На заседании какого коллективного органа власти был арестован Берия?

Члены Правительства и одновременно члены Президиума ЦК КПСС Молотов и Каганович, казалось бы, должны были разбираться и помнить, где тогда они находились. Но Хрущев довольно быстро (в 1957 г.) отправил их на пенсию, а Феликс Чуев заставил их вспоминать эти события только после 1985 года. И они, судя по всему, вспоминали не хрущевские, а сталинские порядки проведения Политбюро, когда материалы уголовных дел на членов ЦК обязательно рассматривались этим высшим руководящим органом страны. Поэтому оба безапелляционно заявили, что Берия был арестован на заседании Президиума ЦК (Полит-

бюро): «На Политбюро его забирали» (Молотов), «На заседании Политбюро дело было» (Каганович).

Хрущев, который любил эту легенду рассказывать иностранным делегациям, тоже сначала сообщил, что Берия был арестован на заседании Президиума ЦК, но потом, видимо, умные люди ему пояснили, что он постоянно сознается в преступлении, предусмотренном цитированной мною выше ст. 115 УК «Незаконное задержание». Кто такие члены Президиума ЦК, чтобы задерживать первого заместителя Совета Министров СССР, назначенного на должность парламентом страны — Верховным Советом? И к моменту надиктовывания мемуаров Хрущев поменял место ареста Берии: «Мы условились, как я говорил, что соберется заседание президиума Совета Министров, но пригласили туда всех членов Президиума ЦК». Теперь уже Берию арестовывала не партия, а Правительство СССР. Однако ни сам Хрущев, ни хотя бы один мемуарист не вспомнил в связи с этим арестом имени ни единого члена Президиума Совмина, который бы присутствовал на этом заседании. И после никто из членов Президиума Совмина в мемуарах о таком заседании тоже не написал.

Вывод: врут!

2. Кто приказал военным арестовать Берию и кто возглавил военных?

Г.К. Жуков, естественно, уверяет, что возглавлял группу военных он, а Москаленко ему дали для количества и чтобы было кому с пистолетом стоять. Москаленко уверяет, что группу возглавлял он, а Жукова он взял с собой для количества и как «свадебного генерала». Это, надо сказать, довольно странно для военных, которые немедленно и автоматически определяют, кто из них старший: кто будет давать команды, а кто — исполнять.

Жуков в первоначальном варианте сообщал, что задание на арест Берии ему дал Хрущев, но потом, видимо, и Жукову подсказали, что он не имел права покушаться на свободу зампреда Совмина по приказу секретаря ЦК. И в окончательной редакции воспоминаний Жуков поменял

ориентацию — теперь уже команду на арест ему дает Маленков (глава Правительства СССР) на заседании Президиума Совмина.

С Москаленко дело интереснее, поскольку это непосредственный участник убийства Берии и он действительно получал официальный приказ на его арест и неофициальный — на убийство. Поэтому у него все логично — он опирается на реальные события, но не связанные с арестом Берии на Президиуме. По его воспоминаниям, он получил приказ от Хрущева, инструкции — от министра обороны Булганина, а затем этот приказ ему подтвердили лично Маленков, Булганин, Молотов и Хрущев, которые для этого вышли к нему и его людям из зала заседания Президиума ЦК.

Но наиболее оригинальную версию этой легенды дал Суханов, который как помощник главы страны должен был организовывать техническую сторону вопроса. Он утверждает, что в «заговоре Берии» участвовали и Хрущев с Булганиным (!). Поэтому Маленков (глава Правительства), давая в своем кабинете приказ Жукову на подготовку ареста Берии, рассказал ему об измене и этих лиц, и Жуков был готов вместе с Берией арестовать и Хрущева с Булганиным.

Вывод: врут!

3. Давали ли Берии слово для объяснений?

Хрущев это категорически отрицает. Он даже акцентирует, что когда выступили все, то Маленков растерялся и не вызывал военных, тогда Хрущев снова был вынужден взять слово и говорить, пока Маленков не догадался нажать на кнопку.

А Молотов с Кагановичем, которым, видимо, и в голову не пришло, что можно вот так, не выслушав, осудить товарища, утверждают, что Берия выступал и оправдывался. Но что именно Берия говорил, ни Молотов, ни Каганович не сообщают, и это естественно — ведь самого этого заседания с Берией не было. (Поэтому-то Хрущев, часто рассказывая эту историю, и не дает в ней Берии слова, чтобы не нарываться на вопрос, о чем именно Берия говорил.)

Вывод: врут!

4. Где военные ждали сигнала об аресте Берии?

И Жуков, и Хрущев, хорошо знавшие расположение кабинета Сталина, в котором, по легенде, шло заседание, расположили группу военных для захвата Берии в самом удобном для этого месте — в комнате помощника Сталина Поскребышева, которая имела дверь прямо в кабинет, минуя приемную. Поэтому военные вместе с Москаленко, по их версии, ждали сигнала там.

Но Москаленко был не вхож ранее в этот кабинет, а знал обычные кабинеты, которые имеют только приемные и комнаты отдыха. Поэтому в своей легенде Москаленко разместил группу захвата (вместе с Жуковым) в приемной, и она там тряслась от страха в окружении телохранителей Берии — «За это время каждый из нас пережил, передумал многое. В приемной все время находились человек 15—17 людей в штатской и военной одежде. Это порученцы и лица охраняющие и прикрепленные. А больше всего это люди от Берии», — пишет он.

Вывод: врут!

5. Как был подан сигнал военным войти и арестовать Берию?

Поскольку у Жукова и Хрущева, в отличие от Москаленко, своя версия о том, где находилась группа захвата, то и сигнал был подан различными способами. По Жукову, Маленков дал два звонка в кабинет Поскребышева, а по Москаленко: «...по условленному сигналу, переданному через помощника Маленкова — Суханова, нам нужно войти в кабинет и арестовать Берию... последовал условленный сигнал, и мы — пять человек вооруженных, шестой т. Жуков — быстро вошли в кабинет...».

Вывод: врут!

6. В котором часу был арестован Берия?

Как вы понимаете, по легенде военные долго ждали сигнала и поэтому не могли не поглядывать на часы.

Москаленко: «Примерно через час, то есть в 13.00, 26 июня 1953 г...». Жуков: «Немного погодя (было это в пер-

вом часу дня) раздался звонок, второй. Я поднимаюсь первым...». Суханов: «Заседание началось в 14.00 26 июня 1953 г. Военные ждали условного сигнала... Ждали больше часа. И вот раздалось два звонка».

Если мы учтем, что по легенде Москаленко военные приехали в Кремль в 11.00, то ждать сигнала на арест, по версии Жукова, им пришлось около часа, по Москаленко — 2 часа, по Суханову — более 4-х.

Вывод: врут!

7. Где именно арестовали Берия?

К началу своего публичного озвучивания это место определилось всеми более-менее одинаково — Берия арестовали, когда он сидел вместе со всеми за столом Президиума ЦК. Зайдя с тыла, как коршун бросился на него храбрец Жуков: «Я подхожу к Берии сзади, команду: «Встать! Вы арестованы». Не успел Берия встать, как я заломил ему руки назад и, приподняв, эдак встряхнул». Москаленко: «Все обнажили оружие. Я направил его прямо на Берия и приказал ему поднять руки вверх». После этого Хрущев, который, по легенде, сидел рядом с Берией, рассказывал эту историю не менее красочно, но по-другому. Первому секретарю ЦК КП Узбекистана Н.А. Мухитдинову посчастливилось одному из первых услышать эту легенду из уст Хрущева, и вначале она выглядела так: «Как осуществлялась операция? В назначенное время члены Президиума ЦК вошли в зал заседаний. Когда одним из последних вошел и сел на свое место Берия, его охрана, прикрепленные и помощники, были тут же изолированы, эти помещения заполнили сотрудники спецгруппы во главе с К. С. Москаленко. В этот же момент были заменены посты охраны на этажах и в Кремле.

Маленков открыл заседание Президиума и объявил:

— Давайте рассмотрим вопрос по товарищу Берии, — и дал слово Хрущеву. Тот прямо, открыто изложил суть дела. Когда Берия начал решительно опровергать сказанное, к обвинениям подключились и другие. Уяснив до конца степень опасности, Берия протянул руку к портфе-

лю, лежавшему на столе. В эту секунду Никита Сергеевич быстро отобрал портфель, заявив: «Шалишь, Лаврентий!». Там оказался пистолет. После острых перепалок Маленков объявил:

— Давайте созовем Пленум и там все до конца обсудим.

Все, кроме Берии, согласились. Когда Берия выходил из зала заседания, прямо у дверей его арестовали и увезли».

Как видите, в этом варианте пока отсутствует Жуков, но зато присутствует пистолет в портфеле Берии. В последующих вариантах легенды Жуков появился, а пистолет из портфеля исчез.

Вывод: врут!

8. Что произошло с охраной Берии и Кремля?

Выше вы уже обратили внимание на неувязку: по Москаленко, военные ждали сигнала в приемной вместе с охранниками Берии, а по раннему Хрущеву, именно Москаленко эту охрану и разоружил. По позднему Жукову: «Арестовать личную охрану поручили Серову» (заместителю Берии в МВД). А по окончательному Москаленко, с устранением охраны дело обстояло так:

«В ночь с 26 на 27 июня, примерно около 24 часов, с помощью Суханова (помощника Маленкова) я вызвал пять легковых машин ЗИС-110 с правительственными сигналами и послал их в штаб Московского округа ПВО на ул. Кирова. К этому времени по моему распоряжению было подготовлено 30 офицеров-коммунистов штаба округа под командованием начальника оперативного управления полковника т. Ерастова. Все они были вооружены и привезены в Кремль без проверки на пяти машинах и, как только прибыли, сразу же заменили охрану в Кремле внутри здания, где под охраной находился Берия. После этого, окруженный охраной, Берия был выведен наружу и усажен в машину ЗИС-110 на среднее сиденье. Там же сели сопровождавшие его вооруженные Батицкий, Баксов, Зуб и Юферев. Сам я сел в эту машину спереди, рядом с шофером. На другой машине были посажены шесть из прибывших офице-

ров из ПВО. Двумя этими машинами мы проехали без остановки через Спасские ворота и повезли Берию на гарнизонную гауптвахту г. Москвы».

Вывод: все врут!

9. А было ли это пресловутое заседание Президиумов ЦК и Совмина, на котором якобы был арестован Берия?

С давних времен заседания высших органов страны и партии стенографируются и протоколируются. Если такое совместное заседание действительно имело место 26 июня 1953 г., то в архивах двух ведомств сразу — в ЦК КПСС и Совмина — должны сохраниться протоколы этого заседания с решением об аресте Берии и о возбуждении против него дела. Но ни в одном архиве таких протоколов нет!

Более того, решение «Об организации следствия по делу о преступных антинародных и антигосударственных действиях Берия» принято на заседании Президиума ЦК только 29 июня.

Вывод: все врут!

Думаю, что дальше анализ легенды об аресте Берия нет смысла продолжать. Ни в каких даже основополагающих деталях, которые невозможно забыть, она в показаниях «участников» не стыкуется. Все стараются доказать, что Берия был арестован, но каждый врёт об этом по-своему.

А новые «очевидцы» ареста добавляют в легенду все новые и новые несуразности.

Вот, к примеру, в журнале «Коммерсант-Власть» вы можете прочесть: «полковник Алексей Холопов, который участвовал в аресте Берии и охранял его до последнего дня суда, просто отказался обсуждать версию о двойнике, как полностью абсурдную».

«За день до ареста Берии, — рассказывал полковник Холопов, — меня вызвал начальник управления кадров округа и сказал, что формируется оперативная группа. Инструктировал нас в приемной командующего округом какой-то незнакомый генерал. Мы получили оружие, и но-

чью нас привезли в Кремль. Меня поставили на пост у кабинета Маленкова, и я видел, как все члены Президиума ЦК идут на заседание. Берия пришел последним. Я был и в той машине, на которой после ареста его везли на гарнизонную гауптвахту».

То есть получается, что офицеры ПВО сменили охрану в Кремле 25 июля, а не в ночь на 27-е, как утверждает Москаленко. Кроме этого, в списке тех, кто якобы вывозил Берию на гауптвахту, этот Холопов не числится, что опять-таки можно увидеть из приведенной выше цитаты Москаленко.

Или вот подробность из того же журнала: «Гораздо удачнее был разговор с упоминавшимся уже командиром ракетной базы. Взяв с меня обещание не называть его имени («Дети все-таки, понимаешь, внуки»), он рассказал о том, что случилось на самом деле: «Все рассказы о том, что Берию чин чинарем привязали к какой-то доске и потом расстреляли, — вранье. Ребята так ненавидели его, что не смогли довести до той доски, начали стрелять прямо на лестнице. Я их понимаю. Но отправлять его с такой кучей дыр в крематорий они не решились. Мне потом рассказывали, что кто-то предложил растворить труп в щелочи. Подходящая ванна была там же, в убежище. Щелочь принесли. Вот так труп Берии и не стало...».

А комендант штаба ПВО, который по должности оборудование убежища знал лучше, чем кто-либо, на вопрос, где Берия мылся, вспоминает по поводу тамошней «ванны» следующее: «Мыл я его в камере. Там воды не было. Я приходил утром с водой, приносил мыло, полотенце... Раз в десять дней устраивал ему «баню», мыл в тазу». Так что «растворять» тело Берии было не в чем. Хижняк о том, куда дели тело Берии «после расстрела», «вспоминает»: «В Донской монастырь, в крематорий привезли... Всех через специальный люк бросили в печь». Это «воспоминание», между прочим, говорит о том, что Хижняк никогда не был в технологических помещениях крематория и не знает, как устроены его печи.

Историки, журналисты и идиоты с детства таким расказам свято верят. Но больше всего верят, конечно, известным своей святой правдивостью генералам. Убогий историк А. Антонов-Овсеенко по поводу расстрела Берии записал от них такую байку:

«Казнили приговоренного к расстрелу в том же бункере штаба МВО. С него сняли гимнастерку, оставив белую нательную рубаху, скрутили веревкой сзади руки и привязали к крюку, вбитому в деревянный щит. Этот щит предохранял присутствующих от рикошета пули.

Прокурор Руденко зачитал приговор.

Берия. Разрешите мне сказать...

Руденко. Ты уже все сказал. (Военным): Заткните ему рот полотенцем.

Москаленко (Юфереву). Ты у нас самый молодой, хорошо стреляешь. Давай.

Батицкий. Товарищ командующий, разрешите мне (достаёт свой «парабеллум»). — Этой штукой я на фронте не одного мерзавца на тот свет отправил.

Руденко. Прошу привести приговор в исполнение.

Батицкий вскинул руку. Над повязкой сверкнул дико выпученный глаз, второй Берия прищурил. Батицкий нажал на курок, пуля угодила в середину лба. Тело повисло на веревках».

В какую из этих баек можно поверить? Только, пожалуй, в откровение упомянутого Холопова: «Мне дали дополнительный отпуск, орден Красной Звезды и денег подкинули». С наемными убийцами за убийство невинных расплачивались, хотя, как в таких случаях часто бывает, обещали им еще больше. П. Судоплатов вспоминает такой случай.

«По иронии судьбы, в то время как я подавал ходатайства о реабилитации, Горбачев получил своеобразное послание, подписанное тремя генералами, принимавшими участие в аресте Берии. Они потребовали от Горбачева в апреле 1985 года присвоения звания Героя Советского Союза, которое было им в свое время обещано за про-

ведение секретной и рискованной операции. 19 апреля 1985 года секретарь ЦК КПСС Капитонов направил это письмо Горбачеву. Таким образом, когда председатель Комитета партийного контроля Соломенцев готовил дело о моей реабилитации, генералы требовали себе наград. Горбачев отклонил оба ходатайства — и мое, и генеральское. Генералам напомнили: 28 января 1954 года они уже получили за эту операцию по ордену Красного Знамени, и Центральный комитет не считал целесообразным возвращаться вновь к этому вопросу».

САМИ СЕБЕ СЛЕДОВАТЕЛИ

В том, что ареста и суда над Берией не было, убеждает и такая особенность этого дела, которая, возможно, не всем будет понятна.

В части ареста и казни высокопоставленных преступников у Правительства СССР опыт был огромный. Арестовывали, судили и казнили в свое время и секретарей ЦК (Кузнецова), и заместителей председателя Совета Министров (Вознесенского), и трех маршалов (Тухачевского, Блюхера, Егорова), и кучу министров, из которых только министров внутренних дел было трое.

Процесс, как говорится, был настроен и технология отработана. При этом сами члены Политбюро могли уцелеть только потому, что никогда следствие по делам изменников не поручали следователям или прокурорам. При аресте более-менее высокопоставленного чина все материалы его дела сначала рассматривались на заседании Политбюро, и далее ход следствия по его делу находился под постоянным контролем этого органа.

Скажем, детали дела Бухарина в его присутствии рассматривались даже на Пленуме ЦК. Перед тем, как снять маршала Егорова с должности начальника генштаба РККА и перевести командующим Закавказским военным округом,

ему на Политбюро дважды устраивали очную ставку с теми, кто показывал на Егорова как на заговорщика. Первый раз Егоров убедительно отказался, второй раз тоже, но эти оправдания Егорова уже не выглядели убедительно...

Дело Вознесенского несколько раз рассматривали на Политбюро, и только потом его сняли с должности, потом его еще год не арестовывали — Политбюро все еще считало найденные Прокуратурой доказательства неубедительными. Политбюро рассматривало и доказательства его вины, полученные в ходе суда.

Детально и еще в ходе предварительного расследования контролировались все мало-мальски значимые уголовные дела. Скажем, дело о шпионской деятельности Еврейского антифашистского комитета трижды запрашивалось из МГБ на Политбюро и там трижды рассматривалось в подробностях. Затем член Политбюро Шкирятов лично выехал в следственный изолятор и там один на один расспросил каждого подследственного — все они подтвердили свой шпионаж. Только после этого Политбюро разрешило прокуратуре готовить обвинительное заключение и передавать дело в суд.

После ареста министра МГБ Абакумова копии протоколов всех его допросов пересылались в Политбюро.

И поймите, это ведь не только во имя правосудия и справедливости. Для Политбюро это была защита самих себя от огульного обвинения, от придурка прокурора, желающего сделать себе карьеру. А такие попытки постоянно появлялись.

В ходе Гражданской войны был убит троцкистами их политический противник, командир дивизии Красной Армии Щорс. Непосредственным участником этого убийства был командир корпуса Дубовой, он же и скрыл это убийство: замотал голову Щорса бинтами, чтобы никто не увидел, что пуля вошла в затылок; не дал в последующем санитарке аккуратно перебинтовать голову Щорса перед тем, как положить его в гроб; отправил тело Щорса с Украины в далекую Самару, где его и захоронили в могиле без памятника.

Так вот после того, как Сталин предложил троцкистам покаяться, Дубовой пришел к Ворошилову и «покаялся», что он с Лазарем Кагановичем состоит в одной антисоветской организации. Не возьми Политбюро это дело в свои руки, Ежов смог бы к Дубовому найти еще сотню свидетелей троцкистской деятельности Кагановича, и Каганович был бы осужден. Не дураки же члены Политбюро! Не могли же не понимать тот же Каганович или Молотов, что если сегодня можно просто так арестовать члена Политбюро Берия, то завтра очередь может дойти и до них. Но вот Л.М. Каганович рассказывает Ф. Чуеву: «Я спрашивал у Молотова: «Были ли у тебя документы какие-нибудь насчет того, что он (Берия. — Ю.М.) агент империализма»? Он говорит: «Не было». Таких документов нам не дали, и их не было. Так оно и было. На суде, говорят, были документы».

Обратите внимание: ни Молотова, ни Кагановича в ходе «следствия по делу Берии» не интересовало, в чем же его обвиняют. Это почему?! Документы по делу Ягоды читали, документы по делу Ежова читали, документами по делу Абакумова интересовались, а вот Берия им вдруг стал безразличен! Почему?

Да только потому, что когда они читали документы по делам Ягоды, Ежова и Абакумова, то те были живыми... А что толку читать документы, обвиняющие мертвого? Ясно же, что это филькины грамоты! Равнодушие членов Политбюро к «следствию и суду» над Берией являются доказательством того, что Берия не был арестован, а был убит.

Слово о честных партийцах

Еще вот такой момент, думаю, более понятный. После «ареста» был произведен обыск в кабинетах Берии и его секретарей. От Совмина в обысках участвовал вышеупомянутый Д.Н. Суханов — помощник Председателя Совета министров СССР Г.М. Маленкова. Старый, «преданный делу

партии коммунист», как водится. В. Карпов, который был с ним знаком, без колебаний пишет: «Ему верить можно».

Так вот, этот партиец Суханов, которому *«можно верить»*, в момент обыска обокрал Берию и его помощников. Поскольку украденное Сухановым подлежало конфискации, т.е. принадлежало уже не Берии, а государству, то в 1955 г., когда воровство Суханова вскрылось, партийцу дали 10 лет, и он вышел на свободу с чистой совестью и с уверенностью, что с тоталитарным режимом нужно бороться.

На следствии он признался в краже 8 пар наградных часов, золотого значка и облигаций секретаря Берии Ордынцева, похищенных им из сейфа Берия и сейфов его секретарей, — в том, что ему сумели доказать.

А теперь задумайтесь — посмел бы он обворовать Берию, если бы тот на момент обыска был жив? Даже если бы Берии грозила смерть, но после суда? Ведь следователи обязательно расспросили бы Берию о его имуществе, поскольку имущество Берии требовалось конфисковать. Представьте, что Берия рассказал бы следствию о тех ценностях, которые хранились в его служебном сейфе и сейфах его секретарей. (Например, сберкнижку Берии вел и хранил у себя его адъютант Людвигов.) А их нет. У следствия немедленно бы возник вопрос — кто делал обыск? А обыск делал Суханов. Такое воровство для Суханова было самоубийством, но он на него пошел. Почему?

Потому что помощник Маленкова уже знал, что Берия ни на следствии, ни на суде уже ничего не расскажет — ни о своем имуществе, ни о чем другом. А кинется административно-хозяйственная служба Совмина искать хранящиеся в сейфе Берии наградные часы и значок — спрашивайте у Берии, кому он их отдал! То есть такое наглое поведение Суханова имеет только одно объяснение: на момент обыска в кабинете Берии сам Берия был уже мертв, и Суханов это знал.

Чтобы не присваивать чужое, скажу, что уверенность в том, что Берия был убит, а не арестован, очень не нова.

Даже сын Берии — Серго Берия — не первый, кто начал это утверждать. Первыми и сразу же после убийства об этом заговорили между собой в МВД. Ведь в МВД под руководством убитого по «делу Берии» Гоглидзе осуществлялась контрразведка в армии. А это значит, что вся армия была насыщена секретными агентами МВД, в том числе они наверняка были и в той группе «верных офицеров», которой командовал Москаленко. Но и без этих агентов дело было яснее ясного.

27 июня МВД узнало, что Берия арестован за заговор. Что это известие требовало от МВД? Правильно — немедленно арестовать всех заговорщиков. А как узнать, кто заговорщики? Правильно — допросить Берию и вытянуть из него все подробности. Вот оба зама министра МВД — Круглов (милиция) и Серов (органы госбезопасности) — бросились на гауптвахту, чтобы исполнить свой долг и допросить Берию. Но Москаленко в грубой форме их к Берии не допустил. Не поняв, они вместе с Москаленко поехали к Хрущеву, который в это время со всеми членами Президиума ЦК смотрел оперу «Декабристы». Москаленко пишет:

«Во время антракта в особой комнате Большого театра собрался весь состав Президиума ЦК. Серов и Круглов доложили, что я и мои товарищи неправильно обращаемся с Берией, порядок содержания его неверный, что я не хочу сам с ними вести следствие и т. д.

Дали слово мне. Я сказал: я не юрист и не чекист, как правильно и как неправильно обращаться с Берией, я не знаю. Я воин и коммунист. Вы мне сказали, что Берия враг нашей партии и народа. Поэтому все мы, в том числе и я, относимся к нему как к врагу. Но мы ничего плохого к нему не допускаем. Если я в чем и неправ, подскажите, и я исправлю. Выступили Маленков и Хрущев и сказали, что действия т. Москаленко правильны, Президиум их одобряет, и тут же сказали, что следствие будет вести вновь назначенный Генеральный прокурор т. Р.А. Руденко в присутствии т. Москаленко...

После этого Серов и Круглов вышли, а мне предложили сесть... за стол и выпить рюмку вина за хорошую успешную и, как сказал Маленков, чистую работу».

Тут, простите, не только работникам МВД, тут ежу стало понятно, что Берия уже мертв и допрашивать некого. Политбюро, которое боялось бы заговора Берии, не стало бы идти в полном составе на спектакль, на котором заговорщикам легко их всех уничтожить, не стало бы откладывать допросы Берии до 29 июня, когда из Киева придет Руденко, не стало бы снимать с должности прежнего генерального прокурора. Но, кстати, тому же ежу стало бы понятно и другое — что свои догадки о судьбе Берии работникам МВД разумнее всего держать при себе.

А где «дело Берии»?

Мне могут сказать, ну хорошо, путь с арестом Берии много неувязок и пусть есть и другая, более вероятная версия о том, что Берию убили сразу, но ведь было же следствие и был суд, пусть и тайный, и теперь сотни историков цитируют материалы этого суда. Ну что же, давайте исследуем и то, как проводился «суд» над Берией.

По официальной версии, 26 июня 1953 г. Берия был арестован, 2—7 июля был проведен вышеописанный синедрион, а затем следователи Генеральной прокуратуры под личным руководством Генерального прокурора Р. Руденко провели следствие, составив из документов следствия многотомное «дело Берии». И теперь историки вовсю цитируют эти документы: «показания» самого Берии, «показания» тех, кто был убит как член «банды Берии».

У меня подлинность этих «показаний» вызывает глубокое сомнение. Мне непонятно, откуда они взялись у историков, даже при том, что все они ссылаются на то, что они лично изучали материалы этого «дела». Но что это за материалы?

По идее, «дело Берии» должно было бы состоять из многочисленных допросов подсудимых, свидетелей, потерпевших, заключений экспертов и прочей доказывающей обвинение документальной базы. Завершать дело должен протокол (стенограмма) судебного процесса, который, по официальной версии, длился 8 дней, с 16 по 23 декабря 1953 г. Все это должно быть большим объемом документов, сшитых в многочисленные тома.

Сколько томов было в «деле Берии»? Маршал Москаленко, возможно, первый об этом упомянул: *«...еще более подробно преступления Берии изложены в 40 томах, составленных Генеральным прокурором СССР т. Руденко»*. Здесь интересна уверенность Москаленко в том, что все 40 томов составили не следователи, а лично Руденко, но, возможно, он просто неудачно выразился. Смущает и ровная, «круглая» цифра числа томов «дела Берии». Ведь вероятность того, что число томов дела составит некруглую цифру, равна 90%, а круглую — всего 10%. Ну да Бог с ней, с цифрой.

Но вот историк и писатель В. Карпов в книге «Расстрелянные маршалы» называет уже несколько другую цифру этого «дела».

«Было составлено более 40 томов из протокола допроса и приложенных к ним документов, изобличающих преступников.

(Я познакомился с этими томами. Ничего более страшного не мог бы придумать искусный детективщик!)

Так сколько томов в этом «деле» — 40 или «более 40»?

А весной 2000 г. «дело Берии» якобы было рассмотрено Верховным Судом РФ на предмет реабилитации, в которой Берии Верховным Судом отказано. (Если бы нынешние судебные мерзавцы его реабилитировали, то для Берии это было бы тягчайшим оскорблением.) Телеканал РТР, снимая передачу о Берии, взял интервью у председателя Военной коллегии Верховного Суда, под председательством которого в закрытом заседании (!) это дело якобы рассматривалось.

Тот, с бегающими, как у мошенника, глазками, сообщил, что они тщательно изучили все 50 томов «дела Берии».

Так сколько томов в «деле Берии» — 40 или 50?

(Эти вопросы я поставил в книге «Убийство Сталина и Берии», и через полгода после выхода этой книги в свет Генпрокуратура России сообщила, что «дело Берии» «украдено» из архива Генпрокуратуры, так что мошенничество с этим делом подтвердилось.)

Вы скажете, что я прицепился к какому-то пустяку, но это не так. Повторяю, прежде чем разбирать эпизоды из судебного дела, нам, в данном случае, надо понять, было ли оно вообще. Вот, к примеру, историк В.Ф. Некрасов цитирует «стенограмму судебного заседания по делу Берия».

Председатель. Почему вы, имея в своем распоряжении более 120 тысяч человек войск НКВД, не дали их использовать для обороны Кавказа?

Берия. Я утверждаю, что недостатка в войсках там не было. Перевалы были закрыты. Я считаю, что мы провели большую работу по организации обороны Кавказа... Я раньше не говорил, почему я не давал войск НКВД для укрепления обороны Кавказа. Дело в том, что предполагалось выселение чеченцев и ингушей.

Москаленко. Вы признаете, что все ваши действия (после смерти Сталина) были направлены к захвату власти?

Этот эпизод вызывает даже не вопрос о том, фальшивка ли это, а вопрос о том, в каком году эта фальшивка была сфабрикована!

Берия предстает идиотом, готовым пропустить за Кавказский хребет немцев, лишь бы только иметь силы для выселения чеченцев. А если бы немцы прорвались через Кавказ и прижали его войска к границам Турции, то он кого бы сохранными силами выселял — курдов? Отступать-то больше некуда было! И второе, Берия организовывал оборону Кавказа в 1942 г., впервые вопрос о выселении чеченцев был поставлен Наркоматом обороны только в 1943-м, а выселены они были в 1944 г. Как реальный Берия мог ду-

мать о решении проблемы, которая еще не возникла? Такое впечатление, что эта фальшивка должна датироваться временами перестройки, когда впервые заговорили о «бедных выселенных народах».

Вот в чем вопрос о наличии уголовного дела Берии. Есть ли в нем хоть что-то правдивое, или все сплошь ложь?

Дела из архивов не каждому историку выдаются для просмотра, и по закону они безоговорочно должны показываться только прямым родственникам. Единственный сын Л.П. Берии — Серго Лаврентьевич Берия — написал об отце книгу, к которой, строго говоря, нужно относиться очень осторожно в области фактов, исходящих лично от покойного Серго Лаврентьевича. Но, анализируя несуразности клеветы на отца, логикой С. Берия владел прекрасно. И ему для книги, безусловно, нужно было «дело Берии», и, главное, ему не имели права отказывать в знакомстве с ним. Но вот что он пишет в своей книге «Мой отец — Лаврентий Берия».

«По мнению некоторых историков, «это был самый крупный процесс над сотрудниками органов внутренних дел и государственной безопасности за всю историю их существования». Но почему «процесс века», каким хотели представить его с конца 1953 г., был закрытым? Этот отнюдь немаловажный вопрос, похоже, исследователей не занимает. А жаль. Не здесь ли надо искать ответ на некоторые загадки советской послевоенной, да и не только послевоенной, истории?..

Допустим, что все происходило именно так, как принято считать, и процесс в Москве действительно состоялся. Но где же само нашумевшее «Дело Л. П. Берии»? Вот уже несколько лет на эти материалы то и дело ссылаются и публицисты, и историки. Сама же стенограмма закрытого заседания Специального Судебного Присутствия не опубликована и по сей день. Не преданы гласности и материалы следствия, которое, повторяем, почти полгода шло под не-

посредственным руководством Генерального прокурора СССР Романа Руденко. Почему? И вновь вопрос без ответа.

Конечно же, в лучших традициях «перестроечной гласности» и здесь проще всего все свалить в очередной раз на «козни» КГБ. Но не получается. Еще осенью 1992 г. начальник Центрального архива Министерства безопасности России полковник Александр Зюбченко признался:

— Очень хочу когда-нибудь почитать дело Лаврентия Берия. Проблема в том, что у нас этих томов и никогда не было. Я даже не знаю, сколько их вообще. Вся группа дел, связанных с Берия, хранится не у нас. Могу предположить, что их держат под сукном еще и потому, что не все там однозначно, с точки зрения правовой оценки этих лиц».

В сборнике документов «Лаврентий Берия 1953», подготовленном под общей редакцией А.Н. Яковлева Международным фондом «Демократия» в 1999 г., есть раздел III «Суд и приговор «дорогих товарищей», но в этом разделе нет ни единого документа из «дела Берии» — ни обвинительного заключения, ни куска стенограммы суда, ни единого «показания», ни приговора. А ведь это подборка документов о «следствии и суде» над Берией. Как это понять?

Все сходится к тому, что эти «более 40 томов дела Берии» — миф.

Тогда возникает закономерный вопрос: а был ли суд над Берией, если нет документального результата этого суда?

А был ли суд над БЕРИЕЙ?

Суда в точном значении этого слова — рассмотрения всех доказательств обвинения — не было, и это уже не предположительно, а точно. Для доказательства этого мы снова воспользуемся фактами умолчания — т.е. отсутствием того, что обязательно должно было бы быть, если бы суд, как это официально утверждается, шел 8 дней.

Но прежде всего о том, кто «судил» Л.П. Берия и его товарищей по несчастью. Председателем Специального судебного присутствия Верховного суда СССР являлся Маршал Советского Союза И.С. Конев. В число членов входили: председатель Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов Н.М. Шверник; первый заместитель председателя Верховного суда СССР Е. Л. Зейдин; генерал армии К.С. Москаленко; первый секретарь Московского областного комитета КПСС Н.А. Михайлов; председатель Совета профессиональных союзов Грузии М.И. Кучава; председатель Московского городского суда Л.А. Громов; первый заместитель министра внутренних дел СССР К. Ф. Лунев.

Поскольку палача убийцей считать нельзя — он исполняет свой служебный и гражданский долг, — то убийцами Меркулова, Деканозова, Кобулова, Гоглидзе, Мешика и Влодзимирского были выше перечисленные лица. Берия они не убивали, Берия был убит задолго до суда, и они лишь освятили его убийство.

Как правильно заметил сын Берии, этот процесс был процессом века, а за исключением маршала Конева, все судьи — это чиновники довольно мелкие и в истории СССР незаметные. Для них этот процесс был бы звездным часом, если бы он был! Они бы оставили толстенные тома воспоминаний о нем, тысячу раз рассказали бы и пересказали его детали хотя бы своим родственникам и знакомым.

Но все вышеперечисленные лица дружно о процессе умолчали. Не все полностью умолчали, но те, кто что-то сказал, своими словами только подтвердили то, что они суда над убитыми ими людьми не видели.

Маршал Конев оставил обширные мемуары, но о суде над Берией в них ничего нет.

По части мемуаров всех переплюнул маршал Москаленко, — они у него толще, чем у Жукова, и гораздо толще, чем у Рокоссовского. У такого словоохотливого мемуариста есть все о его участии в «аресте» Берии, есть эпизод,

как они с Хрущевым выпивали по случаю «ареста» в театре. Есть, конечно, и об участии Москаленко в процессе в качестве судьи. Я процитирую все, что он об этом написал, и вам не надо будет набираться терпения. Вот воспоминания Москаленко о 8-дневном суде: *«По истечении шести месяцев следствие было закончено, и состоялся суд, о чем известно нашим гражданам из печати»*. И о процессе — все! Видимо, и сам член суда Москаленко узнал о суде тоже из печати. Полковник А. Лебединцев долго служил у Москаленко, тесно контактировал с Д. Фостом, которого Москаленко нанял писать мемуары, дав Фосту за это звание полковника и оклад командира корпуса. Лебединцев пишет: «Во время бесед в самолетах и на учениях Москаленко ни разу не вспомнил о его участии в аресте, охране, суде и приведении в исполнении приговора над Берией».

Воспоминания еще одного члена суда, М.И. Кучавы, в сборнике «Берия: конец карьеры» названы «Из дневника члена специального судебного присутствия». То есть надо понимать так, что все 8 дней Кучава вел дневник. Ну и что же мы там видим?

Почему-то свой дневник Кучава начал сентенцией: «Не только в Грузии, но и в стране ходила легенда о том, что Берия на судебном процессе не присутствовал...». И далее на 2-х книжных страницах Кучава, вместо описания суда, почему-то начинает доказывать, что Берия на суде был, так как Кучава хорошо его знал по Грузии и не мог ошибиться. Далее идет описание хода процесса, а потом 2,5 страницы «дневника» о том, каким родственникам и друзьям Кучавы Берия жизнь испортил. Само описание процесса над Берией я тоже приведу полностью.

«С открытием процесса председательствующий И.С. Конев огласил его состав. Когда он назвал мою фамилию и должность, Берия резко повернул голову, как показалось, искал меня среди членов суда. Он был косоглазый без пенсне.

Берия, в отличие от всех других подсудимых, на судебном процессе вел себя непоследовательно. Проявлял нер-

возность, упрямство, неискренность. В отличие от других подсудимых, много раз просил суд сохранить жизнь, передать эту его просьбу Хрущеву.

На судебном процессе обнажилась омерзительная, чудовищная картина интриг, шантажа, клеветы, глумления над человеческим достоинством советских людей».

И это все? Весь дневник Кучавы за 8 дней процесса?!

А вот еще один «очевидец». Майор М.Г. Хижняк в 1953 г. был комендантом штаба ПВО Москвы и, вероятнее всего, оказался невольным свидетелем того, как Москаленко и Батицкий заманили Берию в западню и убили. В то время веры в молчание Хижняка, видимо, не было, и его, надо думать, как и телохранителей Берии, держали под арестом все полгода «следствия по делу Берии» и «суда». Заставили разучить легенду, по которой Хижняк якобы участвовал в аресте Берии и был единственным, кто его обслуживал в заключении, и, кроме этого, заставили утверждать, что Хижняк был единственным конвоиром Берии на суде. Потом Хижняка, как и всех убийц, наградили орденами, деньгами и выпустили, но уже после суда. И вот Хижняк на вопросы корреспондента «Вечерней Москвы» «вспоминает» о суде:

«Я находился при Берии.

В комнате сидели члены суда. Кого запомнил? Михайлов Николай Александрович, Шверник, генерал Москаленко и следователь по особо важным делам...

Сколько суд продолжался? Больше месяца. Ежедневно, кроме суббот и воскресений. Они работали с 10 до 18—19 часов. Конечно, с перерывом на обед».

Помимо удивительной краткости «воспоминания» о процессе века обращает на себя внимание следующее. «Присутствовавший» на «всех заседаниях суда» Хижняк не знает, что председателем на суде был маршал Конев (Хижняку в тюрьме газет, видимо, не давали). Во-вторых, он уверен, что какой-то «следователь по особо важным делам» был членом суда, чего не могло быть не только в СССР, но и ни в

одной стране мира. И, наконец, он не знает, что суд продолжался 8 дней, и считал, что он шел *«больше месяца»*.

Что происходит? Восемь судей, секретари суда, конвоиры, следственная бригада — и никто либо ничего не видел, либо нагло врет!!

Мне скажут, что суд был секретный и все члены суда хранили тайну. О чем?! Не хранил никто тайну, отдел пропаганды ЦК КПСС немедленно после ареста и до суда принял меры, чтобы заполнить страну лживыми инсинуациями.

Офицер зенитно-артиллерийского полка в 1953 г. А. Сороходов вспоминает об этом так:

«В ноябре 1953 г. призрак Берии снова напомнил о себе. Вместе с шестью батареями полка я был в лагере, где нам предстояло провести учебно-боевые стрельбы. Как-то вечером позвонили из штаба лагерного сбора: «Приезжай, как можно скорее, познакомиться с одним любопытным документом».

На следующий день валил снег, мела метель, полеты, а, следовательно, и тренировки были отменены. Поехал в лагерь к начальнику штаба. Тот открыл свой сейф и вытащил оттуда тоненькую книжку в мягком сером переплете. К книжке скрепкой был прикреплен список. Найдя в нем мою фамилию, майор поставил возле нее галочку и протянул мне книжку:

— Читайте, товарищ подполковник, узнаете много интересного. — Помявшись, добавил: — Гадости тоже. Приказано донести документик. Распишитесь в списке и читайте в соседней комнате сколько душе угодно.

Посередине страницы было написано крупно:

«Обвинительное заключение, по делу Берии, по ст. УК...» — и шло перечисление статей, которые я, естественно, не запомнил. Так вот оно что! Состояние лихорадочного возбуждения охватило меня. Теперь опять же не помню весь текст, но основные разделы остались в памяти.

Незаконное преследование и расстрел родственников Серго Орджоникидзе и бесконечные грязные похождения

растленного маршала госбезопасности. Насилие, наркотики, обман, использование высокого служебного положения. Среди его жертв — студентки, девочки, жены, уведенные от мужей, и мужья, расстрелянные из-за жен...

Читал я не отрываясь, без перерывов и раздумий. Сначала залпом, потом помедленнее, ошарашенно, не веря глазам, перечитывая отдельные места. Записывать было ничего нельзя. Вышел из комнаты, отдал книжку веселому майору, тот подмигнул:

— Ну, каков Лаврентий Павлович?

— Как в помойную яму окупился, — ответил я».

Как видите, задолго до суда, вопреки закону и традиции, по которой до суда материалы дела не разглашаются, ЦК подготовил почву для объявления стране, что Берия «с пособниками» по суду расстрелян! Наверняка и после суда были книжицы с «протоколами» суда, откуда все нынешние историки и черпают «правду» о деле Берии.

А тем, кто по идее обязан был быть свидетелем этого процесса, просто сказать нечего — не было процесса, они ничего не видели.

Еще о прессе. По традициям тех лет, включая эпоху Сталина, репортажи со всех «громких» процессов сопровождались фотографиями суда и главных обвиняемых. Дело Берии не было исключением, газеты дали фото судей и обвиняемых. Но на этих фото Берии не было!

Думаю, что могу предложить версию, наиболее полно учитывающую все выявленные факты и противоречия.

После убийства Берии и ареста лиц, которые якобы были членами его «банды», следственные действия в отношении последних, скорее всего, велись, но и Генеральный прокурор Руденко, и следователи прекрасно понимали, что суда не будет, так как Берии уже не было в живых. Поэтому следователи «резвились» вовсю и фальсифицировали протоколы допросов грубо и небрежно. Руденко написал художественное произведение «Обвинительное заключение», насколько у него под рукой было материалов,

а в голове фантазии, — ведь оспаривать его обвинение все равно было некому.

Сам «процесс», я полагаю, провели так. В первый день все собрались, как бы для настоящего суда, и сфотографировались. А затем Конев объявил, что в связи с болезнью главного обвиняемого — Берии — суд откладывается на несколько дней. Подсудимых увели, члены суда подписали им приговор и подсудимых убили. После суда Руденко сфальсифицировал протокол судебного разбирательства. Самого же дела в его обычном понимании — собрания томов документов — никогда и не было.

ЖЕРТВЫ

Надо немного рассказать, откуда взялись «заговорщики» Берии. Сначала, как явствует из материалов июльского 1953 г. пленума, предполагалось, что не будет недостатка в материалах для обвинения Берии в преступлении, оправдывающем его убийство. Как говорят юристы — был бы человек, а статья найдется. Но не тут-то было — все старания окончились ничем: Берию не в чем было обвинить. И тогда созрел план обвинить его в заговоре с целью захвата власти. Но в этом случае нужны были и заговорщики, т.е. для оправдания убийства Берии потребовалось убить еще несколько десятков человек. Их собирали следующим образом.

Подходящей для заговорщика кандидатуре, т.е. человеку, который служил с Берией, предлагали гнусно оклеветать его. Если кандидат был подлец, т.е. соглашался и клеветал, то его оставляли «свидетелем» по делу Берии. Но если он оказывался более-менее честным человеком, то тогда его арестовывали и, надо думать, негодяи Руденко сами писали за этих людей и их «признания», и «показания» на Берию.

К примеру, бывший сослуживец Берии, на тот момент министр государственного контроля В.И. Меркулов, после

назначения Берии на должность министра объединенного МВД просил у Берии вновь принять его на работу в МВД. Но Берия отказал, и это, видимо, многие сочли как вражду между ними. Отсюда созрела мысль, что Меркулов будет тем, кто охотно оклеветает Берию. Но Меркулов от этой низости удержался, и Хрущев об этом вспоминает так:

«Мы условились, что я его вызову в ЦК. Я вызвал Меркулова, рассказал, что вот так и так, задержан Берия, ведется следствие, «вы много лет с ним работали и могли бы помочь ЦК».

— Я с удовольствием сделаю, что могу. — Я ему предложил:

— Вы возьмите и письменно все изложите.

Прошло сколько-то дней, и он написал большую записку. Она, конечно, есть в архиве. Записка эта ничем не помогла нам. Это были общие впечатления, его умозаключения. Это было, скорее, какое-то сочинение. Этот Меркулов пописывал кое-что, пьесы писал и привык к сочинительству.

Когда я послал этот материал к Руденко, он попросился ко мне на прием и сказал, что надо Меркулова арестовать, потому что следствие по делу Берии без ареста Меркулова затруднится и будет неполным. Центральный Комитет разрешил арестовать Меркулова.

К моему огорчению (а я ему верил), Меркулов был связан с Берией в таких преступлениях, что и он сел на скамью подсудимых вместе с ним и понес одинаковое наказание».

И точно так убийцы Хрущев с Руденко собрали всех «заговорщиков», за исключением, пожалуй, двух.

Генерал-лейтенант П. Судоплатов о своей судьбе и судьбе генерала армии И. Масленникова рассказывает так.

«В Прокуратуре СССР я столкнулся в приемной с генералом армии, Героем Советского Союза Масленниковым, который вышел из кабинета Руденко. Мы кивнули друг другу, и я успел заметить, что лицо его было мрачным.

В качестве первого заместителя министра внутренних дел он командовал войсками МВД; звание Героя Советско-

го Союза он получил как командующий фронтом во время войны. Я всегда относился к нему с большим уважением.

В кабинете Руденко находился полковник юстиции Цареградский: за время беседы он не произнес ни единого слова и лишь аккуратно записывал вопросы Руденко и мои ответы. Руденко заявил, что получил указание от Центрального Комитета партии оформить мои объяснения, приобщив их затем к делу Берии, и сделал упор на то, что в моих объяснениях истории со Стаменовым содержатся ссылки на Сталина и Молотова. Их следует исключить, сказал он, и заменить ссылками на Берия, отдававшего вам все распоряжения и приказы, которые он получал в «инстанции».

...С самого начала мне не понравился тон и сами вопросы, которые задавал Руденко. Они были примерно такого рода:

— Когда вы получили преступный приказ Берии начать зондаж возможности тайного мирного соглашения с Гитлером?

Я тут же запротестовал, отметив, что такие выражения, как «преступный приказ», не использовались товарищами Маленковым и Хрущевым, когда они задавали вопросы и выслушивали мои объяснения. О преступных деяниях Берии я узнал лишь из официального сообщения правительства. Сам же я, как старший оперативный работник, не мог себе представить, что человек, назначенный правительством руководить органами безопасности, является преступником, ныне разоблаченным.

Моими запротоколированными ответами Руденко остался весьма недоволен. Хотя он и сохранил вежливость в обращении, но упрекнул меня за то, что я слишком официален и употребляю бюрократические выражения в разоблачении такого заклятого врага партии и правительства, как Берия.

...Поднявшись к себе на седьмой этаж, я узнал потрясшую меня новость — Масленников застрелился в своем кабинете. Позднее мне стало известно, что его допраши-

вали о якобы имевшихся у Берии планах ввести в Москву войска МВД, находившиеся под его командованием, и арестовать все правительство. Такого плана в действительности не существовало, и Масленников решил: лучше покончить с собой, чем подвергнуться аресту. Так он защитил свою честь генерала армии».

(Сначала я подумал, что может быть, Масленникову следовало все же пристрелить Руденко, но в этом случае Хрущев нашел бы на пост Генпрокурора нового мерзавца, и получил бы «доказательство» заговора — вот, дескать, даже прокурора успели убить! Согласиться на арест? Но ведь подонок Руденко следствия не вел и суд не предполагался: от имени Масленникова Руденко написал бы какие угодно «признания», опозорив Масленникова на всю жизнь. Да, похоже, Масленникову деваться было некуда.)

Через несколько дней арестовали и Судоплатова, но он, в отличие от Масленникова, нашел способ избежать позора и смерти, но заплатил он за это 15 годами психушки и тюрьмы. Он прикинулся сумасшедшим и симулировал до 1958 г., когда ажиотаж по делу Берии уже прошел и его не стали расстреливать.

Вот так собирались те люди, которых Конев с остальными негодьями убили своими росписями под «приговором».

Но были еще и те, кто их убил непосредственно.

ПАЛАЧИ

О том, что суда не было, свидетельствует и вот еще какой факт. Когда подсудимого приговаривают к расстрелу, то он, естественно, это знает. Его ведут к палачу, в присутствии палача прокурор удостоверяется, что перед ним именно тот, кого надо расстрелять, они с палачом подписывают акт и этим прокурор подтверждает палачу, что тот действительно убьет того, кого приговорил суд, и палач убивает.

Что бы в это время ни говорил и ни делал приговоренный, но он знает, что приговорен, и палач из его слов в этом не усомнится. А представьте, что к палачу привели человека, который утверждает, что суда над ним еще не было. Да плюс на расстреле присутствует прокурор, которого палач лично не знает. Что палач подумает? Правильно — он поймет, что из него хотят сделать убийцу. Может возникнуть конфликт — вооруженный палач может потребовать своего начальника и того прокурора, с кем он обычно проводил казни, потребует от них разобраться с происходящим.

На что уж общество «Мемориал» старается облить грязью НКВД, но, разобравшись с технологией проведения расстрелов во времена Сталина, и «Мемориал» свидетельствует:

«Непосредственно перед расстрелом объявляли решение, сверяли данные. Делалось это очень тщательно. Наряду с актами на приведение в исполнение приговоров в документах были обнаружены справки, требующие уточнения места рождения, а нередко и имени-отчества приговоренного.

При той поспешности, с которой велось тогда следствие, не приходится удивляться, что в Бутово для исполнения приговора могли привезти одного брата вместо другого или человека, приговоренного не к расстрелу, а к 8 годам заключения: причиной приостановки казни могло еще служить отсутствие фотографии, по которой сверялась личность приговоренного. Во всех этих случаях исполнение приговора откладывалось, людей возвращали назад в тюрьму. Эта скрупулезность на месте казни действовала в интересах людей...».

Таким образом, если суда над «заговорщиками Берии» не было, то организаторы убийства не могли рисковать и вызывать палача для исполнения «приговора». А для честных людей отсутствие палача — это немалая проблема.

Дело в том, что хотя профессия палача и нужна, но в России всегда к ней относились прямо-таки со страхом. До

революции на всю Россию был один-единственный палач. В ходе войн нравы, конечно, грубели, солдаты по приказу приводили приговоры в исполнение, но, тем не менее, офицеры старались делать так, чтобы беречь достоинство солдат. Скажем, в старину в некоторых армиях назначенному для расстрела отделению солдат ружья заряжали через одного боевыми и холостыми зарядами и так, чтобы солдаты этого не видели — не знали, у кого какое ружье и кто именно из них был палачом.

Но в тылу, даже в ходе войны, профессия палача была дефицитом. Вот уже упоминавшийся мною князь Трубецкой рассказывает о своем пребывании в тюрьме в Москве в 1919 г. Он пишет, что палачом в тюрьме был полностью деградировавший китаец-уголовник, приговоренный к смертной казни. Казнь ему большевики откладывали, пока он приводил приговоры в исполнение, а потом и самого расстреляли. Дефицит на профессию палача сохранялся и все годы правления Сталина. Вот вдумайтесь, к примеру, в смысл такого распоряжения:

«18 октября 1941 г.
Сотруднику особых поручений
спец. Группы НКВД СССР
старшему лейтенанту
Госбезопасности Семенихину Д.Э.

С получением сего предлагается вам выехать в город Куйбышев и привести в исполнение приговор к высшей мере наказания — расстрелять следующих заключенных (далее следует список 25 приговоренных).

Об исполнении донести.

Народный Комиссар Внутренних дел СССР
Генеральный Комиссар Госбезопасности Берия».

Во-первых, оказывается, в разгар войны в областном центре Куйбышеве не было человека, который бы мог расстрелять. Во-вторых, сам по себе расстрел был событи-

ем, по которому приказ давал лично нарком (министр). В-третьих, лично министр давал и список приговоренных, чтобы на месте, в Куйбышеве, никто ничего не напутал.

Но вернемся к делу Берии. Если суд действительно был и приговор был законен, то Генпрокурор СССР Руденко вполне мог вызвать палача в бункер штаба ПВО Московского военного округа (где убивали арестованных по «делу Берии»), и тот привел бы приговор в исполнение. Но давайте рассмотрим два акта. Сначала такой.

«АКТ

1953 года декабря 23-го дня

Сего числа в 19 часов 50 минут на основании Предписания Председателя Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года за №003 мною, комендантом Специального Судебного Присутствия генерал-полковником Батицким П.Ф., в присутствии Генерального прокурора СССР, действительного государственного советника юстиции Руденко Р.А. и генерала армии Москаленко К.С. приведен в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия по отношению к осужденному к высшей мере наказания — расстрелу Берия Лаврентия Павловича.

Генерал-полковник Батицкий

Генеральный прокурор СССР Руденко

Генерал армии Москаленко».

Повторяю, Берия был убит задолго до этого и сам этот акт — фальшивка. Но он составлен по смыслу правильно: палач (Батицкий) в присутствии прокурора (Руденко) и члена суда (Москаленко) привел приговор в исполнение. (На то, что акт фальшивый, указывает, кроме всех событий, то, что он не имеет подписи врача, констатировавшего смерть Берии.)

Еще о Батицком.

Мой давнишний читатель, Татьяна Павловна Кривенко, по призыву «Дуэли» собирает воспоминания земляков-

ветеранов Великой Отечественной войны города Пушкино Московской области, и своими силами пытается эти воспоминания издавать. В числе присланных мне работ (уже кустарно изданных) было и еще неопубликованное воспоминание военного летчика (в войну матроса и пехотинца) Василия Марковича Копотилова.

Прочитав его, я написал Татьяне Павловне: «Меня очень заинтересовали строки из воспоминаний Копотилова: «После этого случая маршал Батицкий назначал для перелетов только наш экипаж. Довелось довольно тесно пообщаться с ординарцем маршала, под большим секретом он поведал, что Л.П. Берия был убит задолго до «суда и следствия» над ним, а также — кто убил». Не мог бы он рассказать все те подробности этого разговора, которые он может вспомнить?»

Татьяна Павловна сначала сообщила мне свои первые впечатления: «Когда записывала его рассказ, то просила уточнить время действия и «героев». Василий Маркович очень плохо отзывался о Батицком, много чего о нем рассказал (поведение в быту). Совершенно уверенно, без подробностей, правда, сказал о его непосредственном участии в убийстве Берии. На этой неделе я встречаюсь с Копотиловым и сразу напишу Вам». Затем она сообщила:

«Пришлось мне только что встретиться с Копотиловым: с завтрашнего дня он на 3 недели отправляется в военный госпиталь (Крюково), где участников войны ежегодно обследуют и слегка латают.

Вот что мне удалось узнать. Общался он с личным порученцем Батицкого по имени Прокофий (или Прокопий, точно не знает, фамилию тоже не вспомнил, Батицкий обращался к нему «Прошка»), звание — полковник, примерно 1921 — 1923 года рождения (старше Копотилова), с собой носил трофейный пистолет Геринга (безотказный, так сам хвастался) с золотой отделкой.

Разговор о Берии состоялся в конце 60-х — начале 70-х годов (точно год не смог вспомнить), в те годы Копотилов

«транспортировал» спецрейсами (по служебным делам, а также на охоту в Бежецк, рыбалку в Астрахань и т.д.) членов Правительства и даже, случалось, глав Правительства СССР.

Дословно то, что сказал тот Прокофий: «Убили Берию сразу, в подвале. У офицера, который должен был стрелять, задрожали руки, выстрелить он не мог. Тогда Батицкий вырвал у него пистолет и «бах-бах, убил». Не растерялся».

Подробнее Коптилов, видимо, не спрашивал — был потрясен услышанным. Ни в каком подвале, ни что значит «сразу», не расспросил, иначе такие детали вспомнил бы, память у В.М. довольно хорошая и сегодня. Хотя сам убежден почему-то, что «сразу после ареста», но не смог пояснить, откуда у него такая уверенность.

Вот и все, что удалось выпросить у Василия Марковича. Сожалею, что слишком мало».

Давайте обмозгуем сообщение Василия Марковича Коптилова.

То, что он при хорошей памяти многого не помнит, внушает доверие к его рассказу — если бы выдумывал, то сообщил бы много деталей. А объяснения тому, что он не помнит, могут не ограничиваться только давностью лет.

Ведь полковник «Прошка» не был участником убийства, иначе сообщил бы Коптилову, почему это забывший пистолет генерал-майор Батицкий лично стрелял в Берию, а не его порученец Прошка из своего безотказного пистолета. Или сам Коптилов об этом бы Прошку спросил бы. Возможно, в 1953 году Батицкому еще не полагался офицер-порученец, и Прошка у него и не служил. Я полагаю, что Батицкий, в силу своего характера, по пьяному делу похвастался Прошке своим подвигом, а впоследствии Прошка (тоже после нескольких бутылок чая) в пьяном разговоре похвастался Коптилову своими знаниями государственных тайн. Я так полагаю потому, что на трезвую голову государственные секреты не разбалтывают.

Интересно, что соавтор одной из моих книг, А.З. Лебединцев, много работавший в штабе маршала Москаленко (второго участника убийства Берии) и часто сопровождавший маршала в инспекторских проверках, рассказывал о многих особенностях Москаленко, в частности, что его обычная температура тела была всего 34 градуса, и Москаленко постоянно мерз, возя в командировках не только кучу свитеров, но и нательную электрическую грелку. Но о деле Берии Москаленко с Лебединцевым никогда не говорил. Ничего об этом Москаленко не сообщал и полковнику, который сочинял мемуары Москаленко и сидел в МО с Лебединцевым в одном кабинете.

А в данном случае нам повезло с психическими и моральными особенностями самого Батицкого — убийца оказался хвастливым.

Поэтому в данном рассказе нам нужно учитывать и степень трезвости Батицкого, когда он рассказывал эту историю Прошке, и то, как Прошка его понял, и как переврал рассказ Батицкого Копотилову, и что Копотилов из этого разговора понял и запомнил.

Поэтому на самом деле многое может быть по-иному — могло и подвала не быть, и офицера с дрожащими руками. Но остается ключевое слов «убил», которое никак нельзя было перевернуть. Какими бы недалекими ни были Батицкий и его Прошка, но и они никогда не спутают убийство с казнью — с расстрелом. Это уж сильно не по-русски. И если бы это был расстрел по приговору суда, то Батицкий бы так и сообщил Прошке — что он «расстрелял» Берию, а Прошка бы так и запомнил, а это, в свою очередь, запомнил бы и Копотилов. Но Копотилов помнит, что «убил» и «сразу».

Следовательно, воспоминание Копотилова — это еще одно свидетельство того, что Л.П. Берия был убит до суда.

И в связи с этим я хочу обратить внимание читателей на то, что когда говоришь об афере американцев с их «высадкой на Луну», то следуют тупые возражения, что при

том количестве людей, которые участвовали в программе «Аполлон», сохранить в тайне эту аферу было невозможно, поэтому американцы на Луну летали. Та же реакция «умных» и на сообщения о том, что вместо Ельцина были двойники, и на то, что сейчас на месте Президента двойники Путина.

А вот теперь давайте прикинем, сколько человек знало, что не было никакого следствия по делу Берии, никакого суда, и что Л.П. Берия был убит сразу же после ареста или в ходе ареста. Минимум тысяча — не меньше! И вот на фоне исчерпывающих КОСВЕННЫХ доказательств того, что Берия был убит, сколько прямых свидетельских показаний об этом мы имеем? Сколько человек из этой тысячи сообщили впоследствии об убийстве первого заместителя главы СССР? Сообщили в любой форме, даже в такой — в пьяном разговоре?

Поскольку это моя тема, то сообщу — трое!

Первый — это Хрущев, который в ходе двух пьянок сообщил собутыльникам о том, что Берия был убит (задушен) сразу в ходе ареста. Второй — бывший глава Госплана СССР Н. Байбаков, сообщивший мне, а потом и Первому каналу (в эфир не ушло), что Берия был убит еще до пленума ЦК КПСС, на котором согласовывался его арест. И третий — вот этот порученец маршала Батицкого. И это за 65 лет!

А нам кукуют — нельзя сохранить в тайне, нельзя сохранить в тайне!

Ладно, вернемся к остальным палачам.

Вот акт подлинный:

«АКТ

23 декабря 1953 года зам. министра внутренних дел СССР тов. Лунев, зам. Главного военного прокурора т. Китаев в присутствии генерал-полковника тов. Гетмана, генерал-лейтенанта Бакеева и генерал-майора тов. Сопильника привели в исполнение приговор Специального Судебного Присутствия Верховного суда СССР от 23 декабря 1953 года над осужденными:

1) Кобуловым Богданом Захарьевичем, 1904 года рождения,

2) Меркуловым Всеволодом Николаевичем, 1895 года рождения,

3) Деканозовым Владимиром Георгиевичем, 1898 года рождения,

4) Мешиком Павлом Яковлевичем, 1910 года рождения,

5) Влодзимирским Львом Емельяновичем, 1902 года рождения,

6) Гоглидзе Сергеем Арсентьевичем, 1901 года рождения,

к высшей мере наказания — расстрелу.

23 декабря 1953 года в 21 час. 20 минут вышеуказанные осужденные расстреляны.

Смерть констатировал — врач (роспись)».

Вдумайтесь в смысл этого документа: не палач, а прокурор (Китаев) и член суда (Лунев) лично убивают арестованных в присутствии неизвестно кого — лиц, которые никак и нигде в юридическом смысле в этом деле не значатся. Как это понять?

Тут только одно объяснение. Возможно, Москаленко, к тому времени уже командовавший Московским военным округом, вначале надеялся, что заставит подчиненных себе генералов (Гетмана, Бакеева, Сопильника) убить невиновных, а Китаев и Лунев должны были бы при этом присутствовать как прокурор и член суда. Но, как видим, генералы отказались — то ли побрезговав становиться палачами, то ли что-то заподозрив. В результате убивать свои жертвы были вынуждены сами судейские убийцы. А вызванные убивать генералы стали невольными свидетелями, осмотрев трупы, только подписали акт.

Пара слов об убийцах-добровольцах. О Китаеве у меня нет данных. А вот К.Ф. Лунев до войны работал скромным начальником отдела кадров наркомата текстильной про-

мышленности, от фронта каким-то образом улизнул, устроившись секретарем Павло-Посадского горкома ВКП(б), после войны опять стал заместителем начальника отдела кадров Московского обкома ВКП(б), там его заметил, видимо, Маленков, и Лунев стал заведующим административным отделом этого обкома. После «ареста» Берии он стал начальником охраны правительства (!), членом суда в «деле Берии», затем оком Маленкова — первым заместителем председателя КГБ. После падения Маленкова переведен в Казахстан и отправлен на пенсию в 1960 г. в 53 года.

Между прочим, о том, что Берия на суде отсутствовал и его не расстреливали, свидетельствуют выдумки довольно многочисленных «свидетелей» его казни. Эти выдумки никак не совпадают одна с другой и варьируются от простых (Батицкий застрелил его прямо в камере, Батицкий выстрелил ему в затылок, когда конвоировал его по лестнице в бункер), до театральных (из вентпомещения бункера демонтировали оборудование, в стену ввернули два кольца, к ним привязали руки Берии, и он стал похож на Иисуса Христа на кресте, потом Москаленко с Батицким долго торговались, кому стрелять, затем Батицкий убил Берию).

СТАРЫЕ ФАЛЬШИВКИ

Ну как же, скажете вы, а жалобные письма, которые Берия слал в Президиум ЦК во время следствия? Ведь они подтверждают, что он был жив.

Должен сказать, что мне, как вы видели ранее, уже достаточно много раз приходилось иметь дело с фальшивками самых разнообразных документов, и я даже начал склоняться к мысли, что и умному человеку подделать документ очень не просто. А уж дураку! И по моему глубочайшему убеждению, умных мерзавцев не бывает, поэтому не бывает и идеальных фальшивок. Фальсификатор чаще всего не знает каких-либо существенных обстоятельств, кото-

рых подлинный автор документа не мог не знать и не учить. Чаще всего, как это ни смешно, фальсификатор не способен сопоставить даты.

Возьмите, к примеру, первое «письмо» (их три) Берии к членам Президиума ЦК. Оно датируется 28 июня, т.е. по идее Берия писал его на третий день после ареста. Начинается оно словами: «Товарищу Маленкову. Дорогой Георгий». Это возражений не вызывает. Далее: «Я был уверен, что из той большой критики на президиуме я сделаю все необходимые для себя выводы и буду полезен в коллективе». Тоже похоже на правду, ведь по легенде Берию арестовали на заседании Президиума ЦК, где сначала критиковали. Далее: «Но ЦК решил иначе, считаю, что ЦК поступил правильно». Простите, ЦК — это Центральный Комитет КПСС, это 125 его членов. 28 июня ЦК еще ничего не решал, поскольку пленум ЦК собрался рассматривать дело Берии 2 июля, а закончил — 7 июля. Как Берия мог знать 28 июня, что произойдет 7 июля? Надо ли читать письмо дальше?

Возьмем второе письмо, оно очень длинное, поэтому прочтем в нем фразу после подписи: «Т-щи, прошу извинения, что пишу не совсем связно и плохо в силу своего состояния, а также из-за слабости света и отсутствия пенсне (очков)».

Берия имел небольшую близорукость, поскольку пенсне носил не постоянно: на части фотографий он в пенсне, а на части — без. Поскольку я сам близорукий и очки ношу постоянно, то поясню читателям с нормальным зрением, что близорукие вблизи видят лучше, чем люди с нормальным зрением, и у них нет проблем писать или читать без очков, нужно только ниже нагибать голову. Близорукие часто и снимают очки, когда пишут или читают, особенно с возрастом. Поэтому Берия подобного в своем письме написать не мог. Вопрос: зачем фальсификатор написал это?

А надо понять цель письма — оно должно было попасть в руки технического персонала Совмина и ЦК — секретарей, помощников, клерков. А они бы разнесли слух

всем, что Берия из заключения пишет раскаянные письма. Но эти люди еще помнили почерк подлинного Берии, и чтобы они не сильно удивлялись, что почерк какой-то не такой, сделана эта приписка: дескать, пенсне у Берии не было, вот и почерк не похож*.

У третьего письма такие же признаки фальшивки, но я думаю, что о них хватит.

Итак. Все рассмотренные выше факты объясняются только одним — суда ни над Берией, ни над его товарищами по несчастью не было. И все цитируемые «протоколы» этого суда — состряпанные под руководством Руденко фальшивки.

Мафия

Если вы теперь присмотритесь к фамилиям основных действующих лиц — Москаленко, Руденко, Батицкий, — а также к тому, из какой республики СССР перебрались в Москву ряд других персонажей, включая Хрущева, то придется признать, что убийство Берии совершила «украинская мафия». Все эти люди очень старые и личные знакомцы Хрущева.

Когда я говорю «украинская мафия», то имею в виду не сплоченность по национальному признаку, как у евреев или итальянцев, а сплоченность под партийным руководителем Хрущевым, который большую часть своей карьеры провел на посту первого секретаря компартии Украины,

* Между прочим, и тут Хижняк «вспоминает» невпопад. На вопрос, много ли Берия писал, «сидя в заключении», Хижняк сказал: *«Первое время — много. Все, что он писал, забирал командующий у него из рук. Он приходил, когда Берия писал. Потом приказано было отобрать у него бумагу, карандаш и пенсне, что я и сделал, и отдал генерал-полковнику Москаленко»*. А помощник Москаленко Суханов утверждает, что пенсне у Берии было отобрано в первые минуты ареста и все время хранилось у Суханова.

а во время войны был членом военного совета фронтов, на которых воевали действующие лица этой трагедии. А в жизни всякое могло быть.

Скажем, за какую-то боевую операцию командующий фронтом полагал достаточным наградить данного генерала орденом Красной Звезды, а Хрущев как член военного совета фронта посодействовал просьбе земляка, и тот стал Героем Советского Союза. Такое ценится и не забывается. А какой-то генерал мог под пьяную руку застрелить подчиненного, но Хрущев спас земляка от суда и штрафного батальона. А кто-то мог нахватать в Германии трофеев, и на него после войны могли завести дело за мародерство. А Хрущев весом первого секретаря мог это дело спустить на тормозах. А какой-то прокурор мог попасться на малолетней девочке, а кто-то мог за казенный счет построить себе дом и т.д. и т.п. Жизнь штука сложная, и дружба первого секретаря каждому нужна, тем более что он в любой момент может вспомнить уже забытый проступок или преступление.

А Москаленко стал Героем Советского Союза на фронте, где членом военного совета был Хрущев. В книге Антонова-Овсеенко написано, что Батицкий хвастался тем, что на фронте он *«не одного мерзавца на тот свет отправил»*. Но ведь Батицкий на фронте служил не палачом при военном трибунале, а командиром дивизии и корпуса. Значит, отправлял он *«на тот свет»* подчиненных без суда, и сколько среди них действительно было *«мерзавцев»*, трудно сказать. Серов был у Хрущева наркомом внутренних дел еще до войны, а в 1945 г. помогал Г.К. Жукову грабить немецкие банки и хранилища музейных ценностей. После войны Жукова за это потаскали по партийным органам, его подельников по грабежу посадили, но Серова, друга Хрущева, чаша сия миновала. Я не хочу сказать, что все это как-то связано, но и тесная «дружба» в этой компании могла быть не случайной.

Хрущев, как говорится, человек простой, и вряд ли он стал выдумывать затейливые планы, он, вероятнее всего, действовал просто, а простое, как известно, чаще всего и гениальное.

Наверняка он исходил из того, что все члены Президиума ЦК — это умственные и моральные сироты. После смерти Сталина они лишились того, кто им сопли подтирал. Любой руководитель обязан лично решать любые вопросы по своей организации, как бы тяжелы они ни были и какая бы ответственность за это ни наступала. А Сталин был вождем уже лет 20, и высшая иерархия СССР приспособилась все тяжелые вопросы носить для решения ему, снимая с себя, таким образом, ответственность за ошибки при решении.

Георгий Димитров описал в дневнике, как к концу праздничного обеда 7 ноября 1940 г. у Сталина хозяин, начав заключительный тост, вдруг резко заявил о присутствующих членах Политбюро и Правительства СССР, что никто из них не хочет учиться, никто не хочет работать над собой, что Сталин сам должен заниматься всеми вопросами в государстве. Он говорил: «Выслушают меня и все оставят по-старому. Но я вам покажу, если выйду из терпения (вы знаете, как я это могу). Так ударю по толстякам, что все затрещит. Я пью за тех коммунистов, за тех большевиков — партийных и беспартийных (беспартийные большевики обычно менее самодовольны), которые понимают, что надо учиться и переучиваться».

Не в коня корм — зачем им учиться, если как и что делать, можно узнать у Сталина, а главное — и ответственность за результат его решения тоже ляжет на него? Но в итоге квалификация Сталина как руководителя непрерывно росла, а квалификация членов Политбюро непрерывно падала. Теперь любым тяжелым вопросом их можно было легко ввести в замешательство. Кроме этого, паника и замешательство наиболее просто вызываются нехваткой времени для нахождения нужного решения.

Таким образом, Хрущеву надо было поставить Президиум ЦК в условия нехватки времени для решения подсунутого им тяжелого вопроса и, в момент перебора членами Президиума вариантов тяжелых решений, подсунуть им для принятия «легкое» решение. Обрадованные, они его коллективно примут, не подозревая, что это решение должно закончиться нужным Хрущеву результатом — смертью Берии. А уже после этого им некуда будет деваться — они сами станут соучастниками убийства.

Моя версия убийства Берии базируется на очень старой сплетне. В. Карпов ее излагает так:

«У Берии все было подготовлено для ареста членов Политбюро и совершения государственного переворота, в результате которого он должен был стать единоличным диктатором. Можно без труда представить, какая началась бы кровавая вакханалия, если бы он это осуществил, ведь будучи только министром, он истребил миллионы людей!

Арест членов Политбюро во главе с Хрущевым он наметил осуществить после просмотра оперы «Декабристы» в Большом театре, на которую они (и Берия в их числе) договорились поехать в ближайшие дни.

Хрущеву об этом стало известно. Есть несколько претендентов на роль предупредившего, но поскольку это окончательно не установлено, не буду приводить его имени.

Хрущев, получив такой грозный сигнал, понимал, что надо действовать немедленно».

Хочу обратить внимание, что такой подвиг, как упомянутое предупреждение Президиума ЦК о «заговоре Берии», до сих пор никак не отмечен, не награжден и даже не имеет автора. Странно, не правда ли? Особенно если сравнить с тем, что орденами и деньгами были осыпаны все те, кто просто околачивался возле бункера в штабе ПВО МВО, где, по легенде, содержался до суда Берия.

Но немного раньше В. Карпов, который, как обычно, не понимает, о чем пишет, называет и «претендентов»: «Берия спешил, он понимал, что долго все это в тайне не сохранит-

ся. И он не ошибся, нашлись честные люди вроде Строкача и Барсукова, которые сообщили Хрущеву о готовящемся перевороте».

Так вот, Строкач был начальником управления МВД Львовской области, и по той старой сплетне, именно он предупредил о «заговоре Берии». Я еще мальчишкой запомнил подслушанный разговор отца с товарищем об этой сплетне и потом пересказывал ее своим приятелям, поэтому помню ее в таком варианте.

«Берия якобы отдал приказ всем областным начальникам МВД арестовать всех секретарей обкомов в то время, когда Правительство СССР будет в театре. А Берия в Москве захватит в этом театре Правительство. Но нашлся честный начальник МВД во Львове и предупредил своего фронтового друга — секретаря обкома. Тот начал звонить в Москву, а там уже все в театре. И только Ворошилов, не любивший театр, оказался в кабинете. Вот он заговор и разгромил».

Что в этих сплетнях интересно? Упоминание о театре и о Львове. Интересно то, что эта сплетня упорно приписывает раскрытие заговора Строкачу, а все официальные герои подавления «путча Берии» упорно Строкачу в этом отказывают. Жукова к героям приплели, а реального героя знать не хотят? Почему?

Но сначала пара слов о сплетнях вообще. Мой директор, очень умный руководитель, требовал, к примеру, от помощника, чтобы тот собирал все сплетни о заводе и рассказывал ему. Почему? Потому, что за сплетней всегда кроется что-то реальное, порой не такое, как в сплетне, но, тем не менее, достаточно важное, чтобы начать принимать меры. Скажем, прошла сплетня, что такой-то начальник цеха украл автомашину труб. В реальности может оказаться, что он законно выписал 40 м труб для дачи, но раз есть сплетня, то ее следует немедленно проверить, поскольку когда этим делом займется прокуратура, то можно и опоздать.

Говорят, что идеальная ложь та, в которой лжи всего 1%. А в любой сплетне всегда есть и немного правды. Поэтому и в сплетне о Строкаче из Львова есть что-то реальное, но, повторяю, на вопрос о том, кто ее распустил, можно ответить определенно — не Хрущев! Более того, в своих воспоминаниях Хрущев делает все, чтобы роль Строкача свести к роли безобидной жертвы Берии. Хрущев надиктовал в своих воспоминаниях: «Строкач был начальником управления внутренних дел во Львове. Он умер уже. Это честный был коммунист, хороший военный. До войны был полковником и командовал погранвойсками на Украине. Во время войны он был начальником штаба украинских партизан, и поэтому он всегда мне докладывал о положении дел на оккупированной территории. Я видел, что это честный, порядочный человек. После войны он был назначен уполномоченным Министерства внутренних дел по Львовской области.

Позже мы узнали, что когда к нему обратился министр внутренних дел Украины и потребовал от него материалы о партийных работниках, то Строкач сказал, что это дело не его, а секретаря обкома партии, и пусть ЦК обращается туда. Тогда ему позвонил Берия и сказал, что если он будет умничать, то будет превращен в лагерную пыль.

Это мы уже узнали, когда задержали Берию, а тогда мы ничего не знали, но чувствовали, что идет наступление на партию, подчинение партии Министерству внутренних дел».

Во-первых, Хрущев нагло врет. С 1946 г. по 1953 г., т.е. все время, когда Хрущев был на Украине то первым секретарем ЦК КП(б)У, то председателем Совмина Украины, Строкач был у него министром внутренних дел, и лишь с приходом Берии в МВД СССР Строкач был снят с этой должности и отправлен во Львов. Тут мы тоже видим «украинскую мафию» — очень близкого знакомого Хрущева.

Во-вторых. Как видите, Хрущеву очень надо внушить нам мысль, что Строкач Президиум ни о чем не предупре-

ждал. А зачем это надо Хрущеву, почему он вообще потратил время, чтобы об этом Строкаче писать? Ну и предупредил Строкач, что Берия требует материалы на партийных работников. Так ведь сам Хрущев пишет, что дело против Берии было затеяно, в том числе, и поэтому. Зачем он «отмазывает» Строкача от этого? Зачем Хрущеву надо, чтобы мы дело Берии не связывали со Строкачем, который тоже и, видимо, очень кстати «умер уже». Поэтому займемся этой цитатой из Хрущева подробнее.

В чем суть дела со Строкачем? От него начальник потребовал материалы агентурных наблюдений за партийными работниками. Но ведь сбор этих материалов — служебная обязанность Строкача! Партработники находились под наблюдением МГБ как до 1953 г., так и после, несмотря на вопли по поводу того, что Берия, дескать, хотел установить контроль МВД над партией. Хрущев повопил, но этот контроль не отменил, более того — только ужесточил, поставив на постоянное подслушивание МВД телефоны обкомовских работников.

Получается, что старый знакомый Хрущева по Украине, генерал Строкач, пришел к Хрущеву просто пожаловаться на то, что Берия снял его с должности (а Берия его снял и со следующей должности) «всего лишь» за отказ исполнять служебные обязанности? Обязанности, о которых Хрущев знал и которые с ним как с секретарем ЦК согласованы?

А почему тогда Хрущев ничего не упоминает о других жалобщиках на Берию, ведь в связи с объединением под руководством Берии двух министерств (МГБ и МВД) сотни генералов и полковников были освобождены от привычных кресел. Они что — не жаловались на несправедливость? Нет, тут, с этим Строкачем, что-то нечисто. Тем более Хрущев предпринимает прямо-таки героические усилия, чтобы отвлечь наше внимание от него. Ведь остается вопрос: если донос Строкача в деле Берии ни при чем, то тогда в связи с чем возникло «дело Берии», в связи с чем зашевелился Президиум ЦК?

Хрущев это поясняет так.

«Я тоже не помню сейчас, но всегда можно восстановить число, когда был Пленум Центрального Комитета по извращениям и перегибам, — не то в конце 1938 года, не то в 1939 году. Очень самокритичный был Пленум. Выступали тогда все, и каждый выступающий должен был кого-то критиковать.

...Потом выступил Гриша Каминский. Он был, по-моему, наркомом здравоохранения Российской Федерации. Это был очень уважаемый товарищ с дореволюционным партийным стажем. Как говорили, он не раз встречался с Лениным. Я с ним познакомился, когда начал работать в Московской организации, он тогда работал, кажется, одним из секретарей Московского комитета. Потом он был председателем Мособлисполкома, а затем его выдвинули не то в Центросоюз, а потом в Наркомздрав, не то наоборот.

Это был очень прямой, очень искренний человек. Я бы сказал, что у него была святая партийность и правдивость.

Он выступил и сказал:

— Все выступают и все говорят, что знают о других. Я тоже хотел бы сказать, чтобы в партии было известно. Когда я работал в Баку (он работал секретарем Бакинского горкома партии в первые годы Советской власти, еще при жизни Ленина. — *Н. Х.*), то ходили упорные слухи, что Берия во время оккупации Баку английскими войсками, когда было создано мусаватистское правительство, работал в органах контрразведки мусаватистов, а мусаватистская контрразведка работала под руководством английской контрразведки. Таким образом, говорили, что Берия в то время являлся агентом английской разведки через мусаватистскую контрразведку.

Он кончил. Никто не выступил с опровержением или с разъяснением. Даже Берия не выступал ни с какой справкой.

Однако сейчас же после заседания Центрального Комитета Гриши Каминского уже не было, он был арестован и бесследно исчез.

Меня всегда мучил этот вопрос, потому что я очень верил Грише Каминскому. Я знал, что Гриша никогда ничего не выдумает сам, он скажет только правду, то, что он знает.

...Я говорю (Молотову):

— Прежде всего, нужно освободить его от обязанностей члена Президиума — заместителя Председателя Совета Министров и от поста министра внутренних дел.

Молотов сказал, что этого недостаточно.

— Берия очень опасен, поэтому я считаю, что надо, так сказать, идти на более крайние меры.

Я говорю:

— Может быть, задержать его для следствия? — Я говорил «задержать», потому что у нас прямых криминальных обвинений к нему не было. Я мог думать, что он был агентом мусаватистов, но это говорил Каминский, а факты эти никем не проверялись, и я не слышал, чтобы было какое-то разбирательство этого дела. Правда ли это или неправда, но я верил Каминскому, потому что это был порядочный партийный человек. Все-таки это было только заявление на пленуме, а не проверенный факт. В отношении его провокационного поведения все основывалось на интуиции, а по таким интуитивным мотивам человека арестовывать невозможно. Поэтому я и говорил, что его надо задержать для проверки. Это было еще возможно.

Так мы договорились с Молотовым и расстались. Потом я все рассказал Маленкову и Булганину».

Вы поняли? Оказывается, дело против Берии было начато потому, что Н.С. Хрущев внезапно вспомнил о честнейшем человеке Каминском (санкцию на арест и «бесследное исчезновение» которого в 1939 г. дал секретарь Московского горкома Хрущев Н.С.), который 15 лет назад сказал, что 35 лет назад Берия работал в мусаватистской контрразведке. (Чего Берия никогда и не скрывал, поскольку работал там как разведчик большевиков, о чем писал во всех своих биографиях.) Это же надо было Хрущеву нагородить столько чепухи единственно, чтобы отвести нам глаза от

того, кто сделал донос! Сплетня привязывает к раскрытию заговора именно Строкача, а Хрущев пытается нам доказать и неубедительно, и довольно глупо, что Строкач тут ни при чем. А если мы на этой сплетне построим нашу версию событий, раз уж Хрущев так хочет, чтобы мы этого не делали? Что получится?

ВЕРСИЯ, ОБЪЯСНЯЮЩАЯ ВСЕ ФАКТЫ

Я вижу это так. Берия упорно проводил в умы свою идею о реорганизации власти (*«хочет свергнуть Политбюро»* — как говорил Каганович), и это очень не нравилось Президиуму ЦК. Но в этом Президиуме у Хрущева были особые основания бояться укрепления авторитета Берии и проводимых им расследований.

И тут к Хрущеву приходит снятый с должности начальник управления НКВД Львовской области Строкач с жалобой на наказание. Предположим, что Хрущеву уже приходилось помогать Строкачу и тот ему «обязан». Хрущев жалобу Строкача на Берию поддерживает, более того, говорит, что Берия вообще ведет себя как-то подозрительно. И спрашивает, — а не понял ли Строкач так, что в той, наверное, пьяной ругани, которую Берия в телефонном разговоре обрушил на Строкача, говорилось о том, что, дескать, Политбюро в последний раз в субботу 27 июня послушает оперу «Декабристы», а потом узнает, каковы декабристы бывают на самом деле? Что Строкач, по словам Берии, единственный дурак, а остальные начальники управлений в субботу выполняют небольшую работу, и Строкач вместе со своим любимым секретарем обкома будет «стерт в лагерную пыль»?

Думаю, Строкач понял, что Хрущев ему предлагает сфальсифицировать донос на Берию. Но что Строкач терял? Разговор телефонный, Берия крыл его матом, Строкач мог понять его как угодно. Берия будет отрицать, но

где свидетели? И даже если они найдутся, то можно прикинуться дурачком и стоять на своем. Ну, может, как-то накажут, но ведь Берия Строкача все равно с работы уже уволил, а Хрущев может работу найти еще и получше.

Да, подтвердил смысленый Строкач. Действительно, ему вспоминается, что Берия был пьян и что-то говорил про спектакль, на котором будет все Правительство СССР.

— Не может быть! — пугается Хрущев. — Ведь это же очень важно!

Не может ли Строкач рассказать об этом разговоре на Президиуме ЦК, а если потребуется, то и на очной ставке с Берией?

— А как же! — соглашается Строкач. — Это мой долг коммуниста.

И вот на заседании Президиума ЦК в отсутствие Берии Строкач рассказывает об этом телефонном разговоре. Как к этому должны отнестись Молотов, Каганович, Ворошилов, Микоян, Булганин, Сабуров и Первухин? Ведь они не знают, что этот донос сфабрикован Хрущевым. У них немедленно должно возникнуть два вопроса: действительно ли Берия решился на заговор и реальность осуществления заговора.

Ведь Берия не стеснясь проводил в умы людей идею о том, что страной должна руководить Советская власть как в центре, так и на местах, как в Конституции записано, а партия должна быть идеологическим органом, который ведет пропаганду и обеспечивает исключительно с ее помощью, чтобы депутаты Советов всех уровней были коммунистами. Берия предлагает восстановить действие Конституции СССР в полном объеме, его лозунг — вся власть Советам! Но пока Берия действует исключительно в сфере идей, то это для партноменклатуры неприятно, но не страшно, — имея власть, она подберет таких депутатов Верховного Совета и так их проинструктирует, что идеи Берии могут и не пройти. А вот если Берия в центре и на мес-

тах не даст секретарям обкомов и ЦК руководить выборами и Съездом, то тогда какое решение примут депутаты?

Перед Президиумом ЦК должна была немедленно обозначиться идея заговора: арест президиума ЦК, секретарей обкомов, созыв сессии Верховного Совета, выступление на ней Берии с докладом обо всех негативных сторонах вмешательства партноменклатуры в дела Советов и принятие закона, запрещающего партийным органам давать указания органам Советской власти. Реальность успеха в таком заговоре была очень велика!

Но это было незаконно — арест партноменклатуры был преступлением. Поэтому главный вопрос, который встал перед Президиумом ЦК, — решился ли Берия на это, действительно ли он подготовил заговор?

Как решать подобные вопросы, Президиум ЦК знал прекрасно: слава Богу, не один заговор разоблачили, и не одного заговорщика. В таких случаях прежде всего надо убедиться, враг ли Берия, после чего снять Берию со всех должностей, арестовать, назначить в МВД преданного человека, разыскать и арестовать остальных заговорщиков.

При наличии доноса в его правдивости всегда убеждались одним и тем же способом — очной ставкой доносчика с подозреваемым. Доносчик есть, но как пригласить к нему на очную ставку Берию? При наличии времени можно было бы устроить очную ставку на очередном заседании Президиума ЦК, на которое Берия пришел бы, ни о чем не подозревая. Но с 17 июня Берия был в Германии на подавлении мятежа. Вернуться из Берлина он должен был как раз накануне премьеры оперы «Декабристы» — накануне «начала захвата власти». Можно было бы его пригласить на какое-либо внеочередное заседание Президиума, но он мог заподозрить неладное и не придти, сославшись на какую-либо уважительную причину, скажем, на острый приступ радикулита. Положение усугублялось тем, что было непонятно, кому можно доверять в МВД.

Президиум без Сталина попал в тяжелое положение — доноса, да еще такого невнятного, мало, чтобы снять Берия с должности и запросить у генерального прокурора ордер на арест, а время неумолимо уходит.

И тут Хрущев предлагает простое и эффективное решение — Берия надо куда-нибудь заманить, там задержать, приехать членам Президиума вместе со Строкачем и провести очную ставку. Если донос окажется клеветническим, то извиниться перед Берией, и он, узнав, в чем дело, поймет и не будет обижаться. Если же Берия не сможет оправдаться, то тогда, не отпуская его, снять с должности, получить у генпрокурора ордер и т.д.

Хрущев находит и куда заманить Берия. Берия на тот момент не только отвечал за строительство комплекса зенитных ракет в системе ПВО Москвы, но и передавал этот комплекс сам себе — из МВД, как министр МВД, себе, как зампреду Совмина. То есть если старый сослуживец Хрущева, на тот момент командующий ПВО Московского военного округа, генерал-полковник Москаленко пригласит Берия к себе в штаб, то это не вызовет у Берии подозрения. Более того, сын Берии Серго Берия — конструктор зенитных ракет и тоже тесно работает со штабом ПВО. Можно отцу напустить туману, что с сыном неприятности почти уголовного характера (допустим, изнасиловал кого-либо) и нужно срочно приехать, чтобы замять дело до того, как вмешается прокуратура. О таких вещах по телефону не говорят, и Берия в тревоге за единственного сына безусловно приедет.

А Москаленко дать письмо для Берии, которое подписать всем членам Президиума и в котором объяснить Берии ситуацию, объяснить, зачем его задержали, и попросить не оказывать никакого сопротивления генералу Москаленко и его людям, поскольку генералу разрешено в таком случае применить силу вплоть до силы оружия (это в таких случаях стандартная формулировка).

Если Берия не враг, то он подождет безо всяких обид 20—30 минут, пока в штаб ПВО подъедут члены Президиума ЦК со Строкачем.

План прекрасен. Прекрасен тем, что Президиум показывает Берии свою «физическую» силу, а это, как вы чуть дальше увидите, было для членов Президиума очень важно. И Президиум ЦК вызывает Москаленко (о чем Москаленко пишет), дает ему документ и инструкции, Москаленко готов выполнить задание партии.

Наступает 26 июня, все идет по плану. Москаленко звонит Берии, тот едет в штаб ПВО, Президиум тоже готов туда выехать, но звонит Москаленко и сообщает, что сначала все шло хорошо, Берия прочел документ, выругался, сказал: «Черт с ними, с дураками. Вызывайте Президиум и Строкача, а я пока просмотрю бумаги». Раскрыл портфель и вдруг выхватил из него пистолет. Генерал Батицкий, который в момент задержания также был с пистолетом в руках, автоматически выстрелил, и Берия убит наповал.

Антисоветчик Авторханов собрал в своей книге все слухи, ходившие об «аресте» Берии на Западе.

«Хрущев неоднократно рассказывал своим иностранным собеседникам, особенно коммунистическим функционерам, как Берия был арестован и убит. Непосредственными физическими убийцами Берии у Хрущева в разных вариантах рассказа выступают разные лица, но сюжет рассказа остается один и тот же. Согласно одному из рассказов, конец Берии был такой».

Далее идет стандартный рассказ об «аресте» генералами Берии на Президиуме ЦК. Но конец отличается от того, который общепринят у историков СССР и России.

«Теперь, рассказывал Хрущев, мы стали перед сложной, одинаково неприятной дилеммой: держать Берию в заключении и вести нормальное следствие или расстрелять его тут же, а потом оформить смертный приговор в судебном порядке. Принять первое решение было опасно, ибо за Берией стоял весь аппарат чекистов и чекист-

ские войска и его легко могли освободить. Принять второе решение и немедленно расстрелять Берию у нас не было юридических оснований. После всестороннего обсуждения минусов и плюсов обоих вариантов мы пришли к выводу: Берию надо немедленно расстрелять, поскольку из-за мертвого Берии бунтовать никто не станет. Исполнителем этого приговора (в той же соседней комнате) в рассказах Хрущева выступает один раз генерал Москаленко, другой раз Микоян, а в третий раз даже сам Хрущев. Хрущев подчеркнуто добавлял: наше дальнейшее расследование дела Берии полностью подтвердило, что мы правильно расстреляли его».

Т. Витлин в своей монографии о Берии пишет:

«Трудно сказать определенно, был ли он расстрелян Москаленко или Хрущевым, задушен Микояном или Молотовым при помощи тех трех генералов, которые схватили его за горло, как об этом тоже говорилось. ...Поскольку Хрущев пустил в ход несколько версий о смерти Берии и каждая последующая разнится от предыдущей, трудно верить любой из них». (Th. Wittlin Commissar, p. 395)».

Да, трудно, но во всех этих версиях, как видите, Берию убивают сразу и никакого суда над ним не проводится. Иностранные собеседники — это не члены родного ЦК и сограждане, их в туфту с судом над Берией невозможно было заставить поверить, и Хрущев вынужден был выдавать им легенды, более похожие на правду.

Хотели, как лучше

Возникает вопрос — а может, действительно все остальные члены Президиума ЦК так ненавидели Берию, что, образно говоря, набросились и задушили его, т.е. санкционировали Москаленко и Батицкому его убийство? Нет, и как убийцей Хрущевым остается только восхищаться, если бы убийством можно было восхищаться.

Прежде чем представить вам следующий документ, надо сказать пару слов о технике проведения заседаний Политбюро (Президиума) ЦК.

Собирались все или большинство членов Политбюро, Секретарь ЦК готовил перечень вопросов для решения, и их могло быть несколько десятков. Вопрос обсуждался членами ЦК, принималось решение (резолюция) и переходили к следующему вопросу, а черновик резолюции по уже рассмотренному вопросу поступал техническим секретарям, которые тут же печатали резолюцию на машинке. В конце заседания Политбюро отпечатанные решения в уже окончательном виде снова поступали на рассмотрение, их перечитывали, соглашались с окончательной редакцией и секретарь ЦК их подписывал. Такая организация заседаний позволяла рассмотреть очень много дел очень быстро — сегодня вопрос мог поступить в Политбюро, и сегодня же решение по нему отправлялось его исполнителям.

Но тут такой вопрос. Если секретарь ЦК, который пишет черновик резолюции (а таким секретарем с довоенных времен был Маленков), будет писать его прямо на заседании Политбюро, то все остальные члены Политбюро должны будут ждать, пока он напишет, и этим ожиданием терять время. Поэтому Маленков черновики решений готовил заранее, а на заседании он их только правил, если мнение Политбюро расходилось с его проектом решения. Это занимало секунды, и он тут же передавал черновик для оформления решения. По правилам секретного делопроизводства, когда текст решения Политбюро отпечатан, то черновики, копия и лента пишущей машинки уничтожались.

Однако если вопрос, черновик решения которого Маленков готовил, вообще не рассматривался на Политбюро или Президиуме, то Маленков уносил черновик к себе, и эти черновики оседали в его личном архиве. Когда Хрущев спихнул с должности и Маленкова, то люди Хрущева «по-

чистили» архив Маленкова на предмет уничтожения компромата на шефа, но на тот документ, что вы сейчас рассмотрите, они не обратили внимания. А он интересен. Это тезисы выступления Маленкова на том заседании Президиума 26 июня 1953 г., на котором должен был быть рассмотрен вопрос о Берии, и черновик решения Президиума по этому вопросу. Само собой, раз этот черновик попал в архив Маленкова, то значит не было и рассмотрения дела Берии на Президиуме, а это еще одно доказательство того, что нам и так уже понятно.

В этом документе в квадратных скобках дописаны сокращенные слова, подчеркивания сделаны Маленковым, а шрифтом выделены те слова, которые Маленков дописал на полях.

«К РЕШЕНИЮ ВОПРОСА О БЕРИЯ
Протокол № 10 от 26 июня 1953 г.

Враги хотели поставить органы МВД над партией и правительством.

Задача состоит в том, чтобы органы МВД поставить на службу партии и правительству, взять эти органы под контроль партии.

Враги хотели в преступных целях использовать органы МВД.

Задача состоит в том, чтобы устранить всякую возможность повторения подобных преступлений.

Органы МВД занимают такое место в системе госуд[арственного] аппарата, где имеется наибольш[ая] возможность злоупотребить властью.

Задача состоит в том, чтобы не допустить злоупотребл[ения] властью.

(Большая перестройка; исправл[ение] методов; агентура; внедрять партийность).

Комитет —

внутр[и] взоры на врагов друзей защищать

вне — разведку наладить

МВД — задача — (лагери долж[ны] провер[ять], ...)

1. факты — Укр[аина], Литва, Латв[ия]

Нужны ли эти меропр[иятия]

Что получилось, как стали понимать?

МВД поправл[ял] партию и правит[ельство]

ЦК — на второй план

2. Пост Мин[истра] вн[утренних] дел у т[оварища] Б[ерия] — он с этого поста контролир[ует] парт[ию] и пр[авительств]о[.] Это чревато большими опасностями, если вовремя, теперь же не поправить.

3. Неправильно и др.

Суд — подг.

Особ[ое] совеща[ние]

факты

венгер[ский] вопр[ос] — Мы заранее не сговаривались (Еще подчеркнуть!)

Герм[ания] — чекиста послать? руков[одителя] по-слать?

Правильно ли это — нет!

Надо вовремя поправить. — Подавление коллектива.

Какая же это коллективн[ость]

Безапелляционность — покончить

4. Разобщенность, с оглядкой.

Письмо о Молотове?

Настраиваемся друг на друга!

Нужен — монолитн[ый] кол[лектив] и он есть!

5. Как исправить:

а) МВД — пост дать другому Кр[уголов]) + ЦК

Управл[ение] охр[аны] — ЦК

С утра до вечера шагу не шагне[шь] без контроля!

Наша охрана — у каждого в отд[ельности], тому, кого охр[аняют] (без доносов)

Мы при т[оварище] Ст[алине] недов[ольны]

Орг[анизация] подслушив[ания] — ЦК — контроль

Т[оварищи] не увере[ны] кто и кого подслуш[ивает]

? б) От поста зама [Совета Министров СССР] — осво-
бодить, назнач[ить] мин[истром] нефт[яной] пр[омышлен-
ности]

Потом!

в) Спец[иальный] Комит[ет] — в Минист[ерство] Сабу-
ров и Хруничев

г) Президиум ЦК — по крупн[ым] вопр[осам]
реш[ения] — за подп[исью] секр[етаря], Председ[ателя]?
было реш[ение]

Кто хочет обсудить... (слово непонятно).

Из этого документа мы можем увидеть суть претензий
к Берии членов Президиума.

Они недовольны, что все, что они делают, становится
известно МВД, поэтому хотели бы сами определять, чьи те-
лефоны подслушивать, а чьи нет. Хотели бы иметь охрану,
которая бы подчинялась тому, кого охраняют (а то к лю-
бовнице шмыгнешь, а охрана доносит по службе). В целом
же претензия в том, что номенклатуре партии не нравится,
что следящий за всеми орган — МВД — подчинен Совету
Министров СССР (Берия им руководит и Берии он подчи-
нен как заму председателя Совмина). Партийная номенк-
латура хотела бы, чтобы МВД подчинялся ей — ЦК.

Как видите, максимум, чего хотел добиться глава
СССР — это забрать у Берии МВД, поскольку перед пунк-
том 5-б уже стоит знак вопроса. То есть Маленков не был
уверен, придется ли о снятии Берии с поста зампреда Сов-
мина говорить. Это зависело от очной ставки Строкача с
Берией. Надо полагать, что если бы Строкач оказался убе-
дительным, то тогда стал бы вопрос и об освобождении
Берии с поста зама и назначении его министром нефтяной
промышленности.

Но в любом случае в черновике Маленкова по вопро-
су Берии и намек нет даже на его арест. А ведь это невоз-
можно, если бы, как это следует из легенды, он давал ко-
манду Жукову и Москаленко подготовиться к аресту.

Примерно то же показывает и Микоян в своих воспоминаниях «Так было». Микоян начинает с официальной версии пользы от убийства Берии: «Говоря о Хрущеве, следует подчеркнуть его большую заслугу в том, что он взял на себя инициативу в вопросе исключения Берии из руководства и сделал это, предварительно обговорив со всеми членами Президиума ЦК, но так, чтобы это не дошло до Берии». Однако подробности, которые вынужден давать Микоян, вызывают удивление: «Наши дачи были недалеко друг от друга. И вот в день заседания Президиума, 26 июня 1953 г., мне сообщили, что Хрущев просит заехать к нему на дачу до отъезда на работу. Я заехал. Беседовали мы у него в саду. Хрущев стал говорить о Берии, что тот взял в руки Маленкова, командует им и фактически сосредоточил в своих руках чрезмерную власть». Далее идут мелкие аппаратно-партийные склоки, изложенные Хрущевым, а главным доводом смещения Берии, скорее всего, было: «Он сказал, что сотрудники нашей охраны, наверное, фактически превращены в осведомителей Берии и докладывают ему обо всех нас — что делаем, где бываем и пр. «Берия — опасный человек», — сказал Хрущев в заключение». Между прочим, Микоян не преминул напомнить о большой дружбе Хрущева и Берии: «Я слушал внимательно, удивленный таким поворотом дела в отношении Берии после такой дружбы, заметной всем». И наконец: «Хрущев сказал, что таким же образом он уже говорил и с Молотовым, и с остальными. Я задал вопрос: «Это правильно, что хотите снять Берию с поста МВД и первого зама Предсовмина. А что хотите с ним делать дальше?». Хрущев ответил, что полагает назначить его министром нефтяной промышленности. Я одобрил это предложение. «Правда, — сказал я, — он в нефти мало понимает, но имеет организаторский опыт в руководстве хозяйством, как показала война и послевоенное время». Добавил также, что при коллективном руководстве он сможет быть полезным в смысле организаторской деятельности... Во время того разговора в саду

Хрущев предупредил, что сегодня повестка заседания объявлена обычная, но что мы эту повестку рассматривать не будем, а займемся вопросом о судьбе Берии».

Как видите, без каких-либо сомнений Микоян согласовывает перевод Берии в министры нефтяной промышленности, и вдруг безо всякой логики заканчивает: «В целом надо считать смещение Берии заслугой Хрущева перед партией. Действительно, Берия представлял опасность для партии и народа, имея в руках аппарат МВД и пост первого заместителя Председателя Правительства».

Но главное, как видите, и у Микояна ни слова о намерении кого-либо из членов Политбюро арестовать Берию!

Поскольку Маленков был главой СССР и лично готовил решение и главное выступление (в которых, как видите, нет и намека на криминал со стороны Берии), то можно с уверенностью сказать, что кроме Хрущева, никто из членов Президиума и не собирался предпринимать против Берии каких-либо мер, связанных с его арестом. И когда Москаленко им сообщил, что Берия убит, это для них наверняка было как снег на голову.

Ай да Хрущев!

Вот так и наступило для Президиума ЦК время решения тяжелых вопросов, а Сталина с ними уже нет. Что прикажете делать?

То, что всех устроило

Как представляется сейчас, лучшим решением было бы сказать народу правду, но надо поставить себя и на место членов Президиума ЦК, да и членов ЦК.

Авторитета, сравнимого со сталинским, у них нет. Если сказать, что они по ошибке убили одного из виднейших государственных деятелей СССР, то что будет и с тем авторитетом, что у них есть? Кому нужны будут их оправдания? Центральный комитет КПСС заменить их не сможет

по простой причине — это так сразу не делается: на высокие должности кадры втягиваются постепенно, под присмотром старших товарищей. Произойдет обрушение авторитета высших партийных органов в глазах всей страны. Люди будут говорить, что членам Президиума не нужен никакой коммунизм, что они за свои кормушки готовы поубивать друг друга.

Еще хуже обстояло дело за рубежом. Авторитет сталинского СССР креп изо дня в день. Росло число компартий и их численность, освобождающиеся от колониальной зависимости страны становились союзниками СССР и сторонниками социалистического пути развития. И вдруг объявить, что Берия убит?!

Да ведь вся капиталистическая пресса немедленно съест СССР с потрохами, объявит, что и после смерти Сталина его последователи укрепляют тоталитарный режим и в драке за власть уже не стесняются просто убивать друг друга безо всякого суда.

Надо же понять, что это сегодня, после почти полувека клеветы, Берия, наконец, выглядит монстром, на фотографии которого страшно смотреть. Но он ни в коей мере не выглядел так в 1953 г., ни внутри страны, ни, тем более, за рубежом. Когда в конце 1945 г. он ушел из НКВД заниматься атомными проблемами, на Западе газеты об этом писали так: «Живой бывший начальник политической полиции — редкое явление в Советской России. На прошлой неделе в России появилось такое лицо — профессорского вида маршал Берия перестал быть начальником НКВД. Преемником Берии Сталин избрал генерал-полковника Сергея Круглова, великана с лицом младенца (6 футов и 2 дюйма, 245 фунтов), который имеет вид полицейского и действительно является таковым».

Узнав об убийстве Берии, Запад немедленно сделал бы из него героя демократии. Запад вспомнил бы все — и то, что именно Берия в 1938 г. остановил ежовский террор, и то, что именно при нем началась реабилитация и освобо-

ждение невинно осужденных, и то, что по его инициативе прошла амнистия в 1953 г., а еврейская пресса тут же вспомнила бы, что это при нем были освобождены (вместе с другими) евреи по «делу врачей». Запад поднял бы такой вой, что из западных компартий толпами бы побежали коммунисты, а развивающиеся страны стали бы переориентироваться на США.

Кроме этого, ведь не нашел разрешения и вопрос по доносу Строкача — был заговор или нет? Похорони Берию у Кремлевской стены, а вдруг выяснится, что он все же заговорщик?

Вот эти тяжелейшие вопросы обрушились на Президиум ЦК, и тот, отучившись принимать на себя ответственность, пошел по обычному бюрократическому пути — по пути оттягивания решения в надежде, что вопрос как-нибудь решится сам собой. Таким оттягиванием вопроса была легенда о якобы аресте Берию.

Казалось бы, очевиден мотив ареста — донос Строкача. Но им невозможно было воспользоваться, более того, об этом доносе требовалось как можно глубже забыть.

Во-первых, если речь шла об уже назначенном на следующий день перевороте, то значит, заговор был полностью оформлен и в него вовлечена как минимум половина руководителей МВД в областях и республиках. Чтобы подтвердить донос Строкача, их надо было арестовать вместе с Берией. Но ведь для этого не было ни малейшего повода, кроме того, липовые аресты и липовые дела вызвали бы возмущение местных партийных организаций, а они в сталинское время были самостоятельны и Москва им далеко не всегда была указом.

Напомню, в 1954 г. Президиум ЦК решил предложить Съезду Компартии Казахстана избрать первыми секретарями ЦК КП Казахстана П.К. Пономаренко и Л.И. Брежнева. Причем сам Президиум не очень верил, что казахстанцы этих варягов изберут, т.е. был не способен повлиять на делегатов Съезда в Казахстане. Но благодаря умному под-

ходу к делу Пономаренко, сумевшему использовать родоплеменные разногласия в Казахстане, их избрали. Пономаренко вспоминает о своем докладе Хрущеву:

«Звонили в Москву. — «Как, прокатили?» — сразу же тревожно спрашивает Хрущев. «Нет, Никита Сергеевич, прошли единогласно».

— Не может быть!

— Но они же сами считали.

— Не ожидал и от всей души поздравляю вас, — кричит в трубку секретарь ЦК партии».

При сталинской самостоятельности местных парторганизаций массовые аресты невиновных начальников МВД по стране в то время были исключены. Президиуму надо было представлять дело так, что заговор находится в самом начале своего формирования.

Вторая причина, по которой донос Строкача не подходил. Что такое заговор в принципе? Это сила, которая должна смять силу государственных органов власти. Для этого государственные органы власти следовало обезглавить, чтобы внести в них замешательство.

Прежде всего, заговорщикам необходимо арестовать либо убить Генерального прокурора, чтобы затруднить прокуратуре выписывать ордера на арест заговорщиков. То же самое следовало сделать с командующим правительственными войсками и с начальником правительственной охраны. То есть если бы Берия действительно захватывал власть, то он немедленно заменил бы: Генерального прокурора СССР Сафонова, командующего Московским военным округом генерал-полковника Артемьева, начальника правительственной охраны генерал-майора Кузьмичева.

Так вот, президиум ЦК, «подавляя заговор Берии», немедленно снял с должности Генерального прокурора Сафонова, послал на учения в Смоленскую область генерал-полковника Артемьева (а вслед за ним телеграмму, что тот снят с должности), арестовал генерал-майора Кузьмичева. Как вам нравится такое «подавление заговора»? Причем ни

тогда, ни после этим людям не было предъявлено обвинение в участии в «заговоре Берии».

И эти меры Президиум ЦК был вынужден принять, поскольку старый, сталинский Генеральный прокурор не написал бы ордер на арест мертвого Берии, да еще и возбудил бы дело против его убийц. Москаленко мог всех выгонять из штаба ПВО и не подпускать никого к бункеру, в котором якобы содержался арестованный Берия. Но он не мог не пускать своего прямого начальника — командующего Московским военным округом, а тот, видимо, не стал бы участвовать в этом преступлении. А генерал-майор Кузьмичев, отвечающий за жизнь членов правительства СССР, видимо, был не согласен на непонятное исчезновение Берии и охранявших Берию своих подчиненных.

(Как сообщил историк Н. Зенькович, вся охрана Берии была арестована, а когда телохранителей несколько месяцев спустя все же выпустили из тюрьмы, то они оказались молчаливыми и перепуганными на всю оставшуюся жизнь.) *

Так что донос Строкача надо было забыть навсегда и его забыли, осталась только сплетня и неуклюжая болтовня Хрущева о каком-то ископаемом Грише Каминском.

Главный этап, который должен был пройти Президиум ЦК — это убедить Пленум ЦК согласовать версию о преступности Берии и о его аресте. Сделать это оказалось не сложно. Если бы речь шла о ком-то другом, то Центральный Комитет КПСС, собравшийся на Пленуме 2 июля 1953 г., возможно, и не согласился бы с Президиумом. Но речь шла о человеке, вознамерившимся передать власть от них — членов ЦК — Советам. Как бы ни красив был этот лозунг, но вряд ли он был по душе членам ЦК, с комфортом разместившимся на номенклатурных должностях.

А во-вторых, Хрущев показал членам ЦК еще и морковку, которую те тоже не смогли не заглотить. Дело в том, что ОГПУ, НКВД, МГБ, МВД и далее КГБ следили за партийными и государственными функционерами и докладывали о них

в ЦК. Это была государственная практика, все о ней знали и официально одобряли. Но, положив руку на сердце, кому из тех, за кем следят, это может понравиться?

Вот, к примеру, в 1945 г. уполномоченный НКВД — НКГБ СССР по Литве Ткаченко пишет в Москву обзор того, как работают в Литве партийные и советские органы.

«Выступления т. Суслова (М.А. Суслов был в это время председателем Бюро ЦК ВКП(б) по Литве, т.е. контролировал ситуацию в Литве от имени партии) на пленуме ЦК (Литвы) и различных совещаниях носят больше наставительный характер. К этим наставлениям и речам местные руководители так уже привыкли, что не обращают на них внимания и выводов для себя не делают.

...Лично т. Суслов работает мало. Со времени организации Бюро ЦК ВКП(б) около половины времени он провел в Москве, в несколько уездов выезжал на 1—2 дня, днем в рабочее время можно часто застать его за чтением художественной литературы, вечерами (за исключением редких случаев, когда нет съездов или совещаний) на службе бывает редко».

Ну и надо было будущему «главному идеологу» КПСС застойного периода М.А. Суслову, чтобы о нем так доносили в ЦК? А ведь Суслов еще и считался «тружеником, отдающим все силы на службу партии», а что же писать об остальных? Народ убеждают, что партийные вожди «горят на работе», а в архивах и личном деле о них оседают такие сведения?

И когда Хрущев на пленуме обвинил Берию в том, что тот, дескать, усилил слежку за номенклатурой и таким образом захотел стать над партией, то у членов ЦК отношение к Берии не могло не ухудшиться, и решение об его аресте уже не казалось чрезмерным. Возможно, члены Президиума ЦК сообщили правду ряду членов ЦК, но те ведь тоже были государственные деятели и их также легко было убедить, что разглашать это дело нельзя. В любом случае сотни бывших товарищей Берии, которые либо знали правду,

либо догадывались о ней, согласились ее замолчать. И какими бы государственными интересами они ни прикрывались, но они Берию предали и сами это понимали.

От этого и возникла потребность как можно сильнее унижить Берию, слепить из него образ сверхнегодая даже для самого себя, чтобы факт подлого предательства стал как бы вынужденным — дескать, как же можно было с ним так не поступить, если он такой мерзавец?

Повторю, подобное явление мы видели и в наши дни — наиболее яркими клеветниками коммунизма вдруг оказались не заграничные диссиденты, не те, кто сидел в тюрьме за антисоветскую пропаганду, а «самые верные делу коммунизма» члены КПСС. Те, кто под видом служения коммунизму обжирал советский народ на различных номенклатурных должностях: Б. Ельцин (член Политбюро ЦК КПСС), А. Яковлев (член Политбюро ЦК КПСС), Г. Бурбулис (преподаватель марксизма-ленинизма), Е. Гайдар (зам. главного редактора главной газеты КПСС), Юшенков (замполит) и т.д. и т.п. Так чего уж тут удивляться, что Берию предали и поливают грязью почти все?

И наконец. Я позвонил последнему оставшемуся в живых члену тогдашнего ЦК Н.К. Байбакову. В ходе разговора по техническим вопросам я спросил его, помнит ли он июльский 1953 г. Пленум ЦК. Когда Николай Константинович его вспомнил (ему уже было 90 лет), я неожиданно задал ему вопрос: «Знали ли Вы на Пленуме, что Берия уже убит?». Он быстро ответил: «Нет, я тогда ничего не знал», — но затем, после заминки, сказал: «Но факт в том, что он оказался убитым».

Наверное, сотни, если не тысячи участников тех событий либо знали, либо понимали, что произошло на самом деле, но все они встали перед дилеммой: либо сказать правду и быть немедленно убитым хрущевцами, либо смолчать, но смолчав, они сами становились соучастниками убийства и дальше уже вынуждены были молчать или врать, скрывая собственное соучастие.

Убийцы

Остается еще один вопрос. В том, что Берия был убит, а не арестован, сомнений нет. Ясен и его убийца — маршал, а в то время генерал-майор П.Ф. Батицкий, и пособник убийцы, маршал, в те годы генерал-полковник К.С. Москаленко. Ясны они потому, что они сами факт этого не отрицают, отрицают только то, что они убили его не по приговору суда.

Интересен вопрос — а могли ли они действительно убить Берию случайно? Не умышленно?

Давайте взглянем на этих убийц немножко повнимательней.

Москаленко во время войны командовал армиями, но в том, что он в 1953 г. командовал артиллерийским родом войск — ПВО Московского военного округа — нет ничего удивительного. Еще до войны он окончил артиллерийскую академию и войну встретил командиром артиллерийской бригады.

А вот с Батицким дело сложнее. Он чистый пехотинец и командовал во время войны только пехотными соединениями — стрелковыми дивизиями и корпусом. В 1949 г. он окончил Академию Генштаба и по идее должен был получить должность начальника штаба общевойсковой армии или должность в штабе округа. Либо командную должность в общевойсковых соединениях или объединениях. Но в 1953 г. он, пехотинец, почему-то осел в штабе артиллерийского объединения — стал начальником штаба ПВО Москвы, при том, что после войны, в связи с сокращением армии, боевых генералов всех родов войск было с избытком.

Вопрос: «Куда деть после войны 3 тысячи генералов?» — начал занимать Управление кадров РККА еще летом 1944 г. Предлагалось: увеличить в мирное время число дивизий за счет сокращения численности их личного состава до 4 тыс. человек, сделать генеральскими должности

заместителей командиров корпусов и дивизий, командиров гвардейских полков; снизить количество курсантов в военных училищах с 1000 до 300, а должность начальника училища сделать генерал-лейтенантской и т.д. и т.п. Поэтому появление пехотинца Батицкого на генеральской артиллерийской должности не может не вызвать удивления.

Причины могут быть разными, в том числе и та, что он очень хотел остаться в Москве, а не ехать, скажем, в Забайкалье, и у него была «рука»*, которая помогла ему остаться, несмотря на смену рода войск и перенасыщенность должностей генералами.

Но в связи с освоением ПВО ракетной техники, со штабом ПВО Москвы, а, следовательно, и с Батицким стал плотно работать Л. П. Берия. И Батицкий вдруг покидает должность начальника штаба ПВО. Если бы он пошел на повышение или вернулся в пехоту, то тут особо нечего сказать. Но этот пехотинец вдруг становится начальником штаба Военно-воздушных сил Московского военного округа! Хоть в авиацию, но в Москве! И опять какая-то «рука» ему в этом помогла. Но с другой стороны, эти факты косвенно свидетельствуют, что Батицкий не сработался с Берией и, следовательно, мог затаить на него злобу.

Чтобы вы поняли, насколько в авиации тех времен была высока плотность боевых генералов-авиаторов без должности, напомним, что на тот момент (имея уже звание Главного маршала авиации) А.Е. Голованов окончил Академию Генерального штаба, затем курсы «Выстрел», но никакой должности так и не получил, уволившись в 1953 г. из армии в возрасте 49 лет.

Батицкий в авиации был как собака на заборе, причем, в ВВС его очень не любили за тупую мелочную придирчивость. Лучший ас Корейской войны Е. Пепеляев в своих мемуарах «Миги против сейбров» рассказывал, что Ба-

* «Рука» (жаргон тех лет) — знакомые или родственники, которые помогают делать карьеру.

тицкий выговаривал летчикам за ношение шелковых платков на шее, которые они носили во избежание потертостей при вращении головой в воздушном бою. Требовал, что бы снимали их и не нарушали «форму одежды». Такой вот был «специалист» в ВВС.

Какие были перспективы роста в авиации у пехотинца Батицкого, который уже 10 лет застрял на звании генерал-майора, хотя и в Москве? Думаю, что никаких, и думаю, что у Батицкого по этой причине были особые основания не любить Берию.

Вот тут обращает на себя внимание такой момент. Ведь Москаленко действовал втайне от своего непосредственного начальника — командующего Московским военным округом, поэтому он мог привлечь к операции по «аресту» Берии только непосредственно подчиненных себе офицеров. Выше я уже приводил цитату из его воспоминаний, в которой он пишет, что даже в Кремль после «ареста» Берии были привезены 30 офицеров, и все — из штаба ПВО. Это естественно, кто бы в других родах войск и военных учреждениях стал выполнять его приказы в таком деле?

Но что касается формирования группы для «ареста» Берии, то Москаленко пишет так:

«Нажатием кнопки электрического сигнала я тут же вызвал офицера для особых поручений майора В.И. Юферева, начальника штаба генерал-майора А. И. Баксова, начальника Политуправления полковника Зуба И. Г. и сказал им — надо ехать в Кремль, взяв с собой оружие, но так как его ни у кого не было, то я вызвал коменданта штаба майора М.Г. Хижняка и приказал ему принести и выдать пистолеты и патроны. Так как группа была маленькая, то я позвонил начальнику штаба ВВС (бывшему начальнику штаба Московского округа ПВО) генерал-майору П. Ф. Батицкому и предложил ему прибыть ко мне, имея с собой оружие».

То есть Батицкий каким-то образом у себя в штабе ВВС получил оружие, бросил службу и прибыл к Москаленко в

качестве добровольца. Если бы это было в США, то можно было бы написать, что крестный отец (Москаленко) вызвал из Сицилии специалиста-киллера (Батицкого).

Случайно ли Батицкий попал в эту команду? У Москаленко под рукой было почти 35 офицеров, зачем ему еще и Батицкий? Не потому ли, что из этих 35 никто бы не нажал на курок в той обстановке, в которой Хрущев требовал на него нажать?

И потом. Если Берия был убит случайно, то тогда и Москаленко, и Батицкий идиоты, которым нельзя поручить ответственное дело. В этом случае их если и не наказали бы, то уж во всяком случае не награждали.

А здесь награды посыпались, да какие! У Москаленко все же хватило ума отклонить звезды Героев себе и Батицкому сразу же после убийства, но генерал-полковник Москаленко, 10 лет сидевший в этом звании, немедленно принял звание генерала армии и должность командующего Московским военным округом, в 1955 г. он становится маршалом, а генерал-майор Батицкий сходу схватил звание генерал-полковника (!) и должность командующего ПВО этого округа.

За ошибки так не награждают!*

Москаленко начал расти вверх и в должностях, как на дрожжах, но еще быстрее росла наглость Москаленко, причем так, что даже Хрущев в мемуарах вынужден был на нее пожаловаться. Он вспоминал:

«Когда в 1957 г. обсуждался вопрос о пресечении попытки Жукова организовать военный путч с целью захвата власти в руки военной хунты, то Москаленко активно вы-

* На фронтах Великой Отечественной войны Москаленко стал Героем Советского Союза и получил 8 орденов. После убийства Берии он на должности главного инспектора Министерства обороны получил 12 орденов, да каких! На фронте ему дали 2 ордена Ленина, а после войны — 5, на фронте дали 1 орден Красного Знамени, а после войны — 4! Он стал дважды Героем и насшибал 29 иностранных орденов и медалей.

ступал с обвинениями в адрес Жукова. Уже не на общем заседании Пленума ЦК КПСС, а в более узком кругу лиц, когда Москаленко со страстью обвинял Жукова за поползновение к захвату власти, а Жуков с его солдатской грубостью, с его солдатской прямоотой (а я верю Жукову, что он сказал правду) бросил ему: «Что ты меня обвиняешь? Ты же сам не раз мне говорил: чего смотришь? Бери власть в свои руки, бери!».

Когда я услышал это, то был поражен. Такого я никак не ожидал от Москаленко. Жукову не было смысла лгать. Да и Москаленко никак не смог парировать такое серьезное обвинение, фактически в государственной измене. Когда я рассказал об этом Малиновскому, Малиновский по собственной инициативе внес предложение об освобождении Москаленко от занимаемых постов.

Но я сказал: «Родион Яковлевич, вряд ли нужно так поступать. Это же Москаленко! Если будет нормальная обстановка (а я был уверен, что она нормализуется), то Москаленко станет честно выполнять свои обязанности». Малиновский посмотрел на меня с каким-то удивлением. В его взгляде читалось удивление потому, что то, что сказал Жуков и не отрицал Москаленко, — подсудное дело. Заговор! А я сказал тогда членам Президиума ЦК: «Давайте не будем сейчас следовать государственному принципу, хотя следовало бы провести следствие и судить Москаленко. Надо принять во внимание ту роль, которую он сыграл при аресте Берии, когда мы прибегли к его помощи, и он честно выполнил все, что ему поручили. Поэтому давайте простим ему данный эпизод».

Это я рассказал, чтобы показать, кто есть Москаленко».

Заметьте, Хрущев был вынужден простить Москаленко даже участие в заговоре против себя! Да разве имел бы Москаленко над Хрущевым такую власть, пусть бы арестовал даже не Берия, а самого Сатану в преисподней?

* * *

Итак, мы видим, что энергичная деятельность Берии по устранению партноменклатуры КПСС от власти и оставление всей полноты власти только у Советов не могла привлечь к нему симпатии большинства партноменклатуры, да и среди других слоев высшего чиновничества СССР сторонников у него было, видимо, немного.

Но мы также видим, что Хрущев помимо коллективного страха имел более веские причины не просто удалить Берия от власти, но и закрыть ему рот навсегда. И невозможно объяснить этот страх чем-то другим, кроме личного и непосредственного участия Хрущева в убийстве Сталина и понимания им того, что Берия уже близок к раскрытию этого убийства.

ИТОГИ РАССЛЕДОВАНИЯ

До войны

Напомню, что архивы СССР закрыты до сих пор, есть данные, что они уничтожаются, из архивов потоком идут фальшивки. Но на основании того, что все же было опубликовано, на основании нашего анализа причин того, зачем изготавливаются фальшивки, история Сталина, СССР и Коммунизма вкратце представляется следующей.

В октябре 1917 года власть в России подбирают большевики. «Подбирают» — это точное слово, поскольку тот маразм, который устроили дорвавшиеся до власти в феврале 1917 года либералы, властью назвать было нельзя. Сами большевики представляли собой пестрое явление — среди них были во множестве представители русской интеллигенции, не сумевшей найти себе кормушку при царе, обиженные царскими ограничениями евреи, перебежавшие из других партий авантюристы, просто проходимцы, но основа у большевиков была прочная — фанатики Коммунизма, Люди, причем Люди умные. Их идеи справедливости увлекли и основную массу обывателя — он поверил Людям и пошел за ними. Животные, паразитировавшие на России при царизме, в идейном плане противопоставить большевикам ничего не смогли и в ходе Гражданской войны были разгромлены. Антисоветчик генерал Григоренко в своих изданных в США воспоминаниях писал о безусловной поддержке большевиков («красных») народом и о неприятии народом противников большевиков («белых»): «Село наше, как и все соседние украинские и русские села, было «красное». Соотношение такое. У красных, к которым до самого конца гражданской войны причислялась армия

Махно, из нашего села служили 149 человек. У белых — двое. «Белыми» в наших краях были болгарские села и немецкие колонии».

В связи с Гражданской войной и с необходимостью ликвидировать разруху большевики установили в СССР власть своей партии. По Конституции считалось, что власть в СССР принадлежит всему народу в лице его представителей в Верховном Совете, но фактически Верховный Совет исполнял решения специального органа партии — Политбюро. А Советы на местах точно так же подчинялись местным комитетам ВКП(б). Для того времени это было правильное и спасительное для СССР решение, но члены ВКП(б), особенно номенклатура, функционеры ВКП(б) имели гораздо больше власти, нежели беспартийные. Они и отвечали больше беспартийных, но ответственность мало заметна, а власть бросается в глаза и она соблазнительна.

В связи с этим к большевикам в партию начало записываться большое количество Животных, в надежде вместе с партийным билетом получить кормушку у денег, как сегодня говорят, налогоплательщиков. Из этих же соображений, либо под влиянием настроения, в партию потоком пошел и обыватель.

Собравшиеся строить общество всеобщего братства, Люди принципиально не были жестокими и прощали всех, кто обещал прекратить борьбу с ними. К примеру, генерал Белой армии Слащев, отличившийся в ходе Гражданской войны особыми зверствами по отношению к большевикам (расстреливал их лично), затосковал по родине в эмиграции в Стамбуле и напросился в СССР. Его простили, и он работал преподавателем на высших армейских курсах «Выстрел». На первой большой стройке, где был впервые массово применен труд преступников — на Беломоро-Балтийском канале, — заключенные получали зарплату, как и свободные люди, могли выписать к себе семьи, имели охотничьи ружья для развлечений в выходные дни. На 1930 г. численность СССР была в пределах 153 млн че-

людей, а численность нынешней России на 2000 г. около 140 млн, в то же время в 1930 г. в СССР в тюрьмах и лагерях содержалось 179 тыс. заключенных, а в нынешней России в 2000 г. в тюрьмах и лагерях находилось 1060 тыс. заключенных.

Для восстановления СССР требовалась огромная, беззаветная работа, а для ее эффективности требовалась настойчивая учеба. Животные и обыватель, числившиеся в ВКП(б), на такую работу и учебу в большинстве своем были не способны, и Люди от них избавлялись, меняя на знающих. В результате образовалось большое количество Животных и обывателей, уволенных с должностей, крайне недовольных своим новым положением и тем, что их оторвали от кормушек и власти. Эти люди вели пропаганду, доказывая несостоятельность сталинского правительства, и к ним примыкала та часть алчного обывателя, которой улучшение жизни в СССР казалось слишком медленным. Эти Животные и обыватели хотя и были разных «политических» взглядов, но вместе они составляли то, что называется «пятой колонной» — вражеской силой внутри страны.

Пока СССР извне не угрожали серьезные противники, то «пятую колонну» еще можно было терпеть, учитывая трусость и нерешительность Животных. Но в 1933 г. в Германии к власти пришли нацисты, имевшие программной целью расширение жизненного пространства за счет СССР. Вдобавок к этому чуть позже, в конце 1936 г. народ СССР принимает сталинскую Конституцию, по которой высшая власть от партии переходит к народу. По ней выборы в органы власти СССР стали всеобщими и равными, что резко осложнило положение всех партийных функционеров.

«Пятая колонна», покушаясь на власть большевиков, покушалась на конкретную власть тысяч секретарей комитетов ВКП(б) на всей обширной территории СССР, кроме того, эти секретари боялись, что по сталинской Конституции они не обеспечат выборы в Советы сторонников Коммунизма. Партийные функционеры потребовали от Вер-

ховного Совета разрешения провести предупредительные репрессии против членов «пятой колонны». Сталин и Политбюро в условиях угрозы надвигающейся войны не имели права им отказать в этом спасительном для государства требовании. Политбюро сдерживало и ограничивало репрессии, но, к сожалению, больше года во главе следственных органов находился обыватель, формально отнесшийся к своим обязанностям. В результате в ходе репрессий 1937—1938 гг. пострадали и невинные, а также мало виноватые люди. Увидев, куда идет дело, Политбюро сняло с хозяйственной работы Л.П. Берия и назначило его возглавлять спецслужбы СССР. Берия закончил репрессии, освободил невинно пострадавших и наказал членов «пятой колонны» в судах и в самих органах НКВД.

В целом репрессии оказались спасительными для СССР, поскольку в ходе всей войны в тылу не было никаких сколько-нибудь значительных вражеских выступлений, способных оказать влияние на ход войны, а советский народ в среднем решительно и мужественно защитил свою власть.

После войны

В мае 1941 г. Сталина назначают главой Правительства СССР, а с началом войны — председателем Государственного Комитета Обороны — высшего органа власти СССР, созданного на время войны и сосредоточившего в своих руках высшую законодательную и исполнительную власть в стране. Загрузка Сталина чрезмерна, он все дела решает в ГКО, в Правительстве и в Ставке Верховного главнокомандующего. На заседания Политбюро ЦК ВКП(б) у него нет времени, и во время войны высший орган ВКП(б) никаких государственных и военных вопросов не решал, ему поручаются только вопросы награждений и согласования назначений на должности.

Но и после войны Сталин не восстанавливает власть Политбюро, он продолжает все государственные вопросы решать только в органах Советской власти, оставив Политбюро согласование кадров, надзор за силовыми министерствами и пропаганду. Более того, то же самое он рекомендует и взявшим власть в своих странах коммунистическим партиям за рубежом.

Животные и оскотинившиеся обыватели в среде партийных функционеров не могли не возненавидеть за это Сталина, поскольку он лишал их того, ради чего они и вступали в ВКП(б) — он лишал их того вида власти, который дает материальные выгоды, т.е. наиболее полно удовлетворяет инстинкты человекообразных животных.

Выступить открыто против Сталина Животные не могут — у них нет ни идей, ни смелости. Им остается ждать смерти Сталина, но время уходит — Сталин на практике закрепляет новый статус партии, т.е. работники Советской власти в центре и на местах все меньше и меньше обращают внимание на партийных функционеров при решении государственных вопросов. Партфункционеры не могут не понимать, что со временем это войдет в такую привычку, что возродить прежний статус партии не удастся. Как вы видели, Берия провел даже постановление Правительства, по которому Правительство получило право давать задания партийным органам, а это означало, что если и дальше так пойдет, то ВКП(б) вскоре станет одним из министерств Советской власти, и только.

Сталин заканчивал седьмой десяток лет жизни, работал на износ, однако он был и физически крепок, поэтому надежды Животных на его скорую смерть были не очень велики. Но Животные служат своим инстинктам, а самый сильный из них — инстинкт самосохранения, поэтому Животные трусливы и на первых порах сами убить Сталина не решались, а убить его чужими руками, типа рук Зои Федоровой, у них не получалось. И Животные нашли альтерна-

тивный вариант того, как избавиться от власти Сталина и Советов.

План был таков. ВКП(б) включала в себя коммунистические партии всех республик, кроме России, коммунисты России собственно и были бойцами ВКП(б), и именно такая структура партии спланировала Советский Союз: ведь коммунистов России на любом съезде будет большинство, а являясь сразу членами ВКП(б), они примут и решение в пользу всей партии, т.е. в пользу единого СССР. ВКП(б) было акционерным обществом, в котором ЦК ВКП(б) держало контрольный пакет акций. Но если у ЦК ВКП(б), т.е. у Сталина, забрать этот «контрольный пакет», т.е. сделать и коммунистов России отдельной партией, то ЦК и Сталин сразу же становятся никем — чем-то вроде ООН, на решения которой плюют более-менее крупные страны.

Забрать у ЦК ВКП(б) «контрольный пакет акций» тоже виделось делом не сложным — надо было организовать компартию собственно России, и тогда все акции ЦК ВКП(б) будут у нее. (Компартия России выделилась из КПСС в 1991 г., и теперь нет необходимости гадать, что было бы, если бы она выделилась в 1949 г., — сегодня уже видно, что стало с КПСС и СССР.)

Инициативу создать компартию России взяла на себя «ленинградская группа» — молодые выдвиженцы в Москву из Ленинграда, сплоченные прежней работой и дружбой. Во главе заговора, судя по всему, стоял секретарь ЦК ВКП(б), надзирающий за силовыми ведомствами СССР, А. Кузнецов, с ним заместитель Сталина в Правительстве и председатель Госплана СССР Н. Вознесенский и 1-й секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П. Попков. Это те, кто на виду. Исходя из последующих событий, к ним надо добавить Н. Хрущева, который хотя и находился на Украине, но в марте 1947 г. был снят со всех должностей и был возвращен к работе только в декабре, а также С. Игнатьева, отосланного в Минск в 1946 г. с высокой должности в ЦК, Д. Шепилова, в 1947 г. снятого с поста главно-

го редактора «Правды». Как всегда, заговор составляли люди, которым Сталин не давал развернуться в их алчности, либо претендующие на посты, на которых они не способны были работать.

Возникает вопрос: может быть, эти люди были дураками, не понимали, что делают; может быть, они искренне считали организацию компартии России благом? Исключено: если бы они были дураками, то и действовали бы открыто — писали статьи в газеты, выступали на пленумах ЦК и т.д. А они действовали тайно, подпольно, следовательно, прекрасно понимали, к чему ведет их деятельность. Подпольному характеру их заговора помогало то, что информация о заговоре должна была поступить в Политбюро и Сталину через МГБ, а во главе МГБ стоял преданный ставленник Кузнецова Абакумов. Информация могла поступить и по-другому — вербуемые в заговор секретари горкомов, обкомов и хозяйственники могли сообщить о нем по партийным каналам в ЦК. Однако во главе ВКП(б) в это время фактически находился не Сталин, а А. Жданов. И расчет заговорщиков был настолько же прост, как и подл. Дело в том, что Жданов в этот момент по планам Сталина реорганизовывал ВКП(б) в орган пропаганды и подбора кадров, т.е. он требовал ото всех партийных организаций, чтобы они на все посты в государстве подбирали людей исключительно честных и порядочных. Но Кузнецова, Вознесенского и Попкова на их посты подобрал он сам! Получается, что от других требовал подбирать честных, а сам подобрал мерзавцев? Таким образом, если бы Жданов и не захотел бы сам примкнуть к заговору, то ему было бы очень трудно о нем донести, поскольку ему самому, как не справившемуся с работой, надо было бы уйти с поста 2-го секретаря партии.

Если мы поставим себя на место Жданова, то увидим, что у него было одно более-менее приемлемое решение — убедить заговорщиков самим открыться. Да, и в этом случае их накажут, но накажут как дураков, а не как

врагов СССР. Заговорщики обещали, но тянули время, Жданов заболел и был отправлен в санаторий на лечение. Но попыток убедить негодяев не оставлял. За месяц до смерти он очень резко говорил по телефону с Шепиловым, после чего у него случился приступ. В санаторий прилетели светила придворной медицины во главе с академиком Виноградовым и врач-кардиолог Карпай. Она сняла кардиограмму, но признаков инфаркта или предынфарктного состояния у Жданова в тот момент не было. Заговорщики попали в критическое положение: им стало ясно, что если не принять мер, то Жданов их выдаст.

Выход, возможно, подсказал Хрущев, который на Украине давал команды палачам на казнь врагов СССР ядом скрытого действия, или сам Кузнецов, курировавший МГБ, мог знать об этом яде. Хранитель ядов, заместитель министра МГБ Огольцов, был также выходцем из Ленинграда и выдвиженцем Кузнецова, поэтому с получением яда проблем не было. И заговорщики послали кого-то в санаторий к Жданову (возможно Шепилова), чтобы тот навелит большого вождя партии, успокоил его очередными обещаниями и угостил отравленными напитками домашнего приготовления. После этих напитков у Жданова опять случился приступ. (А Шепилов, здоровенный бугай, за день до смерти Жданова срочно залег в больницу и лежал в ней, пока не прошли все комиссии, расследовавшие смерть Жданова, и Жданова не похоронили.)

В санаторий вновь прилетели придворные светила медицины во главе с Виноградовым, но Карпай ушла в отпуск, и кардиограмму Жданову снимала Тимашук. Она установила диагноз — инфаркт. Это вызвало у светил панику, поскольку ни они, ни находившейся все время рядом со Ждановым его личный врач Майоров и не пробовали лечить Жданова от инфаркта. И врачи идут на подлость в надежде, что все как-то обойдется, — они ни слова не говорят Жданову, а Тимашук заставляют отказаться от диагноза. Та отказывается, но делает фотокопию кардиограммы

и пишет заявление Власику на случай, если со Ждановым что-то случится. Через день, 31 августа 1948 года, Жданов умирает.

Ни Политбюро, ни Сталину не следовало назначать Кузнецова председателем комиссии по установлению причин смерти Жданова, поскольку он отвечал за подбор врачей в Лечсанупр Кремля и лично пригласил из Ленинграда начальника Лечсанупра профессора Егорова. Но в ЦК, видимо, решили, что Кузнецов верный ученик Жданова, а по-сему расследует его смерть как полагается. Кузнецов вместо того, чтобы привезти тело Жданова в Москву и здесь провести исследование, берет с собой патологоанатомов и едет на Валдай в санаторий. Туда же уже по своей инициативе едут взволнованные Вознесенский и Попков. Тревога их ясна: Сталин давал приказы на использование ядов, он прекрасно знал, какой диагноз ставят врачи отравленным, и если бы он заподозрил в смерти Жданова неладное, то тогда бросил бы на расследование его смерти все силы. Когда патологоанатомы определили, что Жданов умер от инфаркта, то и вся придворная медицина пришла в ужас, поскольку получалось, что она своим лечением убила Жданова. И вот здесь Кузнецов, Вознесенский и Попков «посочувствовали» врачам и «закрыли глаза» на фальсификацию результатов патологоанатомического исследования. Дело об убийстве Жданова как будто заканчивалось благополучно для заговорщиков и подонков-врачей, но его чуть не испортили дурак начальник охраны Правительства Власик и выживший из ума придурок академик Виноградов.

Власик, обрадованный, что Политбюро согласилось с лечением Жданова и, видимо, не догадываясь, что результаты вскрытия фальсифицированы, решил исполнить свой служебный долг — публично рассмотреть заявление Тимашук. Это, между прочим, свидетельствует, что Власик не был в заговоре, поскольку в противном случае он заявление Тимашук просто бы сжег. Собрались врачи, которым следовало бы сдержано поблагодарить Тимашук за хоро-

шую работу, но выживший из ума академик Виноградов потребовал уволить Тимашук из Лечсанупра Кремля. За что? За то, что она поставила правильный диагноз, а ты, ишак, нет? То, что заговорщики пытались скрыть, придурок Виноградов придавал гласности, что опять-таки свидетельствует об отсутствии у врачей (Виноградова, по крайней мере) умысла убить Жданова. Министр здравоохранения пошел на поводу у Виноградова и отчислил Тимашук из Лечсанупра, но Виноградов не на ту напал.

Тимашук тут же все рассчитала и прошантажировала Кузнецова, написав ему заявление. У того никаких средств против Тимашук не было. Чтобы ее убить, нужно кого-то искать и давать поручение. В результате вместо одной шантажистки Тимашук получишь десяток других шантажистов. Кузнецов исполнил требование Тимашук и восстановил ее на работе. В декабре 1948 г. Тимашук снова шантажирует Кузнецова, причем просит что-то такое, что компрометирует и ее, поскольку копию этого своего заявления она уничтожила. Бедным заговорщикам пришлось терпеть Тимашук до 1956 г., пока на XX съезде КПСС на ней не потоптался Хрущев.

Вообще-то само по себе это убийство Жданова в духе авантюрного Хрущева, который не всегда умел правильно предсказать последствия своих решений. Ходили и ходят до сих пор слухи, что после смерти Сталина его, дескать, должен был сменить на посту вождя партии Кузнецов, возможно, заговорщики надеялись, что после смерти Жданова его сменит и фактически возглавит ВКП(б) Кузнецов. Не получилось. Партию на посту 2-го секретаря возглавил Маленков, который ленинградцам ничего не был должен. Поэтому поступающие с мест сведения о заговоре он немедленно начал проверять и сообщил о них Политбюро и Сталину.

В результате весной 1949 года Кузнецов, Вознесенский, Попков, Шепилов и другие были отстранены от работы, осенью первые трое были арестованы, а Шепилов вы-

крутился и впоследствии сделал стремительную карьеру при Хрущеве после смерти Сталина. После ареста год шло следствие — заговорщики своих поделельников выдавали очень скупое, вероятнее всего сообщая только о тех, о ком узнавало само следствие. Причина понятна — чем больше размер заговора, тем вероятнее смертная казнь и тем быстрее она исполнится. А так была вероятность, что заговорщиков помилуют, тем более что Хрущева уже перевели в Москву и он вместо Кузнецова стал курировать силовые ведомства СССР. Об убийстве Жданова никто из заговорщиков, естественно, не вспомнил, и критический момент настал только осенью 1950 г. во время суда. Тимашук обязана была сообщить о том, что диагноз Жданова был сфальсифицирован и что подсудимый Кузнецов это знал. Но она смолчала, и за это Хрущев выхлопотал ей орден Трудового Красного Знамени.

Суд над заговорщиками был закрытым потому, что нельзя было объявлять народу цели заговорщиков, чтобы не плодить их последователей среди дураков в партии. Тут, как говорится, наделал делов Владимир Ильич Ленин со своими романтическими теориями. Российская империя была единым государством, в котором ни одна часть империи не чувствовала себя неуютно, кроме традиционно подлой и тупой местной интеллигенции. Ленину же крайне хотелось развалить это единое государство и иметь союз суверенных государств, Сталин едва сумел втайне от Ленина сделать федеративной хотя бы Россию.

А вот если бы весь СССР, как и хотел Сталин, был федеративным, то естественно, надо было бы иметь и компартию России — в едином государстве это было бы не страшно. Вопрос о создании компартии России в СССР настолько тонкий и по отношению к союзу суверенных государств выглядит столь коварно, что его нельзя было обсуждать публично до слияния всех республик в единое государство. В любой семье есть вопросы, публичное обсуждение которых идет во вред самой семье.

Но хотя суд был и закрытым, однако приговор он вынес справедливый — любителей золотых сабель с бриллиантами и золотых часов на халяву расстреляли. С их расстрелом для уцелевших заговорщиков, казалось бы, наступило спокойное время. Можно было не спеша подготовить устранение Сталина каким-либо альтернативным путем. Но не тут-то было. СССР помог Израилю образоваться, а тот в благодарность прислал Голду Меир в качестве посла, и теперь уже, в добавление к Ленину, и эта убежденная сионистка наделала делов.

Расизм в государстве, в котором все нации равны, является смертным грехом, поскольку расистами являются исключительно человекообразные животные: с помощью расизма они паразитируют на Людях и обывателе. В сталинском СССР расизм таким грехом и являлся. И до приезда Голды Меир еврейский расизм давал о себе знать во взаимопомощи еврейских расистов в занятии государственных кормушек, а Голда его усилила, более того, даже организовала две мощные демонстрации еврейских расистов, которые нагло плюнули на интернационализм остальных народов СССР (и евреев в том числе). Правительству нужно было принимать меры, иначе СССР перестал бы быть государством, в котором все нации равны. (Сталин не собирался делать из СССР Соединенные Штаты Америки, в которых все граждане равны, а евреи еще равнее.)

Начался арест наиболее одиозных еврейских расистов, и среди арестованных в 1951 г. оказался профессор медицины Я. Этингер, который еще с середины войны упорно и нагло вел расистскую пропаганду в еврейской среде и поливал грязью Советский Союз. Следствие по его делу поручили следователю по особо важным делам МГБ подполковнику М. Рюмину. Поскольку в эти годы во всем мире единственными террористами были еврейские террористы, которые постоянно кого-то взрывали или убивали в Палестине или Европе, то Рюмин начал «прощупы-

вать» Этингера на предмет того, не готовятся ли в среде еврейских расистов какие-либо теракты и в СССР. И Этингер ни с того, ни с сего вдруг признался, что шесть лет назад, в 1945 г. он неправильным лечением залечил насмерть кандидата в члены Политбюро, первого секретаря Московского обкома и горкома ВКП(б), «антисемита» А. Щербакова. То ли Этингер хотел на старости лет стать героем сионистского движения, то ли еще по каким причинам, но факт есть факт: и арестовали его по другому поводу, и по поводу смерти Щербакова никто не имел ни малейших подозрений до этого признания Этингера. Рюмин вызвал своего начальника, заместителя начальника следственной части полковника Лихачева, Этингер и ему повторил свои показания, Лихачев вызвал Абакумова, и тут произошло странное. Как только Абакумов понял, в чем признается Этингер, то стал сбивать его вопросами и переводить допрос на другие темы.

Понять Абакумова легко: если Политбюро узнает, что Щербаков умер не своей смертью, то оно немедленно начнет следствие и по причинам смерти Жданова, а с этой смертью Абакумов и Огольцов были связаны намертво. Абакумов и Огольцов тут же на Лубянке немедленно дают яд Этингеру, но чтобы не навлекать на себя подозрений, то, не согласовав это с Рюминым, переводят Этингера в Лефортово, где тот через день и умирает, якобы от того, что в его камере было сыро. Но это уже переполняет чашу терпения Рюмина и тот, минуя непосредственного куратора МГБ Хрущева, идет прямо к Маленкову с докладом об «еврейских» странностях Абакумова.

Абакумова арестовывают, но остальных заговорщиков спасает, во-первых, сам Рюмин. Версия и планы его были таковы: раз на Западе евреи развернули террор, значит, и в СССР евреи должны быть в заговоре и осуществлять теракты, а посему нужно арестовать всех подозрительных евреев и допросами выяснить истину. Это абсолютно уст-

раивало заговорщиков — пусть МГБ арестовывает хоть евреев, хоть папуасов, лишь бы не обращала внимания на Животных в самом аппарате партии. Хрущев, который до этого уже разгромил «еврейский заговор» на московском автомобильном заводе ЗИС, рекомендует Сталину повысить Рюмина в должности и сделать заместителем министра МГБ, а министром МГБ назначить уже возвращенного в Москву Игнатъева, который сидел в ЦК на должности заведующего отделом партийных, комсомольских и профсоюзных кадров. Политбюро соглашается с этой кандидатурой, поскольку Игнатъев до этого никогда не работал в МГБ или МВД и, следовательно, не мог быть связан преступлениями внутри этих структур. Игнатъев как коршун бросается на евреев и к маю 1952 года выводит на суд большую их группу («дело Еврейского антифашистского комитета»), из которых 13 человек по суду были расстреляны. Евреев, поносящих советскую власть, имеющих сомнительные связи с сионистами, владеющих валютой и ценностями в необъяснимых количествах, — много. Друг на друга они показывают охотно, количество арестованных все прибывает, работа кипит, все следователи МГБ и Генпрокуратуры при деле, а выхода на действительный заговор — никакого.

Во-вторых, заговорщиков спасает подлость Власика. Как только Политбюро получило сообщение от Рюмина о том, что Этингер признался в убийстве Щербакова, оно тут же назначило комиссию по расследованию обстоятельств смерти Жданова, но неосмотрительно включило в ее состав и Власика. Власик быстро изъясился у начальника Лечсанупра Егорова документы по рассмотрению заявления Тимашук и спрятал у себя. Поэтому комиссия ничего подозрительного в смерти Жданова не нашла.

Тем не менее заговорщикам надо было подобраться к Сталину, и они пытаются прощантажировать Власика, но у них ничего не получается. Тогда заговорщики в МГБ весной

1952 г. заводят на Власика дело о хищениях, и Сталин снимает того с должности и отправляет служить на Урал.

Но в это же время арестованный полковник Лихачев все же сознается, что Этингер на допросе признался ему и Рюмину в убийстве Щербакова, а на очной ставке с Абакумовым 22 июля 1952 г. Лихачев заявил: «Уже в конце допроса Абакумов начал интересоваться и причастностью Этингера к умерщвлению Щербакова. Этингер в основном подтвердил то, что рассказывал Рюмину и мне. Но Абакумова это, очевидно, не устраивало, он в процессе показаний Этингера прерывал его, интересовался отдельными лицами, не имевшими никакого отношения к умерщвлению...». А Абакумов, хотя и подвергался регулярным избиениям, но на позиции дурачка держался твердо: типа «я не придал значения», «я не увидел в этом ничего серьезного», — и сознаваться ни в чем не собирался. Теперь Сталин уже мало верит в способности МГБ выяснить истину и назначает вторую комиссию по проверке правильности лечения Жданова, но уже не из МГБ, а из Минздрава. Эта комиссия под председательством главного терапевта Минздрава академика П. Лукомского подтвердила 29 августа 1952 г., что придворные кремлевские эскулапы залечили Жданова насмерть. Основных врачей, лечивших Жданова, арестовывают.

Поскольку в СССР зарплата выдавалась рублями, обменных пунктов валют не было, а в странах Запада наоборот — разведслужбы платили своим шпионам долларами, то арестованные врачи встали перед проблемой, как объяснить следователям происхождение найденных у них при обыске валюты и ценностей. Поэтому в том, что они неправильно лечили Жданова и что Тимашук по этому поводу написала даже заявление Власику, врачи признались легко. Следствие в декабре арестовывает Власика и начинает его бить, но Власик рад бы признаться, да ничего не знает, поскольку заговорщики этого Донжуана использовали «втемную».

Сталин осенью 1952 г. был занят неимоверно. Во-первых, в это время происходило событие мирового значения: СССР и Китай договаривались и заключили между собой договор, как казалось Сталину и Мао Цзэдуну, о вечной дружбе. Во-вторых, Сталин готовил кардинальное изменение устава ВКП(б), которое закрепляло устранение партноменклатуры от государственной власти. Устав был принят партией на XIX съезде, проходившем в октябре, весь октябрь Сталин работал по организации новой структуры управления партией. К бумагам, поступавшим из МГБ, он смог приступить только в начале ноября. И тут Сталин выяснил, что среди тех, кто залечил Жданова, евреев не было вовсе — угробили Жданова лица славянской национальности. Следовательно, полтора года МГБ и Генпрокуратура занимались не тем. В результате Сталин не только снимает Рюмина с должности, но и выгоняет его из МГБ.

Но к счастью заговорщиков, Игнатъев в МГБ задержался, более того, замом у него вновь стал Огольцов, и для заговорщиков теперь гораздо страшнее было другое. В связи с тем, что следствие разыскало наконец заявление Тимашук, ей неминуемо грозил допрос в МГБ, а поскольку она в смерти Жданова виновна еще и больше, нежели уже арестованные врачи, то защищаясь, она признается и в том, что написала заявление и Кузнецову. А это был бы поворот следствия в сторону партноменклатуры и тщательная проверка всех тех соратников Кузнецова и Вознесенского, которых не арестовали в 1949 г.

И заговорщики гнут свою «еврейскую линию» до конца. В декабре 1952 — январе 1953 гг. Игнатъев и Огольцов арестовывают два десятка видных врачей-евреев, а Хрущев в Президиуме ЦК, теперь уже КПСС, дает команду газетам начать борьбу с космополитизмом, т.е. со скотским течением, согласно которому жить нужно в той стране, где легче паразитировать. Однако газеты имеют в виду под «космополитами безродными» только евреев. Одновременно газеты

начинают прославлять Тимашук как верную патриотку, которая не убоялась проклятых евреев и выступила против них в защиту жизни товарища Жданова. 21 января 1953 г. Тимашук вручают высшую награду СССР — орден Ленина. Следователи МГБ и Генпрокуратуры бессильны — они не могут арестовать и допрашивать народную героиню.

Чуть позже Игнатъев дает команду, и сотрудник МГБ в Израиле бросает гранату во двор советского посольства, а затем Игнатъев, пользуясь тем, что он после Власика выполнял и обязанности начальника охраны Правительства СССР, вместе с Огольцовым дает яд легшему в больницу по пустячному поводу коменданту Кремля генерал-майору Косынкину. Игнатъев и Хрущев настойчиво выдают Сталину «факты», подтверждающие единственный вывод: в убийстве партийных деятелей виноваты только врачи и только евреи.

Однако они добиваются обратного, и Сталин начинает понимать, что МГБ не просто не способно разоблачить террористов — оно специально не разоблачает их. Но у него нет людей, которых можно было бы поставить на должность министров МГБ и МВД и сразу же получить результат. Есть только один — Берия. И Сталин решает вновь поручить спецслужбы ему. Этот вопрос обсуждается, а 28 февраля 1953 г. Сталин приглашает к себе на ужин членов «пятерки» — членов Президиума ЦК КПСС, которые составляли повестку дня заседаний Президиума и намечали его решения: Берия, Хрущева, Маленкова и Булганина. Заговорщики понимают, что это конец, и Хрущев, идя на ужин, запасается у Огольцова ядом. Во время ужина-совещания были приняты решения объединить МВД и МГБ под руководством Берии и закрыть еврейскую тему в газетах. В ходе этого совещания Хрущев изловчился и втайне от Сталина и товарищей влил или всыпал яд Сталину в вино или в воду. Ночью на 1 марта, уже оставшись один, Сталин во время работы потерял сознание.

ПОСЛЕ СМЕРТИ СТАЛИНА

Охрана немедленно увидела, что Сталин потерял сознание, переложила его на диван и тут же позвонила напрямую начальнику — Игнатьеву. Тот немедленно приехал с Хрущевым и с лечащим врачом Сталина Смирновым. Врач диагностировал опьянение и предложил дать Сталину выпиться и не беспокоить его. Поскольку при потере сознания Сталин обмочился, то телохранители с этим предложением Смирнова согласились. Но когда к обеду Сталин не встал, то они вновь позвонили Игнатьеву, и тот, либо Хрущев, обманули телохранителей, сообщив им, что они по прямому проводу разговаривали со Сталиным, тот себя чувствует неловко, ему ничего не надо и он просит его не беспокоить. Но когда и вечером в комнатах Сталина не обнаружилось никакого движения, охрана запаниковала, вошла и увидела, что Сталин лежит в том же положении, что и в ночь на 1 марта. В ужасе телохранители начали звонить Игнатьеву и Хрущеву, одновременно разыскивая сына Сталина Василия. Хрущев с Игнатьевым приехали в ночь на 2 марта и нагло заявили телохранителям, что прошлой ночью их здесь не было, днем они с ними не разговаривали, телохранители позвонили им впервые только что и это сами телохранители не проследили за вождем. Впрочем — смилостивился Хрущев — они с Игнатьевым могут спасти телохранителей, если те заявят выехавшим к Сталину врачам и членам правительства, что приступ со Сталиным случился только что. Телохранители смалодушничали и повторили эту ложь. А те трое из них, кто позже попытался рассказать правду, были убиты людьми Игнатьева, как «негодяи, которые интимные подробности смерти Сталина хотят сообщить Западу».

Берия, конечно, почувствовал неладное, но на тот момент он еще не знал, кого подозревать. Получив в управление МВД и МГБ, Берия оставался и первым заместителем

главы Правительства, решая на этом посту все вопросы — от хозяйственных до дипломатических. Одновременно он создавал водородную бомбу, которая была успешно испытана через полтора месяца после его убийства — 12 августа 1953 года. Причем после смерти Сталина Берия остался единственным, кто в деталях знал этот проект, поскольку на пленуме ЦК в июне 1953 г., на котором его и «разоблачили», Берии поставили в вину, что он дату испытаний назначил сам, не согласовав ее с Правительством и Президиумом, а это говорит о том, что кроме него больше не было высших руководителей СССР, кто бы знал, как реально идут дела по созданию водородного оружия.

Дело упрощалось бы, если бы Берия получил спецслужбы «на ходу», но их требовалось сначала реорганизовать, т.е. переназначить людей на несколько сот должностей. Хуже того, любое назначение или снятие требовалось согласовывать с Игнатьевым, который курировал силовые ведомства. И Берия, выкраивая время для работы в объединенном МВД, прежде всего принимает меры к тому, чтобы убрать с дороги Игнатьева. Он дает приказ следователям, ведущим «дело врачей», в две недели подготовить обвинительные заключения в шпионской и террористической деятельности врачей, но у следователей нет улик, и прокуратура подозреваемых врачей отпускает. Берия, вопреки требованиям Президиума, публикует об этом сообщение в газетах, в котором подчеркивает, что против врачей применялись незаконные методы следствия. Для подтверждения вины в этом Игнатьева он арестовывает Рюмина. Этими действиями Берия требует от Президиума дать ему арестовать Игнатьева, но Хрущев, возглавивший Президиум, понимает, зачем Берии нужен Игнатьев, и защищает того — Игнатьева всего лишь освобождают от должности секретаря ЦК КПСС, а в конце апреля по настоянию Берии всего лишь исключают из членов ЦК, но не из партии. Тогда Берия арестовывает Огольцова, а потом и лечащего врача Сталина — Смирнова.

У Хрущева не велики надежды на то, что Огольцов и Смирнов будут долго держаться под вопросами самого Берии (хотя пытки только что осуждены и запрещены), и с марта у Хрущева уже готов Строкач, готовый обвинить Берию в заговоре, но Берия все время в стране, а Строкач очной ставки с ним не выдержит. Наконец в июне 1953 г. Хрущеву удается добиться решения послать Берию (самого «свободного» руководителя в СССР) проследить за ликвидацией нацистского мятежа в Германии. В отсутствие Берии Хрущев представляет Президиуму Строкача с его сообщением, что Берия задумал свергнуть правительство СССР через несколько дней после возвращения из Берлина. Президиум согласовывает Хрущеву предложение поручить Москаленко и Батицкому задержать Берию для организации очной ставки со Стокачем. Но Батицкий и Москаленко по сговору с Хрущевым убивают Берию, якобы в результате сопротивления Берии при задержании. Хрущев предлагает растерявшемуся Президиуму сообщить в стране, что Берия арестован и ведется следствие. Президиум соглашается, скорее всего, не понимая, что теперь они все, вместе с членами ЦК, стали сообщниками Хрущева в убийстве Берии. Хрущев инициирует замену Генерального прокурора подонком с Украины Руденко, и тот начинает фабриковать «дело о заговоре», арестовывая невинных людей. Пытаясь выпутаться из одного преступления, члены Президиума и Правительства все больше и больше запутывались Хрущевым в очередных, оправдывая сами себя «интересами политики, мирового коммунистического движения» и т.д. В результате они оправдали в декабре 1953 г. убийство подонками судьями и прокурорами невинных сослуживцев Берии как «членов его банды», согласились с ложью в газетах, что Берия якобы расстрелян по приговору суда, согласились с судебными убийствами Рюмина, Абакумова и многих других.

Но вряд ли кто-либо в Правительстве СССР и в Президиуме ЦК КПСС знал, а многие даже не догадывались, что

Хрущев был убийцей Сталина. А Хрущев практически немедленно принял меры по сокрытию всех следов этого убийства ото всех, в том числе и от партийно-государственной номенклатуры. Сразу же были уничтожены все медицинские документы по лечению Сталина, уничтожен его архив, выпущены на свободу лечащий врач Сталина Смирнов и Огольцов. В 1954 г. врачи, лечившие Сталина и делавшие вскрытие его тела, арестовываются и отправляются на Север.

Хрущев делает все, чтобы его подельники, знающие, что он убийца, не сталкивались бы с высшими руководителями СССР и случайно не проболтались. Восстановленного в ЦК Игнатьева Хрущев отправляет на периферию секретарем Татарского обкома, но поскольку Игнатьев и на этом посту имеет возможность общаться со многими, то его в 55 лет отправляют на пенсию. Огольцова реабилитируют еще в августе 1953 г., но на службе не восстанавливают, а поскольку генерал-лейтенант даже на пенсии вхож ко многим людям, то в 1958 г. по приказу Хрущева фабрикует дело о превышении Огольцовым власти во время войны в блокадном Ленинграде, лишают его звания, исключают из партии — делают парией, которому мало кто поверит. И Огольцов незаметно прожил остаток жизни, радуясь, что его не убили, как свидетелей попроще. А с теми расправлялись круто: помимо трех телохранителей Сталина, был убит и глава лаборатории, изготавливающей яды, Майрановский, попробовавший прощантажировать Хрущева.

Хрущев боится даже намек на то, что партноменклатура плела заговор против Сталина. В 1954 г., когда еще Сталина по привычке прославляли и никто не сомневался, что это был выдающийся вождь советского народа, Хрущев реабилитирует фигурантов по «ленинградскому делу» — Кузнецова, Вознесенского, Попкова и прочих. В этот момент настал последний звездный час Тимашук — чтобы она не проболталась о роли Кузнецова в убийстве Сталина, ее вновь награждают орденом теперь уже Трудо-

вого Красного Знамени, сделав ее кавалершей всех трудовых орденов СССР.

Но для Хрущева и партноменклатуры вопрос с идеями Сталина остается нерешенным — если оставить Сталина вождем, равным Ленину, то по мере восстановления властной роли партноменклатуры волей-неволей у очень многих будет возникать вопрос: почему Хрущев ведет партию не тем курсом, по которому перед смертью повел ее Сталин? Не заплевав Сталина, объяснить это было нельзя. И Хрущев во главе высших партийных функционеров решается на позор XX съезда.

Возникла проблема — если обвинить Сталина в том, в чем его и обвинили, — в «культе личности», то у всех возникнет вопрос: «А при чем тут Сталин? Ведь он сам себя никогда не хвалил и не возвеличивал. Курили фимиам ему вы — делегаты XX съезда». Поэтому Сталина обвинили в том, что он убивал «честных коммунистов». Открыто обвинить Сталина в этом было нельзя, поскольку события были еще свежи в памяти и у всех возник бы вопрос: «А при чем тут Сталин? Ведь он лично ни одного «честного коммуниста» к смерти не осудил, их приговаривали к смерти вы, делегаты XX съезда». Получается неувязка: кричали об одном, а обвиняли в другом, но эта неувязка не была случайной, тут бы точный расчет. В 1938 г. Гитлер воспользовался случаем убийства еврейским педерастом своего любовника — немца из немецкого посольства в Париже — и организовал грандиозный еврейский погром в Германии. Казалось бы, что от этого погрома Германии только вред в связи с возмущением всего мира. На самом деле это не так. Дав одним немцам разграбить еврейские магазины и поджечь синагоги, а другим — молча взирать на это и не препятствовать этим преступлениям, Гитлер сплотил немцев против евреев и вокруг себя, поскольку ничто так не сплочает толпу обывателя, как совместно сделанная подлость. Хрущев повторил подвиг Гитлера. Он дал одним обывателям в плане борьбы с «культом личности» разрушать па-

мятники Сталину, рвать его портреты, сжигать его книги, а остальным — безучастно смотреть на это. А обыватель, совершив подлость, никогда в ней не признается — он будет до смерти утверждать, что его подлость на самом деле была нужна и полезна всем. Хрущев, как и Гитлер, подлостью сплотил обывателя вокруг себя.

Легко и быстро Хрущев нашел морально и умственно ущербных уродов в среде писателей, журналистов и историков, которые за мелкие подачки стали клеветать на эпоху Сталина, уверенные, что борются «за демократию» путем поливания грязью и ложью самого светлого периода в истории России и СССР.

Когда в 1964 году Хрущева сместили с постов и отправили на пенсию, он обязан был признаться по меньшей мере сменившему его Брежневу в том, что это он убил Сталина. Иначе Брежнев мог бы от незнания не принять меры к сокрытию этого преступления, а так в 1981 г. Брежнев дал команду убить Федорову, неосмотрительно собравшуюся в США. И об убийстве Хрущевым Сталина знали все Генеральные секретари, включая, разумеется, и Горбачева. Молчали все, поскольку объективно Хрущев совершил это преступление хотя и по своим мотивам, но все же к их, партийной номенклатуры, пользе, во имя их власти. Брежнев, по-своему добродушный и даже несколько совестливый обыватель, узнав правду о смерти Сталина, цыкнул на шавок прессы и истории, клевета на Сталина сократилась, мемуаристы при Брежневе обязаны были писать о Сталине уважительно, уважительно показывали его в фильмах и описывали в романах.

Но именно Брежнев окончательно развернул партию и страну антисталинским курсом, и с надеждами на Коммунизм было покончено. Если Хрущев перечеркнул сталинскую реорганизацию партии, то Брежнев перечеркнул сталинскую Конституцию, протаскив через уже декоративный Верховный Совет свою Конституцию со статьей о неравенстве советских людей:

«Статья 6. Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу.

Вооруженная марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР, руководит великой созидательной деятельностью советского народа, придает планомерный, научно обоснованный характер его борьбе за победу коммунизма.

Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР».

Отныне любой алчный негодяй, из карьеристских соображений вступивший в КПСС, начинал определять развитие страны. Не весь народ, как при коммунизме, а только партноменклатура! В этот период в партию все еще вступали и Люди, но участь КПСС и СССР уже была решена.

При Горбачеве возникла необходимость вновь заплывать самый яркий период в истории СССР, чтобы оправдать уничтожение Советского Союза. Но условия по сравнению с хрущевскими изменились — была объявлена свобода слова. Установить контроль за тем, кто и что говорит и кто и что печатает, стало невозможно. А настоятельно требовалось не дать оппозиции узнать ни о заговоре партноменклатуры против Сталина, ни то, что его убил Хрущев, ни то, за что убил. В противном случае сразу же встал бы вопрос о том, что представляет собой горбачевская партноменклатура и что она творит под видом перестройки.

Поэтому начиная с конца 80-х началась фабрикация фальшивых документов, якобы хранящихся в архивах, с тем, чтобы увести любого исследователя от мыслей об убийстве Сталина, чтобы дать иное объяснение мотивам действий исторических личностей той эпохи. Из этой потребности и появилось «Дело Михоэлса», «письма Берии», «письма Абакумова» и т.д.

Мистика Сталина

Остается мелкий вопрос: имел ли возможность Хрущев на ужине 28 февраля 1953 г. дать Сталину яд?

Выше вы видели, как в тот вечер охранялся Сталин. Его дача представляла собой двухэтажный дом, стоящий посреди обширного участка леса, огороженного дощатым забором. На въезде на участок был пост. Сам дом охранялся одним человеком — дежурным комендантом. Этот комендант нес и хозяйственные функции — как вы помните, именно с ним Сталин оговаривал меню последнего ужина.

Круглосуточно недалеко от Сталина находились еще два человека — телохранители или, как их тогда называли, «прикрепленные». Функции дежурного повара и официантки исполняла женщина-подавальщица. Сталин жил в четырех комнатах (спальня, кабинет и две столовые для приема гостей) на первом этаже. На втором этаже были гостевые комнаты, в которых, в частности, во время визита в СССР останавливался Мао Цзэдун.

Немногочисленная охрана Сталина не должна нас удивлять, на самом деле она была достаточной, поскольку Сталин был вождь советского народа, следовательно, его охранял весь народ, и попытки Животных или врагов СССР организовать покушение на Сталина пресекались еще в зародыше. Поэтому с точки зрения покушения на него каких-то киллеров Сталин был в безопасности даже с таким разгильдяем начальником правительственной охраны, как Власик.

Конечно, в случае нападения на Сталина телохранители и защитили бы его, и отдали за него жизнь, но реально им приходилось только ограждать Сталина от назойливого восторга увидевших Сталина прохожих. Малочисленность охраны Сталина, забываясь, отмечают даже хрущевцы. Так, к примеру, тогдашний мэр Москвы В. Пронин, получивший эту должность благодаря Хрущеву, конечно, начинает с

того, что Сталин «создал в стране режим своей диктатуры, беззакония» (что для хрущевца также обязательно, как и «Отче наш» для Папы Римского), но на вопрос корреспондента, боялся ли Пронин Сталина, отвечает:

«— Сталина? Конечно. Но он умный и начитанный человек. Очень скрупулезно влезал в дела. В 1939—1940 годах был такой порядок. Шла интенсивная застройка столицы. Сталин еженедельно ездил по стройкам Москвы. И часто я его сопровождал. Он сам назначал, куда едем. Садимся в одну машину. Часто другой, с охраной, не было. Рядом с шофером начальник личной охраны генерал Власик, на втором сиденье я, рядом Сталин, позади Щербаков, Жданов или Молотов. Это бывало обычно под вечер. Приезжаем на место. Сталин выходит из машины, начинаем ходить по стройке, обсуждаем планировку, застройку и т.д. Народ собирается. Помню, на Ленинском проспекте Сталин в такой ситуации говорит людям: «Товарищи, здесь же не митинг, мы по делу приехали». Власик, весь потный, бегаёт кругом, никого из охраны больше нет».

Заметьте, что Животные и по сей день внушают в голову обывателя мысль, что после репрессий 1937 года Сталина ненавидел весь народ, что его охраняли полки и дивизии охранников, а он, как видите, спокойно ходил по Москве даже без обычных телохранителей. И в других городах было то же самое. После войны Сталин проводил отпуск чаще всего на Черном море в Сочи и иногда прогуливался по городу пешком. В этом случае один телохранитель шел несколько сзади Сталина и просил прохожих не идти за ними, а второй несколько впереди на другой стороне улицы и просил прохожих не перебегать ее, чтобы поближе увидеть вождя. Повторю, от удара убийц извне Сталин был прекрасно защищен всем советским народом, но он был совершенно беззащитен от удара тех, кого он считал своими товарищами.

На даче Сталина или в его доме обеды Сталина с товарищами проходили следующим образом. Перед обедом

подавальщица выставляла на столики рядом с обеденным столом чистые посуду и приборы, судки и блюда с едой и закусками, и уходила. Сталин и его гости сами подходили к этим столикам, брали чистые тарелки, накладывали себе понравившуюся еду и садились за обеденный стол. При перемене блюд они вновь вставляли, относили грязные тарелки, брали чистые, накладывали новое блюдо и т.д. При такой системе самообслуживания, с одной стороны, никто не мешал любым конфиденциальным разговорам между Сталиным и гостями, но с другой стороны, Сталин несколько раз за вечер покидал свое место за столом и свой бокал с вином. Таким образом Хрущев при перемене блюд мог замешкаться за столом, когда остальные уже встали, и когда Сталин, Берия, Маленков и Булганин стояли спиной к нему, накладывая себе очередное блюдо, влить или всыпать в бокал Сталина яд. А мог свой бокал опустить ниже крышки стола, всыпать в него яд, а затем подменить им бокал Сталина. Хрущев был человеком храбрым, а посему эту несложную операцию мог выполнить четко и без дрожи в руках.

В молодые годы Сталин писал на грузинском языке стихи, причем настолько хорошие, что их печатали практически во всех выходящих до революции сборниках грузинских стихов и даже в школьных учебниках. То стихотворение, которое нас интересует, в переводе на русский язык звучит так:

«Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старой дубовой пандури
Нехитрый мотив звучал.

В напеве его и в песне,
Как солнечный луч чиста,
Жила великая правда —
Божественная мечта.

Сердца, превращенные в камень,
Будил одинокий напев.
Дремавший в потемках пламень
Взметался выше дерев.

Но люди, забывшие Бога,
Хранящие в сердце тьму,
Вместо вина отраву
Налили в чашу ему.

Сказали ему: «Будь проклят!
Чашу испей до дна!..
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна!».

Обратите внимание на мистику этого произведения. За 50 лет до своей смерти Сталин не только предсказал, за что его убьют («...*правда твоя не нужна*»), но и, судя по всему, довольно точно предсказал, как именно его убьют — «*вместо вина отраву налили в чашу ему*».

Ошибся молодой Сталин только в одном: правда его не нужна только Животным, а советским Людям она была нужна, более того, учитывая то, что это правда о Коммунизме, то она нужна и Людям всего мира.

Убедительным доказательством этого является то, что человекообразные животные до сих пор отчаянно, не гнушаясь клеветой и фальшивками, стараются эту правду скрыть.

СЧАСТЬЕ ЖИВОТНЫХ

Убив Сталина и Берию, Животные сумели удержать за собой партаппарат и власть в СССР. Теперь мы видим последствия этого везде, куда ни ткни пальцем. Поэтому рас-

смотрим эти последствия только в гуманитарном, чисто человеческом плане.

Напомню, что для удобства расследования мы разделили людей на три класса: собственно Людей, живущих ради Великих Целей; обывателя, чьи цели в жизни почти такие же, как и у всего живого; и на Животных, у которых цель жизни в бесконтрольном удовлетворении своих инстинктов.

Природе нужен именно Человек, иначе бы она его не создала — планета и по сей день была бы населена только животными, которые бы не уродовали ее, не растрачивали недра и энергоресурсы. Если некто родился человеком, но остался обывателем, то для Природы это уже брак. Но если это Животное, то это просто мусор, да еще и опасный, так как такой мусор губит планету.

Природа за все платит, и Человеку она платит тем, что жизнь Человека в тысячу раз интереснее и эмоциональнее богаче, чем у обывателя или Животного, прежде всего за счет переживаний и счастья от поражений и побед в труде и в достижении тех целей, которые перед собой может поставить только Человек. Животное понять вышесказанное вообще неспособно, поскольку имеет отвращение к труду (т.е. удовольствие получает от противоположного — от лени). Животному кажется, что мыслями о счастье труда его хотят обмануть и заставить работать бесплатно. Он просто не понимает, что человеку доступны все те удовольствия, о которых Животное знает (от еды, секса, безопасности и даже от отдыха), но Человек получает удовольствие и тогда, когда отказывается от животных удовольствий во имя своего человеческого предназначения, во имя правил поведения, во имя морали, во имя своей Цели.

Даже денежно богатое Животное гораздо несчастнее Человека в силу ограниченности того, что он получает от жизни. Жид может иметь много дорогой жратвы и одежды, иметь охранников, может много путешествовать, но Человек от собственной жизни берет гораздо больше, чем че-

ловекообразная вошь, неизвестно зачем родившаяся и неизвестно зачем живущая.

Для воспитания из человекообразного животного — обывателя — человека, человечество пользовалось двумя приемами.

Во-первых, **личным примером Людей**. Обывателя с детства силой заставляли иметь поведение человека, а во взрослые годы обыватель видел, что Люди получают от жизни то, что ему не доступно, и, завидуя, стремился поступать так же, как и Люди, пока не проходил ту грань, за которой становился человеком и начинал получать человеческие удовольствия.

Во-вторых, **человеческими религиями**, к примеру, христианством или мусульманством. Обыватель, в страхе попасть в ад, придерживался правил человеческой морали до тех пор, пока не проходил грань, за которой становился человеком, и человеческая мораль становилась для него естественной.

Животное — это человек, который руководствуется в жизни только своими гипертрофированными животными инстинктами, это животное, которое в рамках человеческой морали держит только инстинкт самосохранения, ввиду наказаний, установленных людьми для жидов.

Большевики упразднили религию, оставив себе для воспитания людей единственный прием — собственный пример. Сталин говорил, что он видит партию как орден меченосцев, численностью в 50 тыс. человек. То есть он видел коммуниста как образец человека, который своею жизнью убеждает окружающих в том, что такие люди есть, такие люди счастливы, и коммунизм — сообщество таких людей — возможен. Поскольку в мирное время коммунист мог дать пример служения коммунизму только в труде, то вы видели на примере сравнения «Огоньков» за два периода, насколько в СССР Сталина прославлялись такие люди.

Если бы Сталин и Берия смогли осуществить реорганизацию КПСС, то, возможно, через несколько лет пар-

тия действительно превратилась бы в такой орден меченосцев. Животные бы с нее пообсыпались, поскольку, как я уже писал, членство в КПСС перестало бы давать какие-либо выгоды — партия бы никого и никуда не «устраивала». Ее забота была бы одна — во всех Советах депутаты должны быть коммунистами, т.е. свой авторитет коммунисты должны были держать на таком высоком уровне, чтобы народ голосовал только за них. Численность КПСС нарастала бы исключительно за счет интеллектуальной и моральной элиты общества — за счет Людей.

Нельзя считать так, что, убив Сталина и Берию, Животные захватили власть в СССР. Нет, они лишь только распахнули в КПСС для Животных все двери, хотя отдельные Люди оставались в партаппарате до самого конца КПСС.

Тут вот в чем проблема. То, что в 1991 г. Животные полностью победили и взяли власть — это от скотской глупости, просто в 1991 г. интеллектуальный (умственный) уровень всего населения резко упал из-за дефектов в системе тоже оскотинившегося образования. (О нем в этой книге нет места.) Животные после Хрущева катастрофически поглупели.

Послесталинские Животные несколько поколений были значительно умнее. В частности, они если и не понимали, то догадывались, что государство — это общество Людей, а Животное — это хуже животных. А ведь и животные не могут создать государства. Поэтому для Животного главное — не разрушать государство, на котором паразитируешь. Ты же, Животное, ни работать само не хочешь, ни защищать не хочешь «эту страну», значит, кто-то же должен это делать? Береги Людей! И Людей продолжали беречь и Хрущев, и Брежнев, и только у горбачевского ЦК головы стали, как кокосовые орехи, как говорилось в одном старом фильме, — снаружи твердо, внутри жидко.

А после Сталина Животные партноменклатуры Людей продолжали прославлять, более того, откровенное скотство преследовалось и в самом аппарате партии, и СССР.

Животные были, по сути, подпольщиками даже при своей власти, но их становилось все больше и больше, причем во всех слоях общества. Видите ли, как бы Животное ни маскировалось под Человека, а Человеком ему стать трудно, поэтому обмануть оно этим может только того, кого и обманывать нет смысла — Человека. А Животное-обыватель сразу узнает своего и поймет, что его обманывают. Как бы ни хотелось этого Животным, но они у обывателя были примером только Животных, а не Людей.

Положение усугубила и крайняя для Хрущева необходимость заплевать Сталина. У него не было другого выхода, ведь не в Сталине дело, а в тех изменениях, которые Сталин произвел в партии и которые Хрущев ликвидировал. Ведь если оставить Сталину его реальный статус — умнейшего человека Истории, — то тогда не поможет и уничтожение сталинских архивов. Люди будут интересоваться, почему этот умнейший человек упразднил Политбюро, упразднил должность Генерального секретаря, почему расширил Президиум ЦК, почему сам хотел выйти из органов управления партией? А это вопросы, на которые партноменклатура очень не хотела отвечать. И заставить людей замолчать, не задавать эти вопросы можно было только одним способом — утверждением, что Сталин был негодяем, а гением был Ленин. Отсюда и родилось шельмование Сталина, радостно подхваченное всеми Животными как внутри страны, так и на Западе. А ведь шельмовался самый героический период в истории России, период, когда в ней количество Людей было небывало высоким.

Ну как вы поставите в пример подвиг любого солдата той войны, если этот солдат шел в бой по приказу Сталина и со словами «За Сталина!», а Сталин был негодяем, уничтожившим «верных ленинцев»? Тогда этот солдат получается не героем, а сумасшедшим. Ну какой же из сумасшедшего пример? Думаю, что Животные при Хрущеве эту проблему прекрасно понимали, но им деваться было некуда.

Животные в партноменклатуре старались, чтобы в стране было как можно больше (правда — молчаливых!) Людей, и все время КПСС инициировала кампании с попытками остановить оскотинивание населения. То бригады коммунистического труда затевались, то моральный кодекс строителей коммунизма принимался. Но без примеров все это чепуха: Животного словами не вдохновишь, да он их и не понимает.

С литературными примерами и примерами в кино и на ТВ тоже было неладно. Это старинная вотчина Животных, там Животное на Животном и непрерывная скотская грызня по любым поводам — от дележки премий до дележки по национальностям. Ну какой образ труженика или бойца в качестве примера людям могли создать эти члены Союза писателей, если они в своей жизни не держали в руках ничего тяжелее... ложки, и «закосили» даже от службы в мирной армии?

И непрерывной чередой шли произведения и фильмы, в которых главными героями были те же Животные с их мелкими скотскими страстишками и разборками.

Партноменклатура, в принципе, делала, что могла, чтобы сохранить Людей. К примеру, рабочий у станка, а особенно — в забое или у мартеновской печи, или на рыболовецком траулере, зарабатывал в несколько раз больше, чем получали скопища Животных с дипломами, набившиеся в тысячи институтов и контор. Эти Животные сидели по кухням и злобились, что на Западе инженер «получает» больше рабочего, а у нас наоборот. Да, действительно, за исключением двух нюансов, не заметных им. На Западе инженер свои деньги зарабатывает, а не получает. Во-вторых, в СССР за изобретение с экономическим эффектом всего в 1 млн рублей изобретателю полагалась премия в 20 тыс. руб. — очень большие по тем временам деньги. Что же вы, «ученые», не делали изобретений?

И вот к середине 80-х за что Животные боролись, на то и напоролись. В СССР стала их, скотская власть уже офици-

ально. Людей почти не осталось, да и тех в качестве примера обывателям у Животных не хватает ума показывать. И просто забавно смотреть на это Животное счастье.

Ведь дело в том, что цель Животного — устроиться на шее. Пока это шея Людей, то куда ни шло. Но сейчас население СССР оскотинено донельзя, и если какая свободная шея и осталась, то это шея такого же Животного. Ведь это довольно интересно: смотреть на реакцию алчных, как окуни, Животных, когда они выясняют, что у них в губе уже крючок — что это не они, а у них на шее сидят.

Возьмите шахтеров. Как я только что написал, в СССР это были материально наиболее состоятельные люди. Решили эти шахтерские скоты стать еще богаче — заставить общество платить им еще больше. Раззявили пасть очень широко, а что в результате? Теперь на рельсы ложатся, сидят в Москве, касками стучат, чтобы им хоть какие-то деньги платили. Хотели «кинуть» всю страну, а «кинули» их, но судя по наивным Животным рожам, шахтеры так этого и не поняли. Просите помощи? У кого? У Жидов, которые оказались хитрее вас?

Или возьмите московских «ученых». Они были в первых рядах тех, кто разрушал СССР. Можно было догадаться, что если страну уменьшить наполовину, то налогов в бюджет, денег на содержание вас — «ученых», будет поступать вполтину меньше? Следовательно, либо «ученые» московских институтов будут получать вполтину меньше, либо их самих станет вполтину меньше. Это было очевидно, но не для Животных. Они были твердо уверены, что когда к власти придут они, то «получать» Животное будет, «как на Западе». Спасибо московским «ученым скотам»: Животные-таки к власти пришли с их помощью. И что?

Теперь эти «ученые скоты» стоят с плакатами: «Спасите российскую науку!». А она вас, Животных, когда-либо заботила? Вас ведь заботило только «хорошо» в ней «устроиться» и «хорошо получать». Так что и плакаты надо другие:

«Спасите бедных Животных, которые хотели «кинуть» народ СССР, а более хитрые Животные «кинули» их!».

Грустно, конечно. Была великая страна, был великий народ, а все превратилось в мелкое скотство, которое не понимает, зачем живет. Живут, как овощи на грядке, у подавляющей массы бывшего советского обывателя атрофирован даже родительский инстинкт — им и на детей наплевать. Дышат, жрут, кто может — сношаются, а зачем? Животные себе таких вопросов не задают.

ЭПИЛОГ

На «круглом столе» в Госдуме на тему: «Катынская трагедия: правовые и политические аспекты», который 19 апреля 2010 года провела фракция КПРФ, я получил и информацию, которую не ожидал получить, причем совершенно не по теме Катыни. Дал эту информацию А.И. Лукьянов, но чтобы вы поняли ее значение, я начну не с его информации.

Я уже в нескольких книгах, в которых уместно было об этом писать, рассказываю, что в 1991 году власть в СССР перешла в руки аппарата КПСС (не партии, а ее аппарата, и не всего аппарата, а некой избранной, в то же время наиболее подлой его части), причем перешла в тайном виде. Понятно было, что и деньги СССР перешли в собственность аппарата КПСС, и тоже через подставных лиц. Причем я пришел к этому выводу путем исключения всех возможных вариантов.

В кулуарах «стола» я разговорился с доктором исторических наук А.Н. Колесником, специализирующимся на сборе исторической информации путем опроса еще живых деятелей исследуемой им эпохи. Вот он и рассказал, что бывший начальник 5-го Управления (защита конституционного строя) КГБ, первый заместитель Председателя КГБ СССР, генерал армии Ф.Д. Бобков, который был болен и находится тогда в плохом состоянии, поведал, что все нынешние олигархи (Березовский, Гусинский, Абрамович и пр.) во времена СССР были его агентами, то есть агентами КГБ. Они сообщали КГБ о настроениях и разговорах в интеллигентской среде, и именно им была передана собственность СССР, причем по распоряжению с «самого верха». Под «самым верхом» надо полагать самого Горбачева, во всяком случае, какой-то очень узкий круг «посвящен-

ных» лиц. Рассказывая о своей работе с Волкогоновым и А.Н. Яковлевым, Колесник утверждал, что тот же Яковлев, ближайший соратник Горбачева по перестройке, совершенно осмысленно менял общественный строй СССР, причем в своем кругу, ставя задачи по фальсификации истории, даже не сильно скрывал, что эта фальсификация проводится именно для облегчения смены строя.

Нового в этой новости не много, об этом не трудно прочесть в Википедии, во вступительной статье к изданию «Черной книги коммунизма» на русском языке Яковлев хвастался: «Группа истинных, а не мнимых реформаторов разработали (разумеется, устно) следующий план: авторитетом Ленина ударить по Сталину, по сталинизму. А затем, в случае успеха, Плехановым и социал-демократией бить по Ленину, либерализмом и «нравственным социализмом» — по революционаризму вообще. <...>

Советский тоталитарный режим можно было разрушить только через гласность и тоталитарную дисциплину партии, прикрываясь при этом интересами совершенствования социализма. <...> Оглядываясь назад, могу с гордостью сказать, что хитроумная, но весьма простая тактика — механизмы тоталитаризма против системы тоталитаризма — сработала».

Такая информация об уничтожении высшими руководителями собственной организации, на первый взгляд, в голове не укладывается, поскольку Горбачев, Яковлев и некий узкий круг руководителей СССР вокруг них, выглядят совершенными идиотами. Ведь при смене строя они из властных и публично прославляемых людей, руководителей огромной и славной страны, превращались в гнусные ничтожества, какими они на сегодня и являются в глазах подавляющей части населения бывшего СССР, да и думающей части мира. В чем тут «хитроумность плана»?

Понимаете, все эти Нобелевские премии, эти встречи с «интеллигенцией» — это все для дураков. А я не верю, чтобы Горбачев и Яковлев были настолько дураками, что не

понимали последствий превращения себя из руководителей мощнейшей державы в ничтожных и никем по-настоящему не уважаемых клопов. Не могли они по собственному желанию, добровольно на это пойти!

После такого вывода следуют два первых вопроса: кто и чем их заставил? Начнем с первого — кто?

На первый вопрос, чтобы отбросить инопланетян и расплывчатое слово «Запад», следует ответить — это те, кто реально руководит США, а посредством США и всем миром, — это некая элита банковского и связанного с ним промышленного капитала.

Возникает вопрос, а надо ли было мне писать о некой элите? Может, нужно было просто ограничиться словом «Запад»? Можно было, но при этом в уме читателей всплывут образы обам, бушей и всяких прочих блэров, а, на мой взгляд, эти сиюминутные (в масштабах истории) гномы вряд ли сами догадываются, что происходит даже в их странах.

Да, не исключено, что в недрах государственного аппарата США имеются некие засекреченные структуры для явной и неявной войны с СССР и со всем миром за право США быть гегемоном во всем мире. Но полагаю, что эти структуры, сами того не подозревая, работают сначала на помянутую элиту Запада, а уж во вторую очередь — на США. Этого легко добиться подчинением элите всего одного человека в этих структурах — их руководителя. Так уж устроена система бюрократического управления — всем кажется, что никто в США не служит этой элите, и все в США исключительно патриоты и служат только Америке! Это заблуждение. При сегодняшнем устройстве систем управления, в том числе и в США, надо только подготовить американскому президенту план действий, который в первую очередь будет выгоден элите, президент этот план примет, и вся Америка будет служить элите Запада, в уверенности, что служит Родине. При этом даже самого президента не надо покупать, а иногда его и информировать нет смысла,

просто нужно купить того, кто готовит президентам США речи и планы, и достаточно. Сейчас в мире президенты в умственном отношении столь убогие, что вряд ли понимают, что именно они делают.

Да и зачем нам, собственно, чужие примеры того, что значит предательство руководителей организации? Вспомните, разве 18 миллионов коммунистов СССР, поддерживая Горбачева, служили делу уничтожения СССР? И кем, по сравнению с этими 18 миллионами членов КПСС, клявшимися в верности СССР, была жалкая кучка диссидентов-либералов, из которых половина была агентурой КГБ? А ведь СССР был уничтожен, и уничтожен, по меньшей мере, при непротравлении членов КПСС! Поймите, бессмысленна многочисленность организации, если во главе ее предатель, а строгая дисциплина в такой организации только способствует предательству ее главы. Я не снимаю вины ни с одного члена КПСС, но ведь нужно понимать и механизм того, как, кем и каким способом эти 18 миллионов были превращены, используя тюремный жаргон, в «петухов» СНГ.

Не буду спорить с теми читателями, кто не согласен с моим видением тех, кто правит миром. Просто прошу со мною согласиться в том, что если в мире осмысленно уничтожаются государства, то не так важно, кого именно мы считаем руководителями этих операций по их уничтожению. Важно то, что существует некий, пусть нам и неизвестный, центр, осмысленно планирующий и осмысленно осуществляющий такие операции, как с применением оружия и войск, так и без их применения. А из кого именно состоит этот центр и где именно он находится — в недрах аппарата США или в ином месте, — это вопросы уже второго плана. Хотите видеть в роли руководителей этого центра Тэтчер или президентов Рейгана, Клинтона или Обаму — пожалуйста. Я этих деятелей и даже Трампа в такой роли не вижу.

Если вы согласились с тем, что существует некая внешняя сила, заставившая Президента СССР и чуть ли не небожителей — членов Политбюро ЦК КПСС — самих себя пре-

вратить в грязь, то следующий вопрос: как и чем эта сила заставила этих могущественных людей работать себе во вред?

Для ответа на этот вопрос требуется предварительное обдумывание вопроса: а было ли это в истории СССР в первый раз? Были ли до перестройки случаи, когда элита СССР действовала себе во вред? Подчеркну — себе, элите, во вред, а про вред гражданам СССР я уже и не говорю.

Вот давайте в этом плане вспомним некоторые события отечественной и мировой истории, а начнем, во-первых, с описанного в книге XX съезда КПСС.

Весьма поразительна реакция Запада. Нам внушают, что в то время шла яростная идеологическая борьба двух систем — советской и западной — и все, что признавалось в одной системе с плюсом, в другой оценивалось с минусом и наоборот. У нас бесплатная медицина, а у них она качественнее. У нас бесплатное образование, а у них оно тоже почти бесплатное, но лучше. У нас нет безработицы, а у них пособие по безработице больше, чем у нас зарплата. У нас Гагарин в космос полетел, а у них автомобиль в каждой семье, они на Луну высадились, а мы людей бережем. И так во всем.

И по формальной логике пропагандистской борьбы, если КПСС на XX съезде начала борьбу со сталинизмом, то Запад обязан был поддерживать мертвого, а посему и безопасного, Сталина против живого и, казалось бы, опасного для Запада Хрущева. Но Запад формально не поступил — Запад радостно поддержал Хрущева и его «шестидесятников». Почему?

Я уже писал об этом: Запад пугало то, что осененные коммунистическими идеями люди становятся сверхчеловеками. И именно из-за этого Западу нужна была клевета на Сталина, поскольку этой клеветой подрывались моральные силы и советского народа, и коммунистического движения. Выгода Запада очевидна. И элита СССР пошла

не только на свое унижение, но и на это. Почему?? Чем элита Запада заставила элиту СССР пойти на такое унижение?

Да, XX съезд — это вопиющий пример унижения элиты СССР, но ведь это не единственный пример того, как элита СССР унижалась сама и сдавала интересы СССР. Давайте вспомним второй пример.

После своего провозглашения с помощью СССР Израиль очень быстро показал свое гнусное антикоммунистическое и антисоветское нутро. Помогать Израилю для элиты СССР не было никакого государственного и политического смысла, и, действительно, формально СССР как бы помогал врагам Израиля. Но как! Во-первых, в критические для Израиля моменты войны начинались переговоры, спасавшие Израиль, и СССР в этот момент вдруг начинал вместе со всеми говорить о мире, а не помогать арабам добиться победы. Мало этого, основой существования Израиля как государства являются деньги, поскольку Израиль до сих пор не способен себя прокормить, и после XX съезда КПСС огромные деньги Израиль начал снимать с Германии под соусом холокоста — под соусом того, что немцы убили 6 миллионов евреев. При этом из этих 6 миллионов убитых евреев 4 миллиона числятся за концентрационным лагерем Освенцим на территории Польши. Этот лагерь был освобожден советскими войсками и все его документы попали в СССР и хранились в Москве, но элита СССР о том, что ей известно, сколько на самом деле евреев погибло в Освенциме, молчала. А в перестройку в этот архив допустили журналистку Э. Максимову из «Известий», и она в статье «Пять дней в особом архиве» в номере 49 за 1990 год успела сообщить: «Но дожили мы, слава богу, до гласности. Прошлым летом были извлечены из недр архива, правда, с превеликим трудом, освенцимские Книги смерти с фамилиями семидесяти тысяч узников из двадцати четырех стран, погибших в лагере уничтожения». Вопрос: почему СССР не использовал эту ложь о 4 миллионах для компрометации сионизма, почему заставил руководство Польской Народной Республи-

ки повесить на освенцимском мемориале табличку о том, что в Освенциме, якобы, погибло 4 миллиона евреев?

Третий пример. Вопиющим является молчание пропаганды СССР о том, что американцы не слетали, а только сфальсифицировали полеты на Луну. А ведь тут самим и делать ничего не надо было, следовало просто перевести на русский язык и издать книги и статьи американцев Рене или Кайзерлинга, да публиковать в научно-популярных изданиях побольше фото об этом «лунном подвиге». И Америка была бы насмерть дискредитирована в глазах народов СССР и мира, причем самими же американцами.

Но ведь не только ничего не сделали сами, но и наглухо перекрыли поступление в СССР информации о том, что в США есть люди, которые разоблачают несуразности лунной аферы. Вот пример. В начале этого тысячелетия мне случилось беседовать на экономические темы с выдающимся советским инженером Г.В. Костиным. Он является конструктором целого ряда двигателей к нашим космическим и боевым ракетам, а накануне развала СССР работал директором завода, строившего эти двигатели, т.е. он человек в космических делах далеко не посторонний. И когда я в разговоре случайно упомянул о том, что «высадка американцев на Луну» является аферой, он глубоко и искренне изумился. Оказывается, в СССР даже его, человека, который по положению обязан был бы знать все о космических делах, никто не информировал, что даже в США в лунную аферу верят далеко не лучшие умы нации. Костин даже не знал, что такая проблема вообще существует!

Четвертый пример. А случай с корейским авиалайнером, якобы сбитым в районе Сахалина советской ПВО? Ведь на самом деле 1 сентября 1983 года подполковник Осипович, выпустивший по нему две ракеты, явно недостаточные для «Боинга-747», только подбил этот сарай. Об этом свидетельствуют и отсутствие надлежащих обломков в море в районе Сахалина, и то, что самолет не падал, а снижался, что командир этого «Боинга» связался с авиа-

диспетчерами в Японии через 50 минут после атаки, и то, что обломки «Боинга» были выброшены на берег Японии с застрявшим в них оперением американской ракеты, и многое другое. Даже иностранные исследователи приходят к выводу, что этот лайнер с почти тремя сотнями человек на борту, подбитый советским истребителем в районе Сахалина, был добит самими американцами в районе японских островов Кюросимо и Садо. Так почему Андропов вину за его гибель возложил на СССР?

Это только крупные и известные примеры того, как элита СССР сдавала позиции Западу не только без боя, но и без атаки на эти позиции. И это все больше выпячивает вопрос, угрозой чего элита Запада заставляла элиту СССР сдаваться и предавать и коммунизм, и СССР? Что было орудием шантажа?

Ответ на этот вопрос нужно искать в конце 1952 и начале 1953 годов.

То, что, со смертью Сталина убивались решения XIX съезда КПСС, было преступлением против рядовых коммунистов. Еще раз вспомним, что высшим руководящим органом партии был съезд, на который рядовые коммунисты избирали делегатов, и этот высший орган дал приказ ЦК — уйти от государственной власти и заняться пропагандой и подбором кадров. ЦК цинично не выполнил этот приказ.

Да, к сожалению, ни рядовые коммунисты, ни народ этого тогда не увидели. Но это увидела элита Запада. И это стало поводом для грандиозного шантажа элитой Запада элиты СССР.

Представьте, что тогдашние радиостанции Запада, от еще оставшихся «Свободы» и «Би-би-си» до ныне закрытого «Голоса Америки», начали бы объяснять народу СССР, что произошло. Даже народ не потребовался бы, поскольку от того, что партноменклатура фактически руководит государством, рядовым коммунистам было не жарко и не холодно. Но сам факт, что эта партноменклатура попраля коммунистические принципы, привело бы к тому, что сами

коммунисты смели бы партноменклатуру с ее постов и заменили на тех, кто руководствуется сталинскими принципами. Номенклатура КПСС пошла на очень большой риск, и этим подставила себя под угрозу уничтожения самими же коммунистами и, соответственно, подставила себя под шантаж Запада.

Разумеется, со стороны Запада угроза рассказать народу СССР об измене партии ЦК КПСС была блефом, поскольку не в интересах Запада были сталинские преобразования СССР, но даже если Хрущев и видел этот блеф, то он лично ничего не мог поделать, поскольку на нем лежала вина за смерть Сталина и Берии. Его с позором бы расстреляли, если бы Запад, не трогая XIX съезд, начал бы рассказывать то, что он знает об убийстве Сталина и Берии. А Запад знал и молчал о многом, ведь всего лишь несколько лет назад были частично рассекречены архивы ЦРУ, из которых стало ясно, что агентура ЦРУ сразу же, еще в 1953 году сообщала в Вашингтон, что Сталин не умер своей смертью, а убит.

Впоследствии, по мере того, как элита СССР стала все больше и больше предавать СССР, ей уже некуда было деваться. А Запад ждал, пока ключевые должности партноменклатуры КПСС и руководящие должности КГБ заполнятся алчными и подлыми мерзавцами, которые своими руками уничтожат социализм и СССР, строго под контролем Запада, и уничтожат именно так, как Запад и надо.

Однако тут же всплывает вопрос: а как этот шантаж можно было делать тайно при коллективном руководстве, как это сделать, если управление партии — Центральный комитет КПСС — состояло из нескольких сот человек, и даже Политбюро в конце своей истории состояло из трех десятков человек? Как можно было их шантажировать так, чтобы почти за сорок лет никакая информация об этом не просочилась? Ведь и двадцать лет спустя после открытия всех архивов и предательства вождей КПСС никто даже не задумывается и не говорит ни о каком шантаже, и не гово-

рит потому, что даже при наличии явных признаков шантажа совершенно непонятно, как его технически можно было осуществить при коллективном руководстве страной?

Поэтому необходимо отвлечься на этот сопутствующий, но очень важный, ввиду его непонимания, вопрос.

Любое мало-мальски сложное понятие потому и сложное, что имеет много аспектов, выходящих за рамки слова, описывающего это понятие. Особенно если это иностранное слово, не имеющее корней в родном языке.

Скажем, понятие «демократия» описывает государственные органы, над которыми народ имеет власть (демос — народ и кратос — власть) и которые по этой причине служат только интересам народа. Пока демократия существовала в пределах греческого полиса в несколько тысяч человек, это было очевидным. По мере внедрения этого понятия в практику многомиллионных государств смысл демократии начисто утерян и заменен понятием «выборы государственных органов». Смысл утерян до такой степени, что когда АВН или ИГПР ЗОВ говорят, что для получения власти (создания демократии) народ должен получить право поощрять и наказывать власть, то против этого выступают те, кто искренне считает себя демократом. И это при том, что именно избранные всеобщим и тайным голосованием на альтернативной основе органы власти в России так издевались и издеваются над народом (тем самым, который как бы имеет власть), что трудно найти прецеденты во всей мировой истории. Дело дошло до того, что «первому демократическому президенту» потребовался специальный закон для защиты его от уголовной ответственности.

Похоже обстоит дело и с понятием «коллективное руководство». Под этим понимается некий руководящий орган, состоящий более чем из одного человека, и в котором все члены имеют равное право голоса. Но дело не в голосовании, поскольку оно к управлению не имеет никакого отношения. Управление — это область знаний, поэтому го-

лосующий член коллективного органа является управленцем только тогда, когда ясно понимает, как принимаемое решение скажется на управляемой организации. Если он этого не понимает, то он балласт, не имеющий никакого значения.

Возьмите барана, выпишите на него документы депутата Госдумы, и научите его тыкать копытом в ту кнопку, на которую укажет пастух. И этот баран будет управленцем?

Это плохо понимается, поэтому я прошу читателя: сбросьте шоры с глаз и поймите — управленец это не голосователь, управленец — тот, кто умеет управлять. И коллективный орган управления, чтобы соответствовать этому понятию, должен состоять только из тех, кто умеет управлять. В противном случае, даже при формальном наличии коллективного органа, состоящего из голосователей, управлять будет не коллектив, а либо те в нем, кто умеет это делать, либо люди вне этого органа, которые будут готовить от его имени решения, а голосователи за эти решения будут голосовать. При таком балласте управляющий орган может состоять и из тысячи человек, а управлять все равно будет кто-то другой.

Хорошим примером идиотизма является Дума, в которой голосователи открыто занимаются тем, что голосуют за то, что скажут их начальники, а начальники — за то, что скажут те, кто дает им деньги или имеет над ними власть. И реально руководят эти последние, находящиеся вне Думы, а «коллективное руководство» под вывеской «Дума» является дорогостоящей фикцией.

Идеальным коллективным органом является собор, широко распространенный в русской общине еще в прошлом веке, на котором решения принимались единогласно. В связи с единогласным правилом для принимаемых решений большинство в соборе не давило меньшинство своим количеством, а объясняло меньшинству, почему это решение надо принять. И, наоборот, даже один человек имел возможность объяснить остальным членам собо-

ра суть своего варианта решения, и все обязаны были его слушать, поскольку без его голоса решение не состоится. Каждый член собора действительно был управленцем, поскольку голосовал за лично осмысленное решение, и поэтому собор действительно является коллективным руководящим органом. Однако особенностью собора является явно выраженная коллективная ответственность этого коллективного органа. Скажем, русская община несла коллективную ответственность деньгами за ошибки всех своих решений, а кардиналам, соборно избирающим Папу Римского, зримую коллективную ответственность создают, запирая их в комнату, в которой они безвыходно находятся до тех пор, пока единогласно не проголосуют за одну кандидатуру. Без зримой ответственности соборность превращается в польский сейм, уничтоживший Польшу как великое государство.

Однако и при наличии ответственности коллективный руководитель не будет таковым; скажем, сталинское Политбюро ЦК ВКП(б) до войны несло коллективную, причем серьезнейшую ответственность за последствия своих решений, несло тем, что в случае потери большевиками власти членов Политбюро, скорее всего, уничтожили бы. Но и это не сделало Политбюро по-настоящему коллективным руководителем. Почему?

Если в коллективном руководящем органе наличествуют малокультурные люди, не имеющие достаточных знаний для управления и надеющиеся на то, что какие-то другие члены этого органа найдут нужное решение, то такие «члены руководящего органа» за это решение просто тупо проголосуют. И объяснят, что проголосовали так потому, что «верят вождю». Но управление и вера — это разные вещи, поскольку управленец управляет своим умом, а верующий в вождя — это голосовательный балласт коллективного органа. Что верующий есть, что его нет, а на содержание вариантов решения это не повлияет.

Однако прерву начатую тему вождя, чтобы рассмотреть тему малограмотности до конца.

Усугубляет положение с участием в управлении членов руководящего органа и их специализация — они как бы получают оправдание своей низкой культуре — они, де, в этом вопросе не специалисты, а специалисты в других вопросах. Но и как от специалистов от них бывает мало толку, поскольку они уверены, что раз они большие начальники, то могут не знать подробности даже своего дела — это обязан знать их аппарат. Таким образом, вместо такого начальника решения принимает аппарат, поскольку аппарат эти решения готовит начальнику на подпись. Но и чиновники аппарата при малокультурном, малознающем начальнике тоже быстро становятся уверенными, что подробности обязан знать кто-то другой. В результате даже при большом количестве членов «коллективных руководящих органов» на самом деле руководить, даже в не продажной и не коррумпированной системе управления, может черт знает кто.

Поскольку я исследую проблему СССР, то приведу из своей тогдашней практики пример того, во что, с точки зрения знаний, превратилось «коллективное руководство» СССР как руководитель страны. В конце 80-х мне приходилось работать «с газет», то есть начинать действовать, как только какое-то постановление Совмина появилось в печати, поскольку в дальнейшем оно могло быть изменено. И вот было опубликовано совместное постановление ЦК КПСС и Совмина СССР о расширении самостоятельности в области внешнеэкономической деятельности, а в нем глаз зацепился за слово «бартер». Что такое «бартер», я понятия не имел, а просмотрев все словари, не нашел этого слова. Во время очередной командировки в Москву в свое министерство зашел в Управление внешнеэкономических связей выяснить, что же такое бартерные операции, и прошу мне, парню из захолустья, объяснить, что это такое. Работники Управления сначала меня вообще не поняли, начали

выяснять, откуда я узнал это слово и какое оно имеет отношение к ним? Я объяснил, и народ засуетился, сообразив, что это, оказывается, по их специальности, побежал выяснять у начальства, но безрезультатно, подтвердив мое невысокое мнение и о Минчермете, и о московской интеллигенции, которая в газете «Правда» привыкла читать только фельетоны. Но меня так просто не выпроводишь, поэтому меня связали с тем отделом Совета Министров СССР, который готовил текст этого Постановления.

И дело приняло вид скверного антисоветского анекдота, поскольку и в Совмине никто не знал, что означает слово «бартер» в Постановлении Совмина и ЦК КПСС, текст которого сами клерки Совмина и написали. Но там тоже поняли, что это нехороший анекдот, и тут же дали мне телефон человека из Министерства иностранных дел, который непосредственно написал этот пункт Постановления. Я позвонил ему, объяснил, что мне нужно, и почувствовал, что человек на другом конце провода явственно обрадовался моему звонку. Он тут же заказал мне пропуск и предложил приехать на Смоленскую площадь. Принял радушно, объяснил, что бартер — это товарообменная операция, что он ожидал бурной реакции от всей промышленности СССР на введенное им право заводов проводить бартерные операции, но почему-то все молчат, и я вообще первый позвонил...

Вот и оцените, что из себя представляли члены коллективных руководящих органов СССР — Совмина и Политбюро, — если даже члены их аппарата не знали, о чем написано в мудрых указаниях этих руководителей, которые они сами подготовили.

Представляете, как хорошо было быть членом коллективного руководящего органа, если в нем был Сталин? Допустим, поступил к тебе, как к члену коллективного руководящего органа вопрос по металлургии (а Политбюро решало практически все вопросы страны), тебе нужно учебники брать или на заводы ехать разбираться с подробностями,

чтобы принять нужное решение, а это время тратить, умственные извилины напрягать. А тут берешь и посылаешь вопрос Сталину — пусть он разбирается, пусть он тратит время, он же вождь, а ты в субботу — на охоту. А потом голосуешь за предложение Сталина, поскольку «веришь вождю», и, кстати, веришь не без оснований, поскольку Сталин действительно разобрался с твоим вопросом. Представляете, как удобно иметь вождя? Сколько сил это экономит и сколько славы приносит: мы! Члены Политбюро! Решили!

Вывод: в коллективном руководящем органе, даже при наличии коллективной ответственности, будут приниматься решения того, кто обладает максимальным авторитетом, а в органе, члены которого ленятся или не способны разбираться во всех возникающих вопросах, максимальный авторитет будет у того, кто обладает знаниями для решения этого вопроса. Итак, сначала авторитет, потом знания.

Чтобы напомнить, откуда у Сталина взялся авторитет, еще раз сообщу, что в его библиотеке было 30 тысяч томов книг, из которых 5,5 тысячи были им изучены и исчерканы его пометами. Прикиньте, сколько вы прочитали книг за свою жизнь, чтобы понять, насколько энциклопедическими знаниями обладал Сталин. Полагалось бы, чтобы все члены Политбюро обладали такими же знаниями, тогда Политбюро действительно было бы коллективным руководящим органом, и вождями были бы все члены Политбюро. Однако они ленились эти знания приобретать, поэтому Политбюро было коллективным руководящим органом лишь номинально — основную массу решений давал Сталин, остальные за эти решения голосовали.

Но обратите внимание, что у Сталина не было секретов от членов Политбюро — у него не было тайных знаний, Сталин обладал открытыми знаниями, то есть такими, которые могли знать и другие члены Политбюро, да они не хотели трудиться и этими знаниями овладевать, или им ума не хватало для их понимания. Но уже это обладание открытыми знаниями, не известными другим, дает знающему

члену коллективного органа теоретическую возможность провести через этот орган любое решение — как полезное организации, так и вредное.

Давайте подведем итоги. Управление — это знания, вернее, умение применить знания. Государственное управление — это практически энциклопедические знания. Члены коллективного органа управления, не стремящиеся такими знаниями овладеть, всегда будут не управленцами, а марионетками в руках тех, кто такие знания имеет. Поэтому коллективного руководства не будет. Что делать, чтобы коллективное управление было?

Конечно, надо объяснять тем, кто стремится в политику, что они обязаны лично овладевать всеми подробностями вопросов, по которым они будут голосовать, что им нужно стать самыми знающими людьми в стране. Но сами понимаете, что от подобных объяснений толку ноль. Скажем, из нынешних депутатов вообще мизер поймет, о чем это вы говорите, но и этот мизер не почешется — зачем? Что им, без этих знаний плохо? Аппараты Думы и президента какие-то там законопроекты пишут, а депутаты свои карточки для голосования бригадирам сдают, и бригадиры за всех скопом голосуют. Ну что еще нужно такому «государственному деятелю» для счастья?

(Вот поэтому ИГПР ЗОВ и предлагает свой закон, главная цель которого — угрозой возможного тюремного наказания отпугнуть от государственных выборных должностей тупых уродов, а толковых людей, ставших депутатами, заставить вникать во все вопросы.)

В коллективном управляющем органе, укомплектованном малокультурными людьми (в смысле — не умеющими пользоваться теми знаниями, которые требуются для личного решения всех государственных вопросов), диктатором автоматически становится самый авторитетный, а при равном исходном авторитете — самый знающий.

Вот теперь давайте вернемся к шантажу элиты СССР элитой Запада.

Сомневаюсь, чтобы все 110 членов ЦК КПСС, избранные на XIX съезде КПСС, ясно представляли, что они совершили преступление, ликвидировав решения этого съезда. Но и те, кто понимал это, рассчитывали, что в крайнем случае разоблачения этого преступления они прикинутся ничего не понявшими дураками, «поверившими старейшему члену Политбюро Хрущеву», а вот сам Хрущев ответит по полной программе. И это понимание подсказывало, что Хрущев во имя собственного спасения вник во все подробности и лучше всех знает, что нужно делать, чтобы расплата не наступила. Таким образом, Хрущев стал авторитетом в вопросе спасения от этого наказания, ему верили остальные. Поэтому Западу не было необходимости шантажировать всех членов ЦК или даже Политбюро. Достаточно было шантажировать одного Хрущева, а он убедит остальное «коллективное руководство» СССР принимать решения, нужные Западу. Напомню, Хрущев тем более поддавался шантажу, что элита Запада его шантажировала еще и убийством Сталина.

Нравилось ли это Хрущеву? Безусловно, нет! Кому может понравиться нахождение под шантажом? Но что ему оставалось делать?

Разумеется, Хрущев не мог объявить всем членам ЦК, что он вынужден исполнять требования Запада, думаю, что даже самым доверенным, таким, как Микоян, Хрущев не сообщал всего. Скорее всего, как-то в курсе дела были министры иностранных дел, через которых, похоже, и велись секретные переговоры, да о чем-то могли быть информированы председатели КГБ, да и то не исключено, что им сообщалась всего лишь правдоподобная легенда. А те, кто догадывался о чем-то, предпочитали молчать, понимая, что чем меньше знаешь об этом, тем дольше живешь.

Хрущев, безусловно, был большим диктатором, нежели Сталин, но и Хрущев не мог всего, поскольку пока партия состояла из еще сталинских кадров, Хрущев находился в состоянии Штирлица — ему нужно было легендировать

любую уступку Западу так, чтобы в глазах даже партноменклатуры эта уступка выглядела как политика, а не как предательство. «Разоблачение культа личности Сталина» для непонимающих легендировалось «восстановлением ленинских принципов коллективного руководства», а для понимающих — необходимостью так подорвать авторитет Сталина, чтобы никому не пришло в голову задуматься о решениях сталинского XIX съезда. Уступка сионизму в вопросе Холокоста легендировалось несвоевременностью ссоры с международным еврейством. Однако нечем было легендировать сдачу американцам Кубы, и Кубе пришлось помогать. Запад понимал проблемы Хрущева, и понимал, что этот решительный и храбрый человек может пойти и на сумасбродный поступок, если его сильно загнать в угол.

Точно так же Брежнев мог легендировать пресечение сообщений о фальсификации высадки американцев на Луну тем, что, дескать, СССР обвинят в зависти, мало этого, мог вообще объяснять это необходимостью шантажа самих США с целью покупки в США 10 миллионов тонн зерна по дешевым ценам. Но Брежнев не мог запретить построить станцию слежения за «Аполлонами», не мог отказать военным, послать разведывательные суда к мысу Канаверал. И американцам самим приходилось решать вопросы обмана военных СССР имитациями на трассе «полета «Аполлонов» к Луне» и на старте. Брежнев не мог предать Вьетнам, и американцы это понимали, правда, самой элите Запада эта война была выгодна даже без победного итога — слишком хорошо на ней заработали и банки, и военно-промышленный комплекс.

То есть до момента, пока партноменклатура КПСС не сгнила в полной мере, Генсеки КПСС и сами сопротивлялись шантажу, и шли на уступки Западу только по возможности.

(Не хочется излишне драматизировать, но ведь внезапная смерть Брежнева вызвала и вопросы, а смерти Андропова и Черненко, которые не пробывали на своем посту и

полтора лет, можно, конечно, списать на волю божью, но можно и не списывать.)

Следующий вопрос — как передавались эти знания о шантаже Запада от Генсека к Генсеку? Ведь не передать их было невозможно. Представьте, что Брежнев бы после Хрущева начал игнорировать шантаж, не зная о нем, и Запад начал бы, пусть и частичное, разоблачение преступлений партноменклатуры. Тут же вскрылась бы роль Хрущева в этом преступлении и его достали бы соратники даже на пенсии. Разумеется, что после снятия с должности Хрущев мог лично проинформировать Брежнева. Однако память слаба, а количество дел, связанных с шантажом, должно было нарастать, и преемнику, чтобы не ошибиться, нужно было знать не просто эти дела в общих чертах (как я их в этой работе описал), а знать в подробностях. Кроме того, Генсек мог внезапно умереть в должности, что и случилось с Брежневым.

Получается, что в ЦК должен был существовать довольно приличный архив дел, связанных с шантажом, и должен был быть предусмотрен механизм их передачи от Генсека к Генсеку.

Интересно, что слух об этом впервые появился в связи с Катынским делом на процессе «по делу КПСС» в 1992 году. Именно тогда, вручая суду фальшивки по Катынскому делу, Шахрай заявил, что они находились в «закрытом пакете», который передавался от Генсека к Генсеку. Адвокат КПСС на этом процессе Ю.М. Слободкин тогда Шахрая высмеял: как умерший Генсек мог передать этот пакет, если он не знал, кого изберут Генсеком после его похорон? Я долго разделял сарказм Слободкина, но, оказывается, мы с Юрием Максимовичем недооценили Генсеков. Кстати, после этого фальсификаторы опомнились и стали утверждать, что и Катынские документы были найдены просто в архиве, и что они хранились в личном сейфе Горбачева — версий их находки достаточно, и все разные. То есть про то,

что Генсеки передавали друг другу некие пакеты, сегодня стараются забыть.

Вот теперь, когда мы рассмотрели все предшествующие обстоятельства, вернемся к рассказу А.И. Лукьянова на «круглом столе», который 19 апреля 2010 г. провела фракция КПРФ. Анатолий Иванович говорил о Катынском деле максимально осторожно, неконкретно и «политкорректно». Фактически, он лишь выразил некие неопределенные сомнения в том, что поляков в Козьих Горах расстрелял НКВД. По мнению Сергея Стрыгина, главного специалиста в вопросах Катыни, Лукьянов специально говорил не откровенно и не сказал ничего существенного по политически острой теме Катыни, чтобы не портить отношения с нынешними российскими властями. Хотя в личном разговоре со Стрыгиным несколько лет назад Анатолий Иванович был значительно более конкретен и сообщил гораздо больше фактической информации, сильно помогшей в расследовании истинных обстоятельства Катынского дела.

Опять отвлекусь. Для карьеры в СССР нужно было иметь опыт руководства, и совершенно естественно смотрятся карьеры первого секретаря компартий союзных республик, а потом и председателя Президиума Верховного Совета СССР Л.И. Брежнева, секретаря ЦК, председателя КГБ Ю.В. Андропова или секретаря обкома и секретаря ЦК Горбачева. ЦК КПСС возглавляли секретари ЦК, а у них в помощниках был аппарат, состоявший из 27 отделов ЦК. Заведующие этими отделами были руководителями второго плана, скорее конторскими бюрократами, нежели руководителями. Среди отделов ЦК были даже на слух авторитетные, скажем, «Военный отдел», «Оборонный отдел» или «Международный отдел». И заведующие отделами ЦК тоже делали карьеру, но, что удивительно, это были не заведующие авторитетных отделов, а заведующие очень незаметного отдела — «Общего». Многолетний заведующий Общим отделом ЦК К.У. Черненко стал Генсеком, а заведующий Общим отделом при Горбачеве, А.И. Лукьянов, стал

последним Председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Так вот, на «круглом столе» Лукьянов рассказал следующее. Общий отдел ЦК, по своей сути, является канцелярией ЦК, и только. В этом отделе находился архив документов ЦК разной степени секретности, о существовании которого знали все члены и работники ЦК (большинство этих документов теперь переданы в Архив Президента РФ). Но в кабинете заведующего Общим отделом стоял большой сейф. О его предназначении и о том, что надлежит делать с хранящимися в этом сейфе документами, полагалось знать только заведующему отделом и всего одному особо доверенному работнику архива. Лукьянов поведал, что в сейфе хранились пронумерованные закрытые пакеты желтого цвета. Количество их я не уточнил, поскольку Лукьянов, закончив свое выступление, куда-то быстро исчез. Однако из неофициальных источников у «закрытых пакетов» известен № 34.

Когда умирал Генсек и в должность вступал новый, то заведующий Общим отделом обязан был ознакомить нового Генсека с содержимым этих закрытых пакетов. Лукьянов о механизме этого ознакомления рассказал так. Он брал из сейфа очередной пакет, нес его Горбачеву и клал перед ним на стол, а сам отходил в другой конец кабинета и садился там на стул. Горбачев вскрывал пакет, читал находящиеся в нем документы, после чего вновь заклеивал пакет и расписывался на нем в том, что он ознакомился. После чего Лукьянов относил пакет в уже запечатанном виде в сейф и приносил новый. Таким образом, никто, кроме Генсеков, не знал содержания этих пакетов, и никто, кроме них, заведующего Общим отделом и еще одного работника, не должен был знать, что эти пакеты вообще существуют. Еще Лукьянов сказал, что ни на одном из «закрытых пакетов» не было росписи Сталина, то есть при Сталине этих пакетов вообще не существовало.

* * *

Итак, вы можете разделять мое мнение о том, что элита СССР находилась под шантажом элиты Запада, а можете и не разделять, но вряд ли вы не согласитесь с моим вопросом по поводу «закрытых пакетов». Прошло уже 26 лет после того, как сейф с «закрытыми пакетами» достался победившей в СССР пятой колонне Запада.

И почему же мы до сих пор ничего не знаем не только о содержимом этих пакетов, но и вообще о существовании этого сейфа?

Не потому ли, что я прав и что в этом сейфе находились документы, подтверждающие шантаж элиты СССР элитой Запада именно в связи с убийством Сталина и с ликвидацией решений XIX съезда КПСС?!

Список имен и сокращений

Персонажи второго плана: кто был кем в описываемое время

Абакумов Виктор Семенович — министр государственной безопасности СССР.

Александров Георгий Федорович — партийный функционер, начальник управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б).

Александрович Михаил Давидович — эстрадный певец, исполнитель еврейских песен.

Байбаков Николай Константинович — министр нефтяной промышленности СССР.

Барбюс Анри — известный французский писатель.

Батицкий Павел Федорович — советский генерал Второй мировой войны.

Берия Сергей Лаврентьевич — советский конструктор ракетной техники, сын Л.П. Берии.

Блюхер Василий Васильевич — предвоенный маршал, член «пятой колонны».

Буденный Семен Михайлович — советский маршал, полководец времен Гражданской войны в СССР и Второй мировой войны.

Булганин Николай Александрович — партийный функционер, член Политбюро ЦК ВКП(б), министр обороны.

Бухарин Николай Иванович — видный партийный функционер времен революции, один из руководителей «пятой колонны» в СССР.

Буш Джордж младший — президент США.

Вавилов Николай Иванович — ботаник, академик, член «пятой колонны» в СССР.

Ванников Борис Львович — министр боеприпасов СССР.

Виноградов Владимир Никитович — академик медицины.

Власик Николай Сидорович — генерал, начальник охраны Правительства СССР.

Ворошилов Климент Ефремович — советский маршал Гражданской войны в СССР и Второй мировой войны.

Гайдар Егор — премьер-министр при Ельцине.

Гейдрих Рейнгард — руководитель тайной полиции Германии во Второй мировой войны.

Геринг Герман — видный деятель нацистской Германии, создатель и командующий Военно-воздушными силами Германии во Второй мировой войне.

Гитлер Адольф — вождь Германии Второй мировой войны.

Горбачев Михаил — первый и последний президент СССР, уничтоживший свое государство и выбросивший себя на помойку истории.

Димитров Георгий — генеральный секретарь Болгарской коммунистической партии.

Драгунский Давид Абрамович — советский генерал-танкист Второй мировой войны.

Дубовой Иван Наумович — член «пятой колонны» в СССР.

Ежов Николай Иванович — нарком (министр) внутренних дел СССР.

Ельцин Борис — президент России.

Жданов Андрей Александрович — партийный функционер, секретарь ЦК ВКП(б) и член Политбюро ЦК ВПК(б).

Жуков Георгий Константинович — советский маршал Второй мировой войны.

Зальцман Исаак Моисеевич — директор ряда танковых заводов СССР.

Зиновьев Григорий Евсеевич — партийный функционер ВКП(б), один из руководителей «пятой колонны» в СССР.

Зюганов Геннадий — вождь Коммунистической партии Российской Федерации.

Игнатьев Семен Денисович — министр государственной безопасности СССР.

Кабаков Иван Дмитриевич — партийный функционер, член «пятой колонны» в СССР.

Каганович Лазарь Моисеевич — член Политбюро ЦК ВКП(б), нарком (министр) железнодорожного транспорта.

Каганович Михаил Моисеевич — нарком (министр) авиационной промышленности.

Калинин Михаил Иванович — член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Керзон Джордж — министр иностранных дел Великобритании в 1919 — 1924 годах.

Киров Сергей Миронович — член Политбюро ЦК ВКП(б), убит «пятой колонной» СССР.

Крылов Алексей Николаевич — советский академик, кораблестроитель.

Кузнецов Алексей Александрович — партийный функционер, пытавшийся расколоть ВКП(б) и СССР в 40-х годах XX века.

Куйбышев Валериан Владимирович — партийный функционер ВКП(б), убит «пятой колонной» СССР.

Крючков Владимир — председатель Комитета государственной безопасности СССР.

Лихачев М.Т. — полковник, заместитель начальника следственной части МГБ СССР.

Лысенко Трофим Денисович — выдающийся советский биолог, академик.

Маленков Георгий Максимилианович — член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Совета министров СССР после убийства Сталина.

Мао Цзэдун — вождь Китая.

Майоров Гавриил Иванович — лечащий врач А.А. Жданова.

Маркс Карл — теоретик коммунизма.

Меркулов Всеволод Николаевич — министр Министерства Государственного контроля СССР.

Микоян Анастас Иванович — член Политбюро ЦК ВКП(б).

Михоэлс Соломон Михайлович — советский актер, председатель еврейского антифашистского комитета.

Молотов Вячеслав Михайлович — член Политбюро ЦК ВКП(б), глава СССР до Сталина, министр иностранных дел.

Москаленко Кирилл Семенович — советский генерал Второй мировой войны.

Новиков Александр Александрович — советский маршал авиации, командующий ВВС Красной Армии во Второй мировой войне.

Орджоникидзе Серго (Григорий Константинович) — нарком (министр) тяжелой промышленности СССР.

Петр I — первый Император России.

Поскребышев Александр Николаевич — секретарь Сталина.

Путин Владимир — президент России.

Пэн Дэхуай — китайский маршал Второй мировой войны.

Пятаков Георгий Леонидович — партийный функционер, член «пятой колонны» в СССР.

Риббентроп Иоахим фон — министр иностранных дел Германии Второй мировой войны.

Руденко Роман Андреевич — Генеральный прокурор СССР, фальсификатор «дела Берии».

Русланова Лидия Андреевна — советская эстрадная певица.

Рыков Алексей Иванович — глава СССР до 1930 года, один из руководителей «пятой колонны» в СССР.

Рюмин Михаил Дмитриевич — заместитель министра Государственной безопасности СССР.

Сахаров Андрей — советский физик, академик.

Свердлов Яков Михайлович — председатель всероссийского исполнительного комитета в первые годы после революции 1917 года.

Симонов Константин Михайлович — советский поэт и писатель, член ЦК КПСС.

Смирнов Ефим Иванович — министр здравоохранения СССР.

Смирнов ?? — лечащий врач Сталина.

Солженицын Александр — писатель, сочинитель пасквилей о СССР.

Стаханов Алексей Григорьевич — советский шахтер-рационализатор, отличившийся исключительно высокой производительностью труда.

Строкач Тимофей Амвросиевич — начальник управления внутренних дел Львовской области СССР.

Суслов Михаил Андреевич — партийный функционер, секретарь ЦК ВКП(б).

Тимошенко Семен Константинович — советский маршал Второй мировой войны.

Торез Морис — генеральный секретарь коммунистической партии Франции.

Троцкий Лев Давидович — революционер, примкнул к большевикам, с 1927 года идейно возглавил «пятую колону» в СССР.

Федорова Зоя Алексеевна — советская киноактриса.

Франс Анатоль — французский писатель.

Ходжа Энвер — генеральный секретарь албанских коммунистов и глава правительства Албании.

Шахурин Алексей Иванович — нарком (министр) авиапромышленности СССР.

Шверник Николай Михайлович — Председатель Президента Верховного Совета СССР, член Президиума ЦК ВКП(б).

Шейнин Лев Романович — высокопоставленный работник Генпрокуратуры СССР, автор детективных повестей.

Щербаков Александр Сергеевич — Начальник Главного политического управления Красной Армии — главный военный пропагандист СССР во Второй мировой войне, кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Щорс Николай Алексеевич — командир дивизии Красной Армии в Гражданской войне 1918—1920 годов. Отличился как военачальник. В 1919 году предательски убит троцкистами.

Эйнштейн Альберт — физик, автор неудачной гипотезы строения мира.

Эренбург Илья Григорьевич — советский писатель.

Этингер Яков Григорьевич — советский профессор медицины.

Ягода Генрих Григорьевич — нарком (министр) внутренних дел, член «пятой колонны».

Яковлев Александр — член Политбюро ЦК КПСС, сподвижник Горбачева по уничтожению СССР.

Аббревиатуры и сокращения

ВКП(Б) — *Всесоюзная коммунистическая партия (больше-
виков)* — название партии коммунистов Советского Союза с 1925 до 1952 года.

ВЛКСМ — *Всесоюзный ленинский союз молодежи* — молодежная организация коммунистов Советского Союза. Вступали в ВЛКСМ молодые люди 14—27 лет. Номенклатура ВЛКСМ была гораздо старше и обязательно была членами партии.

ВЦИК — *Всесоюзный центральный исполнительный комитет* — постоянно действующий комитет при высшем органе Советской власти — Съезде Советов. В соответствии со сталинской конституцией заменен в 1936 году на Президиум Верховного Совета.

ВЦСПС — *Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов* — высший орган объединенных профсоюзов Советского Союза.

ГКО — с 1941 по 1945 годы — *Государственный комитет обороны* — орган, получивший во время войны функции всех высших органов власти Советского Союза.

ГКО — в наши дни — *Государственные казначейские обязательства* — ценные бумаги.

ГКЧП — *Государственный комитет по чрезвычайному положению* — карикатурный орган, созданный группой должностных лиц Советского Союза под видом его спасения.

Госгортехнадзор — государственная организация по наблюдению за соблюдением правил техники безопасности на всех промышленных предприятиях Советского Союза.

Госстандарт — государственная организация по разработке стандартов в Советском Союзе и по наблюдению за их исполнением.

ГУЛАГ — *главное управление лагерей* — подразделение наркомата (министерства) внутренних дел Советского Союза, занимавшееся содержанием заключенных в трудовых лагерях.

ДОСАФ — *Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту* — общество, занимавшееся в основном подготовкой молодых людей к службе в армии в технических родах войск.

КГБ — *Комитет государственной безопасности*. Заменял собой Министерство государственной безопасности.

Комсомол — *коммунистический союз молодежи* — старое, но оставшееся в употреблении название ВЛКСМ, соотв. **комсомольцы** — члены ВЛКСМ.

Колхоз — *коллективное хозяйство* — сельскохозяйственный кооператив, соотв. **колхозники** — члены колхозов.

КПРФ — *коммунистическая партия Российской Федерации* — партия Г. Зюганова.

КПСС — *Коммунистическая партия Советского Союза*.

Лечсанупр — *Лечебно-санитарное управление Кремля* — медицинское учреждение, занимавшееся лечением высшей партийной и государственной номенклатуры Советского Союза.

МВД — *Министерство внутренних дел*.

МВФ — *международный валютный фонд*.

МГБ — *Министерство государственной безопасности*.

МТС — *машинно-тракторная станция* — предприятия, обрабатывавшие землю колхозов и совхозов механизированным способом.

Нарком — *народный комиссар* — название министров до 1946 года.

Наркомат — *народный комиссариат* — название министерств до 1946 г.

НАТО — перевод русскими буквами английской аббревиатуры NATO, военный антисоветский и антироссийский блок.

НКВД — *народный комиссариат внутренних дел*.

НКГБ — *народный комиссариат государственной безопасности*.

Оргбюро — *организационное бюро* — структурное подразделение аппарата управления ВКП(б).

Обком — *областной комитет* — орган управления областной партийной организации.

Партком — *партийный комитет* — орган управления партийной организацией отдельного предприятия либо учреждения.

Политбюро — *политическое бюро* — орган коммунистической партии Советского Союза, создаваемый ею для управления государством.

РККА — *Рабоче-Крестьянская Красная Армия* — сухопутные и военно-воздушные вооруженные силы Советского Союза.

РКП(б) — *Российская коммунистическая партия (большевики)* — название партии коммунистов Советского Союза до 1925 года.

РСФСР — *Российская советская федеративная социалистическая республика* — первоначальное название Советского Союза, затем — название собственно России в составе Советского Союза.

СНГ — *союз независимых государств* — пародийный союз бывших республик СССР после развала Советского Союза.

Совхоз — *советское предприятие* — государственное сельскохозяйственное предприятие.

СССР — *Союз Советских Социалистических Республик*.

ЦК — *центральный комитет* — постоянно действующий в период между съездами орган управления коммунистической партией Советского Союза или ее республиканской организации.

Массово-политическое издание

Юрий Игнатьевич Мухин

ЗА ЧТО И КАК УБИЛИ СТАЛИНА И БЕРИЮ

Редактор О.В. Селин

Разработка дизайна серии И.М. Хотич

ООО «ТД Алгоритм»

Смотрите книжные новинки на сайте <https://algorithm-kniga.ru>

Оптовая торговля:

ТД «Алгоритм» +7 (495) 617-0825, 617-0952

Сайт: <http://algorithm-izdat.ru>

Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru

Сдано в набор 04.06.17. Подписано в печать 04.07.17.

Формат 84x108 1/32.

Печать офсетная.

Печ. л. 13,5. Тираж 1500 экз. Заказ №